МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

М А Т Е Р И А Л Ы
ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

15–16 апреля 2021 года

В пяти частях

Часть четвертая

Минск
МГЛУ
2021

УДК800
ББК 81.2
М34

Редакционная коллегия: Н. Е. Лаптева (*ответственный редактор*), Л. А. Тарасевич (*зам. ответственного редактора*), А. А. Баркович, Ю. В. Бекреева, Е. А. Булат, М. П. Булгакова, П. П. Глазко, Р. В. Детскина, О. Н. Жизневская, Н. В. Зиневич, И. К. Кудрявцева, Н. В. Куценко, Л. В. Первушина, М. С. Рогачевская, А. А. Романовская, И. Г. Урбанович, Л. В. Чернышова

Материалы ежегодной научной конференции преподавателей
М34 и аспирантов университета, 15–16 апр. 2021 г. : в 5 ч. Ч. 4 / редкол.: Н. Е. Лаптева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2021. – 284 с.

ISBN 978-985-28-0086-0 (Ч. 4)
ISBN 978-985-28-0072-3

В четвертой части представлены материалы работы секций по направлениям «Стилистика и лингвистика текста», «Лексическая семантика», «Проблемы прикладной лингвистики», «Зарубежная литература», «Язык и культура», а также круглого стола «Современные методы исследования лексической семантики».

УДК 800
ББК 81.2

ISBN 978-985-28-0086-0 (Ч. 4)
ISBN 978-985-28-0072-3

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2021

СТИЛИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Е. А. Булат, А. Золотарь

РОЛЬ ДИСКУРСИВНЫХ ЕДИНИЦ В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Язык в мире политики играет очень важную роль и выступает в качестве инструмента воздействия на общество для достижения тех или иных политических целей. Наиболее ярким примером речевого поведения политика является коммуникация во время пресс-конференций, так как во время устных выступлений перед говорящим стоит задача точного и эффективного донесения смысла высказывания до аудитории. При этом важнейшую функцию при организации политических выступлений выполняют так называемые дискурсивные единицы, которые, хотя и не передают пропозициональную, основную информацию, необходимую для реализации речевого замысла, однако способствуют логическому и связному выстраиванию мыслей и обладают прагматическим значением, раскрывая дополнительную информацию для интерпретации высказывания.

Рассмотрим роль дискурсивных единиц для организации речи и передачи дискурсивно-прагматической информации на примере испанской лексемы *bueno*, которая отмечена высокой частотностью функционирования в политическом дискурсе. Проведенный анализ позволил выявить, что данная дискурсивная единица не только обеспечивают связность текста, но и самым непосредственным образом отражает процесс взаимодействия оратора с адресатом. Языковой материал пресс-конференций испанских политиков свидетельствует о том, что дискурсивный маркер *bueno* полифункционален и его прагматический потенциал обусловлен коммуникативной ситуацией и контекстом употребления.

Прежде всего, дискурсив *bueno* может быть отнесен к этикетному классу дискурсивных слов, поскольку данная лексема выполняет функцию формулы вежливости и используется оратором в начале речи для выражения благодарности, доброжелательного и положительного отношения к аудитории:

– *Y para cerrar le voy a dar la palabra al Presidente de la nación Alberto Fernández.*

– ***Bueno**, muy bien, buenos días a todos y a todas.*

Во время пресс-конференций реализуется и организационная функция дискурсивного слова *bueno*, которая указывает на структурный компонент дискурса – его начало. При этом лексема *bueno* помогает говорящему реализовать фатическую функцию, обеспечивая снятие психологического барьера и развитие комфортного и расслабленного общения:

– ***Bueno**, muchas gracias a todos por estar presente en este contacto con la prensa de Santiago y el Cibao como en la política de esta nueva administración, de estar siempre en comunicación.*

Очень часто данная лексема оформляет завершение речи говорящего и помогает обеспечить связность и плавность перехода между подведением итогов и завершением пресс-конференции. Таким образом, дискурсивное слово *bueno* можно отнести к организационно-структурным единицам.

Безусловно, для испанской разговорной речи свойственны такие признаки, как быстрый темп и слитное произнесение слов в речевом потоке, а также отсутствие в разговоре пустот и долгих пауз. Более того, любая устная речь характеризуется спонтанностью, импровизированностью, незапланированностью, а также нередко дефицитом времени. В процессе речепорождения, двигаясь от начала предложения к концу и одновременно конкретизируя его содержание, говорящий может сталкиваться с затруднениями, когда то, что уже произнесено, оказывается в том или ином конфликте с тем, что он планирует сказать далее. Поэтому очень часто дискурсивное слово *bueno* служит для заполнения пауз хезитации, вызванных речевыми колебаниями:

*– Esto fue a las 11:56 de la noche, sea cuatro minutos antes de la medianoche, dice el...**bueno**...el faro afirma que en agosto la administración buque le revirtió la medida tomada en abril de este año con nuestro gobierno.*

Очень характерным для дискурсивной единицы *bueno* является ее употребление в разъяснительно-пояснительной функции. В таких случаях дискурсив употребляется для выяснения и уточнения того, о чем идет речь в предыдущих высказываниях. При этом *bueno* соответствует по значению таким выражениям русского языка, как *то есть, а именно, вернее, говоря более точно, иными словами*. Например:

*– Por eso se decide que se establezca la revocación del mandato, nada más, imaginen cuánto nos hubiésemos evitar...**bueno**, primero, si no hubiese habido electorales y después si existiera este mexicano hubiese existido este mecanismo de revocación del mandato.*

В отдельных случаях директив *bueno* может иметь уступительное значение и в русском языке соответствовать таким союзам, как *хотя, несмотря на, в то время как, между тем как*. Такое употребление становится одним из средств типизации, материализации авторской идеи и авторского отношения, а также помогает говорящему интенсифицировать смысл высказывания:

*– Para Rubén fue difícil, imagino, a dejar su puesto y venir ahora a trabajar en una institución por naturaleza complicada como es ANDA. Pero, **bueno**, al igual Rubén quiere poderle servir más a nuestro país y nuestros amigos de la embajada estuvieron de acuerdo con eso.*

Не менее важным является употребление *bueno* в качестве автоответа, когда говорящему нужно подтвердить свое предыдущее высказывание, определить истинность своих же слов, тем самым делая акцент на ключевых моментах:

*– Son documentos...son fotografías falsas de supuestos documentos oficiales porque digo que son falsas...**bueno**...por varias razones, porque son falsas.*

Как свидетельствуют проанализированные тексты выступлений, дискурсив *bueno* используется и для выражения широкого спектра эмоций:

*– Incluso alguien va a decir...**bueno**...pero si no están los archivos, cuál es el problema, entonces, de abrir la puerta y que entre El Jueves y que entre el Apolonio con la pelea de Hache es el problema.*

В приведенном выше примере говорящий выражает свое удивление и даже некую озадаченность, переходит от одной мысли к другой, не закончив предыдущую. Это связано с тем, что оратор волнуется и ему сложно построить связное высказывание.

Подводя итог, отметим, что нами выявлены такие функции дискурсивной единицы *bueno* в политическом дискурсе, как организационная, структурная, фатическая, функция формулы вежливости, хезитативная, акцентно-выделительная, экспрессивно-эмоциональная и разъяснительно-пояснительная.

Таким образом, можно утверждать, что правильное использование дискурсивов является яркой характеристикой публицистического дискурса. Соблюдение этих правил является необходимым компонентом коммуникативной компетенции говорящего.

О. Н. Жизневская

НОМИНАЦИИ СЕМЕЙНЫХ РОЛЕЙ В МЕДИАТЕКСТАХ БЕЛАРУСИ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

По мере развития общества традиционные представления о действительности, переработанные и зафиксированные в лексикографических источниках, постоянно расширяются, дополняются, корректируются. Все это находит отражение, в первую очередь, в текстах средств массовой информации (СМИ), поскольку в настоящее время они считаются не только феноменом информационной культуры, но и ядром современной культуры (Л. Цонева). Появление в СМИ Беларуси таких русско- и белорусскоязычных номинаций, как *офис-мама, онажемать, слингопапа, недоотец, бізнес-тата, изъятый* и многих других свидетельствует о возникновении новых тенденций в институте современной семьи, о переосмыслении ключевых семейных ролей матери, отца, ребенка в белорусском социуме, что, несомненно, представляет большой исследовательский интерес.

Изучение словообразовательных особенностей дискурсивных единиц, репрезентирующих стереотипы семейных ролей в СМИ и имеющих, в большинстве своем, окказиональный характер, позволяет установить новые, в том числе и оценочные, характеристики в стереотипах матери, отца, ребенка и их экстралингвистическую обусловленность. Уточним, что *стереотип* понимается нами как культурно-детерминированная ментальная единица, суммирующая языковое и неязыковое знание о людях, предметах и явлениях. В результате стереотипизации возникает культурно-языковой образ предмета, включающий определенный набор характеристик, с которыми данный предмет связан в сознании языковой личности.

Возникновение новых слов в текстах СМИ осуществляется в соответствии с ключевыми функциями словообразования: номинативной (дать имя лицу или явлению), конструктивной (облегчить говорящему процесс порождения высказывания), компрессивной (образовать более краткую вторичную номинацию), экспрессивной (придать производному слову выразительность). Как отмечает С. И. Сметанина, перерабатывая продуктивные и непродуктивные словообразовательные модели, «журналисты “добывают” из единиц языка новые смыслы и устанавливают новые связи между фактами языка и фактами реальной действительности. С этих же позиций рассматривается в дальнейшем и переработка фиксированных значений и форм слов, прецедентных феноменов, устойчивых словосочетаний, в которых журналисты увидели основу для создания производных единиц – текстовых номинаций».

В медиатекстах нами выявлено большое количество новообразований с компонентами *мать / маці* и *мама / мама*, свидетельствующих о расширении содержания стереотипа матери. Большая часть номинаций – существительные, образованные путем сложения (*слингомама / слінгамама*, *горе-мать / гора-маці*, *мама-терапия*, *мамэксперт*, *офис-мама*, *бізнесмама* и др.), аббревиации (*сурмама / сурмама*, *инстамама*, *автомама*), контаминации (*мапа* в значении ‘мать, которая выполняет роль обе родительские роли (матери и отца)’).

В эмпирической базе зафиксированы номинации *яжемать*, *тыжемать*, *онажемать*, образованные способом сращения (слияния) на базе соответствующих предложений. Как известно, данный способ словообразования не характерен для существительных; отступление от нормы свидетельствует о важности, приоритетности для говорящего / пишущего передачи нового содержания, выражения отношения и оценки, пусть даже в ущерб сложившимся в языке правилам.

При словообразовании номинаций матери в текстах СМИ также используется аффиксальный способ, в частности префиксальный. Так, слова образуются при помощи приставок со следующими значениями:

1) противоположности, отрицания: *немать* в значении ‘женщина, которая перекладывает свои материнские обязанности на отца ребенка’;

2) неполноты признака по сравнению с нормой: *недомать* в значении ‘мать, которая добровольно не кормит ребенка грудью’;

3) неистинности, ложности: *псевдомать* в значении ‘женщина, которая ведет аморальный образ жизни и / или недобросовестно относится к исполнению родительских обязанностей’;

4) высокой степени того, что названо производящей основой: *супермама*.

Как видим, при наименовании матери чаще всего используются префиксы, выражающие негативное значение, что, с одной стороны, актуализирует новые – негативные – смыслы в стереотипе матери, с другой – свидетельствует об устойчивости традиционных представлений о матери (настоящая мать кормит грудью ребенка, добросовестно выполняет свои материнские обязанности). Примечательно, что *супермамой* в зафиксированных нами контекстах называется здоровая, активная, образованная, ориентированная

на счастливую семейную жизнь и успех в профессиональной карьере женщина-мать. Приставка *супер-* добавляет к традиционным характеристикам матери (заботливая, любящая и др.) новые, связанные, в первую очередь, с социальной активностью и востребованностью женщин, имеющих детей.

В текстах СМИ зафиксировано большое число новообразований с компонентами *отец / бацька* и *папа / тата*, свидетельствующих о расширении содержания стереотипа отца. Большая часть номинаций – существительные, образованные путем сложения (*слингопапа, горе-папа, бизнес-папа / бізнес-тата, татазала* и др.); единичные номинации образованы путем аббревиации (*инстапапа*), контаминации (*мапулечка*). Интересной с точки зрения словообразования является номинация отца, который много работает и постоянно занят, – *папа-который-всегда-работает*. Она образована способом сращения (слияния) на базе предложения. Как уже отмечалось, данный способ словообразования не характерен для существительных, тем не менее, наш фактический материал свидетельствует о нарушении общепринятого правила.

Высокой продуктивностью при образовании номинаций отца в текстах СМИ характеризуются приставки со следующими значениями:

1) противоположности, отрицания: *неотец*;
2) неполноты признака по сравнению с нормой: *недоотец*;
3) неистинности, ложности: *псевдоотец*;
4) высокой степени того, что названо производящей основой: *суперпапа*.

Показательно, что при наименовании отца более активны префиксы, выражающие негативное значение, что, с одной стороны, актуализирует новые – негативные – смыслы в стереотипе современного отца, с другой – свидетельствует об устойчивости традиционных представлений об отце. Так, употребление синонимичных номинаций *неотец, псевдоотец* в значении ‘человек, который уклоняется от исполнения отцовских обязанностей’, а также номинации *недоотец* в значении ‘отец, который не принимает активного участия в воспитании ребенка’ подразумевает, что отец (настоящий отец) не ведет себя таким образом по отношению к собственному ребенку.

В эмпирической базе зафиксированы номинации *этожеребенок, онжеребенок*, образованные способом сращения (слияния) на базе предложений. Отступление от нормы при образовании данных номинаций, как и в случае с номинациями *яжемать, тыжемать, онажемать*, свидетельствует о важности передачи нового содержания, выражения отношения и оценки. Выявлены всего две номинации ребенка, образованные путем сложения (*ЭКО-ребенок, слингоребенок*). Кроме того, выявлены однословные номинации ребенка, образованные путем усечения словосочетаний; одновременно с усечением происходит субстантивация прилагательных или причастий (*безмамный* от *безмамный ребенок, изъятый* от *изъятый ребенок, нежеланный* от *нежеланный ребенок*).

Таким образом, номинации семейных ролей окказионального характера, выявленные нами в текстах белорусских СМИ, свидетельствуют о появлении новой семантики в стереотипах матери, отца и ребенка под влиянием экстра-

лингвистических факторов. Основная часть дискурсивных единиц представляет собой слова, образованые способом сложения, который обладает большим потенциалом для передачи новых значений. Частотность номинаций, образованных с помощью префиксов с отрицательным значением (*не-*, *недо-*, *псевдо-*), объясняется необходимостью именовать родителей, не соответствующих традиционным представлениям.

Г. А. Каспирович

СЛОВА-СТЕРЕОТИПЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМНОЙ ЛЕКСИКЕ

Слова-стереотипы представляют собой лексические единицы со стереотипным значением, которые регулярно повторяются в рекламных текстах.

Реклама порождает особое позитивное мышление, которое во многом формируется с помощью языка. Его роль в формировании позитивного мышления заключается не только в использовании в рекламных текстах лексики с положительной эмоциональной оценкой, но и в образовании особой ценностно-образной системы знаков.

Система ценностей в рекламе четко ориентирована на потребности реципиента. Продается не столько предмет, сколько «душевное состояние», возможность стать частью идеального мира, в котором есть своя система ценностей. Лексические единицы, обозначающие эти «состояния» и отражающие систему ценностей рекламы, мы назвали словами-стереотипами. Это регулярно повторяющиеся в рекламных текстах ключевые слова, представляющие собой устойчивые сжатые смыслы и занимающие позицию доминант рекламного текста, которые употребляются как значимые, семантически нагруженные единицы в упрощенном, схематичном значении, но обладают высокой степенью информативности. К словам-стереотипам в современной немецкоязычной рекламе относятся следующие лексические единицы: *Welt*, *Leben*, *Sicherheit*, *Stil*, *Freude*, *Natur*, *Frische*, *Spaß*, *Freiheit*, *Gesundbeit*, *Zeit*, *Erfolg*, *Schönheit*, *Kraft*, *Erlebnis*, *Idee* и др. Этот список слов, обладающих в рекламе признаком стереотипизации, может быть расширен и другими единицами, характеризующимися разной степенью частотности. В данном исследовании мы сделаем выбор в пользу узкой группы слов, чтобы показать механизмы стереотипизации, свойственные и другим лексическим единицам в рекламных текстах. Иными словами, список единиц, которые могут быть в него включены, открыт, т.к. речь идет об абстрактных категориях, список которых даже в рамках одного дискурса не может быть ограничен одним исследованием.

Совершенно очевидно, что необходимо дать разъяснения по вопросу о том, на каком основании выделяются слова-стереотипы и какими отличительными особенностями они обладают. Слова-стереотипы отличаются высокой частотностью, которая проявляется в повторении устойчивых смыслов.

Данные слова прямо или косвенно отражают мотивационную базу рекламы. Наиболее прямая мотивация выражена в следующих словах-стереотипах, которые выражают также положительную оценку предмета: *Qualität, Genuss, Geschmack* и др. Другие слова-стереотипы указывают на мотив косвенно, в зависимости от контекста: например, *Welt* может возвеличить предмет, указать на его значимость; *Leben* может вписать предмет в систему важнейших ценностей, придать предмету целесообразность, осмысленность, внушить необходимость обладать им.

Слова-стереотипы являются носителями рекламной **идеологии** и отражают систему **ценностей рекламы**. За вербальной тканью слов-стереотипов стоят суждения, которые в значительной степени акцептируются обществом, например: *Das Leben genießen*; *Bewusst leben*; *Leben und auf nichts verzichten können*; *Geschmack meilenweit*; *Freiheit und Abenteuer*; *Geschmack der großen, weiten Welt* и т. д.

Данные слова являются свернутой формой суждений, которые характеризуются наличием оценки, односторонностью и упрощенностью.

Слова-стереотипы несут в контексте положительную эмоциональную оценку. Они представляют собой доступную для реципиента форму передачи информации об объекте рекламы, участвуют в конструировании специфических моделей, которые вписывают предмет в систему **рекламных** ценностей и позволяют подать информацию в знакомой реципиенту форме.

Такие слова воспроизводят предмет рекламы в **знакомых**, привычных для реципиента языковых формах и тем самым облегчают восприятие рекламного текста.

Итак, из вышесказанного следует, что отбор лексем осуществлялся по двум критериям: содержательному и статистическому. На наш взгляд, не следует выделять ни один из них как приоритетный, условно будем считать их равноправными. Слова-стереотипы рекламы являются отражением системы ценностей рекламы, и их можно рассматривать как форму убеждения (типа «наслаждайся жизнью», «выбирай только лучшее», «будь здоровым и богатым», «радуйся мелочам» и т.д.), выраженного всего одной лексемой (*Genuss, Freude, Freiheit, Erfolg, Gesundheit*). Слова-стереотипы – носители устойчивых ценностных концепций и вместе с тем традиционных рекламных стратегий. Они не являются прямым следствием искусственного отбора слов составителями рекламных текстов прежде всего потому, что не существует жестких правил употребления конкретной лексики в рекламных текстах. Приобретение словом стереотипного значения – результат постепенно складывающихся принципов составления рекламных текстов, связанный с культурными традициями, ментальными особенностями нации, с экономическими, психологическими и другими факторами.

Тенденция к стереотипизации во многом определяется основными принципами создания рекламы, среди которых следует особо выделить принцип понятности (транспарентности) и ориентацию на большую «аудиторию», а также языковую компрессию, в условиях которой лексические

единицы несут максимум информации. Поскольку на рынке товаров существует бесчисленное количество аналогичных продуктов, реклама создает символическую ценность продукта, приписывая ему дополнительные признаки. Слова-стереотипы формируют своего рода базу для определения символической ценности продукта, в которую входят признаки, релевантные именно для адресанта и вовсе не характеризующие предмет как таковой. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в рекламе существует особая «идея вещи», идея предназначения вещи и ее характеристика. «Идея вещи» в рекламе условна и одномоментна, она соотносится с конкретным случаем:

Die ganze Frische des Frühjahrs (реклама одежды);

Renault. Autos zum Leben (реклама автомобиля);

Die Geschmackskraft der Natur (реклама продуктов питания);

Ein starkes Stück Zukunft (реклама автомобиля Mercedes);

Holen Sie sich ihre Freiheit zurück (реклама автомобиля Renault);

Er macht einfach Freude (реклама автомобиля BMW).

«Идея вещи» в рекламе может включать и естественные характеристики, и свойства предмета.

Особую группу образуют слова-стереотипы, имеющие абстрактные значения: *Welt, Leben, Zukunft, Natur*, которые указывают на мотив косвенно. Эти слова содержат в себе бóльший объем информации, чем слова-стереотипы с эмотивно-оценочными и квалификативными коннотациями. Они не так прямолинейны в своей эмоциональной оценке, которая обязательно присутствует в рекламном дискурсе. Кроме того, слова с отвлеченными значениями (за исключением слова *Natur*) имеют весьма неотчетливые ассоциативные связи: *Da sieht die Welt schon anders aus* (реклама путешествий).

Перечисленные слова-стереотипы отражают элементарные аспекты эмоционально-чувственного, оценочного, социального и инстинктивного восприятия предметов (продуктов) и явлений (услуг). При этом данные слова-стереотипы непосредственно относятся к реакциям и реалиям, связанным с потреблением. В рекламном тексте слова-стереотипы, указывая на рекламный мотив, играют роль носителей основной информации о преимуществах предмета. Несмотря на то, что стереотипы нейтральны в ценностном плане, они функционально амбивалентны и получают положительную оценку через имплицитные и эксплицитные связи. Ярко выраженная эмоциональная коннотация как одна из особенностей, присущих словам-стереотипам, отличает их от стереотипов, встречающихся в прессе, в научной литературе и т.д., где стереотипизация противопоставляется эмоциональности (экспрессивности).

Таким образом, слово-стереотип как одно из проявлений тенденции к стереотипизации в рекламе представляет интерес для исследования в разных аспектах: структурном, функциональном, стилистическом. Слова-стереотипы характеризуются наличием положительной оценки, высокой степенью информативности, насыщенностью, интенсивностью значения, а также особой смысловой и функциональной нагрузкой.

С. С. Ключенович

НЕПОЛНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЛИНЕЙНОГО КОМПРЕССИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ДИСКУРСЕ

Продуктивность немецкого словосложения отмечается многими лингвистами. Эта особенность становится очевидной не только на уровне словарной фиксации единиц, вошедших в лексикон, но и на уровне текста, где композиты могут возникать как результат речевой реализации. Примечательно, что сложные слова, соединенные между собой сочинительной связью, могут «встречаться» в одной точке высказывания. Если же такие композиты обнаруживают в своей структуре еще и повторяющуюся лексему, то это создает предпосылки не только для их синтаксического совмещения, но и для словообразовательного стяжения. Проиллюстрировать это могут примеры ниже:

1) *die Pacht von* ***Moor- und Ödland*** (Bürgerl. Gesetzbuch) ‘аренда земель, занимаемых болотами и пустошами’ ← *Moorland und Ödland;*

2) *Herstellung von* ***phosphor- oder stickstoffhaltigen*** *Düngemitteln* (4. Immissionsschutzverordnung) ‘производство фосфорных и азотных [содержащих азот и фософр] удобрений’ ← *phosphorhaltig oder stickstoffhaltig;*

3) ***fünf- bis sechsmal*** *tauchen* (Grass G. Katz und Maus) ‘нырять пять–шесть раз’ ← *fünfmal bis sechsmal.*

Механизм подобной линейной компрессии представляется еще более выигрышным в плане языковой экономии в случае участия большего количества композитов. Проиллюстрируем это на примерах:

4) *Gerichte der* ***Verwaltungs-, Sozial- und Finanzgerichtsbarkeit*** (Gebührenordnung für Rechtsanwälte) ‘суды административной, социальной и финансовой юрисдикции’ ← *Verwaltungsgerichtsbarkeit, Sozialgerichtsbarkeit und Finanzgerichtsbarkeit;*

5) *…sie hatte eine* ***Mutter-, Ehefrauen- und Sekretärinnenwoche*** *hinter und schon wieder vor sich…* (Nawrat M. Die vielen Tode unseres Opas Jurek) ‘вот и завершилась и предстояла уже снова неделя матери, супруги, секретарши’ ← *eine Mutterwoche, Ehefrauenwoche und Sekretärinnenwoche;*

6) *Kunstharze wie* ***Melamin-, Harnstoff-, Phenol-, Epoxid-, Furan-, Kresol-, Resorcin- oder Polyesterharze*** (4. Immissionsschutzverordnung) ‘такие синтетические смолы, как меламиновые, мочевинные, фенольные, эпоксидные, фурановые, крезоловые, резорциновые или полиэфирные смолы’ ← *Melaminharze, Harnstoffharze, Phenolharze, Epoxidharze, Furanharze, Kresolharze, Resorcinharze oder Polyesterharze.*

При всех очевидных преимуществах описанной линейной компрессии обращают на себя внимание также текстовые реализации, где этот принцип в процессе синтаксико-словообразовательного стяжения композитов не реализован в полной мере. Рассмотрим пример из законодательного дискурса:

7) ***immissionsschutz- und arbeitsschutzrechtliche*** *Vorschriften* (Wasserhaushaltsgesetz) ‘правовые предписания в области охраны окружающей среды от воздействия вредных выбросов и охраны труда’.

Как видим, у первого члена стяженной конструкции не элиминирован компонент *-schutz-*, дублируемый у второго композита. Это в свою очередь означает, что максимальная экономия не является наипервейшей и единственной установкой. Думается, в данном случае перевешивает прагматическая составляющая – облегчение распознавания соответствующих юридических терминов (*Immissionsschutz* ‘охрана окружающей среды от воздействия вредных выбросов’ и *Arbeitsschutz* ‘охрана труда’).

Второй пример также привлекает внимание с точки зрения неполноты стяжения:

8) *Satz 1 findet keine Anwendung auf* ***Überweisungsverträge sowie auf Zahlungs- und Übertragungsverträge****…* (Insolvenzordnung) ‘Пункт 1 не применяется по отношению к договорам на перечисление, а также договорам на оплату и передачу’.

При совместном появлении трех композитов с тождественным опорным компонентом два подвергаются стяжению, а третий остается не вовлеченным в этот словообразовательный процесс, оставаясь, однако, совмещенным синтаксически со стяженной группой.

В этой связи интересен также пример из художественной литературы, где наблюдается только синтаксическое совмещение трех военных терминов-композитов с тождественным компонентом:

9) *Dies ist ein Minenleger und damit ein Spezialfahrzeug unserer Bundesmarine, sagt der Bootsmann <…> Wir unterscheiden* ***E-Minen, Magnet-Minen, Geräusch-Minen****…* (Lenz S. Vorbild) ‘Это минный заградитель и тем самым специальное судно нашего военно-морского флота, – говорит боцман <…> Мы различаем мины с электрическим взрывателем, магнитные мины, шумовые мины…’.

Как видно из приведенного фрагмента, однородные члены, выделенные жирным шрифтом, не подвергаются словообразовательному стяжению в целостную структуру. Объяснить подобное «упущение» автором возможности линейного компрессирования, можно, на наш взгляд, следующим образом. Во-первых, компрессирование вряд ли будет правильно считать первостепенным приоритетом художественной прозы в принципе. Во-вторых, и в данном случае это, пожалуй, важнее, по сюжету романа речь идет об экскурсии на военном корабле, где боцман старается в устной форме (применительно к исследуемому языковому явлению это немаловажно) донести непосвященным специфику своей службы, употребляя соответствующую терминологию.

Приведенный эмпирический материал показывает, что неполнота реализации принципа языковой экономии может проявляться в разной степени. Так, в первом примере это коснулось только одной корневой морфемы (*-schutz-*), во втором – целого сложного слова *Überweisungsverträge*, а в третьем механизм словообразовательного стяжения вообще не был задействован. Как показал анализ, помимо закона языковой экономии влиять на специфику синтаксико-словообразовательного стяжения композитов могут и определенные дискурсивно-прагматические установки.

Л. С. Крохалева

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА

Интерес современного языкознания к тексту обусловлен стремлением объяснить язык как глобальное явление, как цельное средство коммуникации, глубже изучить связи языка с различными сферами человеческой деятельности, реализуемыми через текст. В практике преподавания языка мы имеем дело именно со стилистикой текста. Стилистика текста, как известно, является одним из разделов лингво-стилистики, который изучает особенности организации конкретных текстотипов, обусловленные экстралингвистическим контекстом – интенцией и личностью говорящего, предметом речи, социокультурным фоном, непосредственной ситуацией общения. Базой для данного раздела являются два других раздела – экспрессивная стилистика и функциональная стилистика, так как без знания выразительных возможностей и понимания основных законов организации исторически сложившихся стилей языка нельзя приступить к рассмотрению отдельных текстов.

Лингвистика / стилистика текста в своем развитии прошла путь от имманентного изучения текста до понимания его как открытой системы и формирования лингвистики дискурса. В настоящее время исследование текста ведется по нескольким направлениям – с точки зрения его структуры и состава единиц, т. е. структурно-системных характеристик, с точки зрения его функций в процессе коммуникативной деятельности человека, т.е. функционально-коммуникативных характеристик, и с точки зрения знаний, заложенных в тексте, их передачи, интерпретации, восприятия и понимания, т.е. когнитивных характеристик текста. В каждом из этих направлений разработаны свои методы, аналитические процедуры и модели текста, что определяет соответствующую исследовательскую парадигму.

В первой, структурно-системной, парадигме текст анализируется как статический объект – с точки зрения тех языковых средств, которые обеспечивают его текстуальность, т.е. делают текстом. Статическое описание строевых средств позволяет представить текст как связное целое, как совокупность устойчивых, существенных свойств, придающих тексту целостность и законченность. Результатом описания текста в данной парадигме являются модели связности текста: формально-лингвистические, тематические, ситуативные, стилистические, в которых центральное место занимает объект, т.е. текст, поэтому можно говорить об объективном характере этих текстоцентрических моделей (И. Я. Гальперин, В. В. Одинцов, З. Я. Тураева, Н. М. Разинкина и др.).

Вторая исследовательская парадигма, функционально-коммуникативная (в современной терминологии «дискурсивно-стилистическая»), представляет текст динамически, с точки зрения коммуникативной деятельности человека. Здесь на первый план выдвигаются не единицы языка, а «реальные единицы речевого общения» (М. М. Бахтин) – высказывания, отраженные в тексте, т. е. структуры текстовой деятельности. В парадигму включаются и субъекты

речевой деятельности – адресант и адресат. Адресованность речи, установка на собеседника с учетом контекста дает, таким образом, основания для анализа конкретного текста в терминах диалога и дискурса, а результатом такого описания являются различные субъектоцентрические модели порождения и понимания текста. При этом проблема авторской стратегии раскрывается при выявлении маркеров интерсубъектного и интертекстуального диалогов, вбирающих различные аспекты влияния индивидуального и социокультурного факторов контекста общения на его форму (Т. Ф. Плеханова, Н. В. Петрова, О. П. Воробьева и др.). В рамках данного направления продолжается описание репертуара функциональных семантико-стилистических / дискурсивных категорий, структуры их содержательных полей и специфики актуализации в различных коммуникативных практиках и их жанровых разновидностях (М. Н. Кожина, М. П. Котюрова, Т. П. Карпилович и др.). Успешно развивается и так называемое генристическое / текстотипологическое направление, целью которого является поиск общих прототипических закономерностей фиксации процессов, протекающих, в частности, в научной и медийной сферах (В. Е. Чернявская, Н. В. Данилевская, Г. Я. Солганик, С. Ф. Чистая и др.).

Третья, когнитивно-дискурсивная / когнитивно-стилистическая исследовательская парадигма, интегрирует все данные, полученные в рамках предыдущих парадигм, и предлагает новые методы анализа, нацеленные на объективизацию структур знания (когнитивных структур), стоящих за текстом, и экспликацию механизмов, позволяющих понимать текст. Иными словами, когнитивно-дискурсивный анализ текста позволяет объяснить, как происходит «привязывание» речевого произведения к определенному фрагменту мира и согласование когнитивных структур автора и реципиента, которое необходимо в процессе общения для достижения понимания между ними. В этой парадигме ученые исходят из тезиса о единой основе процессов общения, познания и становления языковой личности. Исследователи отмечают более высокую степень «экстралингвистичности» когнитивной парадигмы, в рамках которой в научный оборот вводятся категории, связанные с корреляцией языковых и внеязыковых структур знания. Это категории когнитивно-речевого субъекта (языковой личности), концептуальной картины мира, когнитивного диалога, образов-моделей, концептуальной метафоры, фреймов, скриптов, инферентного знания и др. (Д. У. Ашурова, Н. М. Джусопов, Л. Г. Лузина, Г. Г. Молчанова, К. А. Андреева и др.). Особое значение в частности, для более глубокого понимания и интерпретации художественно-речевого целого, имеет когнитивно-ориентированное рассмотрение ряда стилистических приемов – метафоры, метонимии, эпитета, парадокса. Перспективным является также «исследование когнитивно-стилистических особенностей репрезентации структур знания (концептуальные структуры, фрейм-структуры) в текстах разных функциональных стилей» (Н. М. Джусупов).

Все три парадигмы не противоречат природе текста и рассматриваются как дополнительные по отношению друг к другу. Исследование текста таким образом дает знание о нем как о процессе и продукте речевой деятельности, поэтому модели, полученные в результате описания структуры текста и процесса его порождения и понимания, считаются комплементарными.

С. Е. Кунцевич, Е. Латыголец

БЛОГ КАК ЖАНР НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕРСОНАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА БЕЛАРУСИ

Актуальность исследования прагмалингвистических характеристик блога в белорусском сегменте Интернета обусловлена недостаточной изученностью интернет-коммуникации, что необходимо восполнять, ведь Интернет все прочнее входит в жизнь современного социума не только как средство общения, но и как средство трудовой и образовательной деятельности.

Блоги являются специальной формой организации данных в современном канале непрофессиональной коммуникации, порожденном развитием интернет-технологий. Согласно удачной метафоре Т. В. Евсюковой и Т. М. Гермашевой, блог есть «цифровое тело» автора (как полагаем, в том числе и сообщества единомышленников), которое чрезвычайно важно как способ самовыражения его неповторимой индивидуальности.

Отобранный для анализа практический материал изучается нами с точки зрения выполняемых блогами коммуникативных задач, своеобразия используемой в них лексики, особенностей синтаксиса, морфологических параметров, фонографического разнообразия.

Из лингвистической литературы известно, что прагматический потенциал текста является результатом выбора: а) содержания текста; б) языковых средств его передачи; в) способов построения смысловых связей. Прагматический потенциал текста определяется содержанием и формой сообщения (жанром), существуя как бы независимо от создателя текста.

В самом общем виде под жанром принято понимать устойчивый тип текста, объединенный единой коммуникативной функцией, а также сходными композиционными и стилевыми признаками. Термин *жанр* применительно к сфере интернет-коммуникации получает различные толкования, однако в принципе он подразумевает разнородные по своей природе и специфическим функциям явления. В социальных сетях популярны *форумы, чаты, блоги, вайны* (6-секундные видеоролики, в основном юмористического характера), *группы по интересам* и т.д.

Исследователь Л. Ю. Иванов, описывая язык в электронных средствах коммуникации, предлагает довольно обширную классификацию интернет-жанров, выделяя их по аналогии с жанрами других сфер общения и объединяя в соответствующие группы: 1) общеинформационные жанры, или жанры новостей; 2) научно-образовательные и специальные информационные жанры; 3) художественно-литературные жанры; 4) деловые и коммерческие жанры; 5) жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение. Л. Ю. Иванов относит блог к жанрам, оформляющим неспециальное, непрофессиональное общение. Мы разделяем эту точку зрения.

Блог выступает как один из самых популярных способов общения людей во всем мире. В самом общем виде он представляет собой сайт с датированными текстовыми и мультимедийными записями, подаваемыми в обратном хронологическом порядке с предусмотренной возможностью их комментирования. Блог также понимается как «личный сетевой дневник» о жизни автора. В наиболее широкой трактовке блог оказывается коллективным порождением блогсообщества, посвященным конкретной теме и содержащим большое количество фото и / или видео. Целенаправленность текста предполагает донесение и разъяснение некоторой информации, затрагивающей индивидуальные интересы и ценности адресата. Прагматический потенциал текста проявляется в тех способах и приемах, которыми осуществляется воздействие на потребителя информации. В ряду наиболее эффективных приемов усиления прагматического воздействия блога справедливо отмечаются используемые в нем лексические средства экспрессивности.

В текстах блогов наблюдается выраженное смешение устной и письменной форм общения, в них также явно прослеживается эмоциональная нагрузка. Блогерная коммуникация включает повествование и сообщение, утверждение и рассуждение, аргументацию и доказательство, то есть в ней наблюдается смешение черт научного, делового и некоторых других функциональных стилей.

Как следует из названия публикации, блоги относятся к персональному интернет-дискурсу. Стилевое многообразие его жанровых форматов обусловливается коммуникативно-прагматическими целями автора. В текстах официальных сайтов доминирует официально-деловой стиль; в социальных сетях преобладает разговорный стиль; для интернет-комментариев характерен разговорный стиль с изобилием эмоционально маркированной лексики (Например, *огреть, втюхать*).

Блоги могут отличаться по характеру основного средства медийности: фотоблоги, видеоблоги и аудиоблоги. Так, в видеоблоге превалируют видеофайлы, вставленные в специальный проигрыватель. Медиаструктура блога дополняется **средствами докоммуникативной самопрезентации**, которые могут включать: *имя пользователя, аватар* (графическое или фотоизображение пользователя), *список интересов / антиинтересов*, *статус* (или девиз, содержащий основную информацию о блоге), при этом каждый блог отличается индивидуальным *дизайном*. Следует также отметить возможность применения авторами блогов **неязыковых средств**, облегчающих взаимодействие коммуникантов. К их числу относятся: использование *аудиовизуальных ресурсов* Интернета, *ссылок* на интернет-ресурсы или другие блоги, *символических заменителей*, выбор *стиля аудиовизуальной презентации* сообщения.

Для ведения блогов в белорусском сегменте Интернета используются русский и белорусский языки. Так как из 20 отобранных нами блогов только один ведется на белорусском языке (*bawola.glowa* – его автором является Ягор Тубелевіч), то можно утверждать, что в нашей стране русскоязычные блоги преобладают. Тем более, что блогов, полностью написанных на английском языке, не обнаружено. Вместе с тем англицизмы встречаются ча-

сто, в частности: *тестим*, *экспириенс*, *захантить*, *спойлер, плейлист, бьюти*. Всегда проще использовать уже имеющиеся популярные слова другого языка, нежели изобретать новые. Англицизмы привлекают внимание своим звучанием, нередко приобретают дополнительное значение и, как правило, усиливают эмоциональный эффект сообщения.

Изучение белорусских блогов показало, что в постах большинства из них наряду со стандартной литературной лексикой присутствует и разговорная. Между тем разговорная лексика не отмечается в образовательных блогах, что связано с их более официальным статусом, предполагающим использование нормативного языка в чистом виде. Также блогам свойственны просторечия: *нажористые ребрышки* вместо *поджаристые*, *труженики кухни*, в смысле ее *сотрудники*, кроме того отмечаются авторские неологизмы: *шекели* ‘деньги’, *барсук в гнезде* ‘быть незамеченным’, способствующие созданию юмористический эффекта, что, несомненно, привлекает пользователей.

В постах и особенно в комментариях широко представлены оценочные лексические единицы и выражения разговорного обихода (Например: *И продукты у них* ***крутые****, Палитра оттенков* ***шикарная***, ***Однозначно, рекомендую****, Эта линейка* ***достойна вашего внимания***, ***Единственный минус*** *для меня – палитра оттенков*). Для блогов характерно использование терминологической лексики (Например: *БНП* вместо *Беларуская незалежніцкая партыя, УПА – Украінская паўстанцкая армія*, *калабарацыянізм, «Беркут», «Зайчыкі»*), которая обусловлена общей тематической направленностью того или иного блога. Следует отметить, что в некоторых блогах допустимо употребление сленга (Например: *дичь*, *МК* ‘мастер-класс’, *годнота* ‘что-то хорошего качества’, *топчик* ‘лучший’*)* Перечисленные выше языковые средства делают речь блогеров яркой и потому привлекательной для читателей.

Проанализированная нами текстовая информация содержится в основном в постах. Было выяснено, что тематика белорусских блогов весьма обширна и касается сфер массового потребления товаров и услуг либо отдельного хобби. Выделяются такие темы, как: Беларусь (язык, культурная жизнь, история), еда (продукты питания, кулинарные рецепты, соответствующие заведения), косметика (новинки, советы по уходу, макияж, сопутствующие услуги), скидки и распродажи, музыка и творчество, юмор.

Популярность блогов определяется либо интуитивно (популярны те, которые на слуху), либо по количеству подписчиков. Как правило, чем качественнее блог, тем он популярнее. При этом качество блога зависит от **контента** и **технического дизайна**, то есть от того, **что** и **как** в нем представлено. Чем блог актуальнее, интереснее, проще и удобнее в использовании, тем он популярнее. Среди преимуществ блогов можно выделить: доступность, быстроту передачи информации и эффективность обратной связи, которая реализуется в комментариях. Как наиболее серьезный недостаток необходимо отметить нередко наблюдаемое падение качества информации, так как привлечь практически невозможно привлечь блогера к ответственности за недостоверность сообщаемого.

Н. В. Куценко

КОСВЕННЫЕ ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ С СЕМАНТИКОЙ УПРЕКА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Оценочность является важной составляющей коммуникации, однако не все исследователи включают аксиологическую модальность в круг собственно модальных значений (Г. В. Колшанский, В. Н. Бондаренко). Вместе с тем В. В. Виноградов, рассматривая особенности формирования субъективной модальности, отмечает, что оценка является важным компонентом формирования смысла высказывания и должна включаться в категорию модальности. Особую роль оценочность приобретает при реализации побуждения посредством косвенных высказываний с семантикой упрека. По мнению немецкого исследователя Х. Пельца, именно аксиологическая модальность позволяет скрыть имплицитные смыслы высказывания.

Вслед за И. В. Винантовой, мы рассматриваем упрек в качестве оценочного речевого акта, выражающего неодобрение по отношению к действиям и поступкам собеседника с целью воздействия на его поведение.

Анализ примеров (45 высказываний с семантикой упрека, отобранных из произведений художественной литературы) показывает, что большую роль при реализации в речи таких высказываний играет социальный статус коммуникантов. В большинстве случаев (76 %) упрек встречается в процессе коммуникации между собеседниками, равными по статусу, что обусловлено, по-видимому, конфликтностью данного речевого акта, его уместностью при симметричной интеракции. Степень настоятельности срытого побуждения может быть при этом различной – от мягкого совета до категоричного требования, например:

Wie immer bist du zu leicht angezogen. Warum ziehst du die neue warme Jacke nicht an? ‘*Как всегда, ты очень легко одета.* Почему ты не надеваешь новую теплую куртку?’.

Вопросительное высказывание *Warum ziehst du die neue warme Jacke nicht an*? подчеркивает лишь интерес говорящего к причинам поведения собеседника, дает возможность объяснить свой выбор возможными объективными обстоятельствами. В то же время оценочное высказывание *Wie immer bist du zu leicht angezogen* показывает недовольство говорящего выбором собеседника. Сочетание оценки и вопроса вместе формирует побуждение одеться теплее. В рассматриваемом примере реализуется обращение к сестре, что позволяет трактовать степень настоятельности как некатегоричное побуждение.

Характер отношений собеседников играет важную роль при формировании упрека, особенно, если поведение слушающего может нанести вред ему либо другому человеку. Говорящий в такой ситуации вынужден оказать дав-

ление на адресата, однако, не желая разрушить свои отношения с ним, может выбрать косвенные средства побуждения, скрыть побуждение другой модальностью, например:

Du hast doch getrunken. Wie kannst du Auto fahren? Denke doch an die Gefahr! '*Ты же выпил. Как ты можешь садиться за руль?* Подумай об опасности'.

Поведение адресата – желание сеть за руль в нетрезвом состоянии – вызывает необходимость вмешательства. Родственный характер отношений и расположение к собеседнику не позволяют говорящему использовать категоричное требование, уместное в данной ситуации. Адресант использует сложный речевой акт, состоящий из нескольких высказываний. Первое – выражает констатацию факта: *Du hast doch getrunken*. Частицей *doch* говорящий апеллирует к собеседнику проанализировать свое поведение, сделать логические выводы. Риторический вопрос *Wie kannst du Auto fahren?*, эксплицирующий в данном случае общепринятые моральные нормы и ценности, указывает на алогичность решения собеседника и необходимость здравой оценки им ситуации и, одновременно, неуместность возражения. Последующее высказывание в форме прямого побуждения реализует желание говорящего изменить решение собеседника в связи с возможностью опасных последствий. Сочетание оценки с риторическим вопросом и прямым побуждением позволяет трактовать данное высказывание как категоричное требование не садиться за руль.

В высказываниях с асимметричной интеракцией, разновидностью которых является обращение начальника к подчиненному (24 % примеров), выражение отрицательной оценки подчиненному можно рассматривать как категоричное требование, например:

Sie haben 1000 euro verschlafen. Das ist unmöglich! Sie haben diesen Vertrag verpasst. Was ist mit Ihnen los? '*Вы проспали 1000 евро*. *Это невозможно*! Вы упустили этот контракт. Что с Вами происходит?'.

Реакция начальника на нерадивость подчиненного выражается в нескольких репликах. Констатация факта *Sie haben 1000 euro verschlafen* показывает ущерб, полученный в результате действий собеседника. Высказывание *Das ist unmöglich!* содержит оценку сложившейся ситуации говорящим. Испытывая сильное возмущение, адресант еще раз указывает на ущерб: *Sie haben diesen Verытrag verpasst.* Последний вопрос *Was ist mit Ihnen los?* адресуется подчиненному, побуждая его объяснить причины своего поведения. В данной ситуации оценочные высказывания с семантикой упрека эксплицируют недовольство начальника, которое касается уже совершенного поступка подчиненного. Вместе с тем они несут в себе также и директивный потенциал – требование улучшить качество работы. Эмоциональную реакцию адресанта усиливает настоятельность косвенного побуждения, превращая его в категоричное требование, не терпящее возражений.

Эмоциональные коннотации могут не только усиливать, но и смягчать категоричность скрытого в оценочном побуждении требования. В таких случаях говорящий стремится показать заботу о собеседнике, вежливо направить внимание слушающего в определенное русло, например:

Du arbeitest zu viel. Du musst dich auch erholen, du musst dich um deine Gesundheit kümmern '*Ты слишком много работаешь*. Ты должен отдыхать, должен заботиться о своем здоровье'.

Побуждение, выраженное в повествовательной конструкции с модальными глаголами (*Du musst dich auch erholen, du musst dich um deine Gesundheit kümmern*) содержит посыл позаботиться о себе. Этому способствует семантика модального глагола *müssen*, а также лексическое значение компонентов высказывания: *sich erholen, sich kümmern*. Из контекста известно, что отец воспитывает детей один и должен сам о них заботиться. Рассмотрение контекста общения показывает, что речь идет о мягком совете. Характер совета выводится из повествовательной конструкции с семантикой упрека *Du arbeitest zu viel*, которую можно трансформировать в прямое побуждение не работать так много. Объяснение причины вмешательства снижает настоятельность побуждения и позволяет адресанту снять с себя часть ответственности за оказание давления.

Кроме эмоциональных коннотаций, настоятельность скрытого в упреке побуждения заметно смягчает вопросительная форма оценочного высказывания, например:

„Das Haus gehört unserer Familie. *Warum willst du mich unglücklich machen und es verkaufen*?" Helen sah sanft ihre Nichte an 'Дом принадлежит нашей семье. *Почему ты хочешь сделать меня несчастной и продать его?* – Хелен мягко посмотрела на свою племянницу'.

Вопросительное высказывание с семантикой упрека *Warum willst du mich unglücklich machen und es verkaufen?* показывает негативное отношение адресанта к намерению адресата. Специальный же вопрос о причинах поступка на первом плане позволяет в косвенной форме выразить побуждение не продавать дом. Выведению истинной интенции говорящего способствует пропозиция вопросительного высказывания, выражающего позицию адресанта, а также невербальное сопровождение – взгляд, свидетельствующий о расположении к слушающему.

Проведенное исследование позволяет заключить, что упрек в немецком языке может выражаться синтаксическими конструкциями вопроса и повествования, однако преимущественно используется вопросительная форма высказывания. Оценочные высказывания в форме упрека могут выражать побуждения различной степени настоятельности – от мягкого совета до категоричного требования. Настоятельность побуждения во многом зависит от статусных характеристик коммуникантов и эмоционального фона общения. Правильной интерпретации скрытого побуждения помогают невербальные компоненты, показывающие отношение к собеседнику.

Н. В. Лавринович

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МОДАЛИЗИРОВАННЫХ ПЕРФОРМАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С СЕМАНТИКОЙ ОТКАЗА В ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

(на материале немецкого языка)

Письма-отказы – это неотъемлемая часть деловой переписки, основной целью которой является информирование собеседника о невозможности удовлетворить его запрос. Как следствие, отказ в деловой корреспонденции характеризуется точностью и ясностью изложения, которые исключают двоякое толкование содержания письма. Стремление к недвусмысленности трактовки отказа является одной из значимых прагматических установок, позволяющих использовать перформативный глагол в качестве одного из допустимых вариантов реализации отказа в деловой переписке.

Однако специфика функционирования перформативных глаголов с семантикой отказа в деловой корреспонденции характеризуется обязательным наличием смягчающих средств. Дело в том, что высокая степень категоричности такого перформатива противоречит еще одной основополагающей прагматической установке в деловом общении – вежливости. Ввиду необходимости следовать принципу вежливости и кооперации, прагматическая сила перформативов ослабляется за счет различных средств.

Так, в ряде случаев иллокутивная функция перформативного отказа может модифицироваться модально-глагольными выражениями, формируя модализированную перформативную конструкцию. Данная конструкция отличается от «чистого» перформатива конструктивным осложнением матричной формулы за счет модального глагола. Например:

„Ich muss den heutigen Termin bei Ihnen absagen.“

Перформативная лексема в этой конструкции выступает в роли инфинитива, реализующего эксплицитно маркированный отказ. Модальный глагол, в свою очередь, представлен как дополнительно встроенный (надстроечный) элемент, порождающий новые нюансы смысла и участвующий в организации кооперативного сотрудничества между собеседниками.

Отказ в деловой корреспонденции эксплицируется преимущественно перформативными глаголами *absagen* и *ablehnen*. В образовании предикатного ядра модализированного перформатива с семантикой отказа активно участвует модальный глагол *müssen*. Данный модальный глагол подчеркивает роль объективных обстоятельств, что в свою очередь снижает интенсивность прагматических характеристик категоричности и настойчивости перформативного глагола. В этом случае отказ предстает как вынужденный, обусловленный стечением обстоятельств. Например:

„ Leider müssen wir Ihnen mitteilen, dass wir Ihnen heute für diese Position absagen müssen.“

Смягчающее воздействие модализированного перформатива с глаголом *müssen* может повышаться за счет употребления наречий и глаголов с семантикой сожаления *leider, bedauerlicherweise, bedauern*, а также за счет указания причины отказа. Например:

„Da Sie diese drei Kriterien nicht alle erfüllen konnten, kommen Sie nicht in die engere Wahl und wir müssen Ihnen leider absagen.“

В деловых письмах-отказах на приглашение дополнительное смягчение категоричности отказа может обеспечиваться использованием сослагательного наклонения Konjunktiv II. Это позволяет инициатору отказа убедить своего собеседника в гипотетической возможности положительного ответа и в искреннем желании принять это приглашение, если бы не наличие определенных обстоятельств. В данном случае модализированная перформативная конструкция в совокупности с контекстным окружением участвует в конституировании предельно вежливой формы отказа. Например:

„ ...Gerne hätte ich mich bei Ihnen persönlich vorgestellt und Sie von meinen Fähigkeiten überzeugt. Da sich jedoch meine berufliche Perspektive geändert hat, muss ich das Vorstellungsgespräch leider absagen.“

В письмах-отказах на приглашение в ряде случаев также употребляется модальный глагол *mögen*. Этот глагол встречается исключительно в форме первого лица сослагательного наклонения (Konjunktiv II). В составе модализированных перформативных высказываний модальный глагол *mögen* обладает свойством уменьшать иллокутивную силу отказа, реализуя некатегоричное мягкое желание.

„Vielen Dank für Ihre Einladung zu einem Vorstellungsgespräch und das von Ihnen gezeigte Interesse. Allerdings möchte ich gerne meine Bewerbung für diese Stelle zurückziehen und möchte daher auch das Vorstellungsgespräch absagen.“

Модальные глаголы *können, dürfen, sollen, wollen* не встретились в нашем исследовательском материале, что связано, по-видимому, с повышением резко-категоричной прагматики перформативного отказа в случае сопровождения его данными лексемами, а это идет вразрез с принципами вежливости и кооперации.

Таким образом, модализированные перформативные конструкции в текстах деловой корреспонденции представляют собой синтез двух наиболее релевантных прагматических установок – недвусмысленности трактовки отказа и вежливости. Влияние отдельных модальных глаголов на иллокутивный потенциал и интенциональную направленность перформативных высказываний проявляется в редуцировании силы воздействующего эффекта. Смягчающий эффект модализированного перформатива увеличивается за счет конъюнктива, наречий сожаления и обоснования отказа. Комбинирование именно этих факторов является условием успешного кооперативно-направленного функционирования перформативного отказа в текстах деловой корреспонденции.

Г. А. Назина

О РАЗНОВИДНОСТЯХ ТИПИЧНЫХ ТЕМ В ХОДЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Настоящее исследование посвящено выявлению структурно-семантических особенностей экспликации военно-политического конфликта в современном англоязычном медиадискурсе, одной из задач которого является описание тематической макроструктуры текстов, формирующих исследуемую разновидность медиадискурса – военно-аналитический текстотип.

Для решения вышеобозначенной задачи определены типичные или общие темы исследуемого материала, под каждой из которых понимается предмет обсуждения в тексте, номинативно выраженное содержательное ядро целого текста, сопоставимое с авторским замыслом в целом. В настоящей выборке они репрезентируют проблемы или аспект проблемы военно-политического конфликта, рассматриваемые в англоязычном дискурсе. Данные темы выявлены с опорой на лексические единицы и словосочетания, обозначающие тот или иной предмет обсуждения в тексте.

Установлено, что типичные / общие темы неравнозначны по своей важности в ходе экспликации того или иного военно-политического конфликта и поэтому среди них можно выделить три разновидности: сквозные, ключевые и комплементарные. Такие разновидности идентифицированы на основании семантического, форматного (наличие маркеров общей темы в определенном композиционном блоке) и количественного критериев.

Прежде всего рассмотрим первые два критерия, поскольку они играют первостепенную роль в выявлении разновидностей типичных тем. Сквозная тема представляет собой предмет речи, эксплицирующий военно-политический конфликт в целом: непосредственно сам конфликт, причину его возникновения и участников. К ее маркерам относятся лексические единицы и словосочетания: обозначающие и характеризующие тот или иной конфликт (тема «Военно-политический конфликт» – *Kosovo* ‘Косово’, *conflict* ‘конфликт’, *Syria’s bloody war* ‘Сирийская кровопролитная война’); обозначающие и характеризующие предмет того или иного конфликта (тема «Предмет военно-политического конфликта» – *regime* ‘режим’, *illegitimate regime* ‘незаконный режим’, *independence* ‘независимость’); обозначающие и характеризующие участников военно-политического конфликта (тема «Участники военно-политического конфликта» – *party* ‘сторона’, *Russia* ‘Россия’, *low-level boss* ‘низкопробный начальник’). Такая разновидность общих тем пронизывает все тексты, поскольку ее маркеры встречаются абсолютно во всех композиционных блоках, маркеры темы «Военно-политический конфликт» в обязательном порядке – в заголовке и вводке (при ее наличии). К сквозным темам относятся следующие: «Военно-политический конфликт», «Предмет военно-политического конфликта», «Участники военно-политического конфликта».

Ключевая тема является основной темой текста, которая репрезентирует ту или иную краеугольную проблему военно-политического конфликта (тема «Противоречия» – маркеры: *disagreement* ‘разногласие’, *a highly divisive issue*

‘крайне противоречивый вопрос’, *recognition* ‘признание’). Языковые маркеры данной разновидности общей темы (одной из трех ключевых тем в зависимости от того, какая из них является основной в том или ином тексте) присутствуют в обязательном порядке в композиционном блоке «обозначение проблемы», хотя могут быть в заголовке и вводке (при ее наличии) и выявляются в бóльшем количестве во всем тексте по сравнению с маркерами двух других ключевых тем, которые в рамках того или иного текста не являются основными темами текста и комплементарных тем. В набор ключевых тем входят «Противоречия», «Прогноз военно-политического конфликта» и «Разрешение военно-политического конфликта».

Комплементарная тема наименее значима, поскольку эксплицирует менее важные вопросы военно-политического конфликта, чем предыдущие разновидности общих тем и поэтому выполняет роль вспомогательной темы для их манифестации. В обязательном порядке маркеры данной разновидности выявляются в композиционном блоке «ввод в ситуацию» (при его наличии). Они также могут выявляться и в других композиционных блоках, но в меньшем количестве по сравнению с маркерами сквозных и ключевых тем. К таким темам относятся «Положение мирного населения» (маркеры: *ethnic cleansing* ‘этническая чистка’, *repression* ‘репрессии’, *genoside* ‘геноцид’) и «Военные действия» (маркеры: *to bomb targets* ‘бомбить цели’, *to deploy forces* ‘развернуть войска’, *offensive* ‘наступление’).

Далее рассмотрим количественный критерий. Ниже приведем сводную таблицу количества маркеров общих тем.

Соотношение маркеров (ЛЕ и словосочетаний)
общих тем репрезентации военно-политического конфликта
в англоязычном медиадискурсе

<table>
<tr><td></td><td colspan="3">Сквозные темы</td><td colspan="3">Ключевые темы</td><td colspan="2">Комплементарные темы</td></tr>
<tr><td rowspan="2">ВПК в Косово</td><td>ВПК</td><td>Предмет ВПК (независимость)</td><td>Участники ВПК</td><td>Противоречия относительно независимости</td><td>Прогноз развития ВПК</td><td>Разрешение ВПК</td><td>Этнические меньшинства</td><td>Военные действия</td></tr>
<tr><td>7 % (438)</td><td>18 % (1126)</td><td>45 % (2814)</td><td>11 % (688)</td><td>5 % (313)</td><td>8 % (500)</td><td>3 % (188)</td><td>3 % (188)</td></tr>
<tr><td colspan="4"></td><td colspan="2">Всего ЛЕ и словосочетаний</td><td>100 %</td><td>6255</td></tr>
<tr><td rowspan="2">ВПК в Сирии</td><td>ВПК</td><td>Предмет ВПК (режим)</td><td>Участники ВПК</td><td>Противоречия относительно режима</td><td>Прогноз развития ВПК</td><td>Разрешение ВПК</td><td>Проблемы ВПК</td><td>Военные действия</td></tr>
<tr><td>7 % (435)</td><td>8 % (495)</td><td>44 % (2700)</td><td>7 % (405)</td><td>8 % (465)</td><td>15 % (945)</td><td>2 % (120)</td><td>9 % (585)</td></tr>
<tr><td colspan="6">Всего ЛЕ и словосочетаний</td><td>100 %</td><td>6150</td></tr>
</table>

Согласно данной таблице, в которой представлены результаты контекстуального, синтагматического, количественного, компонентного анализов, а также метода трансформаций в текстах о военно-политическом конфликте в Косово и Сирии, из всего набора выделенных тем больше всех эксплицирована сквозная тема «Участники военно-политического конфликта» – 45 % маркеров в текстах о Косово и 44 % маркеров в текстах о Сирии. Самая освещаемая проблема военно-политического конфликта в Косово – противоречия относительно независисмости, репрезентируемой соответствующей ключевой темой (11 % маркеров), что также обусловливает высокое число маркеров сквозной темы «Предмет военно-политического конфликта (независимость)» (18 %), поскольку эти две темы имеют тесную связь. В ходе экспликации военно-политического конфликта в Сирии у ключевой темы «Разрешение военно-политического конфликта» самое высокое число маркеров (15 %) по сравнению с маркерами всех ключевых тем этой выборки, которая демонстрирует самую обсуждаемую проблему данного конфликта.

Таким образом, наличие устойчивого набора типичных тем, отношений между ними и внутри них обусловливает возможность выявления тематической макроструктуры военно-аналитического текстотипа медиадискурса.

О. Е. Рымкевич

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ МОДАЛЬНОСТИ ИРРЕАЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ СМИ
(на материале немецкого языка)

В газетно-публицистическом тексте модальность достаточно вариативно проявляет свой прагматический потенциал, способствуя в целом реализации важнейшей функции – воздействия на адресата с целью формирования у него определенной отношенческой позиции к представленному в тексте денотативно-содержательному информационному компоненту. Модальность, будучи категорией интенциональной, а значит тесно связанной с прагматическими установками отправителя информации, вариативно модифицирует последние, всякий раз формируя особую палитру дифференцированных смыслов, явно и скрыто участвующих в убеждении адресата.

Модальной доминантой в текстовом воплощении правомерно признать модальность реальности, создаваемую формами изъявительного наклонения, благодаря которой информация подается в достоверном ключе. По ходу же развертывания текстовой информации в ее достоверность вносятся с помощью различных модальных средств выражения с их характеристиками и семантическими оттенками те или иные прагматические «коррективы». Все средства при этом взаимодействуют между собой, усиливая или, наоборот, ослабляя, согласно авторской интенции, определенные аспекты прагматических смыслов. Благодаря этому происходит развитие авторского замысла через реализацию речевого одобрения, дистанцированности, агрессии, уверенности / неуверенности, гипотетичности, ирреальности, возможности и других, коррелирующих между собой, модальных смысловых оттенков.

Так, модальность ирреальности в контекстах реализации выступает в роли важного интегративного звена в сети развертывающихся в тексте модальных когезий, переключая объективную информацию в некий гипотетический ракурс восприятия, что открывает адресату новые аспекты ее прочтения, осмысления и дает тем самым возможность отправителю информации последовательно менять в задуманном ключе прагматический настрой адресата. Например:

MANKELL: Ich ***hatte wirklich gehofft****, dieses Mal* ***würde*** *es* ***nicht*** *bei großen Worten und leeren Versprechen* ***bleiben***.

Прагматика данного высказывания из интервью, в котором речь идет о невыполненных обещаниях некоторых западных политиков по борьбе с нищетой и СПИДом в Африке, формируется путем сочетания нескольких модальных смыслов. С одной стороны, это значение определенной надежды (глагол *hoffen*) в связи с прежними обещаниями, выражающей среднюю степень уверенности говорящего в высказываемом. С другой стороны, глагольный предикат в форме кондиционалиса (*würde nicht bleiben*) способствует своей ирреальной семантикой снижению степени уверенности адресанта в реализации данных политиками слов и обещаний. В сущности, посредством «игры» модальных оттенков здесь имплицитно утверждается обратное: ничего из обещанного выполнено не было. Заметим, что данная фраза содержит в себе своеобразный «посыл» в виде модального слова *wirklich* со значением высокой степени достоверности к последующему контрастному развитию контекста.

MANKELL: ***Doch*** *dazu* ***hätte*** *sehr viel mehr* ***getan werden müssen***.

Здесь модальный предикат с глаголом *müssen* в прошедшей временной форме конъюнктива II однозначно переводит все высказывание в нереальный план, сигнализируя не столько о необходимости действий (модальный глагол *müssen*), сколько о том, что эта необходимость была безвозвратно упущена (ирреальная модальность Конъюнктива II). Таким образом, за счет перевода фактологической информации в плоскость ирреальности, сопряженной с прошедшей временной ступенью, высказывание приобретает характер скрытого упрека и до адресата «доводится» прагматика негативной оценочности в отношении действий (или бездействия) критикуемых политиков.

Данный прагматический эффект сублимируется в тексте далее различными модальными средствами, в том числе и вновь с помощью модальности ирреальности. Например:

MANKELL: Dabei ***würde*** *das* ***zu ändern nicht mehr kosten****, als in Europa jährlich für Hunde- und Katzenfutter ausgegeben wird.*

С помощью Конъюнктива II данное высказывание переходит в план гипотетической ирреальности, повторно (имплицитно) сигнализируя о том, что обещанные финансовые средства так и не были выделены. Помимо сказанного, заметим, что семантика конструкции с Конъюнктивом II способствует созданию на линии контраста с последующей частью высказывания в индикативе ироничного оттенка в отношении предпринятых политиками действий, что еще более усиливает прагматическое воздействие на адресата и определяет формирование его позиции.

Модальность ирреальности, благодаря подобному контрасту, в текстах немецкой газетной публицистики прагматически акцентирует по ходу повествования определенные рассуждения автора, окрашивая их своей семантикой. Причем заложенная в формах Конъюнктива II потенциальная возможность со знаком ирреальности изначально настраивает адресата на сомнительно-скептическое восприятие представленной в тексте фактологической информации. Например:

*Es **wäre** ja auch wirklich wunderbar, wenn Menschen mit Erbkrankheiten, die ihnen das Leben zur Hölle machen und sie schließlich umbringen, einen Ausweg **fänden**; wenn die Medizin einen Trick parat **hätte**, das defekte Gen auszuschalten, zu reparieren, zu ersetzen. Wenn sich gar die großen Killer mittels Gentherapie **eindämmen ließen**.*

Данный текстовый фрагмент насыщен ирреальной модальностью, которая позволяет автору ненавязчиво довести до адресата мысль о том, что на этом этапе своего развития генная инженерия не всесильна. Но вместе с тем потенциальная возможность, заложенная в Конъюнктиве II, оставляет адресату определенную степень уверенности в будущем генной инженерии.

Таким образом, модальность ирреальности является неотъемлемым компонентом в создании модальной структуры текстов газетной публицистики. Ее реализация происходит, как правило, в условиях вариативного взаимодействия между собой различных средств выражения модальных отношений, благодаря чему осуществляется эффективное прагматическое воздействие на адресата. Прагматика ирреальной модальности вариативна и нацелена, главным образом, на внесение в высказывание элементов сомнения и снижение тем самым степени уверенности адресата в достоверности тех или иных аспектов информационного содержания текста.

М. Н. Самойлович

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ЭМОТИВНОСТИ

Направленность современной лингвистики на изучение человека говорящего, *Homo loquens,* и человека чувствующего, *Homo sentiens*, предопределяет круг первостепенных задач. Присутствие эмоциональности в речи является объектом изучения многих наук: физиологии и психологии (Г. Уолтер, П. Экман, П. В. Симонов, Л. С. Выготский, В. Пенфильд, Л. С. Рубинштейн и др.), лингвистики (Ч. Пирс, Э. Бенвенист, В. А. Аврорин, А. Вежбицкая, В. И. Шаховский и др.).

В современной лингвистике исследователи пользуются различной терминологией для выражения эмоций, наиболее устойчивой категорией при этом является эмотивность. Живой интерес многих современных исследователей к эмоциональной сфере личности и ее реализации в языке вылился в огромное разнообразие концепций и подходов к изучению категории эмотивности, которые можно свести к основным 6 концепциям: *лексикоцентрической*, *коммуникативной*, *психолингвистической*, *когнитивной*, *стилистической* и *лингвокультурологической*.

Лексикоцентрический подход, в котором словарные единицы признаются основным средством вербализации эмоций, обозначающего чувственные явления, например, в виде понятийных знаков (любовь, любить, волнение и т.д.). Однако, как полагает ряд исследователей (В. И. Шаховский, И. В. Арнольд, Д. Н. Шмелев и др.), названия эмоций, которые лишь обозначают эмоции, не выражая их, неправомерно причислять к числу эмотивной лексики.

Сторонники коммуникативной теории эмотивности в узком понимании опираются на мнение Дж. Серля, что цель экспрессивных речевых актов – выражение психологического состояния говорящего относительно положения вещей, и в качестве репрезентантов данной категории рассматривают эмотивно-оценочную лексику, выражающую эмоции.

Сторонники психолингвистического подхода отталкиваются от важного положения, предложенного Л. С. Выготским, о неразделимости эмоционального и интеллектуального и утверждают, что эмотивностью могут обладать актуально или виртуально все лексические единицы: «если в рамках лингвистического подхода эмоции выражаются посредством языка, когда в составе словаря есть специфический класс/классы так называемой “эмоциональной лексики”, отличающейся от всего остального массива нейтральных слов особенностями своего значения, то психолингвистический подход предполагает присутствие эмоционально-чувственного компонента в значении всех слов языка (без исключения).

По мнению ряда исследователей-когнитивистов, критерием отбора эмоциональной лексики служит наличие образного понимания эмоций, которые концептуализируются в различных метафорах. Например, гнев, гордость и другие эмоции концептуализируются как «горячая жидкость в сосуде» на основе общей метафоры «тело – это сосуд (контейнер) для эмоций».

Согласно стилистической концепции эмотивный фонд пополняют слова, чья функциональная закрепленность обычно выражается в употреблении таковых в одном из функциональных стилей. «Эмоционально-экспрессивная окраска таких слов расширяет их семантический объем, придает ему дополнительную изобразительность, способствуют выявлению авторской оценки: выражение мыслей сопровождается выражением чувств. Чаще всего она встречается в художественном тексте, публицистических произведениях и разговорной речи».

Лингвокультурологическая концепция предполагает, что эмотивный фонд должны составлять прежде всего эмоциональные концепты, паремии, фразеологизмы, отражающие национально-культурные особенности эмоциональной картины мира каждого этноса. Учеными принимаются во внимание «важные экстралингвистические факторы, оказывающие воздействие на эмоциональную, в том числе и вербально оформленную сферу жизнедеятельности человека: особенности народной психологии, национальный характер, этнографическая специфика бытия той или иной этнической общности, архитектоника национальных культур и их типология,

в целом особенности менталитета социума». Сторонники этого подхода объясняют эмотивность в ее противопоставлении эмоциональности, основываясь на спонтанном или запланированном проявлении эмоций: «В случае, если эмоции носят естественный спонтанный характер, являются открытой демонстрацией чувств, мы имеем дело с эмоциональностью; если проявление эмоций носит преднамеренный характер и представляет собой определенную стратегию коммуникативного поведения, эмоции используются с целью прогнозирования и определения ситуации, а также влияния на поведение других, то такое проявление эмоций предлагается называть эмотивностью».

Наиболее убедительной современной трактовкой эмотивности представляется лингвокультурологическая. Согласно этой концепции эмотивность – это сознательная, запланированная демонстрация эмоций, направленная на адресата, которая используется в стратегических целях: воздействие на окружающих, демонстрация лояльности, доброжелательности, предупреждение возможного конфликта.

Т. А. Силаева

АНТИТЕЗА КАК СРЕДСТВО АРГУМЕНТАЦИИ В СМИ

Предметом нашего рассмотрения является использование антитезы в медиатекстах как средства аргументации адресанта с целью (не)приемлемости определенных высказываний либо обоснования мнений, представлений, а также с целью (раз)убеждения адресата в их верности.

СМИ, как известно, не только информируют общество о происходящем и отражают жизнь социума, но и тиражируют, распространяют то или иное представление об этой жизни. Авторы материалов комментируют и интерпретируют события, полемизируют с оппонентами, формируя тем самым определенное общественное мнение. С этой целью они используют аргументативные рассуждения, призванные убедить оппонента в верности / ошибочности, оправдании / опровержении той или иной позиции или точки зрения. Аргументация, таким образом, как интеллектуальная и вербальная деятельность служит тому, чтобы «оправдать или опровергнуть мнение, состоящее из набора утверждений и направленное на получение одобрения от аудитории» (Ф. Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст).

В своих аргументативных рассуждениях авторы довольно часто используют контраст, поскольку он способствует активизации мыслительной деятельности адресатов и вовлечению их в проблему, представляемую автором. Противопоставляя объекты, мнения или идеи, автор дает возможность оппонентам сделать выбор и прийти к определенному выводу.

Среди фигур контраста, используемых в материалах СМИ, однозначно доминирует антитеза, разные формы которой реализуются в текстах либо как явная антитеза, основанная на четком противопоставлении единиц, являю-

щихся антонимами, либо как размытая антитеза в поле контекстуальных противопоставлений, т. е. проявляющаяся с помощью так называемых контекстуальных или окказиональных антонимов.

В структуре проанализированных медиатекстов нами были выявлены 3 типа антитезы:

1. Однокорневые антитезы являются самыми распространенными, но и самыми простыми как в плане структуры, так и в выразительном отношении. Такие антитезы образуют «неострый контраст»: противопоставление осуществляется не столь экспрессивно и выразительно, как в других типах антитезы, например:

– *Das Ergebnis* ***dieser Kultur*** *des Desinteresses ist* ***die Unkultur*** *des Drogenmißbrauchs.*

– *Spielend wechselt Schulz zwischen* ***Konkretem*** *und* ***Unkonkretem*** *– man könnte sagen zwischen* ***Herz*** *und* ***Hirn****.*

Нельзя, однако, не отметить тот факт, что слабость однокорневых антитез в определенных контекстах может стать их силой: повторяемость слов в обеих частях фигуры противопоставления делает антитезу более доходчивой для восприятия и, образуя определенное аллитерационное и смысловое нагнетание, придает выразительность контрасту.

2. Разнокорневые, или разноморфемные антитезы употребляются в медиатекстах значительно чаще. Они образованы противоположными словами, имеющими различные корни. Такие антитезы обладают более высоким стилистическим потенциалом, поскольку они весьма разнообразны в структурном и семантическом планах. Создаваемый ими контраст колоритен и нередко предполагает вариации одной из сторон оппозиции. Контрастное противопоставление данного типа и эффектно, и эффективно. Приведем несколько примеров:

– ***Weltliche Machthaber*** *und* ***religiöse Fanatiker*** *haben stets versucht, Satire als Majestätsbeleidigung und Gotteslästerung zu verteufeln.*

– *Ist ein Dieb* ***arm****, kommt er ins* ***Gefängnis****. Ist er* ***reich****, wird er ein* ***Minister****.*

– *Die Globalisierung hat ein* ***„globales Dorf“****, aber keine* ***Weltkultur*** *geschaffen. Vielmehr herrscht eine Gleichzeitigkeit zwischen* ***struktureller Globalisierung*** *und* ***kultureller Fragmentation****.*

– ***„Gezielt, aggressiv****, aber auch* ***orientierungslos“*** – в название материала вынесена оценка политики Эрдогана, которая при всей ее напористости лишена четких ориентиров. Уважая страну и ее народ, автор указывает на отрыв Турции от Европы вследствие заигрывания Эрдогана с Россией и Китаем:

Man kann, man soll und man muss viel ***Verständnis für die Türkei*** *haben, die* ***Eigenheiten dieser großen Nation respektieren****. Aber die Politik von Präsident Erdoğan, seine immer harschere Innenpolitik und seine immer wilderen* ***Fußeleien mit Russland und China*** *lassen inzwischen nur noch einen Schluss zu: Unter diesem Präsidenten* ***verabschiedet sich*** *die Türkei möglicherweise bald ganz* ***von Europa und dem Westen****.*

Тот факт, что в парадигматике значения подобных образований не являются взаимоисключающими, обусловливает в синтагматике необычность и даже оригинальность их противопоставления, что, как видно из при-

веденных примеров, придает высказыванию стилистическую маркированность, с одной стороны, а с другой – эффект новизны, создаваемый неожиданностью оппозиций, обеспечивает особую выразительность антитезы, более того целого фрагмента текста, т. е. микротекста, что способствует и повышению степени его аргументативности.

3. Наконец, третий тип антитезы – широкой, или архитектонической – используется не только с целью аргументации, придания тексту выразительности, но и с целью организации текста статьи, т. е. такая антитеза является текстообразующим элементом.

В нашем материале мы сталкивались с широкой антитезой в аналитических текстах по таким существенным проблемам, как Brexit, пандемия, соглашения по климату и некоторым другим. Отметим, авторы выстраивали свои материалы таким образом, чтобы охватить узловые проблемы в описываемой ситуации, а в качестве фундамента для аргументации своей позиции, для убеждения адресата применяли широкую антитезу. Благодаря столкновению в одном контексте контрастирующих мнений, антитеза придает словам автора убедительность и выразительность, однако выполняет при этом не только аргументирующую, но и архитектоническую функцию. При этом архитектоника текста, т. е. его построение, «цементируется» противопоставлением исторических, социально-экономических, этических и других условий, фактов и обстоятельств, например: прогрессивность – регрессивность, корректность – некорректность, наличие – отсутствие, актуальность – неактуальность, верность – ошибочность / ложность, честность – ловкачество, корыстолюбие, принципиальность – беспринципность.

Так, в статье «Masken-Affäre bei CDU/CSU: Dealer statt Diener» основой широкой антитезы выступает противопоставление морально-этических понятий, а именно: честность, порядочность – ловкачество, корыстолюбие, принципиальность – беспринципность, что позволяет автору дать оценку действиям депутатов-аферистов, а также использовать названные противопоставления в качестве аргументов верности своего мнения о политике как особого вида искусства и политиках как политического класса, ответственного за будущее страны:

Thomas Mann sah in der Politik eine Kunst, die zwar ohne den „Einschlag von ***Lebensnützlich-Bösem*** *und allzu* ***Irdischem*** *nicht abgeht“ – die aber, wichtiger noch, „****das Höhere****,* ***die Idee****,* ***das Menschheitlich-Anständige*** *und* ***Sittliche*** *nie ganz aus den Augen lässt“. Vor diesem Hintergrund ist der Schaden zu schätzen, den* ***einzelne Abgeordnete*** *für die* ***gesamte politische Klasse*** *anrichten können. <…> Auch in Parlamenten wird sich in dieser nahen Zukunft maßgeblich entscheiden, welches Land wir sein wollen. Eines, in dem* ***alle für alle*** *streiten oder* ***jeder für sich****. Eines,* ***in dem jene bewundert werden****,* ***die „es geschafft“ und das Meiste für sich herausgeholt haben*** *– oder eines,* ***das Umsicht und Gemeinwohl in den Vordergrund stellt****. In einer solchen Zeit ist es noch wichtiger, dass Politikerinnen und Politiker mit gutem Beispiel vorangehen.*

Широкую антитезу в данном фрагменте поддерживают и дополняют повторы, перечисления, эпитеты, более простые виды противопоставления. Другими словами, мы наблюдаем здесь стилистическую конвергенцию –

сцепление в одном фрагменте текста нескольких стилистических приемов, где ядром является антитеза, что эмоционально, образно и в тоже время убедительно представляет нам позицию автора.

Таким образом, главная цель аргументации как коммуникативной деятельности состоит в обосновании взглядов и представлений, (раз)убеждении адресата в истине либо приемлемости конкретных высказываний и позиций, для чего используются определенные тактики и схемы, к числу которых, с полным правом, можно отнести и антитезу как стилистический прием, базирующийся в медиатекстах на противопоставлении понятий, явлений, мнений. Это противопоставление помогает адресанту, во-первых, организовать текст или его фрагмент, заостряет мысль автора, во-вторых, оказывает активное воздействие на адресата, а именно: позволяет автору не просто убедить адресата в своей правоте, но и создать у него чувство сопричастности, пробудить интерес к проблеме, активизировать его социальную позицию.

Д. Л. Тригубова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ КИНОАННОТАЦИЙ

Особенностью лексического наполнения аннотаций к художественным фильмам является широкое использование ономастических единиц (онимов), или имен собственных. Для определения специфики функционирования ономастических единиц осуществлен анализ текстов киноаннотаций на английском и русском языках к художественным фильмам производства США 2018–2020 гг.

В текстах киноаннотаций выявлены ономастические единицы следующих типов: антропонимы – имена людей (реальные – называющие реально живущих или живших ранее людей, поэтические – принадлежащие персонажам художественных произведений); зоонимы – клички животных; топонимы – названия географических объектов (в частности, ойконимы – названия поселений, гидронимы – имена собственные водных объектов); хрононимы – названия отрезков времени; эргонимы – имена собственные деловых объединений людей; артионимы – наименования произведений искусства (произведений литературы, живописи, музыки, кинематографа); фалеронимы – названия наград; гемеронимы – названия средств массовой информации (газет, журналов, теле- или радиоканалов).

Количественные и качественные характеристики используемых в киноаннотациях ономастических единиц обнаруживают значительную зависимость от ряда факторов. Одним из таких факторов является жанр аннотируемого фильма. Так, в описании персонажа фильмов жанра байопик (биографический фильм) используются реальные антропонимы: *Ruth Bader Ginsburg* ‘Рут Бейдер Гинзбург’ («On the Basis of Sex»), *Фредди Меркьюри* («Bohemian Rhapsody»). Для детских или семейных фильмов, в которых животные являются полно-

ценными участниками событий, характерно использование зоонимов в описании персонажей: *Black Beauty, a wild horse* ‘Черная Красавица, дикая лошадь’ («Black Beauty»); *дворняга по прозвищу Бродяга* («Lady and the Tramp»). В иных жанрах персонаж обычно называется при помощи поэтического антропонима: *Josephine Chesterfield* ‘Жозефина Честерфилд’ («The Hustle»), *Dr. Thaddeus Sivana* ‘Доктор Таддеус Сивана’ («Shazam»), *Майк Лоури* («Bad Boys For Life»), *Виктория* («If Beale Street Could Talk»).

Следующим фактором, оказывающим влияние на характеристики онима, является тип компонента смысловой структуры киноаннотации (персонажи, действие, хронотоп, развязка, жанр фильма, дополнительная информация), к которому относится данный оним. Как было отмечено выше, в описании персонажей используются реальные и поэтические антропонимы и зоонимы. Также возможно употребление эргонимов, сообщающих место работы персонажа: *FBI analyst* ‘аналитик ФБР’ («Shaft»).

Для характеристики хронотопа используются топонимы и хрононимы. Из топонимов наиболее распространены ойконимы и гидронимы: *Chicago* ‘Чикаго’ («Captive State»), *New York* ‘Нью-Йорк’ («Motherless Brooklyn»); *at the bottom of the Pacific* ‘на дне Тихого океана’ («The Meg»), *в Карибском море* («Serenity»). Примерами хрононимов могут быть *World War I* ‘Первая мировая война’ («Tolkien»), *Christmas break* ‘рождественские каникулы’ («Black Christmas»), *Гражданская война* («Little Women»), *Перл-Харбор* («Midway»).

Наиболее широкое разнообразие ономастических единиц задействовано в вербализации компонента «дополнительная информация». Самой значительной группой онимов являются реальные антропонимы, называющие:

– актеров, исполняющих роли в фильме: *Eastwood stars as…* ‘Иствуд исполняет роль…’ («The Mule»), *Алек Болдуин и Сальма Хайек в роли…* («Drunk Parents»);

– режиссера фильма: *the 9th film from Quentin Tarantino* ‘9-й фильм Квентина Тарантино’ («Once Upon a Time… in Hollywood»), *режиссерский дебют Брэдли Купера* («A Star is Born»);

– продюсера фильма: *producer James Cameron* ‘продюсер Джеймс Кэмерон’ («Terminator: Dark Fate»), *от продюсера Питера Джексона* («Mortal Engines»);

– автора книги, на которой основан фильм: *based on Stephen King’s terrifying novel* ‘по ужасающему роману Стивена Кинга’ («Pet Sematary»), *по романам Э. Л. Джеймс* («Fifty Shades Freed»);

– журналиста или критика, на основе чьей рецензии составлена аннотация: *Stephanie Zacharek* ‘Стефани Закарек’ («Rocketman»), *Katie Walsh* ‘Кейти Уолш’ («Overlord»), *Peter Travers* ‘Питер Траверс’ («Greta»).

Еще одним типом онимов, используемым для реализации компонента «дополнительная информация», являются эргонимы, называющие кинокомпании: *Disney’s “Artemis Fowl”* ‘Артемис Фаул от Дисней’ (Artemis Fowl), *хоррор студии Blumhouse* (Fantasy Island). К фалеронимам относятся названия кинопремий, полученных создателями фильма или задействованными в нем актерами: *nominated for 8 ACADEMY AWARDS®, including Best Picture* ‘номинирован на 8 ПРЕМИЙ ОСКАР®, в том числе за лучший фильм’ («Vice»);

получил четыре «Оскара» («Bohemian Rhapsody»). С компонентом «дополнительная информация» связаны также гемеронимы, называющие средства массовой информации, давшие оценку фильму: *The Washington Post* («A Private War»), *Forbes* («Cold Pursuit»), *FOX TV* («The Mule»).

В ряде аннотаций в качестве дополнительной информации сообщается артионим, или название какого-либо произведения кинематографа или литературы. Встречается упоминание названия аннотируемого фильма: *BOMBSHELL is a revealing look inside the most powerful and controversial media empire* ‘СКАНДАЛ – откровенный взгляд на самую могущественную и неоднозначную медиаимперию’ («Bombshell»); *Rocketman is an epic musical fantasy* «Рокетмен» – эпичная музыкальная фантазия’ («Rocketman»).

Возможно употребление артионимов, называющих не аннотируемый фильм, а иные кинематографические или художественные произведения. Такие артионимы используются в следующих случаях:

– аннотируемый фильм является одним из серии фильмов: *ten years after Mamma Mia! The Movie premiered, you’re invited back to the magical Greek island of Kalokairi in this musical sequel* ‘через десять лет после премьеры фильма «Mamma Mia!» вас снова приглашают на волшебный греческий остров Калокаири в этом музыкальном сиквеле’ («Mamma Mia! Here We Go Again»); *продолжение «Счастливого дня смерти»* («Happy Death Day 2U»);

– идентифицируется создатель фильма (режиссер, продюсер, автор сценария): *from writer-director Greta Gerwig* («Lady Bird») ‘сценарист-режиссер Грета Гервиг (Леди Берд)’ («Little Women»); *от режиссера «Тонкой красной линии»* («A Hidden Life»);

– фильм основан на произведении литературы: *Stephen King’s The Shining* ‘роман Стивена Кинга «Сияние»’ («Doctor Sleep»);

– дается характеристика актера, задействованного в фильме, через его предыдущие работы: *Tiffany Haddish (Girls Trip)* ‘Тиффани Хэддиш (Улетные девочки)’ («Nobody’s Fool»).

Еще одним фактором, влияющим на функционирование ономастических единиц, является вид киноаннотации (синопсис, логлайн, тэглайн, блерб). Так, антропонимы используются в аннотациях всех указанных видов. Топонимы и хрононимы главным образом характерны для синопсиса и логлайна, а также встречаются в тэглайнах. Эргонимы и артионимы обнаруживаются в синопсисах и логлайнах. Особенностью блерба является включение в его текст гемеронимов, что несвойственно аннотациям остальных разновидностей. Вид аннотации определяет не только качество, но и количество ономастических единиц. Наибольшее число онимов употребляется в синопсисе как самом развернутом виде аннотации. Логлайн и блерб обычно оперируют 2–3 онимами, а тэглайн чаще всего включает не более одной ономастической единицы.

Наконец, фактором, от которого зависит количество и качество ономастических единиц в киноаннотациях, является сложившаяся практика их использования в аннотациях на определенном языке. Например, характерным

для русскоязычных аннотаций является использование артионимов, называющих произведения кинематографа или литературы, а также антропонимов, указывающих на их создателей, которые имеют косвенное отношение к фильму и приводятся для сравнения с аннотируемым фильмом: *в духе «Фарго»* («Cold Pursuit»), *детектив в духе Агаты Кристи* («Knives Out»), *издалека очень похоже на «Чужого» Ридли Скотта* («Underwater»). Для англоязычных кино-аннотаций такое использование онимов не характерно. В русскоязычных логлайнах широко распространены антропонимы, называющие актеров и режиссеров, и эргонимы, называющие кинокомпании, в то время как в логлайнах на английском языке не отмечено использование ономастических единиц данных типов.

Таким образом, анализ показывает, что основными факторами, определяющими функционирование ономастических единиц в текстах киноаннотаций, являются жанр фильма, вид киноаннотации, тип компонента смысловой структуры и сложившаяся практика составления аннотаций на определенном языке.

Е. Н. Труш

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Перед тем, как приступить к работе над рекламным сообщением, автору необходимо четко определить целевую аудиторию. Нужно представлять себе, чего хочет целевая аудитория: что ее интересует, чем увлекается, как выглядит, о чем говорит.

Только потом автор выбирает конкретные средства вербализации, а также лингвокогнитивные механизмы речевого воздействия, наилучшим образом коррелирующие с моделью речевого поведения адресата.

Залогом эффективности рекламного сообщения служит то, насколько его авторам удастся убедить реального реципиента в том, что рекламное сообщение обращено к нему либо как к конкретной личности, либо как к представителю определенной группы и выдержано в привычной для него стилистике.

При этом маркерами адресации могут выступать прямые обращения к реципиенту, представленные в тексте личными местоимениями *Sie* или *du* (*ihr*) или притяжательными местоимениям *dein, euer* и т. д.:

Träumen Sie von einem Auto, in das ***Ihr*** *ganzes Leben passt?* Реклама автомобиля Opel.

Nivea Styling. Hält, so lange ***du*** *willst.* Реклама лака для волос.

Для того чтобы потенциальный потребитель смог безошибочно узнать себя в рекламном сообщении, в рекламный текст вводятся эксплицитные средства, уточняющие представление образа адресата, в первую очередь средства, эксплицирующие его базовые демографические факторы:

1) пол (мужская / женская аудитория);

2) возрастные категории (молодежь, «средняя» возрастная группа, пенсионеры);

3) социальный статус (обеспеченные слои общества, средний класс);

4) профессия (отбор реципиентов производится с учетом специфики того или иного вида профессиональной деятельности);

5) семейное положение и размер семьи.

Рассмотрим некоторые примеры рекламных текстов:

Werden Sie ruhig schwach. Sie können es sich erlauben. ***Der Opel Astra GTC*** ‘Будьте слабой. Вы можете себе это позволить’.

Текст посвящен рекламе популярной марки немецкого автомобиля – Опель. Адресная группа данного текста − женская аудитория. Посредством имплицитного сравнения автомобиль представлен в образе надежного друга и спутника, в присутствии которого женщина позволяет себе быть слабой. Образные ассоциации построены на использовании мужского рода названия марки автомобиля: *Der Opel Astra GTC* и, как следствие, происходит персонификация неодушевленного объекта.

В рекламных текстах, ориентированных на социальный статус покупателя, рекламодатель стремится добиться его симпатии, затрагивая темы, близкие ему. Мотивам престижа соответствует стремление людей к самоутверждению, когда, следуя призывам определенного вида рекламы, реципиент подчеркивает свою принадлежность к конкретной (престижной) социальной группе. Именно поэтому, как писал известный специалист по рекламе Ч. Сэндидж, покупатели часто приобретают вещи, которые не входят в круг предметов первой необходимости из-за «… желания быть на уровне». Как отмечает М. Д. Городникова, поскольку рекламная коммуникация стремится изменить уровень представлений адресата за счет создания некой «новой речевой реальности», в рекламе мотивацией соответствующей ответной деятельности служит определенный «социальный символизм» – проекция социального статуса, принадлежности к определенной группе. Подобный символизм особенно нагляден также в текстах автомобильной рекламы, поскольку автомобиль, как никакой другой продукт, является атрибутом образа и уровня жизни, средством демонстрации социальной принадлежности человека и его индивидуального самовыражения:

Seien Sie bescheiden. Verzichten Sie auf Understatement. ***Es ist völlig legitim, wenn man zeigt, was man hat****. Vor allem, wenn es sich um etwas so Attraktives wie den* ***Chrysler 300C*** *handelt. Dabei begeistert er nicht nur durch sein elegantes Äußeres. Auch die luxuriöse Serienausstattung mit feinem Lederinterieur und Schildpattakzenten sowie die Kraft seines souveränen Motors sorgen für ein ausdrucksstarkes Auftreten.*

В приведенном тексте налицо стремление автора убедить потенциального адресата в том, что рекламируемый автомобиль марки «Крайслер» удовлетворяет его самым высоким требованиям. Будущий владелец сможет приобрести не столько престижное средство передвижения, сколько индивидуальность и особый стиль, что подтверждается выбором соответствующих лексем (*attraktives, elegantes Äußeres* ‘привлекательная, элегантная внешность’, *luxuriöse Serienausstattung* ‘роскошное серийное оснащение’, *ausdrucksstarkes*

Auftreten ‘выразительное выступление’). Обращение на Вы *Seien Sie...* ‘будьте’, *Verzichten Sie* ‘откажитесь’ призвано сократить коммуникативную дистанцию и создать атмосферу доверительности.

Такая ценность, как семья, остается до сих пор актуальной и востребованной, несмотря на изменение отношения общества к этому социальному феномену и на свободу отношений между мужчиной и женщиной. Достаточно рассмотреть это на следующем примере:

Wir geben Ihrer Zukunft ein Zuhause ‘Мы даем Вашему будущему домашний очаг’.

Данный рекламный слоган апеллирует к концепту «дом».

В рамках концепта «дом» нужно рассматривать несколько аспектов, несомненно, связанных друг с другом: во-первых, дом как крыша над головой; во-вторых, дом как семья и, наконец, дом как страна или родина. Таким образом, обратившись в кредитное учреждение LBS, реципиент сможет не только построить дом, но и получить домашний очаг. Особую выразительность придает тексту использование аллитерации.

Реклама для молодежи диктует определенный молодежный стиль жизни. В такой рекламе отмечается обилие специфической молодежной лексики, употребление англицизмов, которые охотно употребляются в молодежной среде, неформальное представление текста. В целях иллюстрации можно привести рекламный текст энергетического напитка ENEXY:

ENEXY – der neue Energy-Power-Snack. Macht wach. Macht Fit. Gibt Power

‘ENEXY – мощная энергетическая закуска. Бодрит. Приводит в форму. Дает силу’.

Стремление рекламодателя разговаривать на языке адресата и тем самым привлечь его внимание, проявляется в использовании англицизма *Energy-Power-Snack* ‘мощная энергетическая закуска’. Отсутствие сложных синтаксических конструкций, использование параллелизма делают текст более доступным для восприятия и легким для прочтения.

Таким образом, адресант старается подчеркнуть свою осведомленность о потребностях, желаниях и проблемах целевой аудитории и выражает готовность их удовлетворить, исполнить, решить с помощью рекламируемого продукта. При этом он использует целый ряд приемов и языковых средств для достижения эффекта воздействия на адресата.

О. Н. Шумская

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ТАКТИКИ ДИАЛОГИЗАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ЭССЕ
(на материале испанского и русского языков)

В медиалингвистике считается общепринятым тот факт, что современные СМИ выступают в качестве сильнейшего средства воздействия на сознание общества в целом и каждого отдельно взятого индивида. Если в спонтанной речи функция воздействия не всегда является доминирующей, то в речи

СМИ влияние на мыслительную активность потенциальных читателей организуется и планируется. Это объясняет интерес к анализу средств воздействия в текстах публицистического эссе на испанском и русском языках.

Основная функция публицистического эссе – воздействие на читателя и формирование у него своей позиции, собственного определенного мнения в отношении той или иной проблемы. Данная цель достигается с помощью ряда коммуникативных стратегий и тактик. В качестве общей стратегии в текстах эссе на испанском и русском языках выделяется стратегия формирования позиции читателя. В свою очередь, ей подчиняются следующие стратегии: *субъективизации, объективизации и стимулирования читательской реакции.*

Общей целью стратегии *стимулирования читательской реакции* является побуждение адресата к размышлению над затронутой проблематикой и, как следствие, формированию собственного мнения. В рамках данной стратегии выделяются тактики *диалогизации* и *опущения обобщений*.

Материалом для исследования послужили 20 статей (10 на русском и 10 на испанском языке). Данная тактика была зафиксирована в 80 % статей на испанском языке и в 90 % – на русском.

Тактика диалогизации позволяет автору обратиться непосредственно к читателю статьи, что способствует сокращению коммуникативной дистанции между ними, помогает установить доверительные отношения. Применяя данную тактику, автор создает иллюзию личного общения с каждым читателем в отдельности, а не с общественностью в целом, как это бывает при прочтении информационной или аналитической статей, тем самым побуждая каждого прочитавшего статью сделать собственные выводы.

Характерными для *тактики диалогизации* являются следующие речевые средства: различные типы вопросов, в том числе и риторические, обращения, использование глаголов и местоимений в форме 1-го л. ед. и мн. ч.

Так, в эссе «Sangre derramada» автор реализует данную тактику посредством различных типов вопросов: ***¿Qué quieren conseguir, demostrar, con semejantes operaciones de salvajismo puro, de inaudita crueldad, como hacer estallar una bomba en un concierto, un café o una sala de baile?*** <…> ***¿Se trata de demostrar el desprecio que les merece una cultura que, desde su punto de vista, está moralmente envilecida porque es obscena, sensual y corrompe a las mujeres otorgándoles los mismos derechos que a los hombres?*** Используя специальный и общий типы вопросов, автор призывает читателя к размышлению, согласию с собственным мнением, или, наоборот, к несогласию, и, соответственно, поиску собственного ответа.

В русскоязычной статье «Похудеть к лету» автор обращается к читателям с серией вопросов, побуждающих к анализу рассматриваемой проблемы. Использование вопросов в данном случае стимулирует встречную мыслительную активность читателей статьи: ***Вы пробовали записаться в начале апреля на педикюр и эпиляцию? А в спортзале бывали? А свежую прессу открывали?*** *Значит, знаете, что лед тронулся. И все тронулись – многие в психиатрическом смысле этого слова.*

В статье «По праву слабого» автор неоднократно обращается к читателю с одним и тем же вопросом: *Обыденность, с какой в американских фильмах говорят о насилии, поразила меня до такой степени, что я выразила свое изумление посредством поста в социальной сети. <…>* ***Знаете, что было дальше?*** *Началась дискуссия, и в результате я почувствовала себя виноватой перед людьми, у которых были другая школа, другое время и другой опыт. <…>* ***Знаете, что было дальше?*** *Я почувствовала себя виноватой, потому что мне популярно объяснили, что лезть со своим позитивным опытом в мир, полный насилия и зла – как минимум неприлично.* Повторение вопроса усиливает прагматическую функцию данной тактики. Использование дискурсивного маркера *знаете*, характерного для устного общения, вовлекает читателя в заочный диалог с автором статьи.

В статье «El derecho a morir» автор, рассуждая о принятии в Испании закона об эвтаназии, как бы программирует мнение читателя при помощи глагола в 1-м л. мн. ч. в форме повелительного наклонения и призывает согласиться с его собственным мнением: ***Esperemos que*** *el Senado respalde esta decisión y España acompañe a los seis países que en el mundo han aprobado ya leyes semejantes, pese a los argumentos en "favor de la vida", como dicen sus opositores, reclutados fundamentalmente en los círculos religiosos, sobre todo católicos.* Употребляя инклюзивное *мы* в сочетании с повелительным наклонением, автор включает в группу сторонников эвтаназии себя и своих потенциальных читателей.

В эссе «Агрессивные пациенты» автор, используя ироническое обращение, предлагает читателю сделать выводы о том, как изменился мир и отношения людей в нем с момента наступления пандемии коронавируса: *Ничего,* ***дорогие товарищи****, не изменилось. Нет никакого нового мира и никаких новых людей. Есть племена, готовые уничтожать друг друга даже на краю пропасти. <…> Какой там новый гуманный мир, о чем вы. <…> И тогда настанет время разгребать последствия, и мы снова на какое-то время будем «все вместе»,* и нам *опять выпадет шанс осознать истинные ценности и посмотреть на тех, кто рядом. Вырасти над собой, пройти испытание – ну вот это все, что мы вроде как делаем сейчас. Опять, да, снова.* Используя инклюзивное *мы*, автор сокращает дистанцию между собой и читателем, создавая иллюзию присутствия, личного общения. Применение дискурсивных маркеров устного общения *о чем вы, ну, вроде как,* ориентированных на непринужденную речь, позволяет автору сделать акцент на диалоге с читателем.

В статье на испанском языке «280» автор апеллирует к читателю посредством прямого обращения: *Y es ahora, justo ahora, cuando Twitter decide doblar de 140 a 280 los míticos caracteres que han constreñido durante un lustro la tendencia imperiosa de la gente, de ti y de mí,* ***desocupado lector****, a tirar líneas como si no hubiera un mañana.*

В статье «Censura de Twitter» автор обращается к читателю от 1-го л. ед. ч.: ***Tengo*** *todavía un párrafo para llegar a los 4.000 caracteres exactos que suelen tener mis artículos dominicales.* ***Voy a dejar*** *este párrafo en blanco, en silencio, para que lo llenen ustedes, porque* ***no tengo*** *una respuesta y* ***no soy capaz*** *de llenarlo con una opinión de la que esté convencido.* В данном случае автор

выстраивает диалог с читателем, излагает свое мнение о цензуре и неоднократно интересуется мнением читателя, а в последнем абзаце статьи оставляет несколько пустых строчек, чтобы каждый выразил свою точку зрения в завершении диалога.

Таким образом, сопоставительное изучение текстов данного жанра на материале испанского и русского языков позволило установить схожие типологические черты и выявить одинаковые тактики. Значимость тактики диалогизации для жанровой природы эссеистического текста подтверждается ее высокой частотностью как в материале испанского, так и в материале русского языков. Основными способами вербализации тактики диалогизации в сопоставляемых языках являются различные типы вопросов, в том числе и риторические, обращения, использование глаголов и местоимений в форме 1-го л. ед. и мн. ч., повелительное наклонение. В материале на русском языке было зафиксировано использование дискурсивных маркеров, характерных для устного общения. Как показал анализ, данные языковые средства могут использоваться комплексно.

Л. М. Якубёнок

СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИВНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИК ОПРАВДАНИЯ И ДИСКРЕДИТАЦИИ
(на примере немецкоязычных адвокатских речей)

Экспрессивность – семантическая категория, объединяющая языковые средства, способные осуществлять изобразительно-выразительные функции при передаче денотативного содержания и усиливать воздействующую силу сказанного.

Экспрессивность связана с эмоциональностью, оценочностью, интенсивностью и находится с ними в тесном взаимодействии. Экспрессивность может сопутствовать эмоциональной оценке и служить увеличению перлокутивного эффекта оценочного высказывания. Однако не всякая эмоциональная оценка обязательно подразумевает экспрессию. Интенсивность понимается как степень выраженности, мера содержательности, мера количества экспрессивности.

В связи с тем, что экспрессивность представляет собой «интегральный результат реализации эмоциональности, оценочности, образности, интенсивности», в качестве основного предназначения экспрессии можно определить воздействие на слушающего, его удивление или убеждение. Экспрессивность всегда является коммуникативной и прагматичной, т.к. оказывает воздействие на реципиента и вызывает его ответные действия. Таким образом, можно говорить об экспрессивности как о средстве манипуляции.

Экспрессия может создаваться языковыми средствами всех уровней: *фонетико-фонологическими* – аллитерация, ассонанс, анафора, апокопа и др.; *лексическими* – интенсификаторы, экспрессивные существительные и прилагательные, элементы словотворчества, каламбур, окказионализмы, авторские неологизмы, просторечия, жаргонизмы, метафоры, фразеологизмы, идиома-

тические выражения, олицетворение, реалии литературы, истории, аллюзия; *словообразовательными* – нестандартное использование словообразовательных моделей для создания экспрессивных окказионализмов и неологизмов; *морфологическими* – окончания, замена одной формы другой; *синтаксическими* – эллиптические предложения, инверсия, риторические вопросы, восклицательные и побудительные предложения, параллельные конструкции, парцелляция, повторы, обособление, перечисление, тема-рематическое членение, зевгма; *текстуальными* – усиление содержания текста через выделение и акцентирование информации, структурно-композиционные особенности.

Целью данного исследования является выявление и анализ языковых особенностей создания экспрессивности в контекстах убеждающей речи, реализующих тактики разнонаправленной оценочности, а именно тактику *оправдания* (положительная оценка) и тактику *дискредитации* (отрицательная оценка). Для анализа из текстов защитительных речей немецких и швейцарских адвокатов были выделены 10 экспрессивно окрашенных фрагментов, реализующих тактику оправдания обвиняемого, и 10 экспрессивных фрагментов, направленных на дискредитацию обвинителей.

В результате анализа было установлено, что в контекстах с тактикой оправдания используются следующие средства экспрессивности:

- интенсификаторы: *sehr, rein, ganz, vollkommen, durchaus, ausserordentlich.*
- гипербола: *allermeisten, vollumfänglich.*
- метафора: *mit offenen Karten spielen, am Herzen liegen, inneres Feuer.*
- лексика возвышенного стиля: *untadeliger Leumund.*
- повтор глагола, словосочетания: *Er bangte um die Zukunft seiner Gesellschaft, der er fast 30 Jahre verpflichtet war … Und damit verbunden bangte er um den Erhalt seines Management Boards aber auch um seine Position und um sein Einkommen.*
- инверсия: *Kritisch wurde die Lage, nachdem die Löhne Manager drastisch reduziert wurden.*
- параллельные конструкции (условные предложения): *Ein Abgang der bewährten Manager wäre mit erheblichen Mehrkosten verbunden gewesen, soweit die Firma unter diesen Umständen überhaupt überlebt hätte. Und in der damals laufenden Integrationsphase hätte der Abgang dieser Manager einen Verlust von Know-How bedeutet. Selbst wenn nach ihrem Abgang schlechter qualifizierte Personen eingesetzt worden wären, hätten diese durch ausländische Fachleute unterstützt werden müssen. Und schon allein die Honorare dieser ausländischen Konsulenten hätten mehr gekostet, als…*
- анафора: *Auch der so genannte „Engagement Letter“ hinterlässt keine Zweifel hinsichtlich… Auch aus den Aussagen beider Zeugen geht klar hervor…*

Что касается контекстов с тактикой дискредитации, то для ее реализации используются следующие средства экспрессивности:

- интенсификаторы: *derart, völlig, voll, sehr, gar, ausschließlich, all zu, schlicht, aber wirklich, schlechterdings.*
- лексика с ярко выраженной негативно-оценочной экспрессией: *absurd, abstrus, aberwitzig, obskur, blanker Unsinn, lächerlich, erbärmlich, drakonisch.*
- лексика разговорного стиля: *überschwatzen.*

- метафоры: *Gestrüpp von Darstellungen, semantische Verrenkungen, schleierhaft, schwammig, unscharf, aufgebauscht, aus der Luft greifen, an den Haaren herbeiziehen, ins Blaue hinein behaupten, ins Leere gehen, in der Luft hängen, auf den Kopf stellen, zusammenschustern, klittern, sich vergaloppieren, eine unbelegte Anklage reiten, den Bogen überspannen, zu weit gehen, den Boden der Rechtsstaatlichkeit verlassen, die Grenze des juristisch Zulässigen überschreiten, Plaudertasche auf seine Seite ziehen, etw. in den Deckmantel eines ordentlichen Strafprozesses hüllen, sich den ungesetzlichen Luxus leisten, Kopfschütteln erregen, sich an jeden Strohhalm klammern, sich festsaugen, veritable Totgeburt, hinzudichten, Punkte für sich sammeln, aus dem Ärmel schütteln, hin und her schwanken.*
- гипербола: *immenser Aktenberg.*
- ирония: *Es wurden bloß Wörter ausgetauscht, ein „zudem" mit einem „überdies". Zeit für die wichtigen Dinge blieb bei dieser akribischen Feinarbeit wohl nicht mehr.*
- риторический вопрос*: Steht nicht etwa die Verurteilung von Beginn dieses Verfahrens an fest? Was darf man sich als Strafuntersuchungsbehörde eigentlich alles erlauben? Darf man behaupten, ein Sachverhalt habe nicht ermittelt werden können, nur weil das Resultat nicht in den Kram passt? Welches Motiv hat der Staatsanwalt gehabt, sich derart unverfroren über seine gesetzlichen Pflichten hinwegzusetzen? Wie steht es nun denn mit der Glaubwürdigkeit des Zeugen M.?*
- перечисление: *Die Trennung zwischen Judikative und Exekutive, die Unabhängigkeit eines Gerichts, die Aufklärung und die Suche nach Wahrheit, all das ist im politischen Strafprozess außer Kraft gesetzt.*
- инверсия: *Nicht angehen kann zudem, dass die Staatsanwaltschaft, ohne jeglichen Nachweis, salopp einfach behauptet, die Vereinbarungen hätten Eingang in die Buchhaltung der Lot gefunden.*
- повтор интенсификаторов: *Hier liegt die Sache gründlich anders, zum Nachteil unserer Justiz: Die Anklage ist derart absurd, unsorgfältig, ungenau und unvollständig, die Beweise – wo es überhaupt welche gibt – derart ungenügend, dass die Sache nie hätte angeklagt werden dürfen. … Die Staatsanwaltschaft hat in der Anklageschrift derart wirtschaftsfremde Ausführungen gemacht, dass...*

Таким образом, обзор средств создания экспрессивности в контекстах с разнонаправленной оценочностью позволяет сделать вывод о неравномерном использовании экспрессивных средств при реализации тактик «оправдание» и «дискредитация». В то время как в положительно-оценочных контекстах экспрессивность создается в основном за счет использования интенсификаторов и некоторых синтаксических средств, экспрессивность в отрицательно-оценочных контекстах достигается наряду с этими средствами еще и активным использованием метафор, риторических вопросов, иронии для интенсивного подчеркивания несостоятельности обвинения. Для сравнения – количество метафор, использованных во фрагментах с тактикой «оправдание», – 3, во фрагментах с тактикой «дискредитация» – 31. Таким образом, можно констатировать, что экспрессивность при дискредитации намного интенсивнее, она создается целым рядом разнообразных средств, задачей которых является дискредитировать обвинение и добиться оправдательного приговора.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

М. П. Булгакова

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Проблема ограничения корпуса исследования всегда остро становится перед молодыми исследователями лексического строя языка. Студентам и магистрантам, изучающим различные слои лексики, необходимо четко представлять механизм и критерии отбора лексических единиц, подлежащих анализу в соответствующем исследовании.

Наиболее продуктивным способом анализа различных лексических сфер показал себя полевый подход. В основе объединения лексических единиц в лексико-семантические поля лежат, как известно, общие компоненты значения, и традиционно идентификация лексико-семантического поля (ЛСП) производится на основе определенного признака, соответствующего неразложимой единице мысли – конкретному представлению или абстрактному понятию, иначе говоря, на основе идентифицирующего слова, по терминологии Ш. Балли.

Идея идентифицирующего слова получила развитие в использовании для отбора лексики так называемой процедуры трансформации объяснения. Под этим подразумевается объединение в одно ЛСП слов, имеющих связи в словарных толкованиях, которые проявляются наличием в дефиниционном материале общих компонентов. Это делает соответствующие слова соотнесенными по смыслу. Подобные приемы описаны также в работах И. В. Арнольд, И. А. Стернина, А. А. Уфимцевой, которые называют такую общую для ряда единиц часть словарной дефиниции идентифицирующим предикатом. Некоторые исследователи используют для подобного обобщающего смысла более подходящий, на наш взгляд, термин – *идентифицирующая формула*.

Для того чтобы из словарных статей вывести идентифицирующую формулу, необходимо иметь исходную группу языковых единиц, содержащих эту формулу. Получается логический круг, выйти из которого позволяет обращение к идеографическим данным, что является особым выражением ономасиологического подхода.

Так, для параметрических прилагательных такими исходными словами являются слова, относящиеся к разделу словаря «Размер», для прилагательных цветообозначений – группа прилагательных из раздела «Цвет», для прилагательных вкусовых восприятий – «Вкус» и т.д. Например, в словаре Р. Халлига / В. Вартбурга в разделе «Размер» приводятся французские прилагательные в следующем порядке: *long, court, large, étroit, épais, mince, délié, fin, gros, massif, grand, petit, ample, haut, élevé, bas, profond*. Эти слова послужат отправным пунктом идентификации поля параметрических прилагатель-

ных (ПП). Наличие исходной группы прилагательных позволяет проанализировать словарные дефиниции ПП с целью определения критерия, по которому будет производиться дальнейший отбор слов из тех или иных лексикографических источников. Достоинство основанного на словарных дефинициях способа идентификации ЛСП заключается в том, что показания лучших толковых словарей имеют объективный характер. В то же время использование лексикографического материала полезно ввиду проведенного в нем первичного разложения значения на компоненты.

В ходе выведения идентифицирующей формулы в словарных статьях ПП исходной группы выделяется указание на зрительно воспринимаемые признаки, характеризующие размеры материального предмета. При этом существительные *dimension* ‘размер’, *étendue* ‘протяженность’, *surface* ‘площадь, поверхность’, *volume* ‘объем’ выступают в составе дефиниций как элементы, указывающие на идентифицирующую формулу. Наряду с ними используются также уточняющие синонимы *taille* ‘рост, величина’, *hauteur* ‘высота’, *longueur* ‘длина’, *largeur* ‘ширина’, иногда *épaisseur* ‘толщина’, *minceur* ‘тонкость, худощавость’.

Для структурно-синтаксического оформления дефиниции характерны следующие сочетания:

1) *Dont la hauteur (la taille, la longueur, la surface, le volume, l’ensemble des dimensions…) dépasse la moyenne* ‘у которого высота (рост, длина, площадь, объем, совокупность размеров…) превосходит среднюю величину’;

2) варианты с противоположным значением: *Dont les dimensions (la longueur, la surface…) sont inférieures à la moyenne* ‘у которого размеры (длина, площадь…) ниже средней величины’;

3) трансформации на основе глаголов *avoir* ‘иметь’, *être* ‘быть’: *Qui a peu de hauteur (largeur, longueur)* ‘имеющий малую высоту (ширину, длину)’. *Qui a une étendue supérieure (inférieure) à la moyenne dans le sens de la largeur (la longueur)* ‘имеющий протяженность больше (меньше) среднего в ширину (в длину)’. *Qui est d’une dimension considérable* ‘значительного размера’.

Именно эти сочетания использованы для выражения идентифицирующей формулы «имеющий протяженность в пространстве».

Для прилагательных цветообозначений идентифицирующая формула будет включать указание на колорему, т.е. «имеющий цвет, оттенок чего-либо», прилагательные вкусовых характеристик будут иметь в своих дефинициях указание на вкус, привкус.

Еще одним выражением дефиниционного подхода является отождествление на основе синонимических связей слов, широко применяемое в рамках процедуры «трансформация объяснения». Этот прием основан на том, что синонимы часто используются в толкованиях слов. Определение через синонимы отражает непосредственную семантическую связь между элементами поля. Инвариантная основа группы близких по значению слов часто получает выражение через указание на выступающий в качестве метаслова гипероним или на его определение.

Если метаслово по каким-либо причинам не используется в качестве средства толкования, то можно обратиться к другим ПП, принадлежность которых к данному ЛСП уже определена, например, *maigre – qui est peu épais, fin, mince* ‘худой – тонкий, худощавый, не толстый’. Методика идентификации через синонимы широко применяется при изучении ЛСП глаголов и других частей речи, но в силу чрезвычайной семантической подвижности прилагательных этот прием отождествления может быть использован только при условии выхода, в конечном счете, на идентифицирующую формулу.

Целесообразно также использовать при идентификации данные нескольких словарей. Применение различных источников позволяет получить более полную идентификационную базу для изучаемых прилагательных, так как в некоторых случаях материал одного или двух словарей не давал ответа на идентифицирующую формулу.

Е. А. Бухаткина, В. А. Роскач

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ *БЕЛЫЙ* В АНГЛИЙСКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Цвет, являясь междисциплинарным объектом исследования различных наук и областей человеческой деятельности, не только привлекает внимание многих ученых с давних времен, но и составляет важную часть в структуре всего человеческого опыта и репрезентируется в языке посредством системы цветообозначений. Необходимо подчеркнуть, что своеобразие цветообозначений наиболее ярко проявляется во фразеологической картине мира, поскольку цветолексемы способны ярко и образно отражать характерные черты мировосприятия и мирооценивания народа, включая влияние культурологических, социально-исторических, психологических и других факторов на образование производных смыслов.

Выбор концепта «белый цвет» как объекта исследования обусловлен тем, что «белый» является одним из наиболее древних цветовых наименований и одним из наиболее распространенных цветовых концептов в системе цветообозначений современных языков. У большинства народов отношение к белому цвету сходно, поскольку он ассоциируется со светом в течение дня и, следовательно, с добром. В западных странах существует неизменная традиция ношения белых платьев невестами. Считается, что эта традиция возникла более 2 000 лет назад в Римской империи, когда невесты носили белые туники, символизирующие их целомудрие. Повсеместно соблюдаемой во многих странах данная традиция стала благодаря королеве Виктории, которая в 1840 году предпочла носить белое кружевное платье вместо коронационных мантий королевской традиции. Более того, белый цвет, а именно белый голубь, является символом мира. Однако данная цветолексема может входить в состав и фразеологических единиц с негативной коннотацией, а именно фразеологизмов, выражающих трусость, страх, капитуляцию, пустоту, холодность, смертельную бледность.

Анализ фразеологических единиц (ФЕ) английского и итальянского языков, в состав которых входит констант «белый», позволил выделить различные группы/подгруппы фразеологизмов по их семантическому значению.

Семантическая категория «человек»

Значительная часть фразеологизмов направлена на характеристику человека, его поведения, интеллектуальных способностей, нравственных качеств. Белый цвет (англ. *white*, ит. *bianco*) выражает очищенную душу, радость, чистоту. В давние времена белый цвет также использовался в отношении прозрачных и светлых веществ, в том числе воды, которая необходима для жизни. Отсюда и белый цвет, как вода, смывающая грязь с человека, приобрел значение чистоты, в том числе душевной. Многие века назад в периоды, когда тюрьмы пустовали, вывешивались белые флаги со значением отсутствия в зданиях злого духа, грешных людей. Среди английских ФЕ можно выделить следующие: *whiter than white* – человек, неукоснительно следующий правилам (Cambridge Dictionary), *white man* – порядочный человек (Farlex Dictionary); *to have white hands* – иметь чистую совесть (Oxford Dictionary); *white hat* – добродетельный человек (герой вестерн-фильмов в белой ковбойской шляпе противопоставлялся злодею в черной шляпе) (Farlex Dictionary); *a whited sepulcher* – человек, группа, место или вещь, представленные как добродетельные и морально честные снаружи, но лицемерно испорченные, аморальные или злые внутри. Первоначально фраза была взята из Библии (Farlex Dictionary). ФЕ *white lie* означает невинную ложь, безобидную или слишком мелкую, чтобы навредить кому-либо (The Dictionary of Idioms and Phrases).

Итальянские ФЕ, передающие идею невинности, чистоты души: *farsi bianco* – оправдать себя; *un abito bianco non cancella un nome nero* – белая одежда не меняет черное имя. Общий для двух языков фразеологизм: *lily-white / bianco come il giglio* – невинный, честный (Farlex Dictionary, Treccani Vocabolario), где *lily-white* употреблялся сначала в отношении людей, выступающих за дискриминацию представителей негроидной расы (Collins Dictionary).

В сопоставляемых языках белый цвет может также выражать **страх, трусость**, проигрыш: *white flag / bandiera bianca* – белый флаг, капитуляция. Фразеологизмы, не имеющие эквивалента во втором сопоставляемом языке: *white-livered* – подлый, трусливый (Oxford Dictionary); *andare in bianco* – потерпеть неудачу (WordReference Dizionario). Данную сему также содержит устойчивое словосочетание *to show the white feather* – «струсить», значение которого уходит корнями в конец XVIII в., когда петушиные бои были респектабельными, однако наличие у петуха белого пера служило знаком того, что он не являлся настоящей игровой породой (Douglas Harper Etymology Dictionary).

В **семантической категории «человек»** можно выделить 2 подгруппы: **«внешность человека»** и **«расовая / национальная принадлежность»**. Особую роль в первой подгруппе играют адъективные компаративные фразеологические единицы с белым цветом, где определяемое выражено прилагательным, а определение – существительным: *(as) white as chalk (as a ghost,*

as death, as clay) – белый как бумага (привидение, смерть, клей); *bianco come la camicia (la carta, un fazzoletto, una candela, un morto)* – белый как рубашка (как бумага, платок, свеча, мертвец). Фразеологизмы *as white as snow / bianco come la neve, as white as milk / bianco come il latte, lily-white / bianco come il giglio* (белый как снег, молоко, лилия) отражают **цвет кожи, светлый** и чистый (Farlex Dictionary, Treccani Vocabolario). В итальянском языке в дополнение к вышепепречисленным ФЕ имеются следующие фразеологизмы: *mano bianca è assai lavata* – естественная красота не требует прикрас; *bianco e rosso* говорят о человеке, имеющем здоровый вид. Белоснежная кожа в совокупности со светлыми волосами изображалась через *bianco* еще в куртуазной поэзии XIII–XV веков: *bella e bianca* – распространенная характеристика красавиц того времени, напр. *Isotta dalle Bianche Mani*.

Вызывает интерес и тот факт, что словом *белый* на современном этапе развития английского и итальянского языков выражается не столько сверкающая чистая кожа, сколько сильная **бледность кожи** по причине каких-либо внешних обстоятельств: *faccia bianca* – белое (бледное) лицо, *farsi bianco per uno spavento* – побледнеть от страха, *farsi bianco in viso* – внезапно побледнеть, *white around the gills, (as) white as a ghost / bianco come un morto* выражают бледность от головокружения, болезни, страха или шока (MacMillan Dictionary, Treccani Vocabolario), *as white as a sheet / bianco come un cencio* – белый как полотно (о бледном цвете кожи только по причине страха или болезни) (Farlex Dictionary, La Repubblica Dizionario di Italiano). ФЕ *as white as a sheet*, датируемая концом XVI века, сохранилась, несмотря на то, что в настоящее время простыни бывают всех цветов (Farlex Dictionary).

В подгруппе **«расовая / национальная принадлежность»** фразеологические единицы сохранили мотивированность в относительно полной мере: *white race / razza bianca* – белая раса; *white / bianco* (прил.) – человек, имеющий светлую, бледную кожу, относящийся к представителям белой расы (Longman Dictionary, WordReference Dizionario); *white Russian / biancorusso* – белорус или белорусский язык (на данный момент данная ФЕ уступила место *belorussian, bielorusso*); *white supremacy / supremazia bianca* – убеждение о том, что белые люди составляют высшую расу и поэтому должны доминировать в обществе, как правило, в ущерб другим расовым и этническим группам (MacMillan Dictionary, Treccani Vocabolario); *White Father / Padre Bianco* – член ордена миссионеров в Африке (Oxford Dictionary). Среди английских фразеологизмов, не имеющих итальянских эквивалентов, можно отметить: *white man's disease* – заболевание или недомогание, наиболее распространенное среди европеоидной расы; *white flight* – феномен массового переселения белых людей, который обычно рассматривается как расистский ответ на приток небелых людей, поселяющихся в их городе или районе (Farlex Dictionary); *white saviour* (уничижительный термин) – белый человек, который принимает меры, чтобы помочь небелым людям и может чувствовать моральное превосходство; *non-white* (в ит. нет эквивалента, выраженного одной ЛЕ) – используется для описания людей, которые не считаются представителями расы

с бледной кожей. Данная лексема, как правило, считается оскорбительной, поскольку предполагает, что белая часть населения мира доминирует над остальными (Collins Dictionary).

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что сопоставляемые языки имеют в общей сложности одинаково обширные и всеохватывающие группы фразеологизмов с компонентом *белый*. Немного более широко, однако, охватываются семантические поля характера человека (как положительные, так и отрицательные качества), а также национальной и расовой принадлежности в английском языке, нежели в итальянском. Основная сема белого цвета ‘добро, чистота, физическая и нравственная красота’ прослеживается в большинстве фразеологизмов обоих сопоставляемых языков. Данная сема присутствует в том числе и при обозначении расовой принадлежности в английском языке, подчеркивая белую расу как превосходящую другие по нравственным качествам, что приводит к образованию негативной коннотации фразеологизмов данной подгруппы.

Ю. С. Войтович

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКОГО И ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

Испанский и португальский языки являются одними из самых распространенных языков в мире. Оба эти языка относятся к индоевропейской семье языков, романской группе, иберо-романской подгруппе. Письменность языков основана на использовании символов латинского алфавита.

Сходство между испанским и португальским языками объясняется их общей этимологией, практически параллельным развитием из вульгарной латыни, распространившейся на Пиренейском полуострове во времена античности, и постоянному соседству этих языков. Лексика и грамматика письменности обоих языков сильно схожи, поскольку устные традиции этих двух языков начали дистанцироваться друг от друга не ранее X века. Однако есть существенные различия, которые отличают один язык от другого. Основное отличие состоит в том, что они развивались в разных частях Пиренейского полуострова. Родиной испанского языка является долина реки Эбро, расположенная к северу от Пиренейских гор. Португальский язык зародился в Галисии в северо-западной части полуострова. На испанский также повлиял мосарабский язык после завоевания полуострова арабами. До сих пор в нем есть арабизмы, которые сохранились спустя много веков. Португальская же территория была не так подвержена влиянию арабов. Но на развитие языка оказали влияние кельты, они приблизили его звучание к каталонскому, а также французскому.

Существует интересное мнение, что носители португальского и испанского языков свободно понимают друг друга. Считается, что носители португальского языка понимают своих испаноговорящих собратьев гораздо лучше,

чем те их. Происходит это потому, что фонетика португальского языка богаче испанской. Но зачастую бывает так, что даже бразильцы без подготовки не способны понять быструю испанскую речь. Поэтому это понимание относительное.

Испанский и португальский языки обладают особенной энергетикой. Импульсивны, темпераментны, одновременно мелодичны и ритмичны. Тем, кто с этими языками не знаком и воспринимает их лишь как красивое сочетание звуков, зачастую кажется, что они одинаковы. Но это мнение ошибочно. У каждого из них есть свои грамматические, фонетические и лексические особенности, которые необходимо учитывать в процессе обучения.

Рассмотрим лексические особенности испанского и португальского языков.

Испанский и португальский языки имеют около 89 % лексического сходства. Проанализировав лексический состав обоих языков, можно выделить следующие группы:

– слова, полностью совпадающие в написании, близкие по звучанию и имеющие одинаковое значение: *mundo* ‘мир’ (исп.) – *mundo* ‘мир’ (порт.), *amigo* ‘друг’ (исп.) – *amigo* ‘друг’ (порт.), *azul* ‘голубой’ (исп.) – *azul* ‘голубой’ (порт.);

– слова, имеющие незначительные отличия в написании и звучании, но имеющие одинаковое значение: *pez* ‘рыба’ (исп.) – *peixe* ‘рыба’ (порт.), *besar* ‘целовать’ (исп.) – *beijar* ‘целовать’ (порт.), *amarillo* ‘желтый’ (исп.) – *amarelo* ‘желтый’ (порт.);

– слова, полностью или частично совпадающие в написании и звучании, но имеющие разные значения (межъязыковые омонимы): *embarazada* ‘беременная’ (исп.) – *embaraçada* ‘запутанная’ (порт.), *polvo* ‘пыль’ (исп.) – *polvo* ‘осьминог’ (порт.), *acordar* ‘вспоминать’ (исп.) – *acordar* ‘просыпаться’ (порт.), *borracha* ‘пьяная’ (исп.) – *borracha* ‘резинка для стирания’ (порт.), *ligar* ‘флиртовать’ (исп.) – *ligar* ‘звонить’ (порт.), *fechar* ‘датировать’ (исп.) – *fechar* ‘закрывать’ (порт.), *barata* ‘дешевая’ (исп.) – *barata* ‘таракан’ (порт.), *risco* ‘скала’ (исп.) – *risco* ‘риск, опасность’ (порт.), *cena* ‘ужин’ (исп.) – *cena* ‘сцена’ (порт.), *logro* ‘достижение’ (исп.) – *logro* ‘обман, надувательство’ (порт.), *solo* ‘один, единственный’ (исп.) – *solo* ‘земля, почва’ (порт.), *propina* ‘чаевые’ (исп.) – *propina* ‘взятка’ (порт), *largo* ‘длинный’ (исп.) – *largo* ‘широкий’ (порт.), *crianza* ‘уход, воспитание’ (исп.) – *criança* ‘ребенок’ (порт.), *rato* ‘миг, мгновение’ (исп.) – *rato* ‘мышь’ (порт.), *reto* ‘вызов (на дуэль)’ (исп.) – *reto* ‘прямой’ (порт.), *latir* ‘биться (о сердце)’ (исп.) – *latir* ‘лаять’ (порт.).

Также можно выделить слова, встречающиеся в обоих языках, например, *buscar* (исп.) – *buscar* (порт.), *necesitar* (исп.) – *necessitar* (порт.), *vivir* (исп.) – *viver* (порт.), *encontrar* (исп.) – *encontrar* (порт.), *creer* (исп.) – *crer* (порт.), *secar* (исп.) – *secar* (порт.). Однако в португальском языке отдается предпочтение синонимам, например, вместо *buscar* используется *procurar* ‘искать’, вместо *necessitar* – *precisar* ‘нуждаться’, вместо *viver* – *morar* ‘жить’, вместо *encontrar* – *achar* ‘находить’, вместо *crer* – *acreditar* ‘верить’, вместо *secar* – *enxugar* ‘сушить’.

Таким образом, при изучении испанского и португальского языков нужно учитывать их лексические особенности и сначала достичь высокого уровня овладения одним языком, прежде чем начать изучение второго.

И. Денисова, Л. М. Надумович

НЕОЛОГИЗМЫ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

Традиционно выделяются 2 основные разновидности заимствований – «калькирование и прямое заимствование». Прямое заимствование предполагает сохранение графической или звуковой формы иностранного слова и его значения, а при калькировании – только значение или семантическая структура иноязычного слова. Среди калькированных единиц различают словообразовательные кальки и семантических кальки.

Заимствования очень часто представлены полукальками (смешанные заимствования), в которых одна часть слова заимствуется материально, а другая калькируется или уже существует в данном языке, например, *infinity pool* ‘инфинити-бассейн’, *business school* ‘бизнес-школа’, *teleconference* ‘телеконференция’.

Неологизмы могут передаваться с помощью транскрипции и транслитерации, то есть средствами русского языка: *life hack* ‘лайфхак, полезные приемы, трюки, советы’.

Промежуточное положение между переводом и переносом нового слова занимает калькирование. Как прием создания соответствия для неологизма оно состоит в покомпонентном переводе составляющих сложного слова или словосочетания: *e-mail* ‘электронная почта’, *to front-page* ‘помещать на первой странице’.

Наконец, описательный перевод как способ передачи неологизмов, при котором слово толкуется безотносительно к модели и структуре иностранного слова, обращен не столько к форме исходного слова, сколько к его значению: *summit meeting* – ‘встреча на высшем уровне’. Однако в английском языке словосочетание претерпело сокращение *summit*, которое путем транскрипции появилось и в русском языке – *саммит* – и не требует дополнительного пояснения.

Достаточно большой группой неологизмов, которая постоянно пополняется новыми словами, являются слова, связанные с интернет-пространством. Такие слова появляются в английском языке с завидной частотой, и, соответственно, пополняют словарный состав русского языка, так как продвинутые пользователи Интернета перенимают все эти новшества у англоговорящих друзей, коллег, из текстов зарубежных СМИ, а затем они начинают популяризировать эти неологизмы среди носителей русского языка.

Приведем примеры неологизмов-англицизмов:

В соцсетях под ***хэштегом*** *«Мой Нотр-Дам» люди из разных стран во вторник, 16 апреля, делятся фотографиями и личными историями о храме, посетить который мечтали с детства*. Неологизм *хэштег* (*hashtag*) уже

настолько прочно вошел в жизнь современных пользователей социальных сетей, что совершенно не нуждается в каких-либо пояснениях. Способ передачи – транскрипция + транслитерация.

Если ребенок находит сабтвит *о себе, то есть разные способы реагировать, в зависимости от того, кто запостил* ***сабтвит***. Неологизм ***сабтвит*** употребляют пользователи социальной сети Твиттер. Для передачи на русский язык была использована транскрипция.

Таким образом, с расширением информационного поля, появлением новых приложений для смартфонов и программ для компьютеров происходят изменения и в лексическом составе языка, рождаются новые слова для обозначения новых понятий.

Е. Ю. Зубовский

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ КОМПАРАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ПРОИЗВОДНЫХ ОТ ОНИМОВ

Особенностью прилагательных компаративного типа, как известно, является словообразовательное значение ‘подобие’, фиксирующее в их семантике операцию сравнения по разным признакам, которыми обладает та или иная производящая база (наименования лиц, животных, птиц, рыб, растений, объектов материального мира и т.д.).

Помимо наименований вышеприведенных лексико-семантических групп, производящими базами для компаративных прилагательных нередко выступают онимы – имена политиков, писателей, актеров, ученых, мифических героев и др.: *Einsteinian* ‘эйнштейновский, как у Эйнштейна’, *Schwarzneggerian* ‘шварцнеггерский’, *Clintonian* ‘свойственный Клинтону, характерный для него’, *Chaplinesque* ‘чаплинский’, *Churchillian* ‘свойственный Черчиллю, характерный для него’, *Tolstoyan* ‘толстовский’, *Stalinesque* ‘сталинский’, *Hitlerian* ‘гитлеровский’, *Herculean* ‘геркулесов’, *Wildean* ‘уайльдовский’ и др. Онимы являются специфичным классом единиц, которые отличаются от имен нарицательных тем, что они указывают на конкретный объект с индивидуальными характеристиками, в то время как имена нарицательные обозначают класс однородных объектов.

Целью нашего исследования является установление того, что выражают прилагательные, образованные от онимов.

Важную роль в установлении семантики этих производных играет контекст. Источником примеров контекстуальных употреблений компаративных дериватов послужил Британский национальный корпус (British National Corpus). Анализ контекстуальных употреблений отонимных прилагательных позволил установить, что сравнение проходит по внешним свойствам носителя онима (внешний вид, телосложение, руки, ступни, челюсть, волосы, глаза, усы, борода и т.д.): To achieve the ***Wildean look***, get yourself a purple velvet coat ‘Чтобы добиться ***уайльдовской внешности***, наденьте фиолетовое бар-

хатное пальто' (www.irishcentral.com); if you lift too much weight, you'll bulk up to ***Schwarzeneggerian proportions*** 'если вы поднимете слишком большой вес, вы наберете массу до ***шварценеггеровских пропорций***' (bodyforlife.com); you could mix by hand if you've got ***Herculean arms*** like mine 'Вы могли бы смешать вручную, если бы у вас были ***геркулесовы руки***, как у меня' (salad-in-a-jar.com); …physical attributes: dopey expression, ***Chaplinesque feet*** that point outward '…физические характеристики: одурманенное выражение лица, ***чаплинские ступни***, вывернутые наружу' (lionking.org); Medicott has ***Churchillian jowls*** and alert eyes 'У Медикотта ***челюсть, как у Черчилля***, и внимательные глаза' (findwords.info); Travolta's eyes pool with ***Clintonian dew*** 'Глаза Траволты наполняются ***блеском, как у Клинтона***' (abcnews.go.com); Primus, a sort of Makropulos Magus figure with bushy white ***Einsteinian hair*** 'Примус, своего рода Макропулос Магус с густыми седыми ***волосами, как у Эйнштейна***' (www.theartsdesk.com); Saddam Hussein was always a Kurd-killing cockroach with a ***Hitlerian mustache*** 'Саддам Хусейн всегда был тараканом с ***гитлеровскими усами***, который убивал курдов' (corpwatch.org); I finally have the confidence to pull off a bushy, ***Stalinesque moustache*** 'Наконец-то я решился сбрить густые, ***как у Сталина, усы***' (rockpapershotgun.com); …Hossein Hashimi, ***Tolstoyan*** grey ***beard***, rheumy eyes '…Хоссейн Хашими, ***толстовская*** седая ***борода***, слезящиеся глаза' (imsdb.com).

Помимо сравнения на основании физических характеристик, наблюдается операция сравнения в семантике дериватов на основании таких рациональных признаков носителя онима, как *поведенческие характеристики*: Plumber is more punchline than protagonist, complete with ***Chaplinesque antics*** and a tendency to cower behind Mario 'Водопроводчик – больше изюминка, чем главный герой, с ***чаплинскими выходками*** и склонностью прятаться за Марио' (www.kotaku.com.au); Basso later took a ***Clintonian excuse*** when he finally fessed up for working with Dr. Eufemiano 'Позже Бассо использовал ***оправдание, как у Клинтона***, когда наконец признался в работе с доктором Эуфемиано' (velonews.competitor.com); Dick Cheney adopted the ***Hitlerian technique*** of the big lie to launch the Iraq War 'Дик Чейни применил ***гитлеровскую технику*** большой лжи, чтобы развязать войну в Ираке' (informationliberation.com); *интеллект*: …deep inside each of us, there is an ***Einsteinian genius*** waiting to be unleashed '…глубоко внутри нас сидит ***эйнштейновский гений***, который ждет того, чтобы его высвободили' (wafflesatnoon.com); *черты характера и состояния человека*: He may lack ***Churchillian charisma***, the ability to inspire 'Возможно, ему не хватает ***харизмы, как у Черчилля***, способности вдохновлять' (www.theguardian.com); …always happens in such cases, the effect of this ***Tolstoyan abstention*** from politics '…всегда бывает в таких случаях, эффект ***толстовской воздержанности*** от политики' (marxists.org); This is particularly damaging if you are not an actual ***Stalinesque tyrant*** 'Это особенно опасно, если ты не настоящий ***сталинский тиран***' (management-issues.com); …it would be a ***Herculean task*** to write even a simple program '…это было бы ***геркулесовой задачей*** – написать даже простую программу' (eskimo.com); …brash, slightly arrogant, simplistic, and delivering

Schwarzeneggerian one-liners in the heat of battle '…дерзкий, слегка высокомерный, простоватый и выкидывающий ***шварценеггеровские шутки*** в пылу битвы' (well-of-souls.com); however, Derren delighted us all with his usual ***Wildean witticisms*** and humour 'однако Деррен порадовал всех нас своими обычными ***уайльдовскими шуточками*** и юмором' (www.pinknews.co.uk.) Функционирование отонимных прилагательных позволяет сделать вывод о том, что они способны выражать целую гамму свойств, которую говорящие актуализируют в речи.

Таким образом, прилагательные, образованные от имен собственных, как и от имен нарицательных, указывают на многочисленные характеристики, по которым происходит операция сравнения. Широкий ряд качеств и свойств референтов онимов является источником семантического потенциала отонимных прилагательных, благодаря которому они выражают разные значения.

Т. С. Иванова

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

Важным условием существования всякого языка является его эволюция, подвижность, т.е. отмирание устаревших и образование новых элементов языковой системы. Такие процессы касаются прежде всего лексико-семантического яруса языка. Именно лексика связана с объективной действительностью и непосредственно отражает то, что в ней происходит. Так, при работе над темой «Kommunikation» на 4 курсе немецкого языка как второго иностранного часто употребляются такие англицизмы, как *Trend, Server, Modem, User, Info, downloaden, liken.* Эти слова уже прочно закрепились в немецком языке. С 1998 г. широко употребляется глагол *googeln* (recherchieren mit Suchmaschine). С 2006 г. – *twittern*, с 2012 г. – *tindern* (Leute kennen lernen). Вызывает интерес существительное *Smobie* – jemand, der seine Aufmerksamkeit nur auf sein Smartphone richtet und wie Zombie nichts wahrnimmt. Одновременно такие слова, как *DVD, Videothek, CD, Player* уходят на задний план и все реже употребляются в современном языке.

События последнего времени вносят существенные изменения в лексический состав тематической группы «Gesundheit», так как пандемия затронула многие стороны жизни во всем мире. Говоря о здоровом образе жизни, мы пользуемся следующей лексикой:

1) *den Abstand halten*
2) *die Gesichtsmaske tragen*
3) *der Maskenmuffel (der Mensch, der keine Maske tragen will)*
4) *die Hände regelmäßig desinfizieren*
5) *der Hamsterkauf (das Streben, zu viele Waren zu kaufen)*
6) *die Hustenetikette*
7) *die Ausgangssperre / Kontaktsperre*

8) *die Virenangst*

9) *unter Quarantäne stehen / Quarantäne auheben*

10) *sich impfen lassen*

11) *das Geisterspiel (eine Veranstaltung ohne Zuschauer)*

В немецком языке появилось немало англицизмов, связанных с темой «Coronavirus»: *Coronaparty, Lockdown, social distancing, Homeschooling, Homeoffice* и другие, которые прочно входят в повседневность. Понятие *Denglisch* (Deutsch + Englisch) становится все объемнее, более того укореняется понятие *Fringlisch* (Französisch + Englisch).

Работая традиционно по теме «Gesundheit», мы противопоставляем слова *Stress* и *Entspannung*, без разумной комбинации которых человек не может оставаться здоровым. При анализе лексики учебного пособия «Schritte» частей 4, 5 внимание привлекает частотность употребления этих слов как в рекламе, так и в быту:

Stress – Entspannung

– *Stresskiller – Entspannungsübungen*
– *Stresssituation – Entspannung der Muskulatur*
– *Antistresstabletten – Entspannungsphase*
– *Antistresshit – Entspannungstrainer*
– *Beziehungsstress – Entspannungsprogramm*

Такие слова, как *Fitness, Wellness, Aerobik* стали привычными в немецком языке. Но новообразование *Aerobatik*, т.е. Aerobik + Akrobatik встречается еще не так часто.

При работе над темой «Wochenende» можно отметить, что английские слова *joggen, Skateboard, Snowboard, Moutainbike, Paragliding, Freeclimbing, Beachvolleyball, Windsurfing* u.a. дают возможность провести свободное время более активно и динамично, располагая хорошим уровнем физической подготовки.

Тематическая группа «Unterhaltung» иллюстрирует применение лексики, возникшей от смешивания немецких и английских компонентов: *Fernsehspot, Kinostar, Jazzsänger, Spiel-Show, Horror-Film, Lieferservice* и чисто английской лексики: *Sience-Fiction, Action, Quiz*.

Сегодня возрастет частотность употребления слов с гиперболизирующими префиксами *super-, top-, brand-*. Например:

Supermacht, supergeil, superschnelles Auto, Superstar, Superbenzin, Superpräzision;
topaktuell, Top-model, Top-ten, Topform, topfit;
brandneu, brandaktuell, brandeilig.

Аналогичное словообразование может быть продолжено и дальше. Для студентов, изучающих английский язык как первый, это, с одной стороны, облегчающий фактор, но, с другой стороны, существует большая вероятность ошибок при произношении.

Несомненный интерес вызывают следующие неологизмы:

die Nachwendezeit, Ossi (Einwohner der DDR), *Wessi* (Einwohner der BRD), *Besserwessi, Aussi* (Aussiedler), *Ostalgie* (Nostalgie nach der DDR), *der Dritte-Welt-Laden* (Laden mit exotischen Waren), *Afroamerikaner* statt Neger oder

Schwarzer, *ALU-Arbeitslosenunterstützung, Assi* (Assistent). Переселенцы из бывшего Советкого Союза от немецкого глагола *putzen* (‘убирать’) образовали руссифицированный вариант *путцать*.

В заключение хотелось бы отметить, что изменения в мире происходят небывалыми ранее темпами. Новые лексемы раскрывают понятия новых смысловых полей, выражают новые оттенки. Некоторые слова не принимаются, большинство со временем приживаются, иногда видоизменяя свою форму и значение. Это делает язык свежим, обновленным и непредсказуемым.

А. С. Кашевская

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ С КОМПОНЕНТОМ-НАИМЕНОВАНИЕМ ЛИЦА ПО ПРОФЕССИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аксиологическое направление активно развивается в современной лингвистике. Едва ли существует язык, в котором отсутствуют понятия о хорошем и плохом. Аксиологическая лингвистика сформировалась как наука в последние десятилетия. Термины *ценность* и *оценка* – основные понятия аксиологических исследований – ранее использовались исключительно в психологии, философии, логике, социологии. Формирование отдельного научного направления – аксиологическая лингвистика – обусловлено тем, что именно языковая картина мира является отражением различных типов ценностей, которые в свою очередь выступают отличительным признаком культуры. Главным механизмом отражения ценностей в языке по праву признается языковая оценка.

С лингвистической точки зрения языковой оценке можно дать следующее определение: выражение эмоционального отношения – восхищение, одобрение, поощрение и др. (положительное) или порицание, пренебрежение, осуждение, унижение и др. (негативное). Одним из широко используемых средств выражения экспрессивности и эмотивности является фразеология.

В центре проведенного исследования – группа фразеологизмов английского и немецкого языков, включающая в свой состав компоненты-наименования некоторых распространенных профессий. Задача – исследовать оценочный компонент фразеологического значения и выявить особенности оценочных значений отобранных фразеологических единиц.

Оценочный компонент в структуре фразеологического значения может быть выражен эксплицитно, если хотя бы один из компонентов фразеологической единицы является оценочным или ее внутренняя форма носит оценочный характер, или имплицитно, если все компоненты фразеологической единицы являются безоценочными и внутренняя форма стерта. На основе выделения оценочных сем, анализа отрицательных оценочных компонентов по признаку нарушения социальной нормы была разработана классификация фразеологических единиц с компонентом-наименованием лица по профессии, обращенных к концептосфере «человек и его качества».

Для исследования были взяты 24 наиболее распространенных наименований лиц по профессии английского языка в составе 50 фразеологических единиц, а также 34 наиболее распространенных компонента-наименования лиц по профессии немецкого (в дальнейшем НЛП) языка в составе 98 фразеологических единиц.

В рамках концептосферы «человек и его качества» фразеологические единицы были систематизированы по признаку нарушения социальных норм интеллектуальных способностей, поведения, нравственности и морали:

1. Оценка уровня образованности, квалифицированности, социального статуса (доминантная сема ‘квалифицированный, привилегированный / неквалифицированный, необразованный, низший’): *Es ist nicht jeder ein Koch, der einen großen Löffel in der Hand hat. (нем.). Nasse Jäger, trockene Fischer, schlecht Geschäft (нем.). Der Schuster hat die schlechtesten Schuhe (нем.). Son of the sea cook (англ.). A bad workman quarrels with his tools (англ.). The butcher, the baker, the candlestick maker (англ.).*

2. Оценка деятельности человека (доминантная сема ‘добрые дела / злые дела’): *Der Kopfjäger (нем.), den Bock zum Gärtner machen (нем.). Butcher’s bill (англ.). God sends meat and the devil sends cooks (англ.).*

3. Оценка возраста и опыта человека (доминантная сема ‘опытный, зрелый / неопытный, молодой’): *Ein guter Koch muß kosten (нем.). Ein junger Arzt muss drei Kirchhöfe haben (нем.). Clay in the hands of the potter (англ.).*

4. Оценка морально-этических качеств человека:

а) доминантная сема ‘бескорыстный, честный / алчный, жадный’): *Kein Müller hat Wasser und kein Schäfer Weide genug (нем.). Ein Glas Wein auf die Suppe ist dem Arzt einen Taler entzogen (нем.). Lion hunter (англ.), fortune hunter (англ.).*

б) доминантная сема ‘скромный услужливый / высокомерный, надменный’): *Der dümmste Bauer erntet die dicksten Kartoffeln (нем.). Kein Koch preist den anderen hoch (нем.). Es ist kein Meister so gut, er findet einen über sich (нем.).*

Положительная оценка профессиональных навыков человека, его деятельности, социального положения и морально-этических качеств не всегда фиксируется в языке – это норма. Именно нарушение нормы чаще всего находит свое отражение во фразеологических единицах, что и подтвердило наше исследование. 43 % фразеологических единиц с компонентом НЛП немецкого языка имеют в своем составе отрицательный оценочный компонент, 12 % имеют в своем составе семы с положительной оценкой. Из 50 отобранных фразеологических единиц с компонентом НЛП английского языка 60 % выражают отрицательную оценку, 8 % – положительную оценку.

Согласно результатам анализа оценочных значений фразеологических единиц с компонентом НЛП английского и немецкого языков в рамках концептосферы «человек и его качества» мы можем утверждать, что следующие две основные тенденции фразеологической системы нашли свое отражение: с одной стороны, в разных языках прослеживается межъязыковая аналогия, что объясняется подобием ассоциативно-образного мышления носителей разных языков; с другой стороны, отображается национально-культурная

специфика языковой картины мира. Например, чаще всего в составе фразеологических единиц, выражающих отрицательную оценку деятельности человека, коллективных усилий, уровня профессионализма и морально-этических качеств, встречаются *der Koch (нем.) / a cook (англ.)* ‘повар’ и *der Schuster (нем.) / a shoemaker (англ.)* ‘сапожник’. Алчность и жадность чаще всего ассоциируются с врачами и судьями. Однако когда речь идет о низкоквалифицированном напряженном труде, англичане вспоминают *a navy* ‘моряка’, а немцы – *den Jäger* ‘охотника’.

Проведенный анализ языкового материала позволяется сделать вывод, что наименования профессий активно учувствуют в образовании оценочного значения в семантике фразеологических единиц.

Ю. А. Король

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ НОВЫХ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

Однажды возникнув как окказиональные образования, словообразовательные инновации могут быть приняты языковым коллективом в процессе институционализации и в последующем оказаться включенными в толковые словари общелитературного языка. Однако не все производные слова фиксируются лексикографами. Так, составители Webster’s Third New International Dictionary традиционно не регистрируют так называемые *self-explanatory words*, то есть производные слова, значения которых полностью выводимы с помощью отсылки к производящим базам (Gove, 1966). Ярким примером таких единиц являются существительные с суффиксом *-er* типа *coaxer, feigner, pourer*, значения которых без остатка вписываются в формулу «тот, кто выполняет действие, обозначенное производящим словом». В случае же если в семантике производных слов появляются некоторые добавочные семантические компоненты, не позволяющие однозначно вывести значение деривата, они должны быть зарегистрированы в словарях. Подобная невыводимость значения целого из значений структурных частей является результатом семантической лексикализации, а включение таких слов в толковые словари становится индикатором их лексикализованности. Таким образом, исследование словарных описаний производных слов открывает возможность установления дополнительных семантических компонентов и их типов.

Задача настоящего исследования заключается в том, чтобы выделить в семантике производных инноваций типы добавочных семантических компонентов, которые привели к их последующей фиксации в толковом словаре общелитературного английского языка.

Материалом исследования послужили списки образованных по конверсии отсубстантивных глаголов из статьи Е. Кларк и Г. Кларк «When Nouns Surface as Verbs», опубликованной в 1979 году. Из всего массива отобранных глаголов и их ЛСВ 427 единиц были маркированы авторами как инновации.

Думается, что за период в более чем 40 лет с момента публикации статьи определенное количество глаголов утратили свой окказиональный статус и полную выводимость семантики и, соответственно, должны были быть включены лексикографами в толковые словари. Для последующего анализа нами была выбрана группа каузативных глаголов. Обращение к данным обновленной онлайн-версии толкового словаря Webster's Unabridged позволило установить, что 17 (*to saint, to god, to lump, to accordion, to balloon, to concertina, to raisin* и др.) из 28 каузативных глаголов получили лексикографическую фиксацию.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что семантика каждого из рассматриваемых глаголов многокомпонентна: наряду с общим для всех единиц словообразовательным значением каузации ('приводить к тому, что названо существительным'), в семантической структуре каждого индивидуального глагола наблюдаются дополнительные семантические компоненты.

Во-первых, в семантике ряда глаголов зафиксированы приращенные семантические компоненты, дополняющие информацию об обозначаемом процессе. Так, в семантической структуре глаголов *to balloon, to raisin, to layer, to ear, to lump* присутствуют дополнительные семантические компоненты, уточняющие обстоятельства совершения действия: *to ear* 'to form ears in the course of growing' – 'колоситься в период роста'; *to layer* 'to place a layer on top of' – 'поместить слой поверх чего-л.'; *to raisin* 'to dry on the vine and take on an appearance like that of raisins' – 'засохнуть на виноградной лозе и походить на изюм'; *to lump* 'group or unite in a body or sum without discrimination' – 'объединять в целое без разбору', а также свойства объекта действия: *to balloon* 'to cause to assume a smooth rounded form by or as if by inflation' – 'придавать гладкую округлую форму с помощью или как будто с помощью надувания'.

Во-вторых, внутри семантической структуры некоторых глаголов содержатся значения, мотивированные не выраженными эксплицитно компонентами значений производящих основ, указывающих на те или иные стороны репрезентируемых ими концептуальных структур. Например, в парах *accordion* 'a portable keyboard wind instrument in which the wind is forced past free metallic reeds by means of a hand-operated bellows' – 'ручной клавишный духовой музыкальный инструмент, в котором струя воздуха проходит через металлические язычки с помощью управляемых вручную мехов'→ *to accordion* 'to bend or crush (something) into folds or wrinkles: to cause (something) to expand or contract in the manner of an accordion' – 'складывать что-л.: растягивать или сжимать что-л. словно аккордеон' и *concertina* 'a musical instrument resembling the accordion and differing from it chiefly in being hexagonal in shape, in having finger buttons for keys, and in having melody keys on both ends' – 'музыкальный инструмент, напоминающий аккордеон и отличающийся от него шестиугольной формой, наличием кнопок вместо клавиш и мелодическими кнопками по обеим сторонам' → *to concertina* 'to cause to fold up like the bellows of a concertina: crush together' – 'складывать словно

меха аккордеона: сжимать’ глагольные значения наследуют конститутивную характеристику данных музыкальных инструментов, а именно наличие мехов и характер их движения. Перенос наименований имплицируемых качественных характеристик святого на свойства обычного человека привел к появлению в семантической структуре глагола *to saint* значения ‘to make (as a person) an object of veneration or reverence’ – ‘сделать кого-л. объектом поклонения или благоговения’. Информация о поведенческих характеристиках денотата профилируется в переносном значении глагола *to lump*: ‘to move noisily and clumsily: sit heavily’ – ‘передвигаться шумно и неуклюже: садиться с шумом’, наследующем компоненты вторичного значения существительного *lump* ‘a thickset, heavy person <…>’ – ‘коренастый, грузный человек’.

Таким образом, все эти данные с убедительностью демонстрируют, что обнаруженные линии лексикализации производных слов затрудняют выводимость семантики дериватов, тем самым ставя перед лексикографами задачу их наиболее полного толкования.

Т. С. Котик

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОПИСАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ С ПОМОЩЬЮ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ С ДЕЙКТИЧЕСКИМИ ОТНАРЕЧНЫМИ ПРИСТАВКАМИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Производные глаголы с дейктическими отнаречными приставками, например, *hinaufgehen* ‘идти вверх’, *herunterkommen* ‘сходить (вниз), спускаться’ и т.д., активно используются в немецком языке для описания различных пространственных ситуаций. Следует отметить, что в немецком языке они употребляются параллельно с синонимичными конструкциями «предлог + имя существительное + глагол», например, *aus der Stadt fahren* ‘ехать из города’, а также с синонимичными конструкциями с дейктическими наречиями в различных синтаксических позициях, например, *hinaus aus dem Fenster* ‘наружу из окна’.

Анализ высказываний из НКРЯ показал, что в предложных конструкциях с глаголами употребляется обстоятельство места, которое сообщает только о маршруте перемещения и локализует его, как в примере (1) *aus der Stadt fahren* ‘ехать из города’:

(1) *Damit die Bürgerschaft beim Fortschaffen der Kanonen nicht Argwohn schöpfe, beschloß der Rat, sie vor Tagesgrauen auf Karren mit umwickelten Rädern laden und in der Stille* ***aus der Stadt fahren*** *zu lassen* (Huch, R. Der Dreißigjährige Krieg. – Wiesbaden: Insel-Verl, 1958 [1914]. – S. 440). / (1a) ‘Чтобы горожане не заподозрили уносимых пушек, совет решил до рассвета погрузить их на тележки с обмотанными колесами и приказать им **уехать из города** в тишине’ (Хух, Р. Тридцатилетняя война. – Висбаден: Изд-во «Остров», 1958 [1914]. – С. 440).

Из анализа контекстов с дейктическими наречиями видно, что они описывают движение более детально, ориентируя направление движения относительно субъекта дейксиса и уточняя маршрут движения. Так, в примере (2)

в конструкции *hinaus aus der Stadt* (дословно: ‘туда наружу из города’) дейктическое наречие *hinaus* указывает на направленность движения наружу по направлению от субъекта дейксиса, предложная группа *aus der Stadt* – на маршрут движения:

(2) *Man kam über die Wälle zum Hegertor und von da zur Lotterstraße, die* ***hinaus aus der Stadt*** *führte* (E. M. Remarque. Die Nacht von Lissabon (1962) / Э. М. Ремарк. Ночь в Лиссабоне (Ю. Плашевский, 1983)). / (2а) ‘Если миновать городской вал и пройти к воротам Хегертор, начинается Лоттерштрассе, которая ведет **из города**’ (Э. М. Ремарк. Ночь в Лиссабоне (Ю. Плашевский, 1983)).

Анализ контекстов с производными глаголами типа «дейктический отнаречный формант + глагол» показал, что в них обстоятельства места отсутствуют. Производные глаголы такого типа, подобно дейктическим наречиям, указывают на движение в определенный регион, а также уточняют направление движения относительно субъекта дейксиса, тем самым описывая маршрут движения более детально. Так, в примере (3) глагол *hinausfahren* ‘выезжать’ указывает на движение наружу по направлению удаления от субъекта дейксиса, а в примере (4) глагол *herausfahren* ‘выезжать’ описывает схожее движение наружу, но по направлению приближения к субъекту дейксиса.

(3) *Ich dachte daran, daß Stella den Wunsch geäußert hatte, die unterseeischen Steinfelder zu sehen, und ich fragte sie, wann wir gemeinsam* ***hinausfahren*** *wollten* (S. Lenz. Schweigeminute (2008) / З. Ленц. Минута молчания (Г. Косарик, 2011)). / (3а) ‘Я вспомнил, что Стелла выразила желание увидеть эти подводные каменные поля, и спросил ее, когда мы сможем **поехать** посмотреть на них’ (З. Ленц. Минута молчания (Г. Косарик, 2011)).

(4) “*Parken Sie so, daß Sie gleich* ***herausfahren*** *können*” (E. M. Remarque. Arc de Triomphe (1945) / Э. М. Ремарк. Триумфальная арка (И. М. Шрайбер, 1978)). / (3а) – ‘«Поставьте машину так, чтобы вы сразу могли **выехать**»’ (Э. М. Ремарк. Триумфальная арка (И. М. Шрайбер, 1978)).

Однако следует отметить, что в корпусе встречаются немногочисленные примеры употребления производных глаголов с отнаречными дейктическими приставками в предложных конструкциях, например, *durch alle Geschosse hindurchgehen* ‘пройти сквозь все этажи’, *auf einer Bank hinauflaufen* ‘бежать вверх по скамейке’ и т.д. Так, в примере (5) употреблена конструкция *aus der Stadt herausfahren* ‘выезжать из города’, где глагол *herausfahren* ‘выезжать’ дублирует значение предлога *aus* ‘из’.

(5) *Er war klein und schmal, und sein Gesicht war ältlich, und als der rote Möbelwagen wieder ein Stück weitergefahren war, beugte er den Kopf und brüllte unten in den Wagen hinein:» Es ist ziemlich klar, daß wir* ***aus der Stadt herausfahren****, die Häuser stehen nicht mehr so dicht* (H. Böll. Wo warst du, Adam? (1951) / Г. Бёлль. Где ты был, Адам? (М. Гимпелевич, Н. С. Португалов, 1963)). / (5а) ‘Он был маленький, щуплый, немолодой. Когда проехали немного дальше, он нагнул голову и закричал в темноту кузова: – Ясное дело, **везут за город**, домов все меньше и меньше!’ (Г. Бёлль. Где ты был, Адам? (М. Гимпелевич, Н. С. Португалов, 1963)).

Таким образом, производные глаголы с дейктическими отнаречными приставками, подобно дейктическим наречиям, более детально описывают пространственные ситуации: они ориентируют движение по направлению удаления или приближения относительно субъекта дейксиса, а также уточняют регион движения. При употреблении в предложных конструкциях, данные глаголы дублируют значение предлога, используются для усиления его значения.

Н. В. Кузьменко

ЧЛЕНЕНИЕ АРТЕФАКТОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

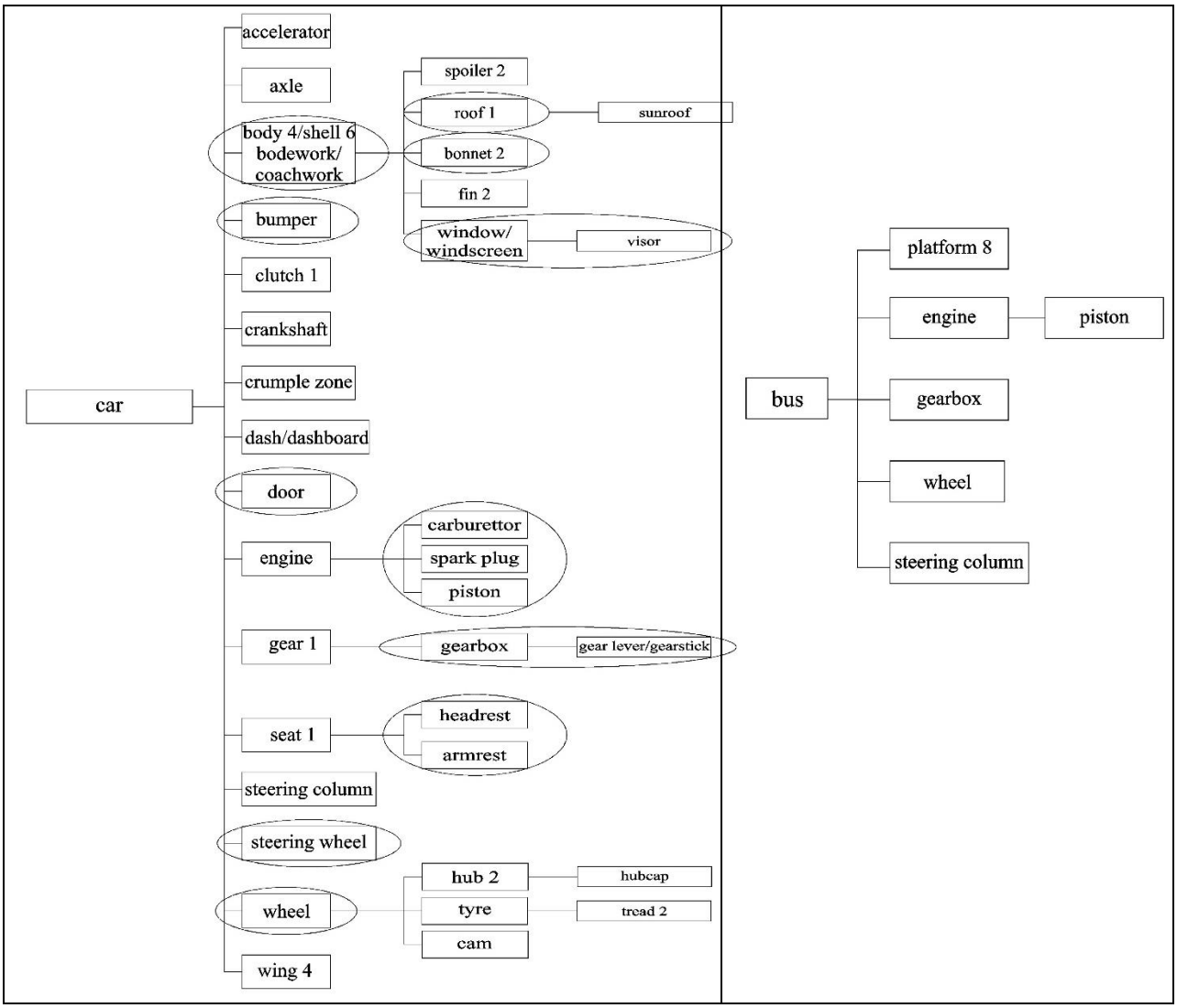
Ежедневно в нашей жизни появляются новые технические изобретения: усовершенствованные средства связи, умная бытовая техника, всевозможные гаджеты, каждый из которых состоит из множества деталей. В языке бытовые изобретения находят свое отражение в многочисленном пласте лексики, обозначающей предметы, созданные человеком, или артефакты. Деление объектов действительности на части фиксируется в языке меронимическими (партитивными) семантическими отношениями, которые образуют одно из универсальных измерений словаря, упорядочивающих его структуру (Н. И. Панченко, Дж. Лайонз, М. В. Никитин, Д. Круз, Ч. Филлмор и др.). Денотативная область меронимических обозначений артефактов обширна и неоднородна и включает в себя предметы разной степени сложности: от простых орудий (*knife* ‘нож’, *saw* ‘пила’ и др.) до сложных механизмов (*computer* ‘компьютер’, *telephone* ‘телефон’, *vehicle* ‘транспортное средство’ и т.д.), каждый из которых членится по-своему.

Мы полагаем, что замысловатое строение артефактов находит отражение в общеупотребительном английском языке в глубоких и разветвленных меронимических иерархиях. Наш доклад посвящен данной проверке гипотезы.

Материалом исследования послужили отобранные методом сплошной выборки из Оксфордского толкового словаря 295 наименований артефактов современного английского языка, содержащих в структуре значения сему ‘part’ в качестве классифицирующего признака, позволяющего отнести обозначаемую сущность к классу частей целого, или меронимам. Для выявления холонима особое внимание уделялось конкретизатору − структурной части словарного толкования меронима, которая уточняет классификатор *the part*, называя целое. Так, в дефиниции к мерониму *seat 3* ‘the **part** of a **chair**, etc. on which you actually sit’ ‘**часть стула**, на котором сидят’ выделялся конкретизатор *chair*, который рассматривался как холоним. **Меронимическая иерархия** – *это структура, образуемая лексическими единицами (холонимами и меронимами) в совокупности своих взаимосвязей*. Меронимическая иерархия изображается в виде графов (радиально-цепочечных, радиальных или цепочечных) и наглядно отображает структуру членимой денотативной области, репрезентируемую в языке.

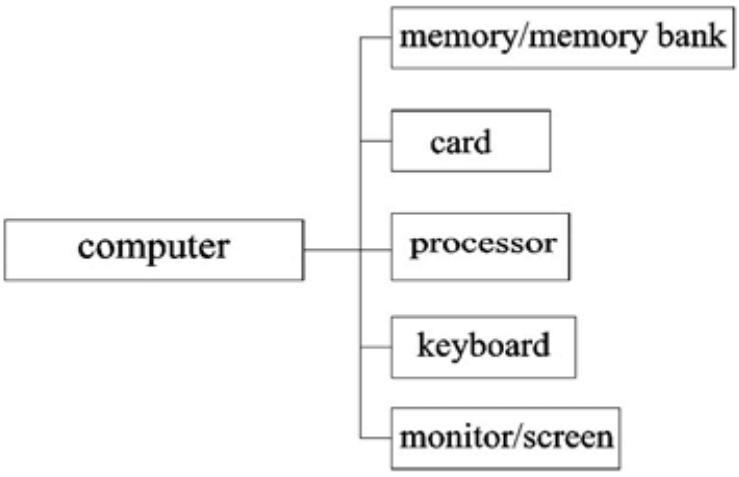
В результате исследования наименований частей артефактов было выявлено 56 меронимических структур в следующих лексических группах: обозначения частей сооружений и построек, транспортных средств, одежды, обуви и головных уборов, мебели, печатных изданий и деловой документации, музыкальных инструментов, приборов и механизмов, оружия. Из них 13 иерархий имеют сложную радиально-цепочечную конфигурацию (отражают конструкцию здания и строение транспортных средств – автомобиля, корабля и самолета), в то время как 43 – простые (радиальные и цепочечные) разной ширины, количество со-меронимов в которых варьируется от 2 до 23. Соответственно, исследуемая подсистема характеризуется сравнительно небольшим процентом сложных меронимических иерархий – 23 %, в то время как радиальные структуры и несколько цепочечных составляют 77 % процентов, что указывает на неглубокое деление большинства предметов быта. Наиболее глубокому членению подлежат те артефакты, которые обеспечивают безопасность и кров, а также передвижение человека (*house/building*, *car*, etc).

Иерархия «car», например, оказалась самой сложной в ЛСГ наименований транспортных средств: 4 яруса в глубину и 16 ветвей в ширину.



Структуры наименований частей других транспортных средств («ship», «plane/aircraft», «bicycle», «motorbike», «bus» и «tractor»), однако, гораздо скромнее и не такие сложные. Тем не менее все они обладают рядом общих характеристик. Во-первых, во всех иерархиях в узлах находятся имена основных неотъемлемых частей механизма: платформы (автобуса или поезда, рамы у велосипеда), двигателя, рулевого колеса, колеса. Во-вторых, ни одна из выявленных в данной подгруппе иерархий не превышает в глубину четырех ярусов. В-третьих, как показал анализ структур, в языке отдается предпочтение отражению внешнего деления механизмов, нежели их внутреннего, системного строения.

Выявленные меронимические иерархии в подгруппах наименований частей компьютера, музыкальных инструментов, телефона и т.д. оказались и вовсе радиальными по конфигурации. Их относительно простая конфигурация свидетельствует о том, что, несмотря на всю сложность устройства данных предметов, носитель языка выделяет и именует совсем небольшое количество частей. Согласно нашим исследованиям, поименованы только те элементы, с которыми пользователь ежедневно вступает в непосредственный контакт. У компьютера (*computer*) такими частями являются *keyboard* ‘клавиатура’, *monitor* ‘монитор’, *screen* ‘экран’, *processor* ‘процессор’, *card* ‘карта (носитель электронных схем)’, у телефона – *handset/receiver* ‘телефонная трубка’, *mouthpiece* ‘микрофон телефона’, *earpiece* ‘раковина телефонной трубки, наушник’.



Таким образом, наша гипотеза о том, что меронимические структуры в системе наименований частей различных артефактов столь же сложны и детальны, как и сами денотаты, не подтвердилась. Анализ характеристик меронимических структур показал, что меронимическая организация исследуемой лексики предстает как отражение функциональной деятельности человека, фиксируя связи между целым артефактом и его, в первую очередь, функционально нагруженными неотъемлемыми частями. Преобладание неглубоких радиально-цепочечных структур объясняется тем, что номинации в общеупотребительном языке подлежат только самые основные, функционально необходимые и визуально салиентные части механизмов.

Н. А. Курило

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ НАЗВАНИЙ БРЕНДОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Предпринятое исследование посвящено выявлению степени продуктивности семантической деривации при создании наименований брендов в английском языке.

В современном мире около 10 % рынка приходится на долю новых продуктов и услуг, которые, несомненно, нуждаются в наименовании. Источником наименования бренда могут стать как заимствованные лексические единицы, так и средства родного языка. Широко известно, что доля заимствований в английском языке достаточно высока (по имеющимся в нашем распоряжении данным лексические единицы, заимствованные из приблизительно 50 языков, составляют около 70 % словарного состава современного английского языка, включая различные пласты лексики, появившиеся в английском языке в разные исторические эпохи и под влиянием различных факторов). Однако, несмотря на это, заимствование в современном английском языке весьма непродуктивно и в количественном отношении значительно уступает другим процессам номинации, например, семантической деривации.

Так, согласно данным, полученным в результате анализа происхождения более 100 наименований наиболее известных и популярных американских брендов, мы можем с полной уверенностью сказать, что названия брендов, являющиеся результатом семантической деривации, составляют не менее 40 % от общего количества отобранных для анализа единиц. Достаточно широкое использование семантической деривации для образования наименований брендов состоит, на наш взгляд, в самой сути данного процесса номинации, а именно в возможности регулярного или окказионального переноса имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию (речь идет о метонимическом переносе) или по схожести (речь идет о метафорическом переносе).

Название бренда призвано создать у потребителя первое впечатление о бренде. Оно может увеличить потенциал бренда или ограничить его, поэтому очень важным становится выбор отправной точки или наименования для метонимического или метафорического переноса. Примечательно, что исходной единицей при образовании названий брендов в английском языке очень часто выступает имя создателя бренда, что не характерно для русского или белорусского языков, например: *Boeing* (основатель бренда *William E. Boeing*), Buick (основатель бренда *David Dunbar Buick*), *Chevrolet* (основатель бренда *Louis Chevrolet*), *Chrysler* (основатель бренда *Walter P. Chrysler*), *DELL* (основатель бренда *Michael Dell*), *Mars* (основатель бренда *Frank C. Mars*), *Stussy* (основатель бренда *Shawn Stussy*) и т.д. Доказано, что использование имени собственного в названии бренда значительно повышает запоминаемость бренда

и способствует более активному распространению информации о нем. Использование имени создателя в названии бренда требует наличия чистой репутации и постоянного соответствия поступков сформировавшемуся имиджу компании, а для потребителя использование имени создателя бренда в его названии гарантирует качество производимых товаров или оказываемых услуг и, как следствие, вселяет уверенность в надежность компании.

В заключение считаем необходимым отметить, что названия брендов, образованные от имени своего создателя, могут являться результатом и других процессов номинации, например, *HP* (название бренда представляет собой результат инициального сокращения: оно составлено из первых букв фамилий его основателей: *Bill Hewlett* и *Dave Packard*), *Pamida* (название бренда представляет собой результат сложнослогового сокращения: оно составлено из начальных частей имен его основателей: *Patrick, Michael* и *David*).

Кыран Айгюн, И. Г. Урбанович

АСТИОНИМЫ В СОСТАВЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В русской фразеологии существует группа устойчивых сочетаний, имеющих в своем составе топонимы и компоненты, образованные от них, немногочисленная и на сегодняшний день недостаточно изученная учеными.

Топонимы представляют собой географические названия, собственные имена географических объектов, а именно:

1) населенных пунктов и их частей (частей города, площадей, улиц, переулков, мостов, отдельных зданий), административных единиц (государств, краев, областей, регионов) – *ойконимы;*

2) элементов рельефа земной поверхности, природных подземных образований (долин, плоскогорий, гор, хребтов, пещер, гротов, пропастей) – *оронимы*, водных объектов (океанов, морей, рек, озер) – *гидронимы*.

Кроме перечисленных выше, в основные классы топонимов входят:

Гелонимы – включает названия болот.

Дримонимы – класс топонимов, включающий названия лесов, рощ, парков и их частей.

Астионимы – названия городов. *Комонимы* – названия сельских поселений.

Дромонимы также относятся к классу топонимов. Это названия транспортных путей.

Одним из многочисленных по количеству названий является класс *урбанонимов*. Данный класс относится к названиям любых внутригородских объектов – улиц, переулков, площадей и т.д. Урбанонимы делятся на подклассы. *Годонимы* – данный вид включает названия линейных внутригородских объектов – улицы, переулка, проспекта, набережной и т.д.

Агрононимы – класс топонимов, включающий названия земельного надела, пашни, сельскохозяйственной земли.

Хоронимы – названия любых значительных территорий, регионов, областей.

Кроме приведенных классов и видов топонимов в современной научной литературе устоялся ряд определений терминов, которые не вписываются в существующую схему классов. В частности, географические названия незначительных местных объектов, известных узкому кругу людей, называются *микротопонимами*. Микротопонимы могут обозначать как объект природы, так и деятельность человека.

В настоящее время в целом научная топонимическая терминология устоялась. Однако в связи с развитием топонимики она требует постоянной систематизации и уточнения. Ученые окончательно не выработали единого подхода к трактовке топонимических классов.

Среди топонимов выделяют микротопонимы – названия малых географических объектов (угодий, урочищ, сенокосов, выгонов, лесосек, гарей, пастбищ, колодцев, ключей, омутов, порогов, прудов, колодцев и т.д.), обычно известные лишь ограниченному кругу людей, проживающих в определенном районе вблизи этих объектов.

В результате анализа фразеологических единиц с компонентом-топонимом были выделены 29 единиц *астинонимов*. По своей грамматической структуре они представляют собой следующие конструкции:

- Именная конструкция.

– Им. прилаг. + Им. сущ. в ед. ч., ж. р. в И. п.

Например: *берлинская стена, Брестская крепость, бухенвальдский набат, вавилонская башня, вавилонское столпотворение, вавилонское царство, венецианское окно, венецианское стекло, вятская лошадка, иерихонская труба, казанская сирота, казанские саночки, казанское мыло, коломенская верста, курский соловей, магдебургские полушария, магдебургское право, Новый Вавилон, Новый Иерусалим.*

– Им. сущ. + предлог + Им. сущ. в Т. п.

Например: *Москва за овинами.*

- Глагольная конструкция. Глагол + Им. сущ. в И. п. + Им. сущ. в Т. п.

Например: *было дело под Полтавой, Жить в Тьмутаракани.*

- Фразеологизм по типу предложения.

Например: *все дороги ведут в Рим, вятские мы, Карфаген должен быть разрушен, в Тулу со своим самоваром не ездят, Москва – третий Рим, Москва не сразу строилась, Москва слезам не верит.*

Топонимы конденсируют сложный комплекс культуры и психологии данного народа, неповторимый способ его образного мышления. Географические названия отражают отношение народа к явлениям окружающей действительности, тесно связанной с его жизнью. Обладая социальной направленностью, они создаются не только с целью «наименования, называния» объекта, вычленения действительности, но и с целью введения представления о ценности обозначаемого, они говорят о том, что человек считает ценным, что он считает плохим и безразличным.

Благодаря наличию ономастического компонента фразеологические единицы с топонимом легко распознаются и создают замкнутую микроструктуру языка. Они представляют собой четко очерченную группу во фразеологии и тем самым благодатный материал для лингвистического анализа.

Ф. Т. Михасенко

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Социальные сети породили параллельный мир со своим языком, нравами и, конечно же, новыми терминами, которые множатся ежедневно. Сегодня это один из самых популярных источников не только получения, но и обмена информацией. Характерное для современного общества широкое распространение информационных технологий, стремление к освоению новых форм общения привели к появлению особого вида коммуникативного взаимодействия между людьми, получившего название компьютерно-опосредованной коммуникации, или интернет-коммуникации. Интернет-коммуникация – это специфическая форма общения, представляющая собой диалоговое взаимодействие людей в Интернете, осуществляемое путем обмена знаковыми (текст, графические символы) и мультимедийными (видеоролики, фотографии, картинки, анимация, музыка) сообщениями в режиме реального времени.

Благодаря доступности и скорости установления связи между пользователями Интернет превратился не только в инструмент познания, но и в средство общения и развлечения. Виртуальная коммуникация, которая появилась благодаря стремительному развитию сети, породила особый язык – язык виртуального общения. Множество чатов, а также аськи, блоги (личные дневники), форумы и т.д., – весьма популярные способы общения в молодежной среде. Имеется много точек соприкосновения между языком сетей и т.н. «языком молодежи», изучением которого итальянские лингвисты начали заниматься в 80-е годы XX века. Для молодежного общения характерны выразительные, ироничные, отмеченные особой экспрессивностью слова. Ранее для этих целей использовались диалекты. Сейчас произошло становление и возникновение нового, ставшего источником многих исследований, языка интернет-общения. Это своего рода особый сленг, который сейчас стал привычным явлением, все более проникающим в нашу повседневную жизнь.

В настоящее время лингвисты плодотворно изучают и другие языковые особенности интернет-коммуникации, для которой характерны неподготовленные, спонтанные высказывания с преобладанием разговорного жанра, на который накладывает свой отпечаток специфика обмена репликами в письменной форме. Возникает новая форма языкового взаимодействия – симбиоз письменной и разговорной речи. Потребность полноценного общения в Интернете вызвала к жизни новые знаковые системы. Невозможность использовать во время коммуникации в Интернете стандартные невербальные средства подачи информации привела к созданию системы специальных

пиктограмм – т.н. «смайликов», с помощью которых может быть выражена достаточно разнообразная гамма чувств. Количество употребляемых при виртуальной коммуникации смайликов неограниченно: глубина эмоциональных и смысловых оттенков, передаваемых ими, зависит лишь от фантазии коммуникаторов.

Создание текстов на итальянском языке в ходе интернет-коммуникации имеет свои особенности. С начала своего формирования итальянский язык использовал латинский язык и произведения классиков итальянской литературы Данте, Петрарки, Боккаччо в качестве модели построения текстов, отдавая тем самым предпочтение сложноподчиненным предложениям разных уровней. С появлением сетевой коммуникации, требовавшей краткости в письменном общении, итальянский язык, в отличие от других языков (например, французского или английского, в которых к этому времени возобладало использование в сложных предложениях сочинительной или бессоюзной связи), с трудом адаптировался к новой ситуации. Ведь далеко не всегда краткий текст должен быть простым. Речь может идти о простоте синтаксического построения, а краткость порождает необходимость широкого использования имплицитной информации, требующей от читателя умозаключений, логических операций, что не всегда гарантирует полное понимание текста. С точки зрения формы стремление к краткости приводит к распространению акронимов (*TVB, ti voglio bene* ‘я тебя люблю’), к различным сокращениям, родившимся в электронной переписке с помощью смс, которыми пользуются и другие жанры интернет-коммуникации: *cmq* (*comunque* ‘таким образом’), *xqé* (*perché* ‘потому что’), *xciò* (*perciò* ‘вот почему’) и т.д.

Важнейшей особенностью интернет-коммуникации является большое число англицизмов. Уже в самом названии этого явления в итальянском языке *social network* мы сталкиваемся с англицизмом, скорее, псевдоанглицизмом (речь о социальных сетях), поскольку в отличие от итальянского языка в английском элемент с главной смысловой составляющей в сложных лексических единицах находится справа, а не слева и не может быть опущен или подразумеваться. Ср. *week*-end и fine *settimana*. Таким образом, сокращения типа *social* для *social network,* а также *night* для *night-club, silver* для *silver plate* представляют собой своего рода итальянские «адаптации» английских слов и выражений. Они не выпадают из общей тенденции к краткости в современном итальянском языке, возникшей под влиянием английского языка, а скорее его американского варианта. Термин *social* оказывается «непереводимым», как и многие другие недавние английские заимствования. Попытка воспользоваться словосочетанием *reti sociali* (ср. r*edes sociales* в испанском языке или *социальные сети* в русском языке) не получила продолжения, поскольку приводила к двусмысленностям, ввиду наличия этого термина – *reti sociali* – в психологии и социологии с более широким значением, в то время как *social network* или просто *social* однозначно ассоциируется с интернет-пространством (web).

Проблемы межкультурной интернет-коммуникации в значительной мере снимаются благодаря наличию в английском языке лексических заимствований из других языков и активному заимствованию английской лексики дру-

гими языками. Популярным во многих языках неологизмом, родившимся в Фейсбуке, стал *selfie*, т.е. фотографирование себя на телефон с последующим выкладыванием снимка в социальные сети. В свою очередь, многие итальянские слова оказываются понятными англичанам, поскольку являются латинскими заимствованиями и по своему написанию лишь немного отличаются от привычных английских слов (*magnifico / magnificent; fabuloso / fabulous*). Итальянский язык не ограничивается заимствованиями, вызываемыми отсутствием соответствующего собственного наименования предмета или явления (например, *brunch* или *spoiler*), но пользуется английскими словами, руководствуясь их более «экзотическим» звучанием, там, где можно было бы обойтись без них при наличии итальянских эквивалентов. Например: *trend* (tendenza), *partnership* (accordo, collaborazione), *performance* (prestazione), *background* (formazione, esperienze pregresse), *competitor* (concorrente) и т.д.

Таким образом, изменение сознания личности в Интернете, формирование нового, сетевого образа жизни и мышления, существенно влияет на языковую ситуацию.

К. Г. Никитенкова

ПОЛИСЕМИЯ ВТОРЫХ ИМЕННЫХ ПЕРЕХОДНЫХ КОМПОНЕНТОВ
(на материале немецкого языка)

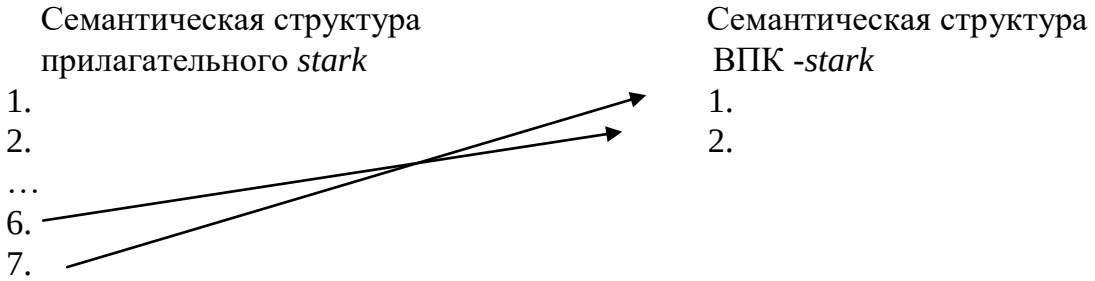
Общеизвестно, что одним из проявлений динамики языка является постоянное превращение лексических единиц в грамматические. Можно утверждать, что лексика – основной источник грамматики, поскольку грамматическая единица не может возникнуть не из чего, кроме как из лексики. Данное утверждение характерно для теории грамматикализации, получившей свое развитие в начале XX века и весьма актуальной на современном этапе.

Грамматикализация осуществляется довольно интенсивно в сфере словообразования современного языка, где наблюдается переход полнозначного слова в статус словообразовательного (грамматического) компонента. Для подобных «переходящих» единиц было предложено понятие *второй переходный компонент* (ВПК). К корпусу именных ВПК относятся вторые компоненты, имеющие субстантивные и адъективные самостоятельные коррелята, например, *-träger (der Träger* ‘носильщик’*), -sucht (die Sucht* болезненное влечение*), -bruder (der Bruder* ‘брат’*), -sicher (sicher* ‘безопасный’*), -stark (stark* ‘сильный’*), -reif (reif* ‘зрелый’*)* и др.

Вторые переходные компоненты, как, собственно, и их корреляты, могут быть моносемными, имеющими в своей лексической структуре одно значение, и полисемными, или многозначными, т.е. с несколькими значениями. При сравнении семантической структуры производящих баз было установлено, что удельный вес моносемных коррелятов в общем количестве адъективных ВПК составляет 4 %, субстантивных – 2 %. Доля полисемных коррелятов – 76 % для имен прилагательных и 78 % для имен существительных.

В ходе анализа было выявлено, что моносемный коррелят не может являться базой для полисемного ВПК, но может участвовать в формировании значения моносемного ВПК, например, *haltig* ‘Erz enthaltend’ (содержащий руду) и *-haltig* ‘drückt in Bildungen mit Substantiven aus, dass die beschriebene Sache etwas enthält’ (в составе с именем существительным выражает следующее: описываемый объект содержит что-то). Кроме того, становление моносемного ВПК может происходить на базе полисемного коррелята, например, компонент *-bruder* имеет одно обобщенное значение лиц, обладающих большей частью отрицательными качествами и склонностями (с разг. оттенком): *Gammelbruder* ‘бездельник’; *Saufbruder* ‘собутыльник, пьяница’; *Krawallbruder* ‘буян, скандалист’. Однако его коррелят имеет 4 значения, ср.: *Bruder* ‘1. Person männlichen Geschlechts im Verwandtschaftsverhältnis zu einer anderen, die von denselben Eltern abstammt; 2. Mitmensch; jemand, mit dem sich jemand [freundschaftlich] verbunden fühlt: 3. Mönch, Ordensbruder [ohne Priesterweihe]; 4. durch bestimmte, häufig negative Eigenschaften charakterisierter Mann’ (1. брат; 2. соратник, товарищ; 3. монах; 4. мужчина, характеризующийся наличием определенных, обычно отрицательных качеств). Значение ВПК *-bruder* формируется на базе лексико-семантического варианта № 4 имени существительного *Bruder*.

Полисемный ВПК может формироваться только на базе полисемного коррелята, например, *-stark, -sucht, -träger* и др. Так, оба значения компонента *-stark* соответствуют лексико-семантическим вариантам имени прилагательного *stark*, зафиксированным в дефиниции под номерами 6 и 7, ср.: *-stark* ‘1. drückt in Bildungen mit Substantiven aus, dass die beschriebene Person oder Sache etwas in hohem Maße, in großer Menge hat, aufweist – *energiestark*; 2. drückt in Bildungen mit Substantiven oder Verben (Verbstämmen) aus, dass die beschriebene Person oder Sache in etwas besonders leistungsfähig ist, große Qualitäten bei etwas hat – *spielstark*’ (1. имеющий что-либо в большом объеме – *энергичный*; 2. способный, показательный, эффективный в чем-либо, имеющий высокие показатели в чем-либо – *эффективный в игре*) (рисунок).



Модель формирования семантики полисемного ВПК *-stark*

Таким образом, полисемия (многозначность) второго переходного компонента является следствием полисемии самостоятельного коррелята, что, в свою очередь, становится предпосылкой грамматикализации второго компонента сложного слова, т.е. формирования его словообразовательного статуса.

О. А. Пушкина

НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА
(на материале испанского языка)

В качестве объекта негативной этической оценки лиц мужского пола в испанской коммуникативной культуре, как правило, выступают *характер, взаимоотношения с противоположным полом, трудовая деятельность, умственные способности*. В рамках данной работы мы проанализируем негативно-оценочные номинации, указывающие на определенные черты характера мужчин, а также на их умственные способности.

Слабохарактерных мужчин зачастую называют *muñeco* ‘кукла’, т.е. женоподобный или слабохарактерный человек. В данном случае имеет место демаскулинизация, имплицирующий смысл которой основывается на гендерном стереотипе негативной оценочной характеристики нерешительного человека, не умеющего брать на себя ответственность или же такого, который уделяет особое внимание своей внешности, что присуще в большей степени женщинам и не является характерным для мужчин.

Безвольных мужчин, находящихся в полном подчинении женщин, называют *calzonazos* ‘тряпка, слюнтяй, подкаблучник’. Интересно отметить, что данная негативно-оценочная номинация образована на основе метонимического переноса от слова *calzones* ‘панталоны’ путем добавления к нему увеличительного суффикса *-**az**os*, придающему этому слову ироническую коннотацию. Суффикс *-**az**o* посредством его добавления к неодушевленным существительным образует новые лексические единицы оценочной семантики, служащие для характеристики отрицательных качеств человека, которые трактуются как слабый, глупый или неумелый. В таком же значении в испанском коммуникативном пространстве используются *bragazas, cojonazos*.

Лживых мужчин называют *chapuceros* ‘халтурщик, обманщик, мошенник’: *No te confíes de él que es un chapucero.* По одной из версий, данная номинация образована от слова *tepuzque,* что на языке науатль в доколумбовой Мексике означало *cobre* ‘медь’. По легенде, во время завоевания Мексики Эрнан Кортес, не имея возможности осуществить плату золотом своему войску, приказал расплавить все пушки из бронзы и перемешать полученный сплав с золотом, чтобы таким образом расплатиться с войском. Узнав об этом, индейцы стали называть его *Tepuchquero,* которое в дальнейшем преобразовалось в *chapucero*.

Подобно номинации *chapucero* в значении ‘шарлатан, обманщик, плут’ употребляется существительное *charlatán*: *¿Quieres que te de un consejo? ¡Aléjate de él! Es un charlatán.*

Лицемерных мужчин в испанском языке характеризуют прилагательные *farsante* ‘que finge lo que no es o no siente’ и *rebozado*, образованное от испанского глагола *rebozar* ‘закрывать лицо (плащом, накидкой)’, ‘que disimula o esconde un propósito, una idea, un sentimiento’: *Mi esposo es un farsante descarado.*

Номинации обманутых мужей связаны с семантическим компонентом ‘обладающий рогами’, что мотивировано событиями времен Святой инквизиции, которая наказывала незадачливых мужей следующим образом: их связывали, сажали, наоборот, верхом на осла, водружали на голову колпак с рогами и провозили в таком виде по городу. Данная группа представлена денотатами семантической сферы ‘животный мир’: *cabrón* ‘козел’, *ciervo* ‘олень’, *macho cabrío* ‘самец козла, козел’, *cabestro* ‘бык-вожак’, *cornudo* ‘рогоносец’. К миру тавромахии относятся такие номинации, как метонимические дериваты *miura* и *pablo romero* (быки, выращиваемые для корриды в специальных скотоводческих хозяйствах Миура и Пабло и Ромеро).

Зачастую встречается также номинация *víkingo* ‘викинг’, с достаточно прозрачной мотивировкой: шлемы викингов были украшены рогами (хотя у викингов рога считались символами изобилия и силы).

Глупых мужчин в испанской коммуникативной культуре зачастую сравнивают с рыбой, в частности с *besugo* ‘морской лещ’ и с *merluzo* (производное от *merluza* ‘хек’). Переносное значение *besugo* ‘глупый, бестолковый’ связано с существующей традицией проверять свежесть рыбы по состоянию ее глаз (мутные глаза – рыба залежалая, ясные глаза – свежая). Глаза человека также могут сказать о многом. В частности, если взгляд потерянный и мутный, то это говорит о том, что человек не уверен в своих знаниях, является глупым, несведущим. Ср.: *Este tío es un besugo, ni siquiera sabe la tabla del cero*. В свою очередь значение слова *merluzo* ‘глупый, бестолковый’ мотивировано особенностями поведения данной рыбы, которая характеризуется как всепоглощающая рыба, легко попадающая в сеть, т.е. глупая. Ср.: *Eres un merluzo recalcitrante*.

Также достаточно характерно для испанцев использование лексемы *mongolo* для номинации глупых мужчин. Происхождение данной негативно-оценочной номинации связано с понятием *mongolismo*. В соответствии с Королевской академией испанского языка термин *mongolismo* соотносится с синдромом Дауна. Данное заболевание, как известно, характеризуется задержкой в умственном развитии и некоторыми соматическими особенностями, как например, наличие узких глаз и сильно развитой складки верхнего века. Именно данное внешнее сходство людей, принадлежащих монголоидной расе, а также тех, кто страдает от данного заболевания, послужило причиной возникновения негативно-оценочной номинации *mongolo*. В связи с этим многие считают, что ее употребление может быть весьма оскорбительным и уничижительным. Ср.: *¡Qué atajo de mongolos son todos los que lanzan bengalas en los estadios de fútbol!*

Нередко глупый мужчина сравнивается с изделием из дерева, а именно с деревянной колодой: *zoquete* ‘колода’, в переносном значении ‘невежа, пентюх’ и *tarugo* ‘колода’, в переносном значении ‘болван, тупица’. Ср.: *¡ No seas zoquete, “echar” es sin hache*!

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что большинство негативно-оценочных номинаций лиц мужского пола не были созданы специально, а существовали в языке с другими значениями как часть

общеупотребительного языка. Примечательным в данном случае является тот факт, что внимание обращается на определенные связи и схожесть между предметами и явлениями, при этом используются метафора и метонимия в качестве основного источника пополнения негативно-оценочного вокабуляра.

В. С. Туровец

СУБСТАНТИВНЫЕ СОСТАВНЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ И ПОДХОДЫ К ИХ ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Несмотря на то, что субстантивные составные номинативные единицы неоднократно становились объектом изучения исследователей, актуальной остается проблема статуса составных номинативных единиц как средства составной номинации и их места в системе номинации русского и английского языков. Возникает необходимость рассмотрения различных подходов к определению субстантивных составных номинативных единиц, уточнения содержания понятия в рамках различных подходов.

В русском и английском языках широко представлен пласт номинативных единиц составной формы (с грамматически раздельнооформленными компонентами), соотнесенных с одним денотатом, например: *железная дорога, режим дня, нескромный вопрос, образ жизни, часть света, образ мыслей, black market, chewing gum, laser printer, white wine*. В различных исследованиях данная структурная разновидность номинативных единиц включалась в состав фразеологии (В. В. Виноградов, О. С. Ахманова, В. Н. Телия), явления лексикализации (Д. Кастовский, Г. Марчанд, К. Ж. Годби), определялась как особые синтаксические конструкции (П. А. Лекант, Е. Н. Лагунова), собственно устойчивые сочетания (И. В. Арнольд), синлексы (Г. И. Климовская, Т. В. Вяничева, С. В. Лобанова), составные наименования (А. Н. Кожин, Т. П. Чепкова), сложные именные группы «Complex Nominals» (Дж. Леви). Такие неразложимые по значению номинативные единицы композитивной природы обладают комплексом конститутивных признаков и свойств, являющихся основанием для отделения их от лексических единиц других типов.

По структурно-грамматическим свойствам рассматриваемые единицы языка являются грамматически раздельнооформленными. В этом аспекте обнаруживается сходство у всех подходов. Как синлексы, так и составные наименования организованы по модели субстантивного словосочетания. Сложные именные группы «Complex Nominal» являются выражениями, состоящими из главного компонента (head noun), выраженного существительным, и определителя, выраженного именем существительным (*apple cake, tear gas*) или прилагательным (*corporate lawyer, illegal earnings*). Лексикализованные именные группы «Lexicalized Noun Phrases» имеют с «Complex Nominal» аналогичную структуру: «существительное + существительное» (*traffic control, garbage man*), «прилагательное + существительное» (*black market, high school*). Однако в английском языке относительно слабое развитие словоиз-

менения, примыкание в качестве ведущего типа синтаксической связи в словосочетании, неустойчивость орфографии сложных слов не позволяют достигнуть единства мнений относительно разграничения словосочетания и сложного слова. При отнесении данных единиц к сочетаниям устойчивого характера можно исходить из их раздельнооформленности.

Обладание составными номинативными единицами раздельной оформленностью может быть сопряжено с разной степенью семантической устойчивости состава. В составных наименованиях с максимальной степенью устойчивости компонентов не допускается вариативность компонентов (*либерализация цен, страховой полис*). При минимальной степени устойчивости допускается замена компонента, например: *посткоммунистические страны* (*государства, республики*) (Т. П. Чепкова, 2007). Синлексы характеризуются различной степенью семантической монолитности и могут обладать как абсолютной устойчивостью состава (*презумпция невиновности, сотрясение мозга*), так и «ограниченной переменностью одного компонента», создавая параметрические группы синлексов как с антонимическими (*пункт отправления – пункт назначения, брак по любви – брак по расчету*), так и с коррелятивными отношениями (*мера* (*длины, веса, объема*)*, свобода* (*слова, передвижения*)). По этому признаку синлексам присуща большая стабильность состава, чем у составных наименований («Т. В. Вяничева, 2000»).

Несмотря на компонентную структуру субстантивных составных номинативных единиц, они служат именованию предмета или явления, отражают их общие и существенные признаки, передают логическое представление о них, обладают семантической цельностью, стабильностью состава, сближаясь со словом не только в семантических, но и функциональных свойствах.

В русском языкознании, показывая обособленность исследуемых языковых единиц, на первый план выходят термины *составное наименование* и *синлекс*. Как синлексы, так и составные наименования являются средством номинации одного отдельного факта объективной действительности, например: *отдел заработной платы, пластиковая карточка, учебное пособие, записная книжка, общая тетрадь*. Но вместе с тем в отношении синлексов демонстрируется большая степень значимости композитивности, раздельнооформленности, устойчивости по составу и порядку следования лексических элементов.

На материале английского языка сходные признаки отмечаются в следующих терминах. Так, рассматриваемые языковые единицы могут трактоваться как лексикализованные именные группы («Lexicalized noun phrases»), под которыми понимаются «именные группы, функционирующие как одно слово» (*black market*) (К. Ж. Годби, 2002). Исследуемые составные номинативные единицы также могут определяться и как сложные именные группы («Complex Nominals»), имеющие определенное значение как единое целое составляющих ее компонентов (*tear gas*), семантические отношения между которыми «обычно не выражены явно» (Дж. Леви, 1979). В своей работе «О некоторых принципах составления русско-английского словаря полусво-

бодных словосочетаний» Л. А. Воронина, Б. И. Роговская, Б. С. Хаймович применяют термин *полусвободные словосочетания*, понимая под ними «нефразеологические стабильные словосочетания, которые можно переводить только как целые единицы» (*молодой картофель – new potatoes*).

Подобные единицы имеют определенную степень мотивированности, в отношении которой в различных подходах наблюдаются как сходные черты, так и расхождения. Для составных номинативных единиц свойственна мотивированность. В составных наименованиях выражается «целостный, но лексически делимый смысл, мотивируемый значением объединяемых слов» (Кожин, 1969), например: *зачетная книжка* – ‘документ, имеющий форму книжки, в котором отмечается сдача зачетов и проставляются экзаменационные оценки’. Утверждается, что семантической особенностью синлекса является «малая идиоматичность», которой присуща неполная мотивированность значения, происходящая с утечкой мотивирующей информации (*сусальное золото, паковый лед*). Однако идиоматичность присуща не всему субстантив-субстантивному синлексическому материалу либо может проявляться с разной степенью интенсивности (*белый флаг, пищевая соль, солнечное затмение*) (Т. В. Вяничева, 1978).

Еще одним признаком для выделения данного типа лексических единиц является стилистическая нейтральность. Считается, что синлексы являются полифункциональными, стилистически нейтральными единицами. Для них характерна неспособность исполнять какие-либо стилистические функции. Составные же наименования полностью стилистически нейтральными называть неправомерно. Так, в состав составных наименований включены «терминологические единицы, активные в различных типах научной и профессиональной сферы», например: *вводное слово, односоставное предложение* (Т. П. Чепкова, 2007). Однако исследователь разграничивает понятия *составное наименование* и *составной термин*, указывая на то, что составные наименования, в отличие от составных терминов, являются «общеупотребительными и межстилевыми единицами, принадлежат общелитературному языку». Тем не менее ряд исследований подтверждает преимущественное использование некоторых составных наименований в текстах определенных стилей и жанров (Тимофеев, 2018; Зайцева, 2014; Чепкова, 2008). Внимания заслуживает тот факт, что, как и составные наименования, лексикализированные именные словосочетания («Lexicalized Noun Phrases») выступают в качестве родовых терминов по отношению к терминологическим наименованиям, например: *прожиточный минимум, бюджетный год, горючее вещество, public safety, digital signature, operating system*.

Таким образом, субстантивные составные номинативные единицы обладают рядом формальных характеристик: наличие составной формы и грамматическая раздельнооформленность; семантических характеристик: соотнесенность с одним денотатом; полная либо частичная мотивированность, отсутствие коннотативного компонента значения; функциональных характеристик: стилистическая нейтральность, устойчивость и воспроизводимость.

И. Г. Урбанович, Г. Салаева

КОЛОРАТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

В лингвистических исследованиях существуют различные подходы к определению цветообозначений: *функциональный*, *исторический*, *лексико-семантический*, *грамматический*, *когнитивный* и *сопоставительный*. Одним из продуктивных подходов исследования идиолекта художественных произведений является анализ цветонаименований языка писателя. Совокупность всех языковых единиц, передающих цветовую семантику в произведениях писателя, составляет идиостилевое семантическое поле «Цвет», которое репрезентирует индивидуально-авторские цветовые концепты и их организацию.

В романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» использование цвета неизбежно, оно призвано создавать общий фон произведения. Нами было предпринято исследование цветонаименований и люксонимов из следующих глав романа: «Один день», «Стук в окно», «Встреча». Всего выделено **154 ед.**, которые подверглись семантическому анализу и были классифицированы по следующим тематическим группам:

1. **Предметная характеристика (51 ед.):** *алые* полосы; *багровое* пятно; *белую* щель; *белую* простыню; *белой* краской; *белеющую* головку сахара; *белеющих* яиц; *белые* свечи; *белые* подушки; *белых* щепок; *белые* перья; *белым* платком; *белый* платок; *блестящими* гвоздями; *бурой* звездой; *желтые* дома; *желтым* страницам; *желтых* черепов; *желтые* стены; *зеленые* дома; *зеленые* нашивки; *коричневых* щелях; кульмэк *красная*; *красно-зеленые* тастымал; *медового* сияния полы; *молочно-белого* фарфора; *молочного* цвета кота; *мутном* зеркале; *потемневшую* клюку; *разноцветные* песчинки; *рыжим* ремнем; *серой* шинели; *серых* камня; *снежно-белые* кружева; *солнечно-желтое* зерно; *темнеющих* углов; *темно-голубые* дома; *темно-красным* мясом; *темными* зернышками; *темные* половицы; *тусклого* металла; *цветной* тесьмой; *черную* дыру; *черными* зернами; *черном* проеме; *черным* квадратом; *черного* бархата; *черный* трактор; *черный* топор; *янтарным* лаком; *яркими* грибами.

Например:

*Достает нежно **белеющую** в полутьме **головку сахара**, бьет по ней со всей силы обухом топора – сверкая на изломе острыми голубыми искрами, откалывается большой кусок…*

*Кто в шинели, кто просто в тулупе, затянутом на поясе широким **рыжим ремнем**.*

*Это плакат: гигантский **черный трактор** давит крупнозубчатыми колесами расползающихся во все стороны противных человечков – как тараканов.*

2. **Внешняя характеристика человека (40 ед.):** *белки*; *белые* глаза; *белые* глазницы; *белые* косицы; *белые* зубы; *белый* силуэт; *белый* шрам; *белым* череп; *бледных* лиц; *блестящие* ручьи пота; *блестящий* череп; *дочерна*

загорелых; *желтые* глаза; зрачки *желтые*; *зеленоглазая*; *золотым* зубом; *изжелта-карие* глаза; *краснеющими* руками; тельце *красное*; *красные* пятна; *красный* от злости; *мутно-рубиновые* белки; *мутные* белки; *побелевших* ноздрей; *проблесками* щетины; *пышущий жаром*; *раскрасневшийся* череп; *розовой* кожи; *светлый* силуэт; *светлом* треугольнике кожи; *седой*; *седые* косицы; *темная* фигура; *темнеет* пятно; *темные* белки; *темные* силуэты; глаза кажутся *темными*; *яркие* глаза; *ярким* зубом; *ярко-красные* ладони.

Например:

Печь клал по современному методу: долго возился с чертежами в привезенном из Казани журнале, беззвучно шевелил губами, водя широким ногтем по ***желтым страницам****…*

– Отлыниваешь?! – Муртаза уже расчистил первую могилу и стоит, опираясь на древко лопаты, сверлит Зулейху глазами: зрачки желтые, холодные, а ***белки*** *– темные,* ***мутно-рубиновые.***

Муртаза снимает с головы лохматый малахай и вытирает блестящий бугристый череп – от гладкой ***розовой кожи*** *поднимается еле видный пар.*

3. **Мир природы (39 ед.):** *алмазным* блеском; *белая* круговерть; *белые* потоки снега; *белых* хлопьев; *белых* снежинок; *белый* снег; *белым* деревьям; *голубеет* просвет; *зеленоватой* водой; *зелеными* всходами; *красных* цветов; *красный* снег; *нежно-розовую* мякоть; *нежно-синими* васильками; *просвет*; *розоватой* белизне; *рыжих* сосен; *светом*; *светлых* деревьев; *светлой* части леса; *серой* ватой; *серых* дубов; *синегрудая* синица; небесной *сини*; *синяя* грудка; *сумрак*; *темно-голубая* пурга; *темное* пятно; *темно-серой* мгле; *темный* конь; *темного* бугорка; *цвета земляники*; *чахлым* светом; *чернильно-синим* языком; небо из *черного*; *черные* ели; *черными* буграми; *черным* бисером; *ярко-синим* небом.

Например:

Зулейха берет два сочащихся ***зеленоватой водой*** *веника и поднимается к Упырихе на лэукэ.*

На ветке липы опять щебетание, юркая ***синегрудая синица*** *вернулась на свое место.*

Вековые ***черные ели*** *с похожими на копья острыми вершинами росли в урмане так часто, что коню не пройти.*

4. **Характеристика явления (14 ед.):** *голубыми* искрами; *желтые* отсветы; *желтым* светом; *желтый* огонь; *Красная* армия; *красноордынцами*; комиссарам *красным*; *нежно-желтом* свете; *оранжевых* языках пламени; *розовый* пар; стало *темнеть*; в *темноту* леса; воздух *черный*; *ярком* свете.

Например:

У этих лиц было много имен, одно другого непонятнее и страшнее: хлебная монополия, продразверстка, реквизиция, продналог, большевики, продотряды, ***Красная армия****…*

Зулейхе сложно давались длинные русские слова, значения которых она не понимала, поэтому называла всех этих людей про себя – ***красноордынцами.***

…И трактор, и противные человечки корчатся в ***оранжевых языках*** *пламени, через мгновение оборачиваются пеплом…*

5. **Акциальное действие (5 ед.):** лезвие *взблескивает*; *заголубевшем* небе; *зажглись* окна; *освещают* комнату; *чернеет* дыра.

Например:

***Лезвие взблескивает** в воздухе и втыкается в резной наличник.*

*Кое-где в домах уже **зажглись окна**.*

*В окне многоконечной звездой **чернеет** большая **дыра**, через которую в комнату летят медленные мохнатые снежинки.*

6. **Качество, признак действия (5 ед.):** въезжают *затемно*; *сверкающий* лэгэн; *темно*; становится *темно*; *тускло* мерцают.

Например:

*Въезжают во двор уже **затемно**.*

*Подкручивает фитили – становится **темно**.*

*Упырихa подтягивает подбородок к носу, смяв морщины на лице, прикрывает глазницы чуть подрагивающей рукой – в золотых перстнях **тускло** мерцают отражения керосиновых ламп.*

Использование обширного количества цветов помогло автору не только ярко и живо описать происходящие события, но и более натурально и точно передать характер героев. Таким образом, лексемы, передающие различную семантику цвета, в языке художественного произведения Г. Яхиной играют довольно ощутимую роль, поскольку выполняют в тексте художественного произведения такие функции, как номинативная, описательная, символическая, эстетическая, эмотивно-психологическая и национально-культурная.

И. Г. Урбанович, Р. Хафифташ

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ* В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Имена собственные являются особой группой имен существительных, выполняющих в языке функцию «названия отдельных лиц и индивидуальных единичностей, отличающего их от других однородных предметов и явлений». Имя может актуализировать внешние и внутренние качества носителя, ситуацию, связанную с его носителем, а также сам текст. И в том, и в другом случае имя становится прецедентным. Как правило, за прецедентными именами кроется обширное культурное содержание, вскрываемое за счет «выхода имен из “ближнего круга” употребления и приобретения социальных коннотаций». Приобретаемые таким образом коннотации могут быть локальными и недолговечными, но обязательно имеют «смысловой ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты, а также обладают способностью “накапливаться” в онимах».

С компонентом-именем собственным из Турецко-русского словаря было выделено 14 фразеологизмов: *Ali Cengiz oyunu*; *Ali kıran baş kesen*; *Ali’nin külâhını Veli’ye, Veli’nin külâhını Ali`ye giydirmek*; *Altından Çapanoğlu çıkmak*;

Dingonun ahırı; *Ha Hoca Ali, ha Ali Hoca*; *Mehmetçik*; *Nal deyip Nuh dememek*; *Nuh der peygamber demez*; *Nuh gemisi*; *Nuh Nebi'den kalma*; *Sarı çizmeli Mehmet Ağa*; *Vurdumduymaz Kör Ayvaz*; *Yağma Hasan`ın böreği.*

По своей грамматической структуре фразеологизмы представляют собой:

- Им. собственное в Р. п. + им. сущ. в И. п. (3 ед.): *Ali Cengiz oyunu*; *Nuh Nebi'den kalma*; *Yağma Hasan`ın böreği.*
- Фразеологизм по типу предложения (2 ед.): *Ali'nin külâhını Veli'ye, Veli'nin külâhını Ali`ye giydirmek*; *Sarı çizmeli Mehmet Ağa.*
- Им. собственное в И. п. + причастие + им. сущ. в В. п. + причастие (1 ед.): *Ali kıran baş kesen.*
- Им. прилаг. + им. прилаг. + им. собственное И. п. (1 ед.): *Vurdumduymaz Kör Ayvaz.*
- Им. прилаг. + им. сущ. в И. п. (1 ед.): *Dingonun ahırı.*
- Им. сущ. в И. п. + им. собственное + им. собственное + им. сущ. в И. п. (1 ед.): *Ha Hoca Ali, ha Ali Hoca.*
- Им. сущ. в П. п. + им. собственное в И. п. + глагол (1 ед.): *Altından Çapanoğlu çıkmak.*
- Им. собственное в И. п. (1 ед.): *Mehmet**çik.***
- Им. собственное в И. п. + им. сущ. в Р. п. (1 ед.): *Nuh gemisi.*
- Им. собственное в И. п. + союз + им. сущ. в И. п. (1 ед.): *Nal deyip Nuh dememek.*
- Им. собственное в И. п. + союз + им. сущ. в И. п. + глагол (1 ед.): *Nuh der peygamber demez.*

Распределение фразеологизмов по группам выявило следующую тематическую направленность:

- Поведенческая характеристика (4 ед.): *Ali Cengiz oyunu*; *Ali'nin külâhını Veli'ye, Veli'nin külâhını Ali`ye giydirmek*; *Nal deyip Nuh dememek*; *Nuh der peygamber demez.*
- Предметная характеристика (3 ед.): *Ha Hoca Ali, ha Ali Hoca*; *Nuh Nebi'den kalma*; *Yağma Hasan`ın böreği.*
- Личностные свойства (2 ед.): *Ali kıran baş kesen*; *Vurdumduymaz Kör Ayvaz.*
- Место (2 ед.): *Dingonun ahırı*; *Nuh gemisi.*
- Статус / социальное положение (1 ед.): *Sarı çizmeli Mehmet Ağa.*
- Характеристика явления / события (1 ед.): *Altından Çapanoğlu çıkmak.*
- Чувство-отношение (1 ед.): *Mehmet**çik.***

Собирательными именами являются имена: *Ayvaz* (1), *Али* (3), *Mehmetçik, Mehmet* (2).

Прецедентными именами являются: *Ali* (1) – имя соотносится с именем Чингисхана и его коварностью; *Çapanoğlu* (1) – историческая личность; основатель города Ёзгад (1728 г.); *Nuh* (4) – кораническое имя соотносится с именем пророка Ноя; *Hasan* (1) – имя из поэтического сказания (1481 г.); *Dingo* (1) – кличка животного, известна с 1800 г.

Таким образом, имя служит не только средством именования человека, но и является своеобразным носителем информации. Рассмотрение культурного и этнокультурного пространства имени представляет особый интерес, так как имя – элемент сознания этноса, позволяющий выявить особенности духовной культуры народа, его ценностные установки.

З. А. Харитончик

КОРРЕЛЯТИВНЫЕ АТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Определительные, или атрибутивные синтаксические конструкции составляют в русском и английском языках богатую и разветвленную систему моделей с препозитивными и постпозитивными атрибутами. В современном английском языке, согласно Л. С. Бархударову (Бархударов, 1966), она включает 17 моделей атрибутивных словосочетаний с адъюнктом в препозиции и постпозиции, среди которых базовыми являются AN (*interesting book*), N'sN (*father's horse*), NN (*forest mushrooms*), NprN (*the wind in the willows*) и некоторые другие. Список атрибутивных конструкций в русском языке также внушителен и представлен такими моделями, как: AN (*отцовский дом, дружеский совет*), NN (*дом отца, совет друга*), NprN (*домик у моря, замок в горах*), ND (*город ночью*) и др.

Несмотря на общность структурных и семантических характеристик атрибутивных конструкций в данных языках, которая, на первый взгляд, должна обеспечить их соответствие и отсутствие каких-либо трудностей при переводе с одного языка на другой, корреляция этих конструкций весьма сложна, а поиск адекватных эквивалентов оказывается весьма непростым и даже, как показывают примеры из параллельного корпуса НКРЯ, в которых переводчик опускает перевод атрибута, выраженного в тексте оригинала, порою невозможным. Истоки такого положения кроются, с одной стороны, в семантической избирательности конструкций, заключающейся в выборе из реестра значений, передаваемых атрибутивными словосочетаниями, значений, наиболее или, напротив, наименее часто реализуемых той или иной конструкцией, а также, и это главное, в сложном переплетении поссессивных, партитивных, субъектных, локативных, темпоральных, целевых, компаративных, результативных, количественных и других значений, передаваемых той или иной конструкцией.

Наиболее яркий пример атрибутов, требующих внимательного прочтения контекста с целью определения выражаемых ими значений и поиска соответствующих эквивалентов при переводе, представляют производные прилагательные типа *генеральский, солдатский, чиновничий, учительский, профессорский* и др. Гамма передаваемых ими значений широка и включает как разнообразные относительные (поссессивные, телические и др.), так и

качественные, основанные на сравнении, значения. Соответственно, при поссессивных значениях этих прилагательных их адекватная передача в английском языке осуществляется, как правило, с помощью конструкции N's N и отсылки к лицу (определенному или неопределенному), указанному производящей базой коррелятивного слова в русском языке, как это имеет место в следующих контекстах: *Вова переехал в* ***генеральскую квартиру****, в Олину комнату. – Vova moved into* ***the general's apartment****, into Olga's room* (Людмила Улицкая. Зеленый шатер (2011) / Liudmila Ulitskaia. The Big Green Tent (Bela Shayevich, 2014)); *Софья Перовская была* ***генеральская дочка****, не просто* ***генеральская, губернаторская****. – Sofya Perovskaya was* ***the daughter of a general****,* ***the daughter of a provincial governor*** (В. С. Гроссман. Жизнь и судьба, Ч. 2 (1960) / Vasily Grossman. Life and fate. Part 2 (Robert Chandler, 1985)).

Переводчик использует данную конструкцию и при передаче некоторых других (компаративных, телических и т.д.) значений: *Какой-то русский турист, коренастый, со многими подбородками и мясистым* ***генеральским затылком****, … – …by a Russian tourist, thickset, manychinned, with* ***a general's fleshy nape*** (Vladimir Nabokov. Pale Fire (1962) / Владимир Набоков. Бледный огонь (Вера Набокова, 1983)); *…я всегда мечтал стать Генералом, и вот теперь у меня на плечах* ***генеральские погоны****. – But here it is: I had always wanted to be a General, and there I was wearing* ***general's stars*** (Kurt Vonnegut. Hocus Pocus (1990) / Курт Воннегут. Фокус-покус (М. Ковалева, 1993)).

Однако гораздо чаще, особенно если производные прилагательные употребляются в классифицирующих значениях (*генеральское звание, генеральская форма, генеральская квартира* и др.), в переводах используется конструкция NprN, о чем свидетельствуют следующие примеры, в которых в зависимости от значения употребляются предлоги *of* или *for*: *Но Новиков хотел этого…, ради* ***генеральского звания*** *и зависти соседей. – But Novikov wanted it none the less – …,* ***for the rank of general*** (В. С. Гроссман. Жизнь и судьба, Ч. 3 (1960) / Vasily Grossman. Life and fate. Part 3 (Robert Chandler, 1985)); *Сначала взорвалась мина* ***в генеральской комнате****. –* … the mine ***in the room for generals*** exploding first (Д. Н. Медведев, М. Белахова. Это было под Ровно (1948) / Dmitry Medvedev. Stout hearts (David Skvirsky, 1961)); *в красивых* ***генеральских мундирах*** *разъезжает красноносый Санта Клаус … – … inthehandsome* ***uniform of generals****, red-nosed Santa Clauses …, ride through the city* (Е. П. Петров, И. А. Ильф. Одноэтажная Америка (1937) / Ilya Ilf, Evgeny Petrov. Little Golden America (Charles Malamuth, 1944)).

Наибольшие трудности, как нам кажется, связаны с передачей компаративных значений данных производных, в основе семантики которых лежит указание на некоторое качество, присущее или приписываемое лицу, обозначенному производящей базой. Не случайно, как показывает переводческая практика, наряду с препозитивными конструкциями (см. например, *Вместо солидности и* ***генеральской тугоподвижности****, я увидел… – Instead of the staid dignity and* ***stolidity of a general****, I saw…* (А. П. Чехов. Тайный советник (1886) / Anton Chekhov. The Privy Councillor (Constance Garnett, 1900–1930)); *Тетушка подарила мне широкие* ***генеральские сани****… – My aunt had bestowed on me*

a wide sledge, fit for a general… (И. С. Тургенев. Несчастная (1868) / Ivan Turgenev. An Unhappy Girl (Constance Garnett, 1899)), активно используются атрибуты, называющие качество без каких-либо отсылок или с отсылкой к иному лицу, разделяющему те же свойства. Например: … *попечительницы, которая надвигалась* ***генеральской спиной*** *и ватрушкой своего шиньончика прямо на м-сье Пьера… – …the lady administrator, whose* ***massive back*** *and gray bun were coming straight at M'sieur Pierre* (В. В. Набоков. Приглашение на казнь (1935) / Vladimir Nabokov. Invitation to a beheading (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov, 1959)); *Необычайная важность,* ***игривый генеральский тон****, фамильярное обращение с иностранными авторами…– Their extraordinary dignity, their* ***bantering lordly tone****, their familiar manner to foreign authors*… (А. П. Чехов. Скучная история (1889) / Anton Chekhov. A. Dreary Story (Constance Garnett, 1900–1930)).

Использование сравнительных конструкций – (…*с какой-то осторожной, чуть не* ***генеральской вежливостию****… – in a friendly, but not over-friendly, fashion, with a sort of circumspect* ***courtesy like that of a General***…) или же опора на широкий контекст: *I have no money with which to buy* ***uniforms****. – И мне не на что купить* ***генеральский мундир*** (L. Frank Baum. Ozma of Oz (1907) / Л. Фрэнк Баум. Озма из страны Оз (В. Гобарев, 1992)) дополняют реестр переводческих стратегий.

Таким образом, при наличии целой подсистемы атрибутивных конструкций в русском и английском языках их корреляция принимает порою причудливые формы, вследствие чего переводчики вынуждены использовать наряду с атрибутивными конструкциями описательные обороты, апеллируя зачастую к фоновым знаниям или же, в случаях опущения атрибутов, полагаться на широкий контекст.

А. А. Христо

ОЦЕНОЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРИЗНАКУ ‘ВОЗРАСТ’ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Семантическая категория ‘возраст’ традиционно представляет особый исследовательский интерес в силу того, что в той или иной степени находит языковую репрезентацию в самых разных лингвокультурах. Результаты анализа значений наименований лиц с семантическим признаком ‘возраст’ в современном английском языке указывают на то, что помимо возрастных характеристик, лексическим единицам с данным признаком могут быть присущи иные положительные, либо отрицательные оценочные компоненты.

Проведенное нами исследование показало, что подавляющее большинство лексических единиц с признаком ‘возраст’ все-таки не обладают дополнительной положительной либо отрицательной характеристикой. Процент данных номинаций лиц составляет 71 % от общего числа исследуемых слов. Например, это такие номинации, как *adult* ‘взрослый человек’, *cadet* ‘кур-

сант', *child* 'молодой человек', *infant* 'маленький ребенок', *preschooler* 'дошкольник', *school leaver* 'выпускник', *schoolchild* 'школьник / школьница, *teenager* 'подросток', *toddler* 'ползунок' и многие другие.

Наименования лиц, семантике которых присущи отрицательные характеристики, согласно результатам проведенного исследования, составляют 22 %. Негативные компоненты в дефинициях исследуемых существительных можно разделить на следующие группы:

1) указывающие на внутренние качества человека: ***battle-axe*** *– if you call a middle-aged or older woman a battle-axe, you mean she is very difficult and unpleasant…,* ***old bat*** *– if someone refers to an old person, especially an old woman, as an* ***old bat****, they think that person is silly, annoying, or unpleasant,* ***rube*** *– if you refer to a man or boy as a rube, you consider him stupid and uneducated because he comes from the countryside*.

2) указывающие на внешность людей: ***ragamuffin*** *is someone, especially a child, who is dirty and has torn clothes,* ***urchin*** *is a young child who is dirty and poorly dressed*.

3) указывающие на поведение человека: ***brat*** *– if you call someone, especially a child, a brat, you mean that he or she behaves badly or annoys you,* ***yob*** *– if you call a boy a yob, you disapprove of him because he behaves in a noisy, rude, and perhaps violent way in public*.

4) являющиеся оскорбительными: ***old maid*** *– people sometimes refer to an old or middle-aged woman as an old maid when she has never married and they think that it is unlikely that she ever will marry; this use could cause offence,* ***bird*** *– some men refer to young women as birds what can cause offence.*

Большая часть единиц с отрицательной оценкой приходится на подгруппу наименований по признаку 'возраст' «Старость» (43 %): *old maid* 'старая дева', *hag* 'ведьма', *codger* 'чудаковатый старикашка'. Несколько меньше исследуемых наименований с отрицательной оценкой было выявлено в подгруппе «Детство» (38 %): *ugly duckling* 'гадкий утенок', *yobbo* 'хулиган'. Наименьшее количество наименований из исследуемой лексико-семантической группы свойственно подгруппе «Молодость» (19 %): *bird* 'птичка', *waif* 'беспризорный человек'.

Наименее представленной группой лексических единиц по признаку 'возраст', являются наименования лиц, в семантике которых присутствует положительная коннотация. Данные существительные составляют 7 % от общего числа выделенных лексических единиц. Компоненты, которые указывают на положительную оценку в дефинициях этих наименований, представлены следующими примерами: ***whizz-kid*** *– if you refer to a young person as a whizz-kid, you mean that they have achieved success at a young age because they are very clever and very good at something, especially making money,* ***tyke*** *– you can refer to a child, especially a naughty or playful one, as a tyke when you want to show affection for them*. Следует указать, что абсолютное количество лексико-семантических единиц с положительной коннотацией представлено подкатегорией «Детство»: *prodigy* 'одаренный ребенок', *scamp* 'проказник'.

Таким образом, одна пятая наименований лиц по признаку ‘возраст’ в современном английском языке сопровождается отрицательной оценкой и в основном представлена единицами из подгрупп «Старость» и «Детство». Наименования лиц, семантике которых присуща положительная оценка, оказались менее представленными и составили всего 7 % от общего числа выделенных лексических единиц, все из которых относятся к подгруппе «Детство».

И. Г. Цеханович

О ВЛИЯНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА ВЫБОР СТРАТЕГИЙ ИХ ОБЫДЕННОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ

Появление интерактивных онлайн-словарей (краудсорсинговых по своей природе, когда любой пользователь сети может не только добавить слово и его толкование в словарь, но и «оценить» толкования других пользователей, нажав «за» или «против», тем самым вступая в определенную интеракцию с другими авторами словаря) открывает широкие перспективы для изучения феномена обыденной семантизации, предоставляя доступ к метаязыковой дескрипции языковых единиц. Исследование способов толкования значений словарных вокабул может способствовать выяснению вопроса о влиянии различных их свойств (категориальных, лексико-семантических, этимологических, структурных и т.д.) на выбор лексикографической дескрипции.

Задача данного исследования заключается в выявлении стратегий обыденной семантизации существительных, принадлежащих разным ЛСГ, и установлении влияния лексико-семантической характеристики вокабулы на выбор способа ее толкования. Источником материала послужил самый большой на сегодняшний день интерактивный онлайн-словарь URBAN DICTIONARY, который принадлежит англоязычному сегменту Интернета. В качестве объекта анализа были отобраны лексикографические дескрипции сленгизмов-существительных, принадлежащих к двум ЛСГ: «Unintelligent person» и «Money». Данная лексика относится к классу конкретной, однако противопоставлена по ряду оснований: по признаку одушевленности / неодушевленности и по своим лексико-семантическим свойствам. В группу «Unintelligent person» вошли 105 ЛЕ (напр., *dodo, ditz, pinhead, re-re*) и 2347 их лексикографических дескрипций. Количество вокабул в группе «Money» составило 95 (напр., *gouda, grip, moolah, paper*), а дескрипций – 579.

Обращает на себя внимание существенная разница в количестве лексикографических дескрипций в группах (в ЛСГ «Unintelligent person» их количество превышает в 4 раза число определений денежных единиц), что может говорить о различном отношении говорящих к объектам описания: для носителей сленга более релевантным оказалось дать семантическую трактовку наименований лиц по интеллектуальному свойству, что может быть связано с определенным оценочным характером данной лексики, когда авторы словаря чувствуют необходимость поделиться своим видением описываемого объекта.

Нами выявлены следующие стратегии обыденной семантизации в данном словаре: логическая, синонимическая, иллюстрирующая, денотативная, дескриптивная, мотивационная, остенсивная, ассоциативная и смешанная (типология заимствована из исследования И. В. Левенталь (Левенталь, 2014)). Исследование показало, что указанные стратегии используются наивными лексикографами с разной степенью частотности (табл.).

Стратегии обыденной семантизации и их распределение по ЛСГ

Стратегии / ЛСГ	Логическая	Синонимическая	Иллюстрирующая	Денотативная	Дескриптивная	Мотивационная	Остенсивная	Ассоциативная	Смешанная
Unintelligent person	47 %	7,5 %	3,3 %	2,6 %	1,6 %	5,8 %	–	<0,5 %	32 %
Money	25 %	34 %	2 %	1,3 %	<1 %	–	8 %	<0,5 %	30 %

Ведущими среди используемых стратегий обыденной семантизации для исследуемых ЛЕ являются логическая (наиболее частотная в группе «Unintelligent person» (47 %): напр., *jughead – A person who acts below normal intelligence*; и синонимическая для ЛСГ «Money» (34 %): *cream – money, profit, loot*. При толковании наименований лиц авторы словарных статей считают важным установление связи с родовым понятием, а также перечисление отличительных и релевантных, с точки зрения автора словарной статьи, признаков, которые в основном сводятся к описанию когнитивных (*retard – a person who is stupid, obtuse, or ineffective in some way: a hopeless social retard*) и поведенческих (*Doofus – an idiot that does stupid stuff*) особенностей, внешнего вида (*muppet – girl with blonde hair, big boobs and not one brain cell between them. Usually dresses in complete supre*). Для описания значений наименований денежных единиц авторы словарных статей считают достаточным установить коррелят с единицей литературного или субстандартного языка (напр., *cheddar – cash; cake – cash, money, dollars*).

Близок к указанным стратегиям по частоте использования смешанный способ толкования значений, при котором авторы словарных статей комбинируют несколько стратегий. Напр., *Chooch – of possible italian origin, a chooch is similar to a fool or chump. used as a deragatory term to those who are not worthy of respect* (синонимическая + дескриптивная стратегии).

Иллюстрирующая (*Airhead – Imagine the dumbest person you know. Multiply by 4, there's your airhead*), денотативная (*cream – having lots of cash*), дескриптивная (*tard – A more polite way of saying retard*) и ассоциативная (*Chips – What I don't have when I play poker*) стратегии в обеих ЛСГ оказались

немногочисленными. Остенсивная стратегия выявлена лишь в ЛСГ «Money» (*Benjamin – 100$*), что вполне закономерно, так как лексика, обозначающая предметы материального мира, в частности артефакты, легко поддается семантизации при помощи невербальных средств. Мотивационная стратегия обнаружена только в ЛСГ «Unintelligent person» (*celebutard – A mash-up of the words "celebrity" and "retarded*"), что связано с качественными характеристиками самой лексики (в группе «Money» преобладают однокорневые слова).

Данные результаты позволяют сделать следующие выводы: 1) наивные лексикографы отдают предпочтение тем стратегиям семантизации лексики, которые являются наиболее частотными в традиционной лексикографии; 2) лексико-семантические свойства имени существительного оказывают влияние на выбор стратегии его обыденной семантизации.

Н. А. Богданова

СИЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ ТЕКСТА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЖАНРОВОЙ ТЕКСТОВОЙ СИНОНИМИИ: ОПЫТ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Сочетание филологического и информационного подходов к изучению жанровой специфики художественных текстов позволяет строить структурно-семантические модели текстов и, отбрасывая информационный шум, выявлять в их логико-семантической структуре схожие черты. Посторенние логико-семантических формул текстов (ЛСФТ) может дать возможность увидеть некоторые регулярности, особенности, выходящие за рамки индивидуального авторского стиля и имеющие отношение к жанровой принадлежности текстов. Далее проанализируем ЛСФТ текстов немецких коротких рассказов различных авторов (табл.) с точки зрения особенностей сильных позиций текста, в качестве которых мы рассматриваем начало и окончание короткого рассказа.

Анализ начальных микротем ЛСФТ в соответствии с принадлежностью к определенному речевому регистру, а также с учетом статичности / динамичности микротемы (по Г. А. Золотовой) показал, что бóльшую часть начальных МТ составляют описательные (54,7 %) и повествовательные (42,7 %) микротемы. Описательные микротемы традиционно относятся к «мягкому» началу текста, однако, сравнив начальные микротемы ЛСФТ по иным критериям – присутствию главных действующих лиц – мы получили следующие результаты (таблица):

Начальные микротемы текстов коротких рассказов

Тип микротемы	Авторы											
	В. Борхерт		Г. Белль		Э. Ланг-гессер		Й. Бобров-ский		Г. Воман		Всего	
	F	%	F	%	F	%	F	%	F	%	F	%
Связанные с ГС	12	80	10	66,7	8	53,3	7	46,7	10	66,7	47	62,7
Связанные с ВС/ПС	3	20	5	33,3	7	46,7	8	53,3	5	33,3	28	37,3
Всего	15	100	15	100	15	100	15	100	15	100	75	100

Бóльшая часть коротких рассказов начинается описанием или повествованием о событиях, связанных с главными персонажами, что требует от читателя повышенной концентрации внимания с самого начала повествования.

При этом восприятие текста еще больше усложняется в связи с некоторыми особенностями представления главных действующих лиц в текстах коротких рассказов. Например: *Als er dann seine Stiefel auszog, hätten wir ihn am liebsten erschlagen* ‘И когда он снял ботинки, мы были готовы его убить’ (В. Борхерт «Maria, alles Maria», здесь и далее перевод наш – *Н. Б.*). *“Ich war ja schließlich auch nur ein Mensch“, wiederholte die stattliche Frau immer wieder, die in der Bierschwemme an dem Bahnhof der kleinen Vorortsiedlung mit ihrer Freundin saß...* ‘«Я в конце концов была тоже просто человеком» – снова и снова повторяла статная дама, сидевшая в пригородной вокзальной пивнушке со своей подругой…’ (Э. Ланггессер «Untergetaucht»).

Тексты коротких рассказов предъявляют большие требования к концентрации внимания читателя с самого начала повествования. Они в большинстве своем не имеют «этапа подготовки» и создают впечатление, что читатель как будто «подключается» к действиям происходившим до текста, на каком-либо этапе. Такой эффект достигается за счет особенностей, традиционно не характерных для начала нарративов. В исследованных текстах к ним относятся: употребление наречий, указывающих на внезапность действия (*plötzlich*) либо на их очередность *(dann, endlich*); употребление личных местоимений; употребление прямой речи; нарушение темо-рематической последовательности, при котором действия персонажей становятся темой высказывания; указание на действия персонажей, отсылающих к некоторым ранее произошедшим событиям, не отраженным в тексте; высказывания-выводы, отсылающие к некоторым рассуждениям персонажей, не отраженным в тексте; употребление побудительных предложений.

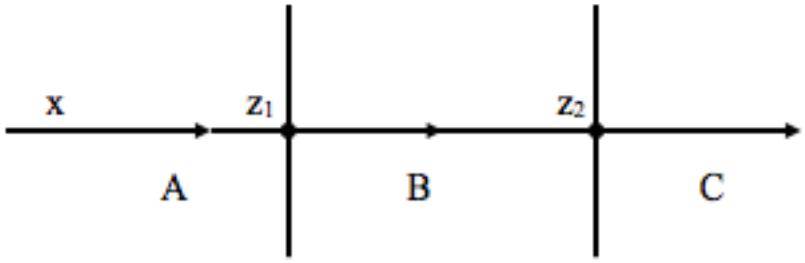
Анализ конечных микротем ЛСФТ показал, что в текстах коротких рассказов присутствуют не типичные для окончания произведения микротемы – вопросительно-побудительные, которые по своей сути указывают на недостаток информации и нацелены на продолжение повествования. Описательные, повествовательные микротемы и микротемы типа рассуждения не являются отличительными особенностями сильных позиций текстов коротких рассказов, однако анализ микротем по принципу присутствия главных действующих лиц указывает на некоторые типичные особенности окончания текстов коротких рассказов. В бóльшей части конечных микротем текстов коротких рассказов упоминаются главные действующие лица. Данное обстоятельство, наряду с высокой частотностью микротем повествовательного подрегистра изобразительного речевого регистра, позволяет говорить о том, что высокие требования к концентрации внимания при восприятии этого жанра справедливы для двух сильных позиций текста. Например: *Einen Schnaps, Onkel Wlas?* ‘Водки, дядя Влас?*’* (Й. Бобровский «Lipmanns Leib»). *Oder Grünkohl – Meinst du nicht auch?* ‘Или листовую капусту. Ты тоже так считаешь?’ (Э. Ланггессер «Der Kuckuck»).

Вторая сильная позиция текстов жанра короткого рассказа направлена на продолжение действия, читатель как бы в определенный момент «отключается» от действий рассказа, ощущая при этом, что сами события имеют или

должны иметь некоторое продолжение. Такой эффект, так же, как и в начале, достигается за счет элементов, не характерных для окончания нарратива. В исследованных текстах основными среди них являются: указание на действия персонажей, воспринимаемых не в качестве неких поступков, а в качестве подготовки к некоторым иным действиям, не отраженным в тексте; употребление вопросительных предложений (предполагающих ответные речевые или неречевые действия персонажей); употребление побудительных предложений, подразумевающих некоторую ответную реакцию персонажей; употребление личных местоимений (первичная номинация); указание на изменение состояния персонажей, которое подразумевает связанные с этим необходимые действия; употребление прямой речи с незаконченным по смыслу высказыванием.

Учитывая вышесказанное, можно говорить о наличии в текстах коротких рассказов некоторой событийной оси – хронологической последовательности событий, которая выходит за рамки текстовой ткани, непосредственно либо опосредованно указывая на события, не отраженные в тексте.

Графически событийную ось текстов этого жанра можно представить в виде следующей схемы (рисунок):



Событийная ось текстов коротких рассказов

Ось x – событийная ось, отражающая события короткого рассказа в хронологическом порядке, сектор A – события предтекстовой реальности, сектор B – события, отраженные в тексте, сектор C – события посттекстовой реальности. Точка z_1 обозначает место «подключения» читателя к событийной оси, точка z_2 – место «отключения» читателя от событийной оси нарратива.

Из схемы видно, что реальная или вымышленная ситуация, служащая основой произведения, распадается на три зоны, только одна из которых отражена в тексте, а две других подразумеваются автором. При этом связь с событийной осью в пограничных точках четко ощущается читателем благодаря вышеуказанным особенностям оформления сильных позиций текстов коротких рассказов.

В. А. Василевская, В. М. Василевская

ПРЕИМУЩЕСТВА ЛОНГРИДА КАК СОВРЕМЕННОГО СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ

В последнее время популярность набирает новый тип контента – лонгрид (англ. *long read*). Он представляет собой длинный текст (свыше 1 200–1 500 слов), сопровождающийся большим количеством иллюстраций (фотографии, картинки, видеоролики, аудиофайлы, диаграммы, анимация, карты, графики, интерактивные хронологические ленты и т.п.). Такие элементы наглядно разъясняют и дополняют текст, усиливают эмоции, помогают передать суть, которую сложно выразить словами. Обязательное условие лонгрида – это возможность полностью погрузить читателя в текст, который он прочитает от начала до конца.

На сегодняшний день лонгрид становится одним из основных трендов в образовательном процессе. Использование большого количества мультимедийных элементов вызывает живой интерес у обучающихся, активизирует их внимание, облегчает восприятие нового материала. Немаловажным преимуществом контента в формате «лонгрид» является легкость его восприятия с экрана смартфона и возможность поделиться им в социальных сетях.

Еще одно достоинство лонгрида как средства обучения состоит в том, что в него можно поместить большой объем обучающей информации. Текст может иметь последовательную хронологическую структуру или создаваться из блоков – отдельных фрагментов, сопровождающихся поясняющей информацией. При использовании лонгрида у преподавателя появляется возможность добавить в обучающий материал больше примеров и пояснений. Кроме этого, отдельные текстовые части в лонгриде можно выделить с помощью типографики:

- примечания;
- пояснения, сноски;
- факты;
- перечисления;
- цитаты;
- блоки «Внимание!».

Создание лонгрида требует много времени. Преподаватель должен погрузиться в тему, подобрать информацию, представить в другом ракурсе, с новой для обучающихся стороны, чтобы они восприняли ее с интересом.

Однако лонгрид может использоваться не только как эффективное средство подачи информации преподавателем. Современные студенты с удовольствием выполняют задания, связанные с работой в привычной им интернет-среде.

Задание на создание обучающимся лонгрида по изучаемой теме требует глубокой и детальной проработки разноплановых данных из различных источников, что способствует не только усвоению требуемого материала в процессе выполнения задания, но и расширению общего кругозора. У студента появляется чувство удовлетворенности – он не терял время, узнавал новое, занимался саморазвитием, рос над собой.

Лонгрид должен восприниматься как целостная история. Для его создания обучающемуся необходимо заранее продумать структуру текста, составить план, выделить суть и правильно расставить акценты, разбить текст на смысловые блоки. Это развивает логическое мышление и чувство стиля в подаче информации.

Помимо индивидуальной работы, создание лонгрида является хорошим групповым заданием. Роли в группе могут быть распределены следующим образом:

- «Фотограф» отвечает за подбор снимков по заданной тематике;
- «Видеооператор» занимается поиском подходящего видеоматериала;
- «Журналист» пишет непосредственно текстовую часть лонгрида;
- «Дизайнер» компонует графический материал и текст;
- «Продюсер» представляет созданный лонгрид товарищам по группе и руководит обсуждением заданной темы.

Таким образом, лонгрид представляет собой длинную статью с интерактивными элементами: изображениями, видео, цитатами, инфографикой и т.п. Создание лонгрида предполагает глубокую проработку темы и структуры подачи информации, что способствует лучшему усвоению материала, а также развивает логическое мышление и чувство стиля. Задания на создание лонгрида хорошо подходят как для индивидуальной, так и для групповой работы, что позволяет считать лонгрид современным и эффективным способом подачи информации и образовательным средством.

Е. С. Василенко, Е. В. Марковская, Н. В. Шалимо

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ В СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Подготовка квалифицированных специалистов в области межкультурной иноязычной коммуникации во многом связана с переходом от информационной парадигмы обучения к личностно ориентированной парадигме образования, которая обусловливает приоритет самостоятельной учебной деятельности студента перед управляющей ролью преподавателя. Это означает, что студент перестает быть только потребителем знаний, он становится активным участником образовательного процесса. Такой подход предполагает ориентацию на развитие творческих способностей студентов, применение активных методов овладения знаниями, на использование личностно ориентированного подхода в образовании. Усиление роли самостоятельной работы означает пересмотр организации всего учебного процесса, который должен строиться так, чтобы студент как объект образовательного процесса в максимальной степени становился и субъектом учебной деятельности.

Решение этой задачи возможно в результате:

- стимулирования и развития у студентов умения учиться;
- формирования у них способности к саморазвитию и к творческому применению полученных знаний;
- создания в процессе обучения механизмов адаптации к будущей профессиональной деятельности в изменяющихся условиях современного мира.

Это означает, что в системе лингвистического образования, помимо компетенций в области межкультурной коммуникации, важной задачей становится формирование особого вида компетенции, позволяющей студентам самостоятельно управлять собственной учебно-познавательной деятельностью.

Формирование такой компетенции приводит к развитию у студентов способности к самостоятельному планированию, регулированию и контролю своей учебной деятельности по всем направлениям образовательной парадигмы.

При определении понятия *самостоятельная работа* первостепенное значение приобретает установление того, кто и в какой степени (преподаватель или студент) управляет учебной деятельностью обучающихся:

- управляет ли ею преподаватель, находясь в непосредственном контакте со студентами;
- управляет ли ею сам студент при поддержке преподавателя;
- происходит ли это управление опосредованно, т. е. в отсутствие преподавателя через рекомендованные им программы, методические учебные материалы, пособия и задания.

Опираясь на такое понимание, можно сформулировать следующее определение самостоятельной работы студентов: *самостоятельная работа* – это организованная и управляемая преподавателем (непосредственно или опосредованно) учебно-познавательная деятельность студентов с целью приобретения ими определенных компетенций на основе самостоятельной интеллектуальной деятельности.

В лингвистическом учреждении высшего образования самостоятельная работа студентов является одной из важнейших составляющих образовательного процесса и может происходить как в аудитории, так и вне ее; как в контакте с преподавателем, так и в его отсутствие.

Во всех этих случаях четко прослеживается тесное взаимодействие участников образовательного процесса: студент получает задания и методические указания о способах организации самостоятельной деятельности, а преподаватель выполняет функцию управления путем постановки определенной задачи на каждом конкретном этапе обучения, а также через контроль и коррекцию ошибочных действий. При этом подразумевается, что организует учебный процесс и руководит им преподаватель, даже если его присутствие при этом не предполагается.

На практике различные формы самостоятельной работы нередко пересекаются, а границы между ними не являются жесткими. В условиях, когда самостоятельная работа понимается как учебно-познавательная деятельность

студентов, организуемая и управляемая преподавателем, первостепенное значение приобретают формы и способы методического управления этой деятельностью. В данном контексте важнейшим фактором, обеспечивающим эффективную организацию самостоятельной работы студентов, может рассматриваться создание комплекса методического обеспечения учебного процесса.

В рамках системы лингвистического образования к комплексу методического обеспечения учебных дисциплин, направленных на усвоение иностранных языков, как правило, относятся:

- рабочие программы учебной дисциплины, разработанные на соответствующей кафедре и используемые в учебном процессе;
- тексты или конспекты лекций, если учебная дисциплина предусматривает лекционный курс;
- аудитивное сопровождение изучаемого лингвистического и лингвострановедческого материала;
- учебно-методические пособия по конкретным аспектам;
- банки специализированных заданий и тренажерных программ;
- современные средства информационных технологий, программы компьютерной поддержки, автоматизированные обучающие программы.

Что касается контроля самостоятельно выполняемой работы, то в этом вопросе следует исходить из того, что любая учебная деятельность, в том числе самостоятельная работа студентов, должна подвергаться обязательному контролю. При этом контролю необходимо носить двусторонний характер: в качестве контролирующей инстанции выступает, с одной стороны, преподаватель, а с другой – сам студент, осуществляющий самоконтроль за своей учебной деятельностью.

Важную роль в организации самоконтроля учебной деятельности играет использование автоматизированных обучающих и контролирующих систем, которые позволяют студенту с помощью компьютерных технологий изучать дисциплину или ее раздел, контролировать и оценивать приобретенные знания и умения с большей степенью самостоятельности.

Таким образом, управляемая преподавателем самостоятельная работа создает условия для активизации всей учебной деятельности студента, повышает уровень его участия в управлении собственным учением, делает его все более самостоятельным и равноправным участником образовательного процесса.

С этой точки зрения самостоятельная работа как способ организации учебной деятельности в системе университетского образования может рассматриваться в качестве определенной ступени в развитии автономии высшего образования, ориентированного на максимальную реализацию профессиональных личностных потребностей индивида в современном обществе.

Р. В. Детскина, К. П. Антоник

ПОДХОДЫ К ФИЛЬТРАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В ИНТЕРНЕТЕ

В современном мире, где реклама является двигателем торговли, с развитием Интернета и средств общения, проблема нежелательной рекламы и сообщений требует интеллектуального подхода для ее решения. В настоящее время существует несколько алгоритмов фильтрации нежелательной корреспонденции. Однако современные методы борьбы со спамом, основанные на лингвистических признаках, правилах фильтрации сообщений, становятся все менее эффективными, так как требуется увеличение трудозатрат специалистов по защите от спама на поддержание этих признаков и правил в актуальном состоянии. Главными недостатками большинства существующих методов являются ложные тревоги, пропуск «спама», фиксированное количество слов, участвующих в оценке письма. Таким образом, современные методы борьбы со спамом требуют постоянного участия человека для эффективного анализа текста, они не способны самостоятельно вырабатывать эти правила.

Если рассматривать человека как средство борьбы со спамом, то можно сказать, что он обладает способностью обнаружения признаков спама, основываясь на собственном опыте и предпочтениях, знаниях о добровольных новостных и рекламных подписках, обучаемостью, его работа не сводится к шаблонам и потому более эффективна. Именно поэтому задача создания средства борьбы со спамом сводится к наделению этого средства навыками и качествами, присущими человеку: способностью к обучению, системой предпочтений и исключений, анализом контекста, системой принятия решений.

Байесовская фильтрация спама – метод для фильтрации спама, основанный на применении наивного байесовского классификатора (НБА), опирающегося на прямое использование теоремы Байеса.

Наивный байесовский алгоритм – это алгоритм классификации, основанный на теореме Байеса с допущением о независимости признаков. Другими словами, НБА предполагает, что наличие какого-либо признака в классе не связано с наличием какого-либо другого признака.

Первой известной программой, фильтрующей почту с использованием байесовского классификатора, была программа iFile Джейсона Ренни, выпущенная в 1996 году. Программа использовала сортировку почты по папкам. Первая академическая публикация по наивной байесовской фильтрации спама появилась в 1998 году. Вскоре после этой публикации была развернута работа по созданию коммерческих фильтров спама. Однако в 2002 году Пол Грэм смог значительно уменьшить число ложноположительных срабатываний до такой степени, что байесовский фильтр мог использоваться в качестве единственного фильтра спама.

Модификации основного подхода были развиты во многих исследовательских работах и внедрены в программных продуктах. Многие современные почтовые клиенты осуществляют байесовское фильтрование спама. Программное обеспечение серверов электронной почты либо включает фильтры в свою поставку, либо предоставляет API для подключения внешних модулей.

В частности, фильтр, основанный на алгоритме Байеса, имеет следующие достоинства по сравнению с более простыми методами:

- уникальный для каждой организации набор данных, что делает более сложным обход фильтра;
- просмотр полного нежелательного сообщения, а не только ключевых слов или известных подписей;
- многоязычность.

Модели на основе НБА достаточно просты и крайне полезны при работе с очень большими наборами данных. При своей простоте НБА способен превзойти даже некоторые сложные алгоритмы классификации. Наивные байесовские классификаторы были успешно применены во многих областях, в частности, в Natural Language Processing, или сокращенно NLP (обработке естественного языка). Существуют и другие альтернативы при решении проблем с NLP, такие как нейронные сети или метод опорных векторов (SVM). Однако простой дизайн наивных байесовских классификаторов делает их очень привлекательными для использования.

Нами была создана компьютерная программа, использующая наивный байесовский классификатор, который способен ответить на вопрос, к какой категории классов «спам» – «не спам» относится электронное сообщение. Данная программа написана на языке программирования Python и использует корпус СМС сообщений в формате CSV в качестве обучающего алгоритма материала.

Для обработки корпуса сообщений используются библиотеки языка Python, направленные на токенизацию и стеммирование сообщений.

```
import pandas
import matplotlib.pyplot as pyplot
from wordcloud import WordCloud
import nltk
nltk.download('punkt')
nltk.download('stopwords')
from nltk.tokenize import word_tokenize
from nltk.stem import PorterStemmer
from nltk.corpus import stopwords
```

Метод «train» обрабатывает корпус сообщений, помеченных классами «спам» или «не спам», проводя токенизацию и стеммирование, и присваивает веса каждому слову, согласно частоте его употребления. Первый этап, этап разработки функций, сосредоточен на извлечении особенностей текста. Необходимо использовать числовые значения в качестве входных данных для классификатора. Таким образом, интуитивно понятным выбором являются частоты слов, то есть подсчет вхождения каждого слова в сообщении.

```
    spam_set = {}
    ham_set = {}
    spam_count = 0
    ham_count = 0
     def train(path, encoding):
        global spam_count
        global ham_count
        spam_words = ""
        ham_words = ""
         dataset = pandas.read_csv(path, encoding = encoding)
        dataset = dataset[['v1', 'v2']]
        dataset.columns = ['label', 'msg']
         for _, row in dataset.iterrows():
            label = row['label']
            msg = row['msg']
            msg = process_msg(msg)
             if (label == "spam"):
                for word in msg:
                    spam_words += word + " "
                    spam_set[word] = spam_set.get(word, 0) + 1
                spam_count += 1
            else:
                for word in msg:
                    ham_words += word + " "
                    ham_set[word] = ham_set.get(word, 0) + 1
                ham_count += 1
         spam_pic    =    WordCloud(width    =    1024,    height    =
1024).generate(spam_words)
        pyplot.figure(figsize = (20, 15))
        pyplot.imshow(spam_pic)
        pyplot.savefig('spam.png', bbox_inches = 'tight')
         ham_pic    =    WordCloud(width    =    1024,    height    =
1024).generate(ham_words)
        pyplot.figure(figsize = (20, 15))
        pyplot.imshow(ham_pic)
        pyplot.savefig('ham.png', bbox_inches = 'tight')
    def process_msg(msg):
        tokens = word_tokenize(msg)
        tokens = [t for t in tokens if len(t) > 2]
        stop_word = stopwords.words('english')
        tokens = [t for t in tokens if (t not in stop_word)]
        stemfx = PorterStemmer()
        tokens = [stemfx.stem(t) for t in tokens]
        return tokens
```

Метод «test» непосредственно использует наивный байесовский классификатор для определения того, является ли сообщение спамом, то есть, выражаясь формально, вычисляет вероятность того, что сообщение попадет в категорию «спам».

А. Е. Жданович

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСА ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА УСТОЙЧИВЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Корпус текстов является основным понятием корпусной лингвистики, разрабатывающей методологию создания и использования электронных лингвистических корпусов. Корпус текстов представляет собой, по мнению Т. МакЭнери и Э. Вилсона, «собрание языковых фрагментов, отобранных в соответствии с четкими языковыми критериями для использования в качестве модели языка». Как отмечает А. Н. Баранов, целесообразность создания и использования корпусов текстов определяется двумя основными предпосылками:

1) данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме, что предоставляет возможность их всестороннего и объективного изучения;

2) достаточно большой, или репрезентативный объем корпуса гарантирует типичность данных.

Технологии корпусной лингвистики базируются на достоверных данных о фонетической, морфологической, синтаксической и семантической структуре языка и речи, которые могут быть получены только из достаточно большого массива текстов. Для исследования процесса перевода в корпусной лингвистике используется такие виды корпусов, как параллельный корпус текстов и сопоставительный корпус текстов. Параллельный корпус текстов состоит из набора текстов на языке оригинала и их соответствующих текстов на языке перевода. Сопоставительный корпус включает в себя два разных набора текстов на одном языке: первый состоит из оригинальных текстов, второй – из переведенных текстов на данный язык. Таким образом, сопоставительный корпус – это моноязычный корпус, состоящий из двух подкорпусов на одном языке. С. Гренжер говорит о том, что, несмотря на явное преимущество сопоставительного корпуса, представленное двумя сопоставляемыми одноязычными подкорпусами, такой вид корпуса имеет и недостаток, который заключается в том, что сложно выявить параметры сопоставления. Некоторые виды текстов имеют культурные особенности и не обладают точными соответствиями при переводе. Отличительной чертой параллельного корпуса является разметка, позволяющая каждому предложению исходного языка сопоставить предложение языка перевода. Такой корпус позволяет установить переводные соответствия между искомыми элементами корпуса, выявить их частотность и представить список контекстов, в которых употребляются исследуемые единицы.

Исследователь Г. Г. Белоногов в 1975 году впервые высказал идею использовать для перевода текстов определенные фрагменты уже переведенных текстов. По мнению ученого, суть данного подхода заключается в том, что в памяти компьютера накапливаются корпусы исходных текстов и их переводов, выровненных между собой на различных уровнях (абзацев, предложений,

словосочетаний). В процессе перевода такая система пытается отыскать переводимый сегмент в массиве исходных параллельных текстов. Если он найден в исходном массиве текстов-оригиналов, то система выбирает его перевод в массиве переведенных текстов (Д. А. Жуков «Мы – переводчики»). Японский ученый М. Нагао подробнее сформулировал использование для перевода уже сохраненных корпусов переведенных текстов. Свой подход к автоматическому переводу он назвал «машинный перевод на основе заложенных примеров или машинный перевод по аналоговому принципу» и обосновал его следующим образом: «Человек не переводит простое предложение с помощью глубокого лингвистического анализа. Скорее, человек при переводе сперва членит содержание предложения на некоторые отдельные фразы <…>, затем переводит эти фразы на другой язык и, наконец, надлежащим образом складывает эти фрагменты перевода в одно длинное предложение. Такой перевод каждого фрагмента предложения будет переводиться по принципу аналогового перевода, со ссылкой на надлежащие примеры».

Ученый Д. О. Добровольский в своей работе «Корпус параллельных текстов как инструмент анализа литературного перевода» говорит о необходимости выявления структур, «которые по своей природе требуют от переводчика нетривиальных решений». К таким структурам автор предлагает отнести нестандартное употребление лексических единиц, нерегулярные синтаксические конструкции, излюбленные слова автора, несвободные словосочетания, идиомы и конвенциальные метафоры, авторские метафоры, культурно-специфичные элементы (названия, имена, титулы и т.п.). Автоматический перевод таких структур вызывает определенные трудности. Этим можно объяснить тот факт, что широко известные промышленные системы машинного перевода до сих пор не использовались для перевода текстов с несвободными словосочетаниями. В то же время попытки применить для автоматического перевода устойчивых словосочетаний корпусы параллельных текстов позволили получить неплохие результаты. Первым шагом в этом направлении явилось исследование Д. В. Степановой, основная идея которого основывается на следующих предположениях: 1) в каждом несвободном словосочетании предложения текста на ИЯ можно выделить его опорное («ядерное», «узловое») слово, являющееся основой словосочетания; 2) в рамках взятого из параллельного корпуса текстов перевода исходного предложения можно выделить несвободное словосочетание, опорным словом которого является один из переводных эквивалентов опорного слова исходного несвободного словосочетания или наиболее значимое с лингвистической точки зрения слово этого словосочетания; 3) в базе данных системы перевода для текстов достаточно узкой предметной области, заданы, во-первых, структурные схемы (минимально на уровне классов слов) исходного и переведенного несвободного словосочетания, во-вторых, выявленные на предварительных этапах лингвистических исследований текстовые признаки, определяющие границы несвободных словосочетаний в рамках исходного предложения и его перевода (Д. В. Степанова «Построение принципиального алгоритма автоматического выделения английских терминологических словосочетаний и их перевода на русский язык с помощью корпуса параллельных текстов»).

По мнению А. В. Зубова, описанный выше подход может быть усовершенствован и использован для автоматического перевода идиоматических выражений (А. В. Зубов «Подходы к переводу идиоматических выражений»). При этом ученый подчеркивает, что основная трудность заключается в том, что перевод идиоматического выражения не всегда будет содержать опорное слово, являющееся одним из переводных эквивалентов опорного слова исходного идиоматического выражения, как это было при переводе терминологических словосочетаний. Основная трудность при переводе идиоматических (фразеологических) единиц с помощью корпуса параллельных текстов заключается в правильном выделении слов, связывающих исходную единицу и ее перевод на другой язык.

В последние десятилетия на помощь переводчикам приходят разнообразные системы автоматического перевода текста с одного языка на другой, однако не все компьютерные системы могут осуществить адекватный перевод текстов с фразеологическими единицами. Автоматический перевод устойчивых словосочетаний возможен в рамках технологий, основанных на больших двуязычных (многоязычных) корпусах параллельных текстов.

М. А. Жданович

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Разработка компьютерного терминологического словаря невозможна без учета принципов его создания, поскольку они позволяют наметить план действий лексикографа. Следует отметить, что в научной литературе отсутствуют общепринятые принципы подготовки словарей. Кроме того, в компьютерной лексикографии часто фигурируют только те принципы, которые необходимы для разработки бумажных словарей. В связи с этим рациональным представляется установление принципов создания компьютерных терминологических словарей. Проведенный анализ ряда работ, посвященных изучению указанного вопроса, позволил объединить выделенные принципы создания словарей в 3 группы в зависимости от того, на какой этап работы со словарем они оказывают наибольшее влияние.

1. Проектирование структуры компьютерного терминологического словаря и отбор терминов:

1) параметризация, или параметрическое описание словаря представляет собой наиболее объемный принцип, т.к. охватывает работу с макро- и микроструктурой, которые вытекают из авторской установки. Предварительное определение характеристик словаря и подготовка его проекта, а именно: предметная, тематическая, ареальная, временная и языковая ориентация словаря, его функции и назначение, аспектная ориентация, объем, принцип отбора лексики, ее расположение, определение основных частей словаря и типов информации, которой будет снабжена словарная статья, – позволяют четко определить вид конечного продукта;

2) надежность источника терминов. Надежным можно считать материал, отобранный из авторитетных источников, а именно: межгосударственных и международных стандартов, научных изданий, словарей, сайтов всемирно известных компаний и т.д.;

3) последовательность и системность в отборе терминов, т.е. термины должны быть приблизительно одинаковой важности и частотности в рамках определенной области знаний и в первую очередь должны быть включены главные элементы, входящие в терминосистему, а затем периферийные термины;

4) принцип системности, предполагающий тематическую связность всех терминов, входящих в словник. Такая связность достигается не только посредством ограничения области знаний, но и за счет систематизации отобранных единиц в группы на основе их семантики;

5) лингвистическая корректность, или соответствие нормам языка. Данный принцип предполагает, что термины должны быть унифицированы на лингвистическим уровне. Кроме того, принцип лингвистической корректности должен учитываться при работе с заимствованиями, т.к. любая терминосистема стремится к умеренной интернациональности;

6) формализованный характер описания терминов обеспечивает возможность прочтения информации на естественном языке компьютером;

7) модульность предполагает, что словарная статья должна строиться как относительно независимый объект, становясь в дальнейшем одним из компонентов организованной системы;

8) сведение к минимуму влияния человеческого фактора на создание словаря.

2. Разработка лексикографического программного продукта:

1) дружественность предполагает создание дружественного интерфейса, который обеспечивает удобство системы для пользователя и повышает эффективность взаимодействия, т.е. структура и метаязык словаря должны быть простыми и доступными для восприятия, чтобы минимизировать время, затрачиваемое на поиск нужной информации;

2) персонализация, которая предполагает, что конечный продукт должен быть наделен функциями, которые позволят пользователю самому решать, что и каким образом должно быть отражено в диалоговом окне в соответствии с его потребностями. К таким функциям относятся, например, изменение размера шрифта и символов, всплывающие окна с дополнительной лексикографической информацией и области, чувствительные к перемещению мыши;

3) полифункциональность компьютерных словарей заключается в том, что полученный продукт может быть полезен для решения не одной, а нескольких задач. Данный принцип напрямую влияет на наполняемость словарной статьи и требует включения как можно большего количества полезной информации для конечного пользователя;

4) гипертекстуальность, благодаря которой конечный пользователь может переходить от одной словарной статьи к другой посредством перекрестных ссылок, а также активируемых щелчком мыши лексических единиц, содержащихся в тексте.

3. Обеспечение открытости компьютерного терминологического словаря:

1) динамичность, которая предполагает оперативное внесение изменений в содержащуюся в словарной статье информацию и саму номенклатуру словаря, а также своевременное подключение к имеющейся системе необходимых программ и файлов. Следует отметить, что, если по результатам терминографической работы создается словарь, который нельзя впоследствии дополнять новыми терминами и вносить корректировки, он превращается в аналог бумажного словаря и тем самым обесцениваются все возможности, которые предоставляет компьютерная лексикография;

2) мобильность заключается в том, что полученный словарь должен быть пригодным для использования различными системами;

3) гибкость определяет способность уже созданных баз данных и словарей удовлетворять новым требованиям без глобальной перестройки их организации.

Реализация вышеописанных принципов на этапе проектирования компьютерного терминологического словаря позволяет создать наиболее качественный лексикографический продукт, соответствующий запросам современного пользователя.

Н. В. Зыгмантович

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ИЗВЛЕЧЕНИЕ ТЕРМИНОВ ИЗ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Интенсивное развитие современных информационных технологий привело к значительным изменениям в процессах обработки научно-технических и публицистических текстов. Эти задачи неразрывно связаны с понятием *термин*. Существуют различные определения понятия *термин*. Например: в Большой советской энциклопедии: *термин* (от лат. *terminus* – предел, граница) – это слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни.

Ученый В. М. Перерва в своей статье «О принципах и проблемах отбора терминов и составления словника терминологических словарей» дает следующее определение этого понятия: «Термин – это языковой знак, который может быть и отдельным словом, и словосочетанием. Он, как языковой знак, является носителем элементарной научной, технической, производственной и тому подобной информации в виде отдельного научного понятия, входящего в систему понятий определенной области знания или деятельности».

Необходимость решения проблемы автоматического извлечения из текстов терминов и терминологических словосочетаний связана с решением таких задач, как «автоматическая обработка текстов, «классификация документов», «кластеризации документов», «индексирование и реферирование текстов» и т.д.

Терминологический словарь – это не самый распространенный тип лингвистического словаря, но его значение трудно преувеличить. Благодаря определенной структуре и систематизации терминологического словаря поиск нужного термина значительно упрощается.

Прототипом терминологических словарей на Руси стали религиозные словари, появившиеся уже в XI веке. Первый словарь, систематизирующий научные термины, был составлен в 1780 году К. А. Кондратовичем – до этого существовали лишь краткие списки терминов и определений из различных областей знаний. В России первые работы по изучению терминов и терминологии начались в начале 30-х годов XX столетия, когда в 1931 году была опубликована статья ученого Д. С. Лотте «Очередные задачи научно-технической терминологии». Работа по созданию терминологических словарей активно продолжается и в наши дни, что описывается в статье А. В. Зубова «Способы автоматического извлечения терминов из текста».

Создание терминологических словарей – работа сложная, кропотливая. Для того, чтобы облегчить работу лингвиста по созданию терминологических словарей используются различные методы выделения из текстов терминов-слов и терминов-словосочетаний. Часто для этого используется статистический метод. Применение этого метода, который основан на частоте вхождения слова в рассматриваемую коллекцию текстовых документов, позволяет с большой достоверностью выделить термины-слова и термины-словосочетания в специальных текстах различных подъязыков. Использование статистического метода для автоматического выделения терминов-слов детально описано в работе Р. Г. Пиотровского «Статистическое опознание термина».

Одной из программ, которая использует статистический метод для извлечения возможных терминов из совокупности текстов по определенной предметной области, является программа «Менеджер терминологии Lite». Это программа входит в пакет «PROMT Professional», который предназначен для профессионального перевода документов различных форматов. Она позволяет работать с текстовыми документами на разных языках, которые поддерживает Promt (английский, немецкий, русский, французский, итальянский, испанский).

Программа «Менеджер терминологии Lite» предназначена для автоматизации поиска терминологии в текстах, ее извлечения и сохранения для дальнейшей обработки. Она упрощает работу по созданию терминологических словарей, которые широко используются при переводе текстов.

Возможности программы «Менеджер терминологии Lite»:

1) позволяет одновременно открывать для анализа множество файлов;

2) выполняет подсчет относительной частоты употребления слов и словосочетаний;

3) формирует список терминологических кандидатов – слов и словосочетаний, которые встретились в анализируемых текстах, причем удаляет из этого списка общеупотребительную и служебную лексику и сортирует сформированный список по убыванию относительной частоты употребления;

4) позволяет отобразить все контекстные примеры для любого термина;

5) сохраняет в виде отдельного файла список всех терминологических кандидатов, что удобно использовать при создании терминологических словарей, и список терминологических кандидатов с контекстом, т.е. позволяет для совокупности текстов создать конкордансы по всем или отдельно выделенным терминам.

Сегодня уже разработаны новые методы и программные средства с использованием алгоритмов машинного обучения, позволяющие извлекать термины из коллекции текстовых документов предметной области с использованием структуры гиперссылок Википедии. Эти методы описаны в диссертации Н. А. Астраханцева, что позволит значительно усовершенствовать возможности ПК для решения этих задач.

Е. И. Ильина

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЕ

Современная реклама формирует не только отношение потребителей к тому или иному товару, но и оказывает влияние на язык рекламы в принципе. Наличие образности и игры в рекламном тексте как нельзя лучше способствует созданию определенного впечатления. Приемы языковой игры помогают достигнуть максимальной экспрессии при минимальном объеме текста.

Под *языковой игрой* (ЯИ) мы будем понимать сознательное нарушение языковых норм, правил речевого общения, а также искажение речевых клише с целью придания сообщению большей экспрессивной силы.

Творческое начало ЯИ в рекламе заключается в понятии креативности. Особенно это актуально для телевидения. Понятие креативности относится к процессу, в результате которого человек или группа людей создает что-то, не существовавшее прежде. Однако применительно к рекламному тексту понятие креативности обладает несколько иными характеристиками, напрямую зависящими от ее главных целей – привлечение внимания потребителей к товару и его продажа.

Рассмотрим соблюдение языковых норм в современных рекламных сообщениях на примере телевидения.

Как указывает доцент факультета журналистики МГУ, член Гильдии лингвистов-экспертов Е. С. Кара-Мурза, нарушение нормы (любого уровня) может рассматриваться, с одной стороны, как ошибка и свидетельство недостаточной компетенции авторов текста, а с другой – как выразительность чувств и эмоций, показ внутреннего состояния, т.е. языковая игра. По ее мнению, в телевизионной рекламе базовым уровнем иерархии коммуникативных норм являются нормы языковые (уровневые), над которыми надстраиваются стилистические нормы. Последние иногда входят в противоречие с первыми – и побеждают их, поскольку соблюдение функционально-стилистических норм является залогом ситуативной адекватности текста.

В рекламных текстах зачастую встречаются такие нарушения языковой нормы, как гиперболичность оценки, а также неуместные канцеляризмы, газетизмы, жаргонизмы, преизбыток терминов в рекламе потребительских товаров и услуг для массовой аудитории:

После встречи с ними (провидицей Дарьей и «бабушкой» Олей) отступят сердечно-сосудистые заболевания, неврозы, заболевания легких, бронхов, печени и почек, тромбофлебиты, варикозное расширение вен... Восстановится зрение, слух, массово выйдут камни из почек, желчного пузыря, наступит избавление от одиночества...

Другой пример:

Беспредел скидок! Дикая экономия! (новогодняя распродажа бытовых приборов в магазинах «Техносила»).

Зачастую в рекламе используются слова из молодежного жаргона, создаются новые слова, например, слоган-окказионализм *Сникерсни!*. Некоторые ученые считают это нарушением языковой нормы. Однако Е. С. Кара-Мурза полагает, что расчет на конкретную аудиторию обеспечивает адекватный выбор социолекта. Это является реализацией социолингвистической нормы (второй уровень).

Следовательно, в слогане *Сникерсни!* учитывается ориентация создателей высказывания на определенный сегмент рынка – на молодежь, поэтому здесь нет нарушения языковой нормы.

Другое дело, когда используют ненормативную лексику:

Евросеть – цены просто ох…

Авторы телевизионного слогана также рассчитывали на молодежную аудиторию, однако нецензурная брань не является отличительным признаком молодого поколения. Хотя здесь хорошо угадывается только намек на непечатную брань. Такая реклама не должна появляться.

Третий уровень – логические нормы. Нарушение законов логики также может стать эффективным воздействующим приемом – паралогизмом:

Если радио – то «*Максимум*»!;

Лордфлекс – это больше чем матрас!

В последнее время активизировалось употребление сравнительных конструкций, некорректных с точки зрения и логики, и грамматики:

Еще больше качества по той же цене (реклама моющих средств).

Правильно было бы сказать: «Вы получите еще больше товара более высокого качества» или «Еще выше стало качество товара, продающегося по той же цене». Но ведь правильные фразы слишком длинные и даже занудные.

Встречаются также ошибки в лексической сочетаемости. Например:

Теперь и навсегда качество «*Рама*» *для бутербродов на 15 % дешевле*.

Ошибка заключается в том, что качество не может быть дешевым и тем более становиться дешевле. В то же время эти фразы можно обвинить и в манипулятивности: грамматические ошибки, ломая автоматизм восприятия, уводят мысль от осознания торгового предложения, а оно в свою очередь маловразумительно.

Однако примеры нарушения логики и грамматической сочетаемости могут быть и игрового характера, если в них осуществляется особый поворот мысли – троп.

Например, использование метонимии по сути является нарушением логики, однако русский человек адекватно поймет фразу:

Чистота «Комет» теперь дешевле 20-ти рублей!

Это не абстрактная чистота, которая, как качество вещи, конечно, не может быть ни дешевой, ни дорогой, а «чистота, достигаемая применением порошка «Комет».

Еще один пример нарушения логики:

Мы больше не используем зубную пасту. Мы пользуемся «*Аквафреш*».

По контексту получается, что «Аквафреш» – не зубная паста, а нечто иное, но это утверждение не соответствует действительности. Такая реклама, помимо того, что нарушает языковые нормы, еще и относится к разряду заведомо ложной, когда производитель (распространитель) умышленно вводит потребителя в заблуждение относительно подлинных потребительских качеств товара (ст. 9 закона «О рекламе»).

Во многих рекламах сейчас звучит такая фраза: *0 % переплаты*. Здесь также нарушение сочетаемости, ведь если 0 %, то переплаты нет.

Активно входят в рекламу просторечные выражения и разговорные обороты, а также фразеологизмы. Например, в рекламе печенья «Кухмастер» две такие фразы:

Вкусно, аж за ушами хрустит.

Печенье из ушей полезет.

Обе фразы имеют разговорный оттенок, а частица *аж* – просторечная, это в принципе недопустимо по нормам литературного языка.

Нарушением языковой нормы является излишнее употребление иностранных слов. Например:

Все будет Coca-Cola.

И это уже привычно. Яркий пример заимствования слов из рекламы Nokia: появился такой оборот, как «сконнектимся». Сейчас происходит проникновение иностранных слов в язык с рекламой, появление огромного количества неологизмов.

Существует реклама, на первый взгляд, вроде бы не имеющая ошибок, но при детальном анализе выясняется обратное.

Например, фирма Nestle выпускает чай Nestea нескольких сортов. Один из них называется «Малахит». Малахит, как известно, ценный поделочный камень зеленого цвета. Все бы ничего, если бы так назвали торговую марку зеленого чая, но этот чай черный.

Итак, рассматривая языковую норму в телевизионной рекламе, следует предположить, что в рекламных текстах встречаются ошибки, некоторые из них намеренные. Речевые ошибки могут выполнять разнообразные стилистические функции. Это необходимо учитывать, давая стилистическую оценку использованию слова в рекламном тексте.

Соблюдение норм является очень важным аспектом для развития профессиональных качеств и навыков рекламодателя. Бесцельное, неумелое, не вызванное крайней необходимостью употребление средств языковой экспрессии может навредить восприятию рекламы, ее усвоению, действенности, даже вызвать у слушающих речь реакцию, противоположную желаемой.

Ю. Б. Крапивин, Д. В. Степанова

ОСОБЕННОСТИ ГИБРИДНОЙ МОДЕЛИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Машинный (*автоматический*) *перевод* можно определить как выполняемое компьютером действие по преобразованию текста на одном естественном языке в текст на другом естественном языке при сохранении содержания, а также результат такого действия (Ю. Н. Марчук).

В настоящее время существует 2 основных вида систем машинного перевода: машинный перевод, основанный на правилах (Rule-Based Machine Translation, RBMT), и статистический машинный перевод (Statistical Machine Translation, SMT).

Машинный перевод, основанный на правилах, предполагает анализ лингвистической информации об исходном и переводном языках. Преобразование текста на исходном языке (ИЯ) в текст на переводящем языке (ПЯ) осуществляется постепенно, по предложениям, с опорой на два основных компонента такой системы: лингвистическую базу данных, включающую двуязычные словари, файлы имен, транслитерации, синтаксические, морфологические и семантические закономерности каждого языка, и модуль перевода, состоящий из грамматических правил и алгоритмов перевода.

Принято выделять 3 основные стратегии разработки систем машинного перевода, основанного на правилах:

1) системы пословного перевода (Direct Translation Systems), которые осуществляют относительно неглубокий анализ входного текста без фиксирования его лингвистической структуры и четкого разделения процессов анализа и синтеза. В процессе перевода входной текст преобразуется в текст на ПЯ путем замены всех его элементов, найденных в словаре, на их переводные эквиваленты;

2) трансферные системы машинного перевода (Transfer Systems), которые осуществляют морфологический, лексический и семантико-синтаксический анализ предложения на ИЯ, создают синтактико-семантическое дерево разбора входного предложения, преобразовывают структуры входного предложения в соответствии с формальными требованиями ПЯ и на этапе синтеза формируют конечное предложение на ПЯ;

3) интерлингвистические системы машинного перевода (Interlingua Systems), в основу разработки которых положена теория о том, что любое предложение любого языка может быть преобразовано в его смысловое представление

на так называемом универсальном метаязыке; из полученного смыслового представления можно синтезировать предложение на ПЯ. Иными словами, с помощью определенного набора правил и словаря с семантическими характеристиками можно преобразовывать текст в смысл и наоборот.

Системы машинного перевода, основанного на правилах, характеризуются синтаксической и морфологической точностью результата перевода и возможностью настройки на определенную предметную область. В качестве недостатков такой системы можно отметить трудоемкость разработки ее основных компонентов и необходимость регулярной актуализации лингвистической базы данных.

Статистический машинный перевод представляет собой разновидность машинного перевода, при котором текст на ПЯ генерируется на основе статистических моделей (по словам, фразам, синтаксису, иерархическим фразам), параметры которых являются производными от анализа корпусов параллельных текстов. На первоначальном этапе статистическая система проходит обучение, в процессе которого извлекаются статистические данные о переводе отдельных слов и фраз ИЯ на ПЯ. На основе полученных данных на этапе перевода система вычисляет наиболее вероятный перевод исходного предложения. Данные корпуса текстов система использует при построении статистической модели ПЯ, которая позволяет оценить, насколько вариант перевода соответствует нормам и правилам ПЯ.

Статистические системы машинного перевода отличаются возможностью быстрой настройки и самообучаемости, а также достаточно хорошим качеством результата перевода. Вместе с тем следует отметить, что разработка корпусов параллельных текстов представляет собой отдельную непростую задачу. Кроме того, статистический перевод зачастую содержит грамматические ошибки и в целом характеризуется нестабильностью и непредсказуемостью.

Таким образом, можно утверждать, что основной проблемой машинного перевода остается формализация лингвистических данных от простой морфологической структуры слова до сложной семантической организации целого текста.

Для решения данной проблемы в последнее время особое внимание уделяется разработке гибридной системы машинного перевода, которая содержит 2 основных компонента: базовый модуль перевода, основанного на правилах, и модуль статистического постредактирования, который использует данные, полученные на этапе обучения (статистическая модель перевода, статистическая модель выходного языка). На первом этапе процесса перевода с помощью базового модуля осуществляется преобразование исходного предложения ПЯ; на последующем этапе полученный перевод обрабатывается посредством статистического компонента, т.е. реализуется перевод с формального языка на естественный по правилам статистического машинного перевода.

С опорой на рассмотренные стратегии машинного перевода в Минском государственном лингвистическом университете была разработана автоматизированная информационная система «Англо-белорусский словарь», которая

обеспечивает автоматизацию процесса ведения словарей терминологической лексики по информационным технологиям, а также пословно-оборотного перевода английских текстов выбранной предметной области на белорусский язык в человеко-машинном режиме взаимодействия. Разработанная система состоит из 2 подсистем:

- подсистема ведения словарей терминологической лексики по информационным технологиям;
- подсистема пословно-оборотного перевода английских текстов по информационным технологиям на белорусский язык.

Применение гибридного подхода к решаемой задаче по совершенствованию машинного перевода научно-технических текстов по информационным технологиям с английского языка на белорусский предполагает обязательный контроль по разработанному автоматическому словарю терминологической лексики по информационным технологиям.

Комбинирование рассмотренных выше стратегий машинного перевода обеспечивается с помощью алгоритма анализа результатов, получаемых от их применения в отдельности, основанном на методе обучения CatBoost. При вычислении оценки учитывается ряд факторов, от длины предложения (короткие фразы и слова с невысоким показателем частотности употребления лучше переводятся при использовании статистического подхода) до анализа синтаксической структуры. Алгоритм позволяет оценить оба варианта перевода по всем факторам, выбирая лучший и представляя его в качестве результата.

Реализованная в рамках подсистемы пословно-оборотного перевода английских текстов по информационным технологиям на белорусский язык (модуль обработки запроса / документа, модуль перевода) возможность первоочередного поиска и перевода терминов входного текста на основании терминологических словарей из лингвистической базы данных также позволяет обеспечить:

- автоматический лингвистический анализ входного текста в части сбора сведений о частоте встречаемости словоформ из словарей в тексте, их лемматизации, определения принадлежности к части речи, визуализации дерева грамматического разбора заданного предложения и сохранения собранной информации в соответствующие файлы на жестком диске;
- автоматический перевод текста выбранной предметной области с английского языка на белорусский с учетом информации, содержащейся в разработанных терминологических словарях лингвистической базы данных созданной системы.

Предложенная гибридная модель перевода с контролем по созданным терминологическим словарям доказала высокую эффективность функциональности и может быть использована для формализации процесса перевода терминологической лексики других предметных областей, а также послужить основой для решения лингвистических проблем автоматического перевода.

М. В. Макарыч

ЛЕКСІКАГРАФІЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ СТВАРЭННЯ ТЭРМІНАЛАГІЧНАГА АНГЛІЙСКА-БЕЛАРУСКА-РУСКАГА СЛОЎНІКА

Адной з задач сучаснай прыкладной лінгвістыкі з'яўляецца паглыбленае вывучэнне разнастайных прафесійных лексіконаў. Дадзеная галіна патрабуе вырашэння мноства тэарэтычных задач, якія ўзнікаюць у сувязі з развіццём новых сфер чалавечай дзейнасці. Хуткае развіццё сучасных прамысловых тэхналогій на мяжы XX–XI стагоддзяў спрыяла павелічэнню аб'ёмаў навукова-тэхнічнай інфармацыі, пададзенай у шматлікіх перыядычных прыкладных выданнях, Інтэрнэце. Ад спосабаў яе атрымання, сістэматызацыі і аператыўнага аналізу сёння залежыць поспех дзейнасці ў навуцы, тэхніцы, адукацыі, у галіне матэрыяльнай вытворчасці, сацыяльна-эканамічнай і палітычнай сферах.

Падчас развіцця навукі і тэхнікі ва ўсе часы ўзнікала вялікая колькасць новых тэрмінаў. Таму тэрміналогія – гэта тая частка агульнай лексікі, якая найхутчэй змяняецца і павялічваецца ў памерах, што патрабуе безупыннай працы па яе вывучэнню і сістэматызацыі.

Беларускія навукоўцы на сучасным этапе засвойваюць найноўшыя тэхніка-тэхналагічныя напрамкі не толькі ў галіне матэрыяльнай вытворчасці, але і ў сферы стварэння інтэлектуальнага прадукту. Аднак патэнты і тэхналагічныя карты большасці інавацыйных распрацовак, створаных ў Заходняй Еўропе і Амерыцы, прадстаўлены на англійскай мове. Такім чынам, існуе тэарэтычная і практычная неабходнасць даследавання сучаснай тэрміналагічнай англійскай лексікі, вызначэння асаблівасцяў яе фарміравання, структуры і спосабаў перакладу на беларускую мову.

Мэта нашага даследавання – выяўленне асаблівасцей фарміравання лексічнага складу падмоўнай сістэмы інфарматыкі і вылічальнай тэхнікі і вызначэнне асноўных спосабаў перакладу англійскіх тэрмінаў на беларускую і рускую мовы. Вырашаліся наступныя пытанні:

- адбор і сістэматызацыя англійскай тэрміналагічнай лексікі, якая існуе ў галіне інфарматыкі і вылічальнай тэхнікі;
- усталяванне пры дапамозе тэрміналагічных друкаваных і электронных слоўнікаў адпаведных выбраным тэрмінам эквівалентаў перакладу на беларускую і рускую мовы;
- распрацаванне структуры артыкула слоўніка;
- правядзенне словаўтваральнага і функцыянальна-семантычнага аналізу англійскай і беларускай лексікі падмовы інфарматыкі і вылічальнай тэхнікі.

Асноўны лексікаграфічны прынцып, які патрэбна ўлічваць падчас стварэння дзвюх- альбо шматмоўных слоўнікаў – усталяванне эквівалентных адносін паміж элементамі розных моў. Іншымі словамі, перакладны слоўнік павінен апісваць лексічныя адзінкі адной мовы пры дапамозе іншай.

Тым не менш слоўнік любога тыпу павінен цалкам адлюстроўваць лексічныя сістэмы моў, якія даследуюцца, і рабіць гэта пры дапамозе рознабаковага аналізу на ўсіх узроўняў мовы. З гэтай нагоды кожны лексікограф імкнецца адметна сістэматызаваць матэрыял слоўніка, ствараючы ў адпаведнасці з вызначанымі задачамі цэлую сістэму абранай мовы пры дапамозе азначанай лексікі. Такім чынам, складанне слоўніка павінна адбывацца ў адпаведнасці з лексікаграфічнай тэорыяй і практыкай на падставе шэрагу прынцыпаў.

Вельмі значным для кантрастыўнага даследавання моў, якія параўноўваюцца, з'яўляецца прынцып сістэмнасці, бо ён прадугледжвае іерархічнае ўпарадкаванне выбару параметраў сапастаўлення, якія, у сваю чаргу, дыктуюцца іерархічным характарам семантычнай структуры асноўных адзінак параўнання: семем, лексем і лексіка-семантычных груп. Дзякуючы дадзенаму прынцыпу магчыма адцягнуць увагу ад нязначнай розніцы паміж формай і семантыкай супастаўляльных слоў, але і, наадварот, на фоне эквівалентнасці, якая ніколі не можа быць поўнай, можна знайсці асаблівыя адметнасці для перакладу. Глыбіннай асновай эквівалентнасці патрэбна лічыць усталяванне падабенстваў і адрозненняў моўных сістэм.

Зыходзячы з існуючых у логіцы і філасофіі магчымых варыянтаў эквівалентных адносін – поўнай, частковай і нулявой, з лінгвістычнага пункту гледжання вылучаюцца тры тыпу эквівалентнасці моўных адзінак у супастаўляльных мовах – поўная, частковая і памылковая (ложная) эквівалентнасць (безэквівалентнасць).

Дадзеныя тыпы эквівалентнасці і выпадкі ўплыву нацыянальна-культурнай спецыфіцы моўных адзінак на асаблівасці перакладу яскрава адлюстраваны ў такім лінгвакультурнам феномене, як лексічныя паралелі. Гэта адбываецца, калі лексемы дзвюх альбо больш моў, якія параўноўваюцца, супадаюць у плане выяўлення, але могуць не заўсёды супадаць у плане зместу. Аднак дадзеная асаблівасць практычна не назіраецца ў складзе лексікі інфарматыкі і вылічальнай тэхнікі, бо амаль усе значныя распрацоўкі праграмнага і апаратнага забеспячэння, зробленыя ў другой палове XX стагоддзя, належаць англамоўным стваральнікам, тэрміналогія была амаль цалкам запазычана беларускай і рускай мовамі. Такім чынам, мы маем справу з выпадкам поўнай эквівалентнасці, калі лексемы некалькіх моў выяўляюць наяўнасць знешніх формаў і цалкам супадаюць семантычна. Напрыклад, англ. *interface* = бел. *інтэрфейс* = рус. *интерфейс.*

У галіне перакладнай лексікаграфіі вылучаюцца два тыпы перакладных слоўнікаў: монафункцыянальныя, калі слоўнік ствараецца для апісвання адной мовы пры дапамозе іншых, і бі, тры, поліфункцыянальныя, калі аб'ектам даследавання з'яўляюцца моўныя адзінкі некалькіх моў. Выбар адпаведнага функцыянальнага тыпу слоўніка падчас яго стварэння павінен адпавядаць мэтам, азначаным стваральнікам. Такім чынам, яшчэ адзін прынцып, якім трэба кіравацца падчас стварэння слоўніка, – гэта прынцып функцыянальнасці. У нашым выпадку тэрміналагічны англіска-беларуска-рускі слоўнік ствараецца для беларуска- і рускамоўных чытачоў з арыентацыяй на паглыбленае вывучэнне тэрміналогіі галіны інфарматыкі і вылі-

чальнай тэхнікі. Відавочна, што гэта монафункцыянальны слоўнік для выкарыстання ў азначанай галіне, перакладныя эквіваленты, паметы, удакладненні і тлумачэнні для англійскіх лексічных адзінак будуць рабіцца на беларускай і рускай мовах.

Такім чынам, падчас пабудовы тэрміналагічнага англійска-беларуска-рускага слоўніка неабходна прытрымлівацца прынцыпаў сістэмнасці, эквівалентнасці і функцыянальнасці.

Е. В. Марковская, Е. С. Василенко, Н. В. Шалимо

ДИСТАНЦИОННАЯ СИСТЕМА MOODLE: ОСНОВНЫЕ ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

Быстрый прогресс науки и техники вызывает массовые изменения в процессе обучения. Отвечая на требования времени, система высшего профессионального образования ставит своей целью подготовку конкурентоспособных специалистов, создание условий для формирования профессиональных качеств и развития личности, способной адаптироваться к современным преобразованиям, что подразумевает развитие гибких качеств, в том числе умение осуществлять самообразование, самооценку и саморегуляцию, умение видеть, формулировать и правильно решать профессиональные задачи, выделять в огромном информационном потоке значимую информацию и на основе анализа достоверной информации самостоятельно принимать решения.

Для достижения этих целей педагоги ищут все новые и новые методы и средства обучения, и одним из самых востребованных средств являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), а также электронные системы обучения. Самой популярной системой, пожалуй, является Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment).

Moodle – модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда – свободно распространяемая система управления обучением (Learning Management System). Она была запущена в 2002 году и ориентирована на организацию взаимодействия между преподавателем и учениками. Подходит как для организации дистанционных курсов, так и для поддержки очного обучения. Moodle переведена на десятки языков, в том числе и русский, используется почти в 50 000 организаций в более чем 200 странах мира.

Она находится в открытом доступе: ее можно скачать с официального сайта и установить на свой компьютер. Данная система поддерживает более 120 языков, в том числе русский.

Установочный пакет Moodle состоит из трех элементов:

1. Код Moodle, который загружается на веб-сервер.

2. База данных, управляемая MySQL, PostgreSQL, Microsoft SQL Server, MariaDB или Oracle.

3. Хранилище для загруженных и сгенерированных файлов.

Все три части могут работать как на одном сервере, так и на нескольких для распределения нагрузки.

Основателем и ведущим разработчиком LMS Moodle является австралиец **Мартин Дугиамас** (англ. *Martin Dougiamas*). Он вырос в австралийской глубинке в конце 1970-х гг., брал уроки в школе с радиосвязью, давшей ему с юного возраста понимание дистанционного обучения. Идея создания платформы поддержки обучения с использованием информационных технологий пришла к нему в 1999 году после продолжительного опыта администрирования коммерческой платформы WebCT в одном из крупных университетов Австралии. Первая версия Moodle была выпущена в августе 2002 года. Изначально Moodle задумывался как инструментарий расширения возможностей преподавания. Однако архитектура Moodle и заложенные в эту платформу принципы оказались настолько удачными, что система Moodle завоевала признание мирового сообщества в качестве аналога известных коммерческих систем поддержки обучения, с которыми она успешно конкурирует, являясь бесплатно распространяемым программным комплексом.

Мартин Дугиамас сформулировал 5 принципов, положенных в основу системы. Рассмотрим данные принципы подробнее.

Принцип 1: мы все являемся как потенциальными учителями, так и учениками. Преподаватель не столько носитель знаний, а, скорее, «проводник», направляющий учеников на самостоятельный путь поиска информации.

Принцип 2: мы учимся особенно хорошо, когда создаем или пытаемся объяснить что-то другим. В основу положено достаточно очевидное утверждение о том, что люди учатся в действии.

Принцип 3: мы многому учимся, наблюдая за деятельностью других. Действия, выполняемые другими студентами в похожей ситуации, оказывают значительное влияние на деятельность всех участников образовательного процесса, заставляют непроизвольно работать в общем режиме.

Принцип 4: понимание других людей изменяет нас самих. Данный принцип позволит обучать более индивидуально. Необходимо предоставлять студентам как можно больше возможностей для самореализации, самопрезентации и анализа предоставленной студентом информации о себе и его активности в системе.

Принцип 5: мы хорошо учимся, если обучающая среда является гибкой и адаптируется под нужны обучающихся.

С учетом этих принципов были реализованы все инструменты системы MOODLE: коммуникативные, учебные и административные.

Одно из преимуществ Moodle заключается в том, что система может представлять материал в единицах, готовых к работе. Она позволяет использовать анкеты, вести журнал выполнения работ, отслеживать обсуждения на форуме, совместно редактировать документы. Все это происходит в одной среде.

Еще одним достоинством Moodle является то, что ведется запись всего, что делают студенты. Преподаватель знает, сколько раз студент обратился к источнику, каков результат его участия в опросе и т. д.

Использование Moodle имеет целый ряд преимуществ для студентов и преподавателей:

− отсутствие платы;
− высокий уровень безопасности системы;
− соответствие принципам развивающего обучения;
− возможность настраивания под свои нужды;
− интерактивность обучения;
− разработка на нескольких языках;
− доступность обучения в любое удобное время;
− наглядность и вариативность представления информации;
− отсутствие проблем приобретения учебных материалов и пособий;
− индивидуализация обучения;
− система оценки знаний объективна и независима от преподавателя;
− многократное повторение изучаемого материала;
− синхронное или асинхронное общение студентов между собой и с преподавателем.

За счет всех этих плюсов в последнее время Moodle набрал большую популярность и привлек много внимания.

Но, как и любая система обучения, к сожалению, Moodle имеет несколько недостатков, как для администраторов, так и для студентов. О них необходимо знать.

Первое – Moodle не полностью разработана, чтобы справиться с большими проектами. Так как, чем больше студентов имеют доступ к платформе, тем медленнее работает система. Это может быть крайне неудобным для студентов, когда они пытаются ответить на вопросы викторины, выполнить тесты или просто хотят получить доступ к содержимому курса. Веб-сайт может также неожиданно закрыться, блокируя возможность получения доступа к учебным материалам для студентов.

Еще одним недостатком системы Moodle является то, что в ней отсутствует понятие академической группы. Группы в Moodle существуют не для управления правами доступа к курсам, а для разделения групп слушателей в одном курсе. К тому же у этой системы дистанционного образования повышенные требования к производительности компьютера.

Исходя из вышесказанного, учреждения высшего образования сталкиваются с необходимостью иметь в штате высококвалифицированного специалиста по Moodle для развертывания и поддержки системы. Сумма затрат учебного заведения на оплату труда такого специалиста в год может превысить стоимость внедрения коммерческой системы дистанционного обучения.

Еще одним пунктом в списке недостатков Moodle является то, что довольно сложно мотивировать студентов работать с системой. Это с учетом принятия во внимание того, что современные студенты привыкли к постоянному использованию различных устройств и не представляют свою жизнь без гаджетов и доступа в Интернет.

Следовательно, для достижения успеха необходима жесткая самодисциплина. Результат обучения зависит от самостоятельности и сознательности студентов, т. к., даже несмотря на то, что все действия в системе фиксируются, постоянный контроль над обучающимися фактически отсутствует.

Однако Moodle все же остается самой популярной системой дистанционного образования во многих странах мира.

Т. А. Филимонова

ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ УЧЕБНИКОВ

В результате динамичного развития сферы информационных и коммуникационных технологий и их влияния на все аспекты жизни общества повышается роль электронных средств обучения в образовании. К наиболее популярным электронным средствам обучения относятся электронные учебники. Термин *электронный учебник* широко используется в кругу специалистов, занимающихся образовательными технологиями, но до сих пор не имеет общепринятого определения.

Существует определение электронного учебника как текста, представленного в электронной форме и снабженного разветвленной системой связей, позволяющей мгновенно переходить от одного его фрагмента к другому в соответствии с некоторой иерархией фрагментов.

Также существует определение электронного учебника как совокупности графической, текстовой, речевой, музыкальной, видео- и другой информации.

Есть представление об электронном учебнике как о программно-методическом комплексе, некой обучающей среде, сочетающей в себе свойства учебника, справочника, задачника и лабораторного практикума.

Будем рассматривать *электронный учебник* как компьютерное, педагогическое программное средство, предназначенное для предъявления информации в новой форме представления, дополняющей печатные издания, служащее для индивидуального и индивидуализированного обучения и позволяющее в ограниченной мере тестировать полученные знания и умения обучаемого. Данный учебник можно использовать в учебных целях как в офлайн, так и в онлайн-режиме. Он позволяет смоделировать действия студентов, также предоставляет им оптимальное сочетание различных способов изучения дисциплины, состоящее в чередовании изучения теории, разбора примеров, методов и отработки навыков решения типовых задач, проведения самостоятельных исследований.

Современные информационные технологии предоставляют практически неограниченные возможности для создания и совершенствования электронных учебников. Компьютер значительно увеличивает возможности представления учебной информации, а использование мультимедиа позволяет моделировать различные ситуации, визуализировать процессы обучения.

Для создания электронных учебников можно воспользоваться рядом специальных программ с разными возможностями. Средства создания электронных учебников можно разделить на группы, используя комплексный критерий, включающий такие показатели, как назначение и выполняемые функции, требования к техническому обеспечению, особенности применения.

В соответствии с указанным критерием возможна следующая классификация:

- языки программирования;
- средства мультимедиа;
- гипертекстовые и гипермедиасредства;
- специальные программные средства создания электронных учебников.

Языки программирования. Современные визуальные среды программирования (*Visual Basic, C#* и др.) позволяют создавать достаточно универсальные программы, в том числе электронные учебники.

К достоинствам электронных учебников, созданных средствами языков программирования, можно отнести:

- разнообразие стилей реализации (цветовая палитра, интерфейс, структура электронного учебника, способы подачи материала);
- отсутствие аппаратных ограничений, то есть возможность создания электронного учебника, ориентированного на техническую базу, имеющуюся в наличии.

К явным недостаткам относят:

- сложность модификации и сопровождения;
- большую стоимость вследствие трудоемкости разработки.

- **Средства мультимедиа**. Технологии мультимедиа объединяют несколько способов подачи информации: текст, неподвижные изображения, движущиеся изображения и звук – в интерактивный продукт.

Средства мультимедиа позволяют значительно обогатить учебный материал за счет активизации всех способов восприятия. Таким образом, к достоинствам электронных учебников, созданных с помощью данного программного средства, можно отнести:

- возможность комбинированного представления учебного материала в графическом, текстовом, звуковом виде;
- возможность автоматического просмотра всего содержания продукта («слайд-шоу»).

К недостаткам относят:

- большой вес электронного учебника на диске;
- преобладание линейной структуры представления учебного материала.

Гипертекстовые и гипермедиасредства. Гипертекст – это способ нелинейной подачи текстового материала, при котором в тексте имеются каким-либо образом выделенные слова, имеющие привязку к определенным текстовым фрагментам. Таким образом, пользователь не просто листает по порядку страницы текста, он может отклониться от линейного описания по какой-либо ссылке, то есть сам управляет процессом выдачи информации. В гипермедиасистеме в качестве фрагментов могут использоваться изображения, а информация может содержать текст, графику, видеофрагменты, звук.

Использование гипертекстовой технологии удовлетворяет таким предъявляемым к учебникам требованиям, как структурированность, удобство в обращении. При необходимости такой учебник можно опубликовать в Интернете и легко корректировать. В настоящее время существует множество различных гипертекстовых форматов (*HTML, DHTML, PHP* и др.)

Достоинства электронных учебников, созданных средствами гипертекстовых технологий:

- полная совместимость с web-технологиями и возможность опубликования электронного учебника в Интернете;
- компактность представления учебного материала и малый вес электронного учебника за счет применения специальных алгоритмов сжатия информации.

Недостатки таких электронных учебников:

- отсутствие единого стандарта представления учебного материала;
- зависимость отображения учебного материала от конкретного браузера.

Специальные программные средства создания электронных учебников. В настоящее время есть множество специальных программ для составления электронных учебников. Они обладают достаточно большими возможностями для редактирования текста и других объектов. Существует много шаблонов, позволяющих эффектно оформить электронный учебник в плане графики, навигационных элементов и т. д.

Достоинства электронных учебников, созданных с помощью специальных программных средств:

- единый стандарт представления компонентов электронного учебника по разным учебным курсам;
- наличие встроенных контролирующих и тренажерных систем;
- жесткое структурирование компонентов и материалов.

Недостатки данных электронных учебников:

- ограничение в представлении иллюстраций и мультимедиа;
- ограничение возможностей для создания вариативной части электронного учебника;
- ограничение свободы преподавателя в структурировании учебных материалов и их компонентов.

В. М. Филипчик

МЕСТО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В СОЧЕТАНИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

При изучении и/или употреблении польского языка часто возникает вопрос о месте прилагательного, относящегося к существительному. Автор помнит, как его учили: если прилагательное одно, то, как правило, оно ставится после определяемого слова. Если прилагательных два, – одно стоит перед существительным, второе после существительного. Однако, как заметил автор, в реальной жизни не все так просто.

В польском языке прилагательное может ставиться как перед существительным, так и после него. Во многих случаях это зависит от содержания всего высказывания. Изменение расположения прилагательного влияет на изменение значения всего предложения или изменение значения самого прилагательного. Иногда местоположение прилагательного является строго определенным в данном сочетании и изменение его места недопустимо.

Вопрос о месте прилагательного для русскоговорящих в польском языке является довольно сложным, так как в русском языке прилагательное, как правило, ставится перед существительным. Рассмотрим отдельные случаи употребления имен прилагательных.

Качественные прилагательные, как правило, стоят перед определяемым словом. То же можно сказать об относительных прилагательных, когда последние выражают качественную характеристику предмета, (т.е. употребляются в переносном значении). Например: *romantyczna opowieść – романтическая повесть, nowoczesne meble – современная мебель* и т.д.

Положение относительных прилагательных, которые употреблены в их прямом значении, зависит от того, противопоставляет ли говорящий данный предмет другим или дает ему характеристику, не сравнивая его с другими предметами. При противопоставлении (если такое имеется в предложении или предполагается), когда говорящий ставит его в ряд других предметов и выделяет по называемому признаку, прилагательное ставится после существительного.

Когда данный предмет не противопоставляется другим предметам, а характеризуется по называемому признаку, без ссылки на отношения с другими предметами, прилагательное занимает место перед существительным. То есть прилагательное может ставиться перед существительным, когда противопоставление не существенное, или стоять за ним, если нужно подчеркнуть противопоставление, например: *wina zagraniczne – заграничные вина* (напр., на вывесках в магазинах, где продаются неимпортные вина), „*piłem zagraniczne wino*” *– «я пил заграничное вино»* (в данном высказывании противопоставление не существенное), *waluta obca – иностранная валюта* (напр., в таможенной декларации), *przewoził przez granicę obcą walutę – он перевозил через границу иностранную валюту*.

Однако одни и те же прилагательные в одних сочетаниях могут говорить нам о наличии противопоставления их постановка перед существительным недопустима, а в других сочетаниях такое противопоставление является малозначимым в данном предложении или невозможно в принципе. Например: *wojna światowa – мировая война* (противопост. напр., значению ‘война между двумя странами’), *światowy konflikt – мировой конфликт* (охватывающий весь мир, без противопоставления, другим видам конфликтов). Возможно также сочетание *konflikt swiatowy* с сообщением противопоставления. *Współpraca międzynarodowa – международное сотрудничество* (противопост. другим формам сотрудничества), *międzynarodowe znaczenie – международное значение.*

В первом сочетании каждой пары всегда (постоянно) присутствует противопоставление, поэтому перестановка местоположения прилагательного не допускается.

Прилагательное ставится после существительного во всех сочетаниях, которые имеют характер сложных названий, или когда прилагательное имеет терминологическое значение. В этих случаях всегда есть или подразумевается противопоставление. Изменение места прилагательного невозможно. Например: *pociąg pośpieszny – скорый поезд, koncert fortepianow – концерт для фортепьяно, paszport zagraniczny – заграничный паспорт, telefon międzynarodowy – международный телефон*. Названия: *Stany Zjednoczone – Соединенные Штаты Америки, Uniwersytet Warszawski – Варшавский университет* и др.

В некоторых случаях, когда положение прилагательного строго определено, т.е. оно ставится после существительного, можно изменить место прилагательного, но тогда изменится его значение. Для сравнения приводим следующие пары сочетаний: *życie kulturalne – культурная жизнь* (противопоставление понятию *życie gospodarcze*), *kulturalne życie – культурная жизнь* (жизнь на высоком уровне культуры), *literatura piękna – художественная культура* (терминологическое значение), *piękna literatura* – означало бы *прекрасная литература* и др.

Сравним сочетания, в которых прилагательное занимает положение после существительного или перед ним, в зависимости от своего прямого или переносного значения: *związek zawodowy – профессиональный союз, zawodowy przewodnik – профессиональный экскурсовод, paszport dyplomatyczny – дипломатический паспорт, dyplomatyczna odpowiedź – дипломатичный (удачный) ответ* и т. п.

Как нам следует расставить два или более прилагательных, относящихся к одному определяемому слову? В сочетаниях с несколькими неоднородными прилагательными после существительного ставится то прилагательное, которое в данном высказывании выражает противопоставление, например: *współczesne malarstwo polskie – современная польская живопись*. В данном сочетании имеет место противопоставление польской живописи произведениям живописи других народов.

В сочетаниях, в которых от существительного, определяемого прилагательным, зависит другое существительное, прилагательное может ставиться перед определяемым словом (если зависимое существительное исключить из этого сочетания, то необходимо изменить место прилагательного). Сравним следующие словосочетания: *ekonomiczne i polityczne przyczyny wojny – экономические и политические причины войны, przyczyny ekonomiczne i polityczne – экономические и политические причины, krajowa produkcja samochodów – отечественная продукция автомобилей, produkcja krajowa – отечественная продукция, Miński Państwowy Uniwersytet Lingwistyczny – Минский государственный лингвистический университет*.

Дж. Челик

К ВОПРОСУ ОБ ОТЛИЧИЯХ ТРАДИЦИОННОГО И ЭЛЕКТРОННОГО ТИПОВ СЛОВАРЕЙ

В условиях бурного развития технологического прогресса и связанной с ним технологизации всех процессов общества компьютерные технологии пришли практически во все сферы жизнедеятельности человека. В этом аспекте лексикография не является исключением. Для современного этапа развития лексикографической науки характерна активная работа в направлении «компьютерная лексикография». Компьютерное обеспечение в лексикографии как прикладном разделе языкознания используется для составления словарей, сортировки информации, ее кодирования и обработки, мгновенного перевода, подбора синонимов и решения других важных задач.

Электронный словарь как тип лексикографического источника выделяется по параметру типа носителя. Выделение электронного словаря в самостоятельный тип обусловлен такой специфической характеристикой этого словаря, как отсутствие ограничения по объему, в результате чего автор-составитель словаря имеет все возможности достичь уровня универсального словаря, «в котором в равной мере, на достаточную и одинаковую глубину эксплицируются все параметры данной языковой структуры». Кроме того, электронный словарь ввиду своей специфической формы позволяет снять противоречия в «синхроническом и диахроническом аспектах, статического и реального употребления, нормы и случаев нарушения нормы, энциклопедической и коннотативной информации». Все это обусловлено тем, что электронная форма словаря позволяет, в отличие от печатного словаря, уйти от двухмерной структуры словаря и предложить многомерную структуру, которая, в свою очередь, в полной мере может соответствовать определению универсального словаря.

Электронный словарь представляет собой особую лексикографическую форму, характеризующуюся нелинейной текстовой структурой (объем которой зависит от запросов пользователя), внутренним и внешним поиском, гармоничным сочетанием разных типов информации (фонетической, семантической, энциклопедической и др.) в одной статье, вербальными и невербальными средствами представления информации и возможностью связи с другими информационными ресурсами. Данное определение отражает основные признаки понятия, и их следует считать ведущими при классификации электронных словарей.

Далее остановимся на выделении различий между печатными и электронными словарями.

Электронные словари представляют расширенный поиск словарного текста, что позволяет пользователю получить много требуемой информации, но при этом нет уверенности в том, что полученная информация является исчерпывающей и полностью достоверной. Эта проблема обусловлена тем,

что многие существующие на данный момент электронные словари являются электронными вариантами печатных словарей без каких-либо изменений. В результате все несогласованности, маркировки и определения воспроизводятся в электронной версии, что отражается на уровне надежности результатов поиска.

Еще одним преимуществом электронного словаря над печатным является объем памяти. Ограничения по объему, типичные для печатной версии словаря, не характерны для электронного носителя. В электронном словаре количество доступного места фактически безгранично. Емкость носителя CD-ROM, например, составляет примерно 650 МБ (650 млн символов). Для обычного словаря английского языка уровня L2 потребуется около двух сотых этого объема. Электронные словари занимают значительно меньше места по сравнению с печатными.

Отличия электронных словарей от печатных наблюдаются также при анализе состава словарной структуры. Ряд традиционных структур утратили свое значение частично или полностью. Структура, преобладающая в электронном словаре, – это структура доступа, которая функционирует совершенно иначе по сравнению с печатной версией.

Структура доступа – это структура словаря, направляющая пользователей к информации, которую они ищут в словаре. Есть два вида структуры доступа: *внешняя* и *внутренняя*. В н е ш н я я структура – это структура индикаторов, которые на макроструктурном уровне направляют пользователей к лемме, которую они представляют. Одним из важнейших компонентов внешней конструкции доступа является заголовочная часть, которая, как правило, расположена в верхнем правом или левом углу традиционного словаря. Наиболее важным компонентом внешней структуры доступа является сама лемма. В н у т р е н н я я структура доступа – это структура индикаторов, которые на микроструктурном уровне направляют пользователей к искомой информации о лемме.

Самым важным средством доступа в электронном словаре является ссылка. Она может быть как внутренней, так и внешней. Тип внутренней ссылки словаря, который больше всего напоминает печатные словари, – перекрестная ссылка, по которой щелчок мыши перенесет пользователя на место размещения номинации. Однако в электронном словаре имеются и иные возможности внутренней ссылки:

- ссылка на определенную запись – при нажатии на лемму в алфавитном списке лемма отображается в отдельном окне;
- ссылка на определенную запись – когда нажимаем на рассматриваемую лемму, она появляется в другой записи;
- ссылка на определенное значение – при нажатии на него в окне, если многозначность структуры леммы представлена в схематическом виде;
- ссылка на другие компоненты словаря – произношение, список семантически связанных слов, картинки, иллюстрирующие определение, подборка примеров, показывающих использование слова в указанном смысле и т. д.;

• внешние ссылки ведут к компонентам, размещенным за пределами используемого словаря. Так, в ряде электронных словарей имеются целые «книжные полки», содержащие следующие компоненты: энциклопедия, технический словарь, словарь обратного порядка, этимологический словарь, тезаурус, доступный для поиска корпус аутентичного текста.

Еще одним преимуществом электронных словарей является скорость поиска. Благодаря развитой системе сносок время, затрачиваемое пользователем на поиск и обработку информации, значительно сокращается по сравнению со временем, необходимым для выполнения того же объема работы с печатным словарем.

К отличиям электронных словарей от печатных следует также отнести наличие в пределах первых мультимедийных элементов.

Одним из ведущих преимуществ электронного словаря над печатным, на наш взгляд, является возможность оперативно вносить в него изменения. Такая адаптивность электронных словарей позволяет пользователю получать актуальную информацию.

Таким образом, электронные словари, появление которых обусловлено разработкой новых технических средств лексикографирования, получают новые возможности, которые качественно отличают их от традиционных словарей на печатной основе. К основным преимуществам электронных словарей по сравнению с традиционными можно отнести более высокую скорость поиска необходимой информации и большой объем памяти, наличие мультимедийных элементов. Электронные словари занимают значительно меньше места и не портятся под воздействием факторов внешней среды. Кроме того, структура доступа в электронных словарях значительно отличается от традиционных, поскольку содержит как внутренние, так и внешние ссылки, что обеспечивает возможность получения практически безграничного объема информации. Одним из значимых преимуществ электронного словаря над печатным также выступает возможность своевременно вносить изменения в состав словарных статей, что обеспечивает получение актуальной информации.

Н. В. Шалимо, Е. С. Василенко, Е. В. Марковская

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ И СТУДЕНТАМИ

В современных условиях образовательный процесс в высшей школе характеризуется возросшим объемом учебной нагрузки, изменением форм и методов проведения учебных занятий, что в свою очередь требует пересмотра отношений между преподавателями и обучаемыми, поиска новых приемов и способов установления взаимодействия.

Преподаватель высшей школы должен не только передавать готовую информацию студенту, но и вызывать у него заинтересованность. Осуществлять поставленные цели возможно за счет создания в ходе занятий условий

для сотрудничества и взаимодействия, т.е. формирования умений и навыков работать согласованно, совместно, что является важным фактором повышения эффективности образовательного процесса в учреждении высшего образования.

В литературе по психологии сотрудничество и взаимодействие рассматривается, прежде всего, через призму общения, так как именно с вербальным общением связаны всяческие контакты людей. Общение выступает как взаимодействие каждого из его участников.

Учебная работа – часть образовательного процесса, является основным видом деятельности высшего учебного заведения. Она включает организацию и проведение всех видов учебных занятий, текущего и итогового контроля успеваемости и качества подготовки студентов.

От преподавателя требуются следующие умения:

– подготовить учебный материал;

– логически, последовательно и выразительно изложить его, донести до сознания обучаемых основные идеи;

– установить и поддержать правильные взаимоотношения с обучаемыми;

– вызвать у них желание и стремление самостоятельно приобретать знания, развивать профессиональные навыки и умения;

– направлять их повседневную научно-познавательную и практическую деятельность.

Главным здесь является умение педагога принимать оптимальные дидактические решения по содержанию и технологии обучения, наиболее подходящие для той или иной ситуации. К числу оптимальных дидактических решений можно отнести переход от того, что студент умеет делать с помощью других, к тому, что он может делать самостоятельно. Именно через взаимодействие и сотрудничество возможен переход развития из зоны актуального в зону ближайшего развития, что является наиболее значимым в обучении.

Процесс осмысления студентами учебной информации представляет собой сопоставление старых форм мышления, сформированных еще во время школьного обучения, и новых, формирующихся при изучении нового материала в учреждении высшего образования. При этом между ними выявляются различные связи и отношения.

В ходе педагогического сотрудничества студенты анализируют незнакомые аспекты и различные нюансы в изучаемом учебном материале, соотнося их с «наличными» знаниями, и структурируют вопросы, в которых содержатся предположения по решению спорного вопроса или обсуждаемой проблемы. Как правило, студент начинает задавать вопросы в том случае, когда у него уже есть один или несколько вариантов ответов на него. Так происходит процесс понимания.

Взаимоотношение между преподавателем и студентами рассматривается в аспектах взаимовлияния и взаимопонимания. Эти аспекты характеризуются как уровни педагогического сотрудничества. Взаимопонимание – это процесс

взаимного познания, понимания, который представляет собой когнитивный уровень взаимодействия. Взаимовлияние составляет основу общения и представляет собой воздействие одного человека на другого в целях изменения его внешних и внутренних проявлений (действий, поведения, отношения, оценки) в желаемом направлении.

Особенность управленческой деятельности преподавателя состоит в том, что в качестве объектов управления выступают и наиболее важные социальные отношения. Это отношения на уровнях «студенты – учебная информация», «преподаватель – студенты», «студент – другие студенты». Именно глубокое знание преподавателем их дидактической сущности, условий эффективного применения, умение использовать их в учебной работе существенно влияют на качество образовательного процесса.

Вступая во взаимодействие с преподавателем и друг с другом, при наличии минимального уровня коммуникативной компетентности, студенты формируют общее представление об «элементарном поведении» как об условном нормативно-ценностном ориентире в учебной ситуации. Целью педагогического сотрудничества не является управление поведением, и преподаватель не ставит перед собой отдельной задачи сформировать это «элементарное поведение». Педагогическое сотрудничество обеспечивает возможность взаимодействия в широком смысле слова, позволяя участникам опираться на него. На каждом этапе взаимодействия происходит взаимная корректировка поведения именно относительно этого «элементарного поведения».

Таким образом, обеспечение качества педагогического взаимодействия в образовательном процессе и доведение его до уровня сотрудничества между преподавателем и учащимся является важным условием совершенствования системы высшего образования и придания ей нового, современного облика.

Н. Г. Швец

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ

Исключительно большое значение в рекламе имеет язык визуальных образов. Он воспринимается быстро, в то время как воспринимающий рекламу расшифровывает текст слово за словом, строчка за строчкой, предложение за предложением.

Невербальный компонент рекламного сообщения могут составлять: фотографии, рисунки, фирменный знак, национальная символика, схема, диаграмма, шрифт, цветовое оформление, а также сегментация текста, пробелы, знаки препинания и т.п., т. е. все то, что придает тексту зрительную выразительность.

Так как органы чувств у всех людей устроены примерно одинаково, то существуют и объективные закономерности зрительного восприятия. В их числе:

1) последовательность восприятия информации (за один раз наш глаз способен распознать только один образ, затем он переходит к следующему и т. д., иначе говоря, человек смотрит на составляющие предмета последовательно);

2) избирательность (в процессе восприятия для составления представления о видимом объекте глаз выбирает характерные или знакомые детали);

3) целостность (человек способен воспринимать как части, так и все изображение в целом. Информация о форме объекта, его цвете, яркости и т. п. сливается воедино в некий определенный образ);

4) запоминаемость (из множества элементов рассматриваемого изображения за короткое время одновременно воспринимается и запоминается не более 7–9);

5) константность, понимаемая как механизм корректирования, обеспечивающий адекватность зрительного образа объекта самому объекту;

6) соотносительность (эта особенность восприятия выражается в том, что свойства одних предметов воспринимаются в сравнении с теми же свойствами других предметов);

7) иллюзорность, или обманчивость зрительного восприятия (причина оптической иллюзии является следствием несовершенства органов чувств человека);

8) ассоциативность (это свойство восприятия устанавливает связи между отдельными представлениями, вследствие чего одно из них вызывает другое, третье и т.д.);

9) образность (она основана на ассоциативности как способности возбуждать в нашем сознании художественные образы).

Двумя основными факторами, влияющими на восприятие изображения, являются форма и цвет. Они выполняют 2 наиболее характерные функции восприятия:

1) передают выразительность;

2) позволяют реципиенту посредством сопоставления объектов и событий приобрести о них определенные знания.

Различия в реакциях человека на цвет и форму были обнаружены в психологических экспериментах, результаты которых позволили сделать заключение, что цвет, по существу, вызывает лишь эмоциональные ощущения, в то время как форма обеспечивает интеллектуальное восприятие содержимого изображения.

Каждый цвет оказывает определенное психологическое и физиологическое воздействие на человека. Благодаря отношению к цветам по шкале «нравится – не нравится» выделяются разные цветовые типы характера и поведения людей. Детально это описал известный колорист М. Люшер. В целом исследователи отмечают, что воздействие цвета во многом определяется личностными психологическими характеристиками человека, воспринимающего изображение.

Природу эстетического восприятия цвета при восприятии рекламного сообщения определяют следующие факторы:

1) характер физиологического и психического воздействия цвета на человека;

2) функциональное назначение предмета рекламы;

3) эстетический идеал и общий стиль эпохи;

4) вкусы общества на данном этапе развития и мода;

5) индивидуальный вкус субъекта восприятия.

Подобно цвету, форма имеет определенное предметное содержание. Исследователями установлено, что форма, как и цвет, эмоционально воздействует на человека. В. Кандинский в своей книге «Точка и линия на плоскости» писал, что разные виды линий (прямая, изломанная, дугообразная), разные виды углов (прямой, острый, тупой) и основные фигуры (квадрат, треугольник, круг) производят на нас различное эмоциональное впечатление. Прямая вертикаль, например, нам кажется наделенной активной силой стремления ввысь, энергичной, горячей, и мы склонны преувеличивать высоту прямой вертикали. Прямая горизонталь, в противовес вертикали, пассивна, слаба, холодна. Диагональ, в отличие от вертикали и горизонтали, не производит впечатления устойчивого стремления ввысь или бессилия и пассивности. Но, находясь посередине между тем и другим, она действует на нас, как некая сила, преодолевающая пассивность. Она является холодно-теплой или тепло-холодной в зависимости от того, к какой линии – вертикальной или горизонтальной – она ближе. В. Кандинский приписывал геометрическим фигурам определенные цвета и даже различия в их тепловом восприятии. Горизонталь ему виделась черной и теплой; диагональ – красной, серой, зеленой; прямой угол – красным; острый – желтым; тупой – голубым.

Для направления внимания реципиента в рекламе используются различные приемы:

1) изображение людей или животных, проследив за взглядом которых глаз читателя перемещается на следующий важный элемент;

2) использование механических указателей (треугольника, линии или стрелки, указывающего пальца и т.п.), переводящих взгляд с одного элемента на другой;

3) использование расположенных в определенной последовательности картинок, которые заставляют читать рекламу в нужном направлении (например, серия комиксов);

4) применение разноцветного фона, который выделяет текстовую часть или иллюстрацию. Взгляд будет перемещаться с темного элемента на светлый, с цветного на нецветной;

5) использование естественной привычки человека начинать чтение с левого верхнего угла страницы и продолжать зигзагообразно до нижнего правого;

6) использование особенностей человеческого подсознания: в первую очередь обращается внимание на крупные, доминирующие на странице элементы, и только потом – на мелкие.

Ряд практиков рекламы считают: чем жестче структура объявления, тем меньше вероятность того, что потребитель по-своему проинтерпретирует обращение. Таким образом, те, кто избегают использования зрительных приемов, не имеющих целенаправленной связи с увещевательным обращением, по сути дела косвенно утверждают, что неразумно позволять читателям или зрителям строить собственные схемы. По их мнению, реципиенты должны легко усваивать и четко понимать обращение.

Другие исследователи рекламы, наоборот, полагают, что чем яснее структура раздражителя, тем меньше появится разнообразных индивидуальных толкований смысла на основе прошлого опыта. Такие объявления заставляют читателей или зрителей перебрасывать больше ассоциативных «мостиков», чем первые. Сторонники использования рекламных иллюстраций с неразвернутой ситуацией утверждают: когда индивид включается в сотворчество, объявление наверняка приобретает для него большую значимость, следовательно, и повышенную убедительность.

Однако в большинстве случаев невербальные компоненты рекламного сообщения преследуют в высшей степени определенную, но конфликтную по своему существу функциональную цель – передачу однозначно воспринимаемого содержания при неоднозначной интерпретации его формы.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

В. И. Авраменко

РОМАН «АЛИНА И ВАЛЬКУР» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА МАРКИЗА ДЕ САДА

Как правило, исследователей интересуют самые маргинальные произведения маркиза. Марсель Энафф, например, даже не упоминает «Алину и Валькура» (роман, между прочим, очень важный для самого де Сада) в своей знаменитой работе «Маркиз де Сад: изобретение тела либертена». Для исследователей и философов оказался интересным сам скандал философии де Сада, этот яростный вызов и бунт. Все это использовалось как толчок для развития собственных идей. В результате на философию маркиза мы смотрим через призму других философий, а о его литературе, о нем *как писателе* известно мало.

Философы, ученые и люди искусства прошлого столетия не случайно так активно заинтересовались мыслями маркиза, и дело, конечно, не только в их провокационном характере: в XX веке самые жуткие фантазии де Сада стали живой реальностью. Но в наше время, когда с де Садом человечество свыклось, когда оно уже получило опыт пребывания «внутри» его философии, возможно, стоит заняться малоизвестной стороной творчества писателя.

Мы полагаем, что «Алина и Валькур» – одно из важнейших произведений маркиза, и есть все основания ставить его в один ряд с «Жюльеттой» и «120 днями Содома». Подобную интеграцию, однако, еще необходимо обосновать. В данной работе мы намереваемся рассмотреть место этого романа среди других произведений маркиза. В наши задачи входит также поиск оснований, которые позволили бы говорить о творчестве де Сада как об одном целом. Возможно ли примирить между собой порнографию и тексты, предназначенные для легальной печати? Есть ли у них нечто общее в поэтике?

В «Алине и Валькуре» нет ни порнографии, ни шокирующего, как в «Жюльетте», насилия, нет почти и собственно садизма. История банальна и типична для романа XVIII столетия: двое влюбленных мечтают связаться узами брака, но отец (либертен Бламон) находит другого жениха для своей дочери. Такова «поверхность» этого произведения: типично романная интрига, сентиментальность ситуаций, лирическая подкладка, наказание главного злодея (Бламон умирает), изображение достойно умирающей добродетели (погибают и Алина, и Валькур, но они не отрекаются от своих принципов и своей любви).

«Алина и Валькур» является эпистолярным романом. Но де Сад использует здесь элементы и других жанров: плутовского романа, фривольного, романа воспитания, классической утопии. Знакомыми и популярными формами, интригой, кажущейся заботой о психологии персонажей маркиз заманивает читателя. Понятно, что все это используется для того, чтобы помочь

читателю «проглотить таблетку» – философию. Интересно, что сложное жанровое переплетение усложняет композицию романа, различные элементы которой начинают между собой особым образом взаимодействовать. Читателю предлагают не просто принять как догму сказанное различными резонерами, но и самому сопоставить судьбы героев, сравнить утопии, найти сильные и слабые места в излагаемых философских концепциях, задуматься о значении той или иной сюжетной линии, смысла того или иного вставного эпизода (в «Алине» есть вставной роман: история Леоноры и Сенвиля, и это – главная среда для существования героев другого плана – либертенов). Все это сближает «Алину и Валькура», скорее, с ангажированным романом (предлагающим читателю самостоятельный поиск истины), чем с романом тезы (где дидактизм явный).

Это более-менее приемлемое, т.е. *подцензурное* творчество, сдержанная форма выражения – целая творческая стратегия по внедрению «взрывоопасных» философских идей в массы. Описание оргии – самый очевидный для маркиза способ продемонстрировать суть своей философии. «Канделябр, в который вставляется светильник философии, называется совокупление. Все моральные и религиозные принципы отступают перед напором страстей», – заявляет либертенка Дюбуа в «Жюстине». Фривольные произведения маркиза лишены такого средства реализации идеи. Отсутствует важный структурный элемент: связка «теория – оргия». Но там, где мысль де Сада встречала сопротивление, она проявляла изобретательность и гибкость.

В 1800 году под своим именем маркиз опубликовал еще одну книгу – сборник «Преступления любви». В этот сборник де Сад поместил и одну литературно-теоретическую работу: эссе «Идея о романах». Получилось своеобразное дополнение к «Алине и Валькуру», что-то вроде теоретического обоснования собственного официального творчества.

В первой части эссе маркиз перечисляет и оценивает крупнейших писателей своей и предыдущих эпох. Интересно, что наибольших похвал удостаиваются представители реалистического и психологического направления: Ричардсон, Филдинг, Прево. Именно эти авторы как будто являются здесь для де Сада образцом для подражания. Творчество первых двух показывает, что должно волновать настоящего романиста: *сердце человека*. Далее де Сад рассуждает о том, для чего пишут романы: роман показывает настоящего человека, срывает с него все маски и открывает истинное лицо. Кроме того, де Сад считает необходимой заботу *о правдоподобии*. Также он рекомендует постоянно поддерживать *интерес читателя*: ему нельзя дать заскучать. Наконец, роман не должен *слишком явно навязывать мораль*.

Поэтика, отстаиваемая и рекомендуемая здесь де Садом, действительно во многом соответствует «Алине и Валькуру». Но не «120 дням Содома», не «Жюстине» и «Жюльетте», не «Философии в будуаре». «Идея о романах» только подчеркивает несуразное расхождение между двумя линиями в его творчестве. На наш взгляд, эти две линии расходятся кардинально: одна философия, но два типа поэтики.

Да, с позиции его знаменитых маргинальных романов – это ущербная теория и ненастоящая поэтика, подражательство и уступка цензуре. Но ведь можно посмотреть на это и с противоположной стороны. При жизни де Сад опубликовал под своим именем три книги: «Алину», сборник «Преступления любви» и пьесу «Окстьерн». Все три книги, разумеется, не порнографического характера. Таково официальное лицо литературного маркиза в конце XVIII века, теория и практика здесь идут рука об руку, никакого противоречия нет. Что касается маргинальных романов, то рукопись «120 дней Содома» он считал безвозвратно утерянной, а от авторства «Жюльетты» и «Жюстины», как известно, открещивался. Это де Сад XX века являлся автором, в первую очередь, порнографических произведений. Де Сад XVIII века – писатель куда более разнообразный. Маркиза, видимо, вовсе не устраивала роль подпольного и анонимного автора. Он возлагал большие надежды на «Алину» – свой первый легальный роман. Спустя несколько лет после издания этого романа де Сад все еще выделял его в своем творчестве: на титульном листе сборника «Преступления любви» он указал, что является автором «Алины и Валькура».

В «Алине и Валькуре» мы не найдем ни одного персонажа, который был бы достоверен психологически. Не найдем мы в нем и реалистического описания далеких континентов, стран или народов, хотя это роман и о путешествии (история Леоноры и Сенвиля). Но вместе с тем «Алина» – единственное произведение де Сада, которое мимикрирует под сентиментальную или психологическую литературу, которое подражает популярным романам своей эпохи, особенно «Юлии, или Новой Элоизе» Ж.-Ж. Руссо.

Ситуация Валькура и Алины напоминает ситуацию Сен Пре и Юлии, их письма о том же, о чем были письма двух знаменитых любовников: о любви, тягости разлуки, добродетели и природе. Только они лишены глубины и философии. Алина отнюдь не проницательный резонер вроде Юлии. Письма заимствуют только сентиментальный стиль. Обилие риторических оборотов, восклицательных фраз, многоточий, избитые выражения чрезмерной чувственности – такими средствами де Сад создает образ Валькура и Алины. Типичные образы, ничем не примечательные, всего лишь оболочка – и поэтому только подражание. Наблюдательный читатель легко и быстро почувствует, что они – ненастоящие, «подложные» герои: их неестественность резко контрастирует с сильными образами либертенов.

В «Алине» за основу не случайно взята модель романа – не важно, занимается ли в действительности здесь автор разработкой психологии своих героев. Такова была его стратегия: облечь свою мысль в «удобоваримую» для легального издания форму, привлечь читателя знакомым и популярным жанром.

Таким образом, «Алина и Валькур» занимает особое место в творчестве маркиза де Сада. С одной стороны, этот роман, как и все маргинальное творчество писателя, не репрезентирует действительность, с другой, он подражает тем произведениям, в которых изображается чувствительный или психологически убедительный человек. Кроме того, «Алина и Валькур» выделяется среди прочих романов иной организацией философского материала. Различными способами вовлекая читателя в поиск истины, а не навязывая ее, «Алина и Валькур» сближается, скорее, с ангажированным романом, чем с романом тезы.

Т. Г. Барычэўская

БІЯГРАФІЧНЫ КАНТЭКСТ ТВОРАЎ Х. ЦУЗАНЕКА

У сёмым са сваіх «Лістоў, што датычацца сучаснай літаратуры» Г. Э. Лесінг сказаў: «Што нам да асабістага жыцця пісьменніка?». Так і Харальд Цузанек, вядомы аўстрыйскі драматург сярэдзіны XX ст., заўсёды намагаўся раздзяліць сваю творчасць і прыватную сферу. Першасным і галоўным ён лічыў уражанне, якое складваецца ў чытача да яго драм, а не асацыяцыі з ім як асобай. Таму мы спыніліся толькі на некаторых біяграфічных фактах, якія маюць выключнае значэнне для раскрыцця творчага шляху драматурга і даюць прадстаўленне аб вытоках постмадэрнісцкіх тэндэнцый у яго п'есах.

Харальд Цузанек нарадзіўся ў Вене, у сям'і навукоўца-натураліста, які памёр ад празмернага захаплення сваёй справай. Маці свядома спрабавала выключыць усё, звязанае з гэтай тэмай, з жыцця сына, баючыся, што таго можа напаткаць лёс бацькі. Яе намаганні былі марныя, хлопчык спачатку захапіўся фізікай і астрафізікай, потым пачаў вывучаць медыцыну.

Але ў першую чаргу у гэтым дачыненні яго цікавіў чалавек і ўсё, што з ім звязана. Ён хацеў як мага лепш зразумець, хто такі чалавек якія матэрыяльныя асновы мае яго існаванне, ці змяніўся ён з цягам часу, а калі змяніўся, то чаму? Хутка пытанне «Што такое чалавек, які ён?» пашыралася да «Як стаць чалавекам?» ці нават «Чаму мы лічым сябе людзьмі?» Тады, хоць творчасць была мэтай Х. Цузанека яшчэ з трынаццаці гадоў, ён пачынае займацца сусветнай гісторыяй, гісторыяй мастацтва і філасофіяй, а таксама бярэ ўдзел у спецыяльным рэжысерскім семінары, каб атрымаць неабходныя навыкі і працаваць потым на тэлебачанні.

Такая разнастайнасць захапленняў праявіцца пазней у яго п'есах у форме свядомай эклектычнасці, характэрнай для постмадэрнісцкай драматургіі. У сувязі з гэтым можна назваць яшчэ адну значную рысу яго творчасці – у сваіх п'есах Цузанек намагаўся стварыць адзіную сусветную прастору, аб'яднаць у адным творы матывы і прыёмы, узятыя з арсенала розных субкультур, эпох і рэгіёнаў. Таму менавіта шматлікія падарожжы мелі для драматурга асаблівае значэнне.

Уражанні, якія Цузанек збірае па ўсёй Еўропе, асабліва ў Італіі і Грэцыі, становяцца рашаючымі, складаюць базу яго лірычных твораў. Ён лічыць, што звычайныя рэчы, якія мы ў стане ўбачыць, даюць нам магчымасць дакрануцца да чалавечай гісторыі і «Боскага плану Сусвету», аднак мы не ў стане зразумець гэтую рэальнасць, не ўлічваючы яе бясконцай разнастайнасці і ўзаемапранікнення. Гэтая думка адлюстравана ў яго трохрадковым вершы «Арыён на дэльфіне»: *Ужо непрасрэдна за рыбай / Багі пачынаюцца. / Што застаецца мне, дружа, як не спяваць?* (пераклад наш – *Т. Б.*)

Харальд Цузанек часта сцвярджаў, што менавіта прасякнутыя сонечным святлом ландшафты Грэцыі дапамаглі яму прыйсці да высновы, што эсхаталагічнае светаўспрыманне, якое і параджае ва ўсведамленні сучаснага

чалавека ўсё нявыразнае і змрочнае, не закладзена ў канцэпцыі сусвету, а залежыць ад людзей, якія на працягу ўсёй сваёй гісторыі вагаюцца паміж неабходным і тым, чаго яны жадаюць да болю. Гэта вельмі значная дэталь, таму што такі пункт гледжання адрозніваецца ад агульнага для розных варыянтаў сённяшняга постмадэрну палажэння аб «стомленай» культуры і расчараванасці ва ўласных магчымасцях.

Наадварот, у персанажаў усіх п'ес драматурга заўсёды ёсць шанс самім вызначыць праз свае ўчынкі, якім будзе іх далейшы лёс. Такое стаўленне яднае Цузанека з такімі аўтарамі-экзістэнцыялістамі, як Альбер Камю і Антуан дэ Сент-Экзюперы, і дае магчымасць раскрыць пры дапамозе міфалагічных сюжэтаў сапраўдны сэнс існавання чалавека як асобы.

Падарожжы па Іспаніі і Афрыцы, пустыня Сахара як алегорыя «найвялікшай ачышчальніцы» падштурхнулі драматурга да адной з асноўных думак у яго творчасці: усе людзі носяць маскі, але калі надыходзіць час, «яны спадаюць, і чалавек застаецца сам на сам з сабой» (P. Wimmer «Der Dramatiker Harald Zusanek»). Пры гэтым чалавек можа зразумець, што маска і была яго сапраўдным «я», як гэта адбылося з галоўным персанажам п'есы «Понцій Пілат».

Акрамя звыклай для Х. Цузанека парадаксальнасці, у гэтым падыходзе адлюстравана вядомая характарыстыка постмадэрнізма як мастацкага стылю – усё можа быць прадстаўлена ў выглядзе гульні, але менавіта такім чынам раскрываюцца тыя бакі рэчаіснасці, на якія раней ніхто не звяртаў увагі. Аўтар успрымае не толькі рэальнасць і чалавека ў ёй, але і тэатр як своеасаблівыя маскі, што адначасова хаваюць і выкрываюць бясконцасць існавання і сутнасць мастацтва.

Дзякуючы ўражанням ад сваіх падарожжаў і знаёмству з іншымі культурнымі традыцыямі, Харальд Цузанек прыходзіць да высновы, што ў творчасці недапушчальная ніякая містыфікацыя, што трэба адлюстроўваць самога чалавека і працэс развіцця чалавецтва дакладна. Але гэтая думка не мае нічога агульнага з рэалізмам. Парадаксальнасць яе ў тым, што аўтар пачынае ўспрымаць «знешнюю рэальнасць часу і сучаснасці» як шанс для вялізнага самавызвалення чалавечай існасці.

Аўстрыйскі даследчык Ханс Герстынгер сцвярджае: «Цузанек адчувае, што выключна спірытуальны светапогляд, прыводзячы ў выніку да чыстага інтэлектуалізму, усё больш пашырае прорву паміж чалавекам і Богам, і зваротны шлях для чалавека магчымы толькі праз новыя (ці старыя?) узаемаадносіны з прыродай» (H. Zusanek «Piazza»).

Тут зноў прасочваюцца матывы экзістэнцыялізму: аўтар не пагаджаецца з вядомым тэарэтыкам постмадэрнізму Ліатарам, які лічыць, што наперадзе чалавецтва чакае крах этыкі і маралі, таму што ніякія метанаратывы ўжо не могуць растлумачыць яму, як ён павінен жыць далей. Харальд Цузанек выразна бачыць усю складанасць такога становішча, але пакідае людзям магчымасць памяняць яго, змяніўшы сваё стаўленне да прыроды. Інакш кажучы, чалавек павінен зрабіць выбар паміж энтрапіяй і няўпэўненасцю сваёй эпохі і новым сэнсам існавання, «які яму трэба знайсці пасярод існуючага Хаоса, бязглуздзіцы» (H. Vogelsang «Österreichische Dramatik des 20. Jahrhunderts»).

Гэта стасуецца з іншым меркаваннем, існуючым сярод сучасных літаратурных крытыкаў: «Постмадэрнізм увасабляе прынцыповую мастацка-філасофскую спробу пераадолець фундаментальную для культуры антытэзу хаосу і космасу, пераарыентаваць творчы імпульс на пошук кампрамісу паміж гэтымі ўніверсаліямі. Дыялог з хаосам у канчатковым выніку нацэлены менавіта на такі пошук» (М. Н. Ліпавецкі «Русский постмодернизм»). Як бачна з вышэй сказанага, у гэтым дачыненні пазіцыя Харальда Цузанека сапраўды можа лічыцца постмадэрнісцкай.

Аднак у гэтай сувязі нельга казаць пра ідэалістычную пазіцыю аўтара: Харальд Цузанек ваяваў і быў паранены, потым яму прыйшлося вывозіць з акупіраванай Вены жонку з нованароджанай дачкой, марна шукаць працу, і яго творы не абмінаюць сваёй увагай самыя жорсткія бакі нашага жыцця, нашага мінулага і нашай сучаснасці. Творча перапрацаваўшы ўласны досвед, ён усе ж такі прыходзіць да высновы, што, як сказана у драме «Трэці фронт»: «у сэрцы бязглуздзіцы жыве сэнс» (P. Wimmer «Der Dramatiker Harald Zusanek»). Аўтар заўсёды падкрэслівае каштоўнасць жыцця і магчымасць духоўнай перамогі ў любым выпадку.

Аўстрыйскі літаратуразнаўца Пауль Віммер лічыць, што для больш глыбокага разумення гуманістычнага пафаса драм Цузанека трэба ўявіць сабе, што гэты чалавек ў сваіх падарожжах, думках і творчых планах перажываў шматлікія варыянты чалавечага лёсу: «Філосаф у грэцкіх Кікладах, гностык у Егіпце, маніхей у час распаду Усходне-Рымскай Імперыі. Можа, нават і жыхар Атлантыды з яе ўтапічным сацыяльным строем, ці нехта з іншай Галактыкі» (P.Wimmer «Der Dramatiker Harald Zusanek»). Таму яго драматычныя творы прасякнуты не толькі эзатэрыкай, парадаксальным светаадчуваннем, але і адвечным свяшчэнным сэнсам, які мог бы аб’яднаць нават культуры розных планет.

Здольнай адказаць на адвечнае пытанне аб агульначалавечай будучыні драматургу падаецца рэлігія. У намаганні высветліць, як розныя рэлігіі паўплывалі на грамадства, Х. Цузанек прыходзіць да высновы, што іх ўласнае развіцце паказала адзін з найбольш значных напрамкаў для развіцця грамадства і агульначалавечай свядомасці. Таму апошнія некалькі дзесяцігоддзяў свайго жыцця драматург прысвяціў даследаванню сінкрэтычных эгейскіх рэлігіёзных культаў.

Зацікаўленне драматурга гэтым пытаннем невыпадковае: у ранніх культах сакральнае і звычайнае не былі яшчэ падзелены, іх адзінства з’яўлялася непарушным, яшчэ можна было адчуць адвечныя сувязі і прычыны таго, што адбывалася з нашымі продкамі і што яшчэ адбудзецца з намі. Харальд Цузанек неаднаразова падкрэслівае матывы першапрычыннасці, узаемасувязі і бясконцага ўзаемапранікнення ў такіх сваіх драматычных творах, як «Нашто ты капаеш, цэнтурыён?» («Warum gräbst du, Centurio?», 1951), «Жан з бочкі» («Jean von der Tonne», 1955), «Трэці фронт» («Die dritte Front», 1964), «Понцій Пілат» («Pontius Pilatus», 1965), «Я ілгаў праўду» («Ich log die Wahrheit», 1982) і іншых.

Д. А. Букаев

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Литературный процесс и его восприятие как литературоведами, так и простыми обывателями неразрывно связано с условиями окружающей нас действительности и преобладающей в конкретный момент идеологической системой. Одним из наиболее ярких примеров подобного влияния является появившаяся в американском культурном поле *культура отмены*.

Само понятие *культура отмены* возникло в начале XXI века. Ему можно дать следующее определение: *Культура отмены*, также *культура исключения* (англ. *cancel culture*, англ. *call-out culture*) – современная форма остракизма, при которой человек или определенная группа лишаются поддержки и подвергаются осуждению в социальных или профессиональных сообществах, как в онлайн-среде и в социальных медиа, так и в реальном мире. Причиной для данного остракизма обычно являются взгляды или высказывания, воспринимается определенной группой людей как оскорбительные. Носителями данной культуры являются в первую очередь молодые люди левых взглядов. Культура отмены может затрагивать все формы культурной деятельности, но нас в первую интересует ее влияние на литературную деятельность. К сожалению, перечислить все случаи влияния данной культуры на литературный процесс невозможно, потому мы ограничимся лишь несколькими примерами культуры отмены и близких по сути, но не связанных с ней случаев остракизма писателей.

В первую очередь следует разграничить культуру отмены, призывающую к исключению определенных авторов из школьной программы, общественного поля и, в «идеале», сознания общественности, а также иным подобным действиям, мотивированным другими интересами. Примером второго, хоть и не относящимся к англоязычному пространству, можно назвать заменуромана А. Островского «Как закалялась сталь» на «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицина в школьной программе Российской Федерации, что мотивированно иными причинами, нежели теми, которые характерны для «культуры отмены». Признаки, характерные для явления «культуры отмены», следующие: 1) наличие требований со стороны «общественности»; 2) наличие обвинения самого автора в аморальных действиях или воззрениях; 3) наличие отрицания ценности художественного произведения на основании предыдущего пункта; 4) поступление инициативы «снизу», в противовес инициативе «сверху».

Более близкие примеры можно наблюдать в общественном восприятии ФРГ. Одним из таких примеров является восприятие известного писателя из ГДР Эрвина Штриттматтера. Причиной изменения восприятия данного автора является его участие в Полиции порядка во время Третьего рейха. Хотя данный вид службы был избран автором лишь как возможность избежать нахождения в немецкой армии, он все же участвовал в военных опера-

циях в Словении и Греции, что позже нашло отражение в его творчестве. Однако представители немецкой политической культуры мало интересуются причинами участия людей в подобных объединениях, осуждая действия всех без исключения членов любых организаций, связанных с Третьим Рейхом, без разбора причин их присоединения к данным структурам. По этой причине учрежденная в 1994 году литературная премия имени Эрвина Штритматтера была переименована в 2008 году в Бранденбургскую литературную премию. Та же самая причина была указана при отказе от празднования столетия со дня рождения автора в городе Шпремберг, почетным гражданином которого Штритматтер был с 1988 года.

Похожая ситуация была с нобелевским лауреатом Гюнтером Грассом, которого подвергали открытому осуждению за его критические высказывания об израильской политике в отношении палестинцев. Основу критики составлял тот аргумент, что Грасс, являвшийся в детстве участником общественного движения «Гитлерюгенд», позже воевавший в составе подразделений войск СС, не имеет морального права критиковать Израиль за его действия. Ввиду того что Грасс открыто признал службу в войсках СС лишь в 2006 году, появились требования отобрать у него нобелевскую премию по литературе со стороны немецких политиков и статус почетного гражданина его родного города Гданьска со стороны польских, в первую очередь Леха Валенсы. Однако нобелевский комитет и мэр Гданьска Павел Адамович выступили с осуждением этих требований, отметив, что прошлое Грасса не отменяет художественной ценности его произведений и усилий по улучшений немецко-польских отношений. Лех Валенса открыто объявил об отказе от своих требований после открытого письма Грасса с покаянием и извинениями.

Приведенные выше примеры похожи на *культуру отмены*, но по ряду причин не могут быть к ней причислены. Самые яркие примеры данного явления можно наблюдать в современной американской культуре. Одним из таких примеров является попытка не допустить постфактум вручения литературной премии Хьюго в 2020 году американскому писателю первой половины XX века Г. Ф. Лавкрафту. Кампания стартовала в социальной сети Twitter и основывалась на идее, что творчество Лавкрафта, пронизанное расизмом, ксенофобией и гомофобией, не может быть достойным литературной премии в наше время. Ужас в произведениях Лавкрафта связан с расистскими взглядами, рассматривающими представителей других рас как дикарей и носителей первобытного, жестокого и чуждого современному человеку мировоззрения. Несмотря на влияние автора как теоретика литературы ужаса и в целом неоспоримое воздействие его творчества на современную фантастическую литературу, адепты «культуры отмены» пытались доказать, что личные взгляды Лавкафта, нашедшие отражение в произведениях, обесценивают творчество писателя. Его можно рассматривать лишь как пример расистского, унижающего человеческое достоинство и несовместимого с культурой политкорректности и либеральными взглядами.

В данном случае мы видим все классические примеры *культуры отмены*: 1) инициатива поступила от активистов «снизу», 2) критика произведений и самого автора не строится непосредственно на критике художественного метода, а на критике его личных взглядов, которые, следует отметить, были достаточно распространенными в начале XX века; 3) на основании взглядов автора делается попытка обесценить его творчество в целом. При этом необходимо отметить, что подобный подход к оценке художественной ценности произведений автора является недопустимым в рамках литературоведческой деятельности, поскольку рассматривает автора и его творчество вне комплексного подхода к анализу произведений, в отрыве от его биографии, окружения и условий написания произведений. Такой подход основан не на научных принципах литературоведческого анализа, являясь в первую очередь идеологически мотивированной попыткой продвижения собственных взглядов, но не путем положительной творческой или научной деятельности, а лишь паразитируя на творчестве более известных авторов.

В заключение хочется еще раз отметить, что *культура отмены* ограничена в настоящее время англоязычным культурным сообществом, в первую очередь американским. Однако попытки культурной экспансии западной культуры могут привести к тому, что данный подход к оценке художественной значимости литературных произведений может начать появляться и в других культурных сферах. При этом хочется еще раз отметить антинаучность и недопустимость принятия данного подхода в литературоведческой среде.

А. В. Вильчинская

ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ О ВЛАСТИ Р. П. УОРРЕНА «ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ»

Любой роман разворачивается вокруг жизни его героев. Их взаимодействия, становление личности, философские размышления наедине с собой или выводы, рождающиеся за беседами с другими героями, представляют огромный интерес для читателя. Зачастую в романе прослеживается эволюция главных героев. Читатель наблюдает за перерождением действующего лица, за формированием его личности. Процесс становления сопровождается чувством восхищения или, наоборот, отвращения и обиды от того, как персонаж обращается со своей жизнью, насколько безвозвратно деградирует его личность.

М. М. Бахтин отмечает важную особенность романного жанра: «Основной, специфицирующий предмет романного жанра, создающий его стилистическое своеобразие, – говорящий человек и его слово». Говорящий человек отражает свою точку зрения, является идеологом, т. к. читатель, знакомясь с идеологией героя, принимает для себя решение, соглашаться с ней или отрицать ее обоснованность. Задачей говорящего персонажа в романе может

быть донесение своих мыслей до масс или самостоятельное постижение смысла жизни, тогда читатель погружается в философские размышления героя. Однако герой романа не только говорит, но и действует, транслируя идеологию, демонстрируя то, о чем говорит, своими поступками.

М. Т. Рымарь отмечает, что «личность в романе противостоит миру, отстаивая свою неповторимость и самостоятельность». Противостояние миру в данном случае включает в себя также противостояние другому «я», ожиданиям общества, неким стереотипам, которые накладываются на человека в социуме. Однако противостояние не заключает в себе отрыва от общества. «Романный герой, испытывая себя и мир, познает сущностные основы жизни, всеобщий ее порядок, обладающий сверхличным смыслом, самостоятельной ценностью, имеющей значение не только для него, но и для всех людей». Зачастую персонаж, отрицая некие общепринятые ценности в начале романа, стараясь оградить себя от социальных норм и догм поведения, со временем приходит к пониманию собственной неотрывной связи с миром, осознает свое желание быть частью целого, отрицает одиночество как ценность для своего развития.

Говоря о романах о власти, мы подразумеваем жанр политического романа. Полноценным литературным жанром политический роман стал к 80-м годам XX века. Эта жанровая разновидность демонстрирует связь истории страны и художественной литературы.

Рассматривая роман Р. П. Уоррена «Вся королевская рать», стоит немного углубиться в историю жанра политического романа в Америке. Истоками американского политического романа исследователи Н. А. Ознобихина и П. В. Ушанов считают историю бывших колоний, боровшихся за независимость и строивших свою государственно-политическую систему. В то время важную роль играли идеалы Просвещения, отразившись в таких жанрах, как эссе, эпистолярный жанр, очерки, мемуары, памфлеты. Далее развитие американского политического романа показывает проблемы рабовладельческого строя, либерально-демократические и республиканские идеи, нашедшие художественное отражение в произведениях романтиков Ф. Купера, Г. Меллвила, Г. Д. Торо, У. Уитмена. В тот же период появляются попытки изобразить политику как сцену, а героя романа – как человека, стремящегося попасть на сцену зачастую путем манипуляций, шантажа и в целом негативной деятельности. Появляются образы боссов, политиканов, для которых все средства хороши на пути достижения собственных целей. Складывается концепция политики как сферы, предполагающей внешний острый конфликт с законом, моральными и нравственными принципами, совестью. Такой конфликт становится жанровым ядром политического романа. Конфликт происходит между личностью и миром политики – идет полная деградация личности за счет утраты человеческих ценностей либо гибель личности под влиянием отравляющей среды.

Политический роман 1960-х годов являет собой многообразие жанровых модификаций, образующих в целом активно функционирующую и развивающуюся систему политической прозы, охватывающей беллетристические

и художественно-публицистические формы, сочетающие документализм и условность. Само это многообразие порождено сложностью и многоаспектностью политики, требующей для своего отражения специфической жанровой структуры. Яркими примерами произведений, сочетающих признаки реалистического, социально-политического и психологического романов, являются «Вся королевская рать» Р. П. Уоррена, «Бэрр» и «Вашингтон, округ Колумбия» Г. Видала, которые критики относят к «политическому роману в широком смысле».

Роман «Вся королевская рать» Роберта Пенна Уоррена опубликован в 1946 году. В основу сюжета положена история прихода к власти губернатора Луизианы Хью Лонга. Мистер Лонг был выходцем из фермерской семьи, но смог добиться значительных успехов на политической арене США в годы Великой депрессии. Он известен как радикальный демократ, стремившийся поддержать рабочий класс, но не гнушавшийся грязных махинаций на своем пути. Поскольку Уоррен не был лично знаком с Лонгом, нельзя говорить об исторической точности в романе. Лонг послужил прототипом главного героя романа Вилли Старка.

Главные герои романа являются говорящими и действующими. Политик Вилли Старк произносит речи, чтобы воздействовать на своих избирателей и расширить электорат. Джек Бёрден мало говорит, но много размышляет. За ним закреплена философская составляющая романа. Через его рассуждения мы прослеживаем эволюцию мировоззрения Джека Бёрдена. В начале романа Джек не верит в Бога и отрицает всякую ответственность человека за свои поступки. Он считает, что в основе всех поступков лежат скорее инстинкты, эгоистичные триггеры. А последствия в виде страданий окружающих – только издержки таких поступков. Трагедия Джека заключается в том, что, лишь потеряв близких людей, он осознает масштаб ответственности личности за свои поступки, связь прошлого с настоящим. Джек долгое время не может вернуться к своей диссертации по материалам истории дальнего родственника Касса Мастерна. История Касса лишь на первый взгляд является отвлечением от основной художественной линии. На самом деле Касс Мастерн играет ключевую роль в понимании развития личности Джека Бердена. Жизнь Касса – это искупление. Осознав свою ответственность за жизнь других людей, Касс решает принести себя в жертву. Этот поступок непонятен Джеку, поскольку он отрицает ответственность перед другими за собственные поступки. Джек понимает свое заблуждение, только когда теряет двух самых близких людей в своей жизни.

Вилли Старк является говорящим героем. Мы видим его в начале и в зените карьеры. Прослеживаем развитие его личности от сына фермера, увлеченного идеей справедливости для всех, и до политического лидера, державшего в страхе подчиненных, не отказывающегося от шантажа и подкупа. Образ Старка как семьянина тоже претерпевает существенные изменения. В начале романа его фотографируют для газеты в окружении семьи, но читатель чувствует показную идеальность этих снимков. Позже случается трагедия с Томом Старком, в чем виноват сам Вилли, потворствуя опасным

увлечениям сына. Его многочисленные измены жене дополняют образ человека, чьи нравственные ценности опустились на самое дно. Вилли Старк вызывает у читателя жалость и сожаление. Изначально его идеи демократичны. Человек из народа, близкий простым людям, говорящий на их языке, заботливый отец для своего электората. Именно такого лидера народ и ждал, устав от непонимания высшего класса с их интеллигентным образом жизни. Вилли Старк строит дороги и больницу для простых людей, но делает это с размахом, снимая «сливки» с образа человека, заботящегося о народе. Смерть Вилли служит возмездием, осознанием разрушительности всевластия и всемогущества. Власть меняет и разрушает человеческие ценности.

Еще одним героем романа является судья Ирвин. Он предстает в романе, скорее, действующим персонажем. Мы узнаем его через воспоминания Джека, видим в диалоге с Вилли Старком, когда последний пытается его запугать. Читатель формирует свое отношение к судье, исходя из слов Джека о том, что на судью невозможно найти компромат. Он получает образ идеального положительного героя. Но и у него в биографии есть темное пятно, как говорит Вилли: «всегда что-то есть». То благородное, что есть в судье, не дает ему шанса на дальнейшую жизнь. Понимая, что за ошибку прошлого нужно платить, он совершает самоубийство.

Подводя итог, следует отметить, что роман «Вся королевская рать» сочетает в себе политический и психологический аспекты, так как развитие личности героя Джека Бердена происходит в контексте карьерного роста политика Вилли Старка. Конфликт в романе – это конфликт личности Старка и мира политики, завершившийся смертью главного героя. Джек Берден – говорящий персонаж, чья идеология и мировоззрение претерпевают существенные изменения. Противопоставляя себя миру в начале романа, он постепенно приходит к пониманию взаимосвязи между прошлым и настоящим, между поступками и ответственностью за них. Вилли Старк – типичный персонаж политических романов, на примере которого читатель видит разрушающее воздействие власти на личность. Судья Ирвин является жертвой политических игр, персонажем, вызывающим жалость и уважение за готовность принять на себя ответственность за совершенные проступки.

Н. Ю. Жданова

МЕСТО КОМИЧЕСКОГО В ЛИТЕРАТУРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Без преувеличения можно сказать, что комическое всегда занимало важное место в жизни общества и, соответственно, в литературе Великобритании. Именно на этой земле родился сатирический гений Дж. Свифта и Ч. Диккенса, юмор и ирония Дж. Чосера, У. Шекспира и других писателей. Это неслучайно, ведь сами англичане считают свой юмор уникальным национальным достоянием, которое не способны постигнуть представители других культур.

Существует множество исследований на тему английского юмора. Особый пласт посвящен юмору и комическому именно как существенной черте английской литературы. Наиболее показательными можно считать труды Д. Б. Пристли, Л. Казамяна, Х. Николсона. Следует отметить, что многие исследователи четко не разграничивают разновидности категории комического (юмор, ирония, сатира, сарказм) и используют понятие *юмор* / *humour*, как гипероним по отношению к остальным подкатегориям. Д. Б. Пристли особо подчеркивает, что у каждого английского писателя можно найти разные проявления комического даже в рамках одного произведения. Таким образом, нельзя сказать, что английская литература тяготеет к какой-либо определенной разновидности комического. Тем не менее есть много исследователей, которые отмечают большую выраженность сатирического характера английского юмора.

Прежде чем перейти к литературному обзору, стоит уделить внимание комическому в национальном характере. По мнению А. Н. Андреева, писателей отличает способность отражать в своих произведениях «строй души». Поэтому невозможно говорить о литературе и комическом в ней, не узнав изначально, каков же тот «строй души», который определяет уникальный английский подход к юмору и комическому. Дж. Сантаяна первым определил особенности английского характера в труде «Английские монологи» (1922). Он отметил, что англичанин руководствуется своей внутренней атмосферой и погодой в душе. Юмор британцев неочевидный, тонкий и изысканный, а литература лишь подчеркивает и отражает эти черты. В то же время комическое в английском характере тесно связано с любовью к политике, а точнее к ее осуждению. В рамках этой темы юмор приобретает более острую форму сатиры.

И, наконец, крайне важно упомянуть труд «Эти странные англичане» (2001) Э. Майола и Д. Милстеда. Авторы пишут о том, что благодаря расположению на острове, культура англичан самодостаточна, а шутки «мудреные», и уловить их смысл бывает очень сложно.

Таким образом, все упомянутые исследователи отмечают особый неуловимый характер английского юмора, который, несомненно, определяется «погодой в душе» каждого писателя. При этом, живя в условиях той самой островной культуры, все они разделяют общие идеи и настроения, без чего невозможно было бы говорить о традиции и преемственности комического.

Не отступая от литературоведческих традиций, мы начнем литературный обзор с поэта и юмориста, которого считают отцом английской литературы – Дж. Чосера. Его юмор крайне многогранен, у него можно найти и неистовый смех, и тончайшую и деликатную иронию, которую легко спутать с наивностью. Подобного мнения придерживается и Д. Б. Пристли. Яркие образы «Кентерберийских рассказов», например, Монаха, можно поставить на одну ступень с такими известными персонажами, как Фальстаф У. Шекспира.

Комизм У. Шекспира в целом не может не удивлять. Исследователи отмечают, что его трагедии не имеют географической привязки, их действия могут разворачиваться в любой части света. В то же время комедии несут

в себе истинно английский характер и не уходят далеко от английских берегов. Тем не менее и в комедиях, и в трагедиях мы находим комических персонажей – от простаков и остроумных умников до клоунов и профессиональных юмористов, таких, как Оселок.

Семнадцатый век привнес свежий дух в развитие комического в искусстве, что нашло отражение в творчестве С. Батлера. Его самое известное творение – поэма «Гудибрас» (1663–1678), которая представляет собой сатиру на пуритан в частности и на религиозные, социальные, политические мнения в целом. Самое главное здесь – манера повествования, где все приемы нацелены на то, чтобы удивить и рассмешить читателя. Подобная манера дополняется неожиданными размышлениями автора.

Дж. Свифт привносит в английскую литературу свое понимание комического. Его первым серьезным произведением стала «Сказка о бочке» (1704) – сатирический памфлет, высмеивающий религию в лице основных церковных конфессий Англии. Но у Дж. Свифта можно найти и богатейшую иронию, например, в эпизодах о жизни Гулливера среди лилипутов и великанов, и истинный юмор при описании диких традиций Лапуты. Но ярче всего юмор проявляется в коротких произведениях, таких как «Указания к слугам» (1745).

В целом эпоха Просвещения считается «золотым веком» английской сатиры. В это время издавались сатирические журналы «Зритель», «Болтун» и «Опекун», благодаря чему появились новые жанры сатиры: диалогический, очерковый, пародийный. Появление подобных журналов привело не только к развитию новых жанров, но и усилению роли комического в жизни общества ввиду того, что более серьезные произведения, как правило, не имели такого способа распространения.

Говоря о комическом, нельзя не отметить Т. Л. Пикока, которого часто называют сатириком. Однако основной целью писателя было посмеяться над миром. У него можно найти и сатиру, и иронию, но з ними скрыта утрата иллюзий. Все это и составляет суть его работ, особенно «Аббатства Кошмаров» (1818) и «Замка капризов» (1831).

Помимо Т. Л. Пикока, капитализм и социальную напряженность индустриальной эпохи отражал Ч. Диккенс, пожалуй, самый известный из писателей тех времен. Все романы Ч. Диккенса имеют острую социальную направленность, но комический характер произведений различен. На протяжении всего периода творчества наблюдается переход от легкого юмора («Посмертные записки Пиквикского клуба» (1836–1837)) к горькому сарказму («Холодный дом» (1852–1853)).

Юмористическое включает в себя и жанр нонсенса, а мастером истинного нонсенса принято считать Л. Кэрролла. «Алиса в стране чудес» (1864) прекрасна комбинацией атмосферы сновидений и аномальной логики. Юмор здесь никогда не навязывается, строго говоря его там и нет, есть только серьезная глупость, которая постепенно становится все более сумасшедшей. Порой сложно определить, какая разновидность комического здесь превалирует, настолько тонким и насыщенными представляется оно в произведении.

Говоря об образцах истинно английского юмора, нельзя не упомянуть братьев Дж. и У. Гроссмит и их малоизвестный шедевр «Дневник незначительного лица» (1892). Книга наполнена самой очаровательной дурашливостью, но представляет собой нечто большее, чем просто комизм. Джон. Б. Пристли считает, что это произведение по своим качествам превосходит более известное творение Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» (1889), написанное с использованием «механических приемов», а не чистого юмора.

Двадцатый век стал периодом больших потрясений и испытаний, а также поиска новых форм выражения в художественном творчестве. Настала эра модернизма и постмодернизма. Бурное развитие получила сатира над абсурдным миром в произведениях О. Хаксли, Дж. Оруэлла, И. Во. Менее острая сатира, граничащая с иронией, находит отражение в произведениях Д. Лоджа, где комическое искусно вплетено в университетскую тематику. Эти черты характеризуют самую известную трилогию («Академический обмен», 1975, «Мир тесен», 1984, и «Прекрасная работа», 1988). Глубина и проблематика произведений, а также стиль и манера повествования писателя позволяют сделать вывод, что в современный период Д. Лодж практически является единственным писателем-юмористом профессионального уровня.

Таким образом, на протяжении всей истории английской литературы писатели, посвятившие себя комическому, доминировали на литературной арене. Это стало возможным потому, что юмор является важнейшим компонентом национального характера. Литература всегда стремится отобразить то, чем дышит общество, усиливая и более эксплицитно выражая те черты, которые не всегда очевидны для иностранцев. При этом писатели задействовали все категории комического. Каждый из отмеченных нами авторов использовал широкий диапазон комического, чтобы создать живых персонажей. Благодаря перечисленным особенностям, комические произведения заняли прочное место не только в литературе Великобритании, но и в мире.

Н. Э. Жлобо

ПОЭТИКА МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ Г. НЕЙЛОР

Магический реализм как особый тип художественного мышления стал неотъемлемой характеристикой творчества прежде всего латиноамериканских авторов. Однако представители многих других национальных и этнических литератур широко используют приемы магического реализма в своем творчестве, что позволяет говорить об особенностях поэтики магического реализма «нелатиноамериканского» типа.

В частности, магический реализм приобрел особую популярность среди афроамериканских авторов второй половины XX века, поскольку оказался созвучен специфическому афроамериканскому мировосприятию. Афроаме-

риканские авторы, развивая традиции магического реализма, опираются на оригинальный негритянский фольклор, используют национальные мифо-поэтические образы, обращаются к уникальному духовному и историко-культурному опыту своего народа, раскрывая потенциал магического реализма как способа выражения собственной этнической индивидуальности и культурной самобытности.

В романе афроамериканской писательницы Г. Нейлор «Кафе Бейли» традиции магического реализма прослеживаются, в первую очередь, в оригинальной хронотопической организации произведения. Ключевой пространственный образ романа – кафе Бейли – выступает как яркая иллюстрация соединения фантастического и конкретно-реального. С одной стороны, это реально существующее заведение, в которое регулярно наведываются посетители, у которого есть свое меню и распорядок работы. С другой стороны, кафе не имеет точной пространственной локализации, войти в него можно из любой точки мира; оно существует оно словно вне объективного времени, в вечности, что символизируют надписи на двери соседствующего с Бейли ломбарда Гавриила: «Вернусь в __» и «Закрыто навсегда». Посетители кафе также весьма своеобразны, поскольку попасть в это замкнутое пространство могут только те, кто оказался на грани отчаяния, в состоянии безысходности, те, для кого существование в реальном мире уже невозможно. При этом некоторые из вошедших тут же направляются к черному ходу с противоположной стороны кафе и, сделав последний шаг, по словам рассказчика, «растворяются среди звезд».

Таким образом, кафе Бейли является неким альтернативным топосом: оно находится одновременно и внутри, и за пределами реального мира, в ином пространственно-временном измерении, попасть в которое могут немногие. При этом посетители воспринимают такие сверхъестественные характеристики данного заведения как часть обыденной жизни, что также характерно для магического реализма.

Можно также утверждать, что в образе кафе Бейли автор продолжает традиции литературной утопии, поскольку кафе, подобно утопическим островам, является одновременно «местом, которого нет» и «идеальным пространством», представляющим альтернативу реально существующему социальному устройству. Именно здесь воссоздан изолированный социум, основанный на идее терпимости к проявлениям гендерной, религиозной, этнической инаковости, на ценностях милосердия и гуманности.

В эпиграфе к роману автор говорит о блюзе как о некой магической силе, дающей возможность отыскать дорогу в таинственное кафе. В данном случае актуализируется еще одна характеристика магического реализма: использование элементов национального фольклора и мифологии. В романе Г. Нейлор особую роль играет музыкальная традиция афроамериканцев, в частности блюз, формальные и содержательные характеристики которого во многом определили особенности поэтики данного произведения. «Кафе Бейли» включает в себя 10 глав-новелл, каждая из которых представлена

в виде сольной лирической песни-исповеди одного из действующих лиц произведения. В первой главе романа, названной «Маэстро, пожалуйста», на сцене появляется хозяин кафе, Бейли, исполняющий роль маэстро-дирижера, виртуозно руководящего представлением, разворачивающимся перед нашим взором.

По соседству с кафе Бейли находится не менее таинственное место – приют мисс Евы, чья история рассказана в новелле «Песнь Евы». Героиня воспитывалась священником из Луизианы, который, усмотрев в поведении взрослеющей девушки и ее пробуждающихся инстинктах тягчайший грех, выбросил ее на улицу, без еды и одежды. «За этой деконструированной библейской историей грехопадения и изгнания из рая следует рассказ о тысячелетнем путешествии Евы по дельте реки Миссисипи, конечным пунктом которого становится кафе Бейли. Образ Евы, таким образом, имеет типичный для магического реализма мифопоэтический характер, а ее тысячелетнее путешествие свидетельствует о сосуществовании в романе реалистического и сверхъестественного».

В своих долгих скитаниях Ева – дочь плодородной луизианской дельты – словно пропиталась землей, которую невозможно смыть, так же как отпечатки пальцев или цвет кожи, а под ее ногтями навсегда сохранилась темная полоска пыли (Delta Dust). Интересно, что странствия Евы по дельте Луизианы фактически повторяют путь блюза, родиной которого считается дельта реки Миссисипи, а самые ранние формы блюза называются дельта-блюз. В истории Евы имеет место символическое единение тела (земли) и души (блюза), а ее тысячелетнее путешествие служит символическим воплощением истории афроамериканского народа, порабощенного, прошедшего через страдания и унижения, но выстоявшего и сохранившего душу, воплотившуюся в афроамериканской музыке.

Отметим, что, обосновавшись по соседству с кафе Бейли, Ева открыла пансион-приют, окруженный великолепным садом, цветущим в любую пору года. Сад мисс Евы – интертекстуальная проекция библейского Эдема, но, что традиционно для творчества Г. Нейлор, это – феминизированная версия Эдема, созданного женщиной и для женщин – таких же, как и она сама, изгнанных и отверженных. Вместо дерева – центрального локуса библейского рая, в центре сада – огромный неуклюжий пень, а вокруг него – море благоухающих разноцветных лилий – единственные цветы в саду Евы, которые она выращивает только для себя. Символизм лилии в этой новелле не случаен – этот цветок символизирует материнское начало: согласно христианской легенде лилия проросла из слез Евы, оплакивавшей изгнание из рая (в классической мифологии лилия выросла из молока богини земли Геры). Кроме того, белая лилия часто появляется на изображениях девы Марии.

Автор романа широко использует приемы карнавализации и театрализации повествования, что также свидетельствует о значимости поэтики магического реализма для данного произведения. Например, карнавальные мотивы играют ключевую роль в новелле «Блюз мисс Мейпл», рассказывающей историю молодого афроамериканца Стэнли Вашингтона Карвера. С отличием

окончив Стэнфордский университет и получив научную степень, Стэнли вынужден несколько лет скитаться по Америке середины XX века в поисках работы. Директора американских компаний с готовностью используют блестящие маркетинговые идеи Стэнли, но цвет его кожи становится барьером, из-за которого он не может быть принят на престижную должность, все, что ему могут предложить – это место уборщика или сторожа.

В своих бесплодных поисках герой в один прекрасный день решает переодеться, вместо строгого мужского костюма, весьма неудобного в его бесконечных скитаниях в изнуряющей жаре, он надевает женское платье, что служит примером использования карнавального приема с переодеванием. Причем автор особо подчеркивает, что в случае Стэнли переодевание не имеет отношения к проблемам гендерной или сексуальной ориентации и мотивировано лишь банальным вопросом комфорта. Следует, однако, подчеркнуть, что за комическим карнавальным приемом переодевания скрыт глубочайший иронический подтекст: зачем приходить на собеседования в деловом костюме, задается вопросом герой новеллы, если выбор определяется всегда только цветом его кожи, причем темнокожесть воспринимается директорами компаний как такая же аномалия, отклонение от «нормы», как мужчина в женском платье. Будешь ты в костюме или в платье – неважно, ответом нанимателя все равно будет отказ, ведь темнокожесть воспринимается как клеймо, которое заведомо делает человека «неправильным» и «ненормальным» и заранее определяет его место в социальной иерархии. Не удивительно, что Стэнли в конце концов оказывается в приюте мисс Евы, где собрались такие же неприкаянные скитальцы, для которых в огромной Америке не нашлось места.

Таким образом, используя приемы магического реализма, Г. Нейлор привлекает внимание читателя к наиболее острым проблемам реального мира, деконструирует абсурдные патриархальные нормы и законы, подвергает пересмотру систему ценностей и псевдоценностей современной цивилизации. Кроме того, использование элементов магического реализма позволяет автору конструировать альтернативное пространство, своего рода утопическую миромодель, построенную на принципах терпимости и гуманности.

А. С. Жук

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ ПОДРОСТКОВ В РОМАНАХ «СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ С СОБАКОЙ В НОЧНОЕ ВРЕМЯ» М. ХЭДДОНА И «ЛУЖОК ЧЕРНОГО ЛЕБЕДЯ» Д. МИТЧЕЛЛА

Подростковый возраст считается одним из самых трудных и противоречивых периодов в становлении личности ребенка, так как именно тогда происходит условно называемый переход от детского состояния к взрослому, сопровождаемый значительными изменениями на физиологическом, психическом уровне, преобразованиями в системе самовосприятия подростка, переоценкой его ролей в социуме, формированием собственного мировоззрения.

Анализируя личности и поведение главных героев романов «Странный случай с собакой в ночное время» М. Хэддона и «Лужок Черного Лебедя» Д. Митчелла, читатели могут отметить определенные общие черты, характерные для подросткового возраста: любознательность, обостренное восприятие жизненных реалий, жажда справедливости, стремление к самостоятельности.

Герои обоих романов – подростки, которые находятся в переходном периоде между детством и юношеством. Они обладают выдающимися способностями, что выделяет их на фоне сверстников и нередко провоцирует конфликты с ними. Кроме этого, герои испытывают схожие проблемы в социализации, вызванные физическими и психическими особенностями протагонистов: Кристофер страдает одной из форм аутизма, а Джейсон заикается.

Психологические особенности подростка-аутиста Кристофера отражаются в его неспособности коммуницировать с внешним миром: поведенческих проблемах, неумении расшифровывать эмоции и чувства людей, непереносимости прикосновений. Его эмоциональная уязвимость свидетельствует о том, что он испытывает нехватку социальных и эмоциональных навыков, чувствует себя комфортно исключительно в том, что знает и понимает, а новые места, незнакомые люди, непривычный распорядок дня и то, чего он никогда не делал, переносное значение слов пугают его, приводят в замешательство, вызывая специфические реакции, например, стенания.

В личности Джейсона Тейлора явно видится резкое противопоставление внутреннего «я» и его внешнего проявления: подросток испытывает серьезные проблемы с принятием себя и своего расстройства речи, стесняется собственного имени, пытается самоутвердиться в среде сверстников за счет подражания их отнюдь не благородным действиям. При этом герой скрывает свое истинное лицо: он стеснительный, чувствительный, романтичный, благородный. Его часто возмущают поступки сверстников, так как они противоречат его воспитанию и мировоззрению: он не может что-то украсть в магазине, ему противно курение, он не терпит насмешек и издевательств над другими. В романе «Лужок Черного Лебедя» не раз описываются ситуации морального выбора: отомстить своему главному обидчику, присвоив его кошелек, или пожалеть, зная о жестокости отца подростка? Получить признание «избранных» или помочь своему настоящему другу в беде? В погоне за признанием сверстников и следуя за страхом отчуждения, парень часто совершает неблагородные поступки, однако впоследствии имеет мужество признать вину, тем самым формируя твердое намерение не идти больше на поводу у страха.

Оба исследуемых романа, повествование в которых ведется от лица протагонистов, глубоко психологичны. Признанный авторитет в области исследования психологизма в литературном произведении А. Б. Есин выделяет три основные формы психологического изображения героя: прямую, косвенную

и суммарно-обозначающую. Все три формы используются авторами упомянутых романов для подробного и глубокого изображения чувств, мыслей, переживаний главных героев и их необычных способностей.

Роман «Странный случай с собакой в ночное время» практически полностью представляет собой внутреннюю речь главного героя, и это дает основания утверждать, что психологическое изображение является здесь основным способом, с помощью которого мы познаем главного героя. По А. Б. Есину, это прямая форма психологизма, которую мы также видим и у Джейсона Тейлора, обладающего богатым воображением и нередко эмоционально выражающего свою внутреннюю речь.

Психологизм в прямой форме появляется также в многочисленных образах памяти протагонистов, которые до мельчайших подробностей воспроизводят картины многолетней давности, однако мальчику-аутисту более свойственно запоминание фактов, событий и дат, нежели описаний природы: *I remember standing in a field on Wednesday, 15 June 1994, because Father and Mother and I were driving to Dover to get a ferry to France.* Вдобавок психологизм наблюдается в сновидениях и ярких образах их воображения. Часто в критической ситуации мальчик-аутист воображает то, что поможет справиться со стрессом, или рисует у себя в голове схемы, картинки, графики, которые помогают ему в упорядочении внешнего мира: *And then I imagined crossing out all the possibilities which were impossible, which is like in a maths exam.*

Косвенная форма психологизма в произведениях проявляется в особенностях речи и речевого поведения протагонистов: каждая фраза Кристофера, мальчика-аутиста, отличается прямолинейностью, конкретностью, безэмоциональностью: *I'm going to live with my mother, because Father killed Wellington and he lied and I'm frightened of being in the house with him.* Речь героя лишена образности, он не употребляет метафоры и сравнения, а каждое его слово конкретно и не допускает двусмысленности. Ему присуща лаконичность выражения мыслей, но он может говорить часами на интересующие его темы.

Речь юного поэта Джейсона, напротив, отличается развернутостью, эмоциональностью. Образное мышление способствует употреблению в его речи большого количества метафор, сравнений и других средств выразительности: *Julia rolled her eyes like Jesus on his cross.*

Кроме этого, косвенную форму психологизма можно увидеть в средствах внешнего проявления психики героев. Ярко выделяются необычные жесты, мимика Кристофера: вместо объятий с родителями у него лишь прикосновение подушечками пальцев; чтобы прийти в равновесие и успокоиться – он издает звук, похожий на стенания, или обхватывает руками голову, сжимает предметы в руке: *I gripped the Swiss Army Knife in the other hand, and I groaned to cover up the noise; So I put my hands over my ears to block out the noise and think.*

Так как повествование в обоих произведениях ведется от 1-го лица, суммарно-обозначающую форму психологизма можно увидеть здесь в прямом назывании главными героями своего физического состояния, а также своих чувств и переживаний: *It made me sad to see that the dog was dead'; 'Can't believe I miss my sister this much, but I do.*

Главным конфликтом в обоих романах можно назвать внутренний конфликт, который в случае и Кристофера, и Джейсона вызывается внешними проблемами. Для его преодоления оба мальчика должны пройти инициацию, переход к зрелости, преодолевая свою естественную природу, страх и принимая волевые, нередко моральные решения.

Межличностный конфликт в романе «Странный случай с собакой в ночное время» возникает как противодействие Кристофера и его отца, когда мальчик узнает, что это отец на самом деле убил собаку. Подросток, страдающий синдромом Аспергера, вынужден выйти из зоны своего комфорта: преодолеть свой страх толпы, незнакомцев, новых мест и совершить самостоятельно поездку в другой город. В результате он справляется с внутренними и внешними противоречиями и переходит из детства в зрелость, доказывает, что способен участвовать в жизни общества.

Внутренний конфликт Джейсона Тейлора проявляется в постоянном противостоянии внутри подростка трех личностей. Центральная личность в сознании мальчика – собственно заикание, всю серьезность доминирования которого можно увидеть в том, что подросток одушевляет его, дает ему имя – Палач, боится его и исполняет заповеди. Конфликт усугубляется из-за конфронтации Нерожденного Близнеца – искреннего, храброго, который всегда подталкивает парня сделать то, что он не осмеливается, того, которым Джейсон хочет быть, и Личинки – изворотливой, трусливой, слабовольной и не уверенной в себе. Это та часть в Джейсоне, которую он стыдится и презирает.

В случае Джейсона межличностный конфликт, а именно столкновение мировоззрений и неподчинение подростка тирании сверстников, накладываясь на внутренние переживания, достигнув своего пика, становится толчком к внешнему и внутреннему освобождению мальчика. Догадавшись о запинании мальчика, одноклассники демонстрируют особую жестокость, унижают его с еще большей ненавистью и озлобленностью, бьют, шантажируют, дают так называемые «уроки популярности». Парадоксальный факт, что лишь смелый взгляд в глаза правде и своему страху позволяет избавиться от него, освобождает. Не позволив Личинке снова подавить свою волю, Джейсон обретает такую веру в себя, что фактически разрешает все свои существующие конфликты: дает отпор обидчикам, не боится впоследствии постоять за себя и находит путь к обузданию запинания, в основе которого лежал страх перед реакцией других людей.

Е. А. Климович

ПОЭТИКА АБСУРДА В ДРАМАТУРГИИ Ж. ЖЕНЕ

В панораме французской литературы второй половины XX века творчество Жана Жене (Jean Genet, 1910–1986) по праву считается одним из самых значимых и одновременно одним из самых противоречивых. Писатель, поэт, драматург, актер, общественный деятель и в то же время брошенный на произвол судьбы ребенок (отец неизвестен, мать отказалась от него, когда ему было всего семь месяцев), получивший религиозное воспитание и вместе с тем рано осознавший собственную гомосексуальность, талантливый самоучка, чьими художественными экспериментами восхищались Жан Кокто и Жан-Поль Сартр, вор и изгой – это лишь некоторые грани идентичности Жана Жене, сотканной из парадоксов и социальных девиаций. Не случайно главными героями его произведений нередко являются преступники и маргинальные личности. Своеобразным ключом к пониманию творческого наследия писателя становится решение (можно даже сказать, экзистенциальный выбор) отрицать отринувший его мир.

Драматургия Ж. Жене органично вписывается в эстетическую парадигму театра абсурда: антидрама выступает одним из способов деконструкции нормативной идентичности и маргинализации социо-культурного пространства (экзальтации перед злом, мраком, криминалом). В пьесах Ж. Жене находят художественное осмысление беспомощность, одиночество и отчаяние человека, попавшего в ловушку кривых зеркал реальности, где фантазмы и кошмары бесконечно искажаются и множатся. Абсурд человеческого существования выражается посредством лишенных всякого смысла банальных бытовых сцен, в которых реальность и вымысел сложно разграничить.

Особое место в драматургическом наследии Ж. Жене занимает пьеса «Служанки» («Les Bonnes», 1947). Автор вводит на театральные подмостки всего три действующих лица: сестер-служанок Соланж и Клер, а также Мадам. Помимо них в пьесе присутсвуют фантомные мужские фигуры Мсье и молочника.

Используя образы сестер, Ж. Жене пародирует классическую трагедию, основывающуюся на конфликте разума и чувств. Старшая сестра – Соланж – кажется более замкнутой, менее склонной к криминалу; в пьесе она воплощает разум. Младшая сестра Клер, воплощающая страсть, предстает бунтаркой, пытается доминировать. Однако сестры не довольствуются исполнением собственной роли, поочередно изображают Мадам и друг друга. Кризис идентичности приводит к дереализации, отрицающей иммерсивность и приводящей к искусственному моделированию реальности. Используется принцип дистанцирования: эффект отчуждения наблюдается как со стороны персонажей, так и со стороны читателя, которому постоянно внушается идея нереальности происходящего, пародийной игры в трагедию. Интрига пьесы усложняется разделением реальности на аутентичную и фиктивную: с одной

стороны, служанки пишут анонимное письмо, ставшее причиной ареста Мсье, затем лицемерно разделяют горечь утраты Мадам, пытаются утешить, украшают ее спальню цветами, а с другой, – они исполняют свой театрализованный ритуал: в отсутствие Мадам одна из сестер изображает Мадам, другая свою сестру. В собственных представлениях сестры доходят до сцены убийства Мадам. Служанки меняются ролями, поэтому пространство фиктивной реальности постоянно видоизменяется. Кроме того, вводится онирическая реальность: одна из сестер любит по ночам бродить по владениям Мадам – то ли осознанно, то ли лунатично. Контрапунктом реального и иллюзорного подчеркивается абсурдная обыденность персонажей пьесы.

Единственно возможным выходом из осознаваемого сестрами абсурда представляется бунт. Соланж и Клер бунтуют против своей социальной роли, ненавидят Мадам и одновременно ей завидуют. Во время одного из ритуальных представлений они вкладывают в уста Мадам слова ненависти и презрения к своему социальному статусу: «Ненавижу эту ужасную презренную породу. Слуги не принадлежат к роду человеческому. Они… Они – смрад, который просачивается в наши спальни, коридоры, в нас самих, который проникает в дыхание, который разлагает нас». Служанки не принимают собственные идентичности, примеряют идентичности Мадам и друг друга. Тем самым самоидентификация синтезируется с осмыслением роли и функций Другого. Социальная дистанция оттеняется, помимо прочего, стилистически. Изображая Мадам, служанки подражают ее манере говорить, а в своей собственной речи нередко используют арготизмы.

В пьесе одновременно происходит банализация и эстетизация криминала: зло и преступление становятся неотъемлимой чертой как аутентичной, так и фиктивной реальностей. При этом разрушаются любые ориентиры конвенциональной мудрости, деконструируется принятая кодификация существующих социальных норм, эстетизируется не только само преступление, но и его последствия. Так, страдание после ареста Мсье преображает Мадам: ее горе и безутешность представляются еще более прекрасными благодаря украшающей их роскоши драгоценностей, нарядов и люстр.

Старшая сестра Соланж убеждена в том, что убогость ее страданий возможно искупить лишь красотой преступления. И таким преступлением становится убийство. Сестры тщетно пытаются убить Мадам, а когда это им снова не удается, Клер во время очередного ритуала выпивает предназначенный для Мадам отравленный липовый отвар. При этом обе сестры понимают, что старшая будет осуждена за убийство младшей: «Мы у последней черты, Соланж. Мы пойдем до конца. Теперь тебе одной придется жить за нас двоих. Тебе придется быть сильной. Там, на каторге, никто не узнает, что я тайно сопровождаю тебя. И особенно когда тебя уже приговорят, не забывай, что ты несешь меня в себе. Как драгоценность. Мы будем прекрасны, свободны и веселы». Убивая себя, Клер совершает символическое убийство Мадам. В то же время ее действие позволяет сестрам преодолеть кризис идентичности: отныне они в глазах общественного мнения уже не ничтожные служанки, но величественные жертва и преступница.

В пьесе Ж. Жене «Служанки» особое внимание уделяется деталям, благодаря чему предметы каждодневной жизни приобретают символическое звучание. Так, будильник, который должен оповестить сестер о времени прихода Мадам, знаменует переход от фиктивной ритуальной реальности к аутентичной. А чашка из самого дорогого сервиза, в которой подан отравленный липовый отвар, придает смерти торжественность.

Таким образом, драматургии Ж. Жене присущи дестабилизация нормативности, ритуализация действия, криминализация повседневности и чествование зла, а также пародийный, изобилующий арготизмами язык. Тем самым отражается авторская девиантная идентичность, происходит рефлексия над статусом Другого, стирается грань между аутентичной и фиктивной реальностями.

Н. В. Копытко

ТРАДИЦИИ КЛАССИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНАХ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ

Художественная литература начала XXI века характеризуется процессами интенсивной трансформации традиционных направлений, стилей и жанровых форм. Данный феномен обусловлен природой современного литературного процесса, в основе которого лежат принципы художественной многовекторности, культурного плюрализма и полижанровости. Эти принципы находят своеобразное преломление в переосмыслении принципов классического реализма.

По мнению большинства литературоведов, суть реализма начала XXI века определяется его превращением из направления в модель художественного творчества. Среди принципов реалистического письма, получивших наибольшее развитие, исследователи называют его психологизм, историзм, философичность и документальность. Значимо, что данные принципы сформировались частично в классическом реализме XIX века, но в большей мере уже на рубеже XIX–XX вв. К настоящему времени они приобретают новые оттенки и формы выражения.

Наряду с этим традиционные модели реалистического письма включают представление о способности литературы отражать окружающую действительность как принципиально познаваемую и поддающуюся логическому осмыслению, воссоздание «жизненных обстоятельств», которое предполагает точную локализацию во времени и детальное описание предметного мира, позицию повествователя, выступающего в роли носителя объективной точки зрения, отсутствие текстовой саморефлексии, указывающей на иллюзорный характер описываемого и, наконец, правдоподобие представленного читателю «куска жизни». В книгах современных представителей критического реализма изображаются глубокие сдвиги, происходящие в мире, отчетливо выступает обострение социальных противоречий, крушение иллюзий демократии и равноправия, идеологический кризис современного общества и его

культуры. При этом их отличает гуманизм, глубокая вера в человека и достоверность, что позволяет говорить о том, что в последние десятилетия критический реализм переживает новый этап своего развития.

Опираясь на традиции прошлого, среди которых аналитизм и интерес к социальным проблемам, реализм XXI века отличается от реализма предыдущих столетий. В реализме 2010–2020-х гг. зачастую утверждается пафос отрицания, критики и самоиронии. Значимо, что он связан с новой социальной действительностью по сравнению с той, что изображалась в реалистических произведениях прежде. Это глобальный экономический кризис и политические потрясения, экологические катастрофы, технократическое сознание и пандемия, иррационализм и требования стран третьего мира, касающиеся условий их полноправного участия в мировой политике и экономике. Вслед за реализмом XX века реализм нового столетия отказывается от изображения действительности в формах самой жизни. На смену классическим формам описания приходят ирония и подтекст (Дж. Апдайк, Э. Гилберт, Э. Битти), эффект «отстранения», гротеск, фантастическое и условное моделирование (К. Воннегут, Дж. Хеллер, Дж. К. Оутс).

Реализм активно использует многие модернистские приемы, например, «поток сознания» (Т. Моррисон), деформацию, абсурд (К. Кизи) и другие формы художественной репрезентации. Внимание к сущностным проблемам бытия и приоритет общечеловеческих ценностей в реализме XXI века продолжают линию, наиболее полно раскрытую в творчестве Т. Драйзера и У. Фолкнера, Дж. Стейнбека и Н. Мейлера. Философия входит в литературу как прием и глубоко проникает в художественную ткань произведения. Интенсивно развивается жанр притчи (Дж. Стейнбек, Р. Бах, Р. Брэдбери, Дж. К. Оутс). Меняется герой, человек предстает более усложненным и непредсказуемым в своих поступках (Дж. К. Оутс, Э. Тайлер, Дж. Апдайк). Литература стремится проникнуть в сферу иррационального и подсознания (Дж. К. Оутс, М. Робинсон, С. Момадей).

В результате взаимопроникновения романа семейного и авантюрного, научно-фантастического и политического, детективного и философского изменяется и жанровая специфика романа. Поворот от типического к индивидуальному повлиял, например, на жанр эпопеи и определил ее пристальный интерес к субъекту. Так, в литературе второй половины XX века, когда речь идет о произведениях, где центром пересечения сюжетных линий становится индивидуальное сознание, широко используется термин *субъективная эпопея*, который впервые использовал А. Луначарский, анализируя особенности романного цикла М. Пруста «В поисках утраченного времени» (1913–1927).

Среди современных американских писательниц, в творчестве которых имеет место активное переосмысление реалистической парадигмы, следует назвать Дж. К. Оутс, Э. Битти, М. Робинсон, Г. Элизабет, Дж. Смайли, Э. Тайлер, Б. Кингсолвер, Л. Грофф. Каждый автор, полагаясь на принципы реалистического письма, создает литературные произведения, значительные по силе своего художественного воздействия на читателя, вносит вклад в решение насущных проблем современности: глобализации, увеличивающегося разрыва между бедными и богатыми странами, нехватки продуктов питания и энергии.

Высокой степенью неоднозначности отличается вектор развития творческой манеры Дж. К. Оутс. Благодаря ее дебютным произведениям, среди которых рассказы из сборника «Уходя на север» (1963), социальная трилогия «Сад радостей земных» (1967), «Дорогостоящая публика» (1968) и «Их жизни» (1969), о ней заговорили как о наследнице традиций социального реализма 1930-х гг., нашедших свое отражение в произведениях Дж. Стейнбека и Т. Вулфа. Во многом это было верное суждение, основанное на внимании писательницы к тончайшим изломам человеческих судеб, которые напрямую зависят как от больших, так и от малых историко-социальных потрясений. По словам самой Дж. К. Оутс, ее персонажи – люди, для которых каждый день – вызов. Они пытаются противостоять социальным и природным катаклизмам и, даже когда терпят поражение в этой нелегкой схватке, восстанавливаются и продолжают жить. Ранние новеллы и романы Дж. К. Оутс отразили ее стремление к скрупулезному воссозданию примет и деталей повседневности, которая, по убеждению писательницы, призвана говорить сама за себя, непосредственно раскрывая свой сокровенный смысл без вмешательства автора.

В желании Дж. К. Оутс максимально объективизировать изображаемую ею действительность критики видят связь ее творчества с литературой «гневных» тридцатых и называют этот период духовной родиной писательницы. Такая точка зрения представляется нам вполне обоснованной, поскольку ранние романы писательницы действительно характеризуются глубоким интересом к социальным проблемам американского общества. Проблемно-тематическую основу романа «Сад радостей земных» (1967) составляют судьбы обездоленных и разорившихся фермеров, вынужденных скитаться по всей стране в поисках заработка и умирающих в нищете, тщетно уповая на возможность вырваться из среды сезонников. В центре романа «Дорогостоящая публика» (1968) – инертность, мелочность и пошлость обитателей зажиточных пригородных районов, духовно прозябающих в условиях материального изобилия, а демонстрации, расовые волнения и нищета жителей трущоб промышленного Детройта придают роману «Их жизни» (1969) характер остросюжетной хроники общественной жизни «бурных» шестидесятых. В данных романах Дж. К. Оутс очерчивается круг тем и проблем, определяются основные тенденции в развитии ее манеры письма, формируется художественный метод писательницы, своеобразие которого состоит в органичном взаимодействии элементов реалистического и романтического способов изображения действительности.

В свою очередь жизнеутверждающий пафос романов Дж. Оутс первых десятилетий XXI века, созданных в реалистическом ключе, среди которых «Водопад» (2004), «Дочь могильщика» (2007), «Человек без тени» (2016), «Опасности путешествия во времени» (2018), «Ночь. Сон. Смерть. Звезды» (2020), свидетельствует о ее стремлении показать не только динамику жизненных перипетий героев, которые оказываются в эпицентре социально-политических и экономических катаклизмов современности, но и их поиски выхода из сложившейся ситуации.

И. К. Кудрявцева

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РОМАНА Р. РЭША «СЕРЕНА»

Творчество современного американского писателя Рона Рэша (р. 1953) свидетельствует о сохраняющейся значимости региональной составляющей литературы США, передающей ее национальное своеобразие и эстетическую дифференциацию. Писатель родился и вырос в штатах Южная и Северная Каролина, вблизи Аппалачских гор, и отправной точкой его художественных поисков стали история, культура, быт и природный ландшафт этого региона. Создавая свои произведения на основе «локального», писатель, тем не менее, стремится выйти на уровень «универсального», и в этом он является продолжателем традиций «южной школы» американской литературы, представленной в XX веке произведениями У. Фолкнера, Р. П. Уоррена, Ю. Уэлти, Ф. О'Коннор и других авторов. В одном из эссе Рэш образно говорит о том, что лучших региональных авторов можно сравнить с фермерами, которые в том или ином месте бурят скважины для воды: если им удается уйти вглубь, пробившись сквозь поверхностный слой «местного колорита», они доходят до универсальных соответствий – того, что Юнг назвал коллективным бессознательным (R. Rash. The Importance of Place).

Создавая свои произведения в рамках реалистической художественной парадигмы, исследуя человеческую личность в контексте культурно-исторических процессов и обстоятельств, в тесной взаимосвязи с социальным, семейным и природным окружением, Рэш использует целый ряд стратегий, позволяющих расширить рамки реалистической эстетики. Среди таких стратегий – переплетение реалистического и мистического пластов повествования, синтез документального и художественного начал, использование визуального нарратива, а также взаимодействие с классическим наследием американской и мировой литератур. Межтекстовые связи, «запрограммированные» автором на идейно-эстетическом, сюжетно-композиционном, языковом, жанрово-стилевом уровнях произведений, выводят их за пределы узко регионального контекста, являются важным фактором смыслопорождения. В частности, поэтика интертекстуальности обнаруживается в самом известном романе Рона Рэша «Серена» («Serena», 2008), который стал бестселлером и финалистом Пен-Фолкнеровской литературной премии, был экранизирован.

В основу романа легли события конца 1920-х – начала 1930-х годов, когда в южной части Аппалачей, на границе штатов Теннесси и Северная Каролина, начиналось строительство национального парка Грейт-Смоки-Маунтинс. В романе фигурируют как вымышленные герои (бостонский лесопромышленник Джордж Пембертон и его жена Серена, противостоящие строительству парка на принадлежащей им земле, деревенская девушка Рэйчел Хармон, прислуживавшая Пембертону и родившая от него ребенка, местные лесорубы, шериф и др.), так и реальные исторические лица, способствовавшие созданию заповедника, такие как писатель-натуралист Хорас Кефарт и редактор

газеты Чарльз Уэбб. Топонимы *Clingmans Dome, Deep Creek, Balsam Mountain* напрямую отсылают читателя к данной местности и ее истории, таким образом, установка на локальное выявляется в сюжетном и образном строе произведения, его пространственно-временной организации. Вместе с тем интертекстуальные переклички позволили писателю расширить художественное пространство романа и подчеркнуть архетипическую основу образов.

Самая значимая интертекстуальная связь романа – с трагедией Уильяма Шекспира «Макбет». Как отмечал писатель в интервью, Шекспир – один из авторов, в наибольшей степени повлиявших на его личностное формирование и творческое становление. Комментируя замысел романа, Рэш признавался, что в характере Серены есть многое от шекспировской леди Макбет: обе героини обладают безграничной жаждой власти и приходят к ней через разрушение и смерть. Так, все действия и поступки Серены направлены на достижение собственных целей и свидетельствуют о ее расчетливости и беспощадности: сначала она подталкивает мужа к убийству компаньона, затем спасает одного из работников, Гэллоуэя, который убивает по ее поручению всех тех, кто встает у нее на пути. В результате жертвами интриг Серены становятся деловые партнеры Пембертона Бьюкенен и Харрис, доктор Чейни, управляющий Эзра Кэмпбелл, вдова Дженкинс, которая подружилась с Рэйчел, и, наконец, шериф МакДауэлл. Далее Серена намеревается избавиться от Рэйчел и ее ребенка после того, как узнает, что сама не сможет иметь детей, а в конце романа она поручает Гэллоуэю убить и собственного мужа, когда он начинает беспокоиться о судьбе Рэйчел и своего сына. И в пьесе Шекспира, и в романе Рэша количество смертей стремительно растет, за одним убийством следуют другие, таким образом, интертекстуальные параллели можно обнаружить и на уровне сюжетного развертывания произведений. Кроме того, Пембертоны оставляют после себя оголенный, изуродованный пейзаж – *acres of stumps that, from a distance, resembled grave markers in a recently vacated battlefield* (R. Rash. Serena). В бригадах лесорубов часто происходят несчастные случаи из-за падения деревьев, неосторожного использования инструментов или неполадок в оборудовании, рабочие увечатся, тонут, однако из-за экономического кризиса и безработицы место умерших тут же занимают живые.

Леди Макбет и Серена оказывают на своих мужей психологическое воздействие и манипулируют ими. Комментарии и вопросы Серены, адресованные Пембертону, звучат как руководство к действию: *Get your knife and settle it now, Pemberton*; *We'll rid ourselves of Buchanan*; *What shall we do about our former sheriff?* Пембертон и сам властен и жесток, но когда он думает, что достиг цели, Серена намечает для него следующую: *"He's dead," Pemberton replied. "That's all that matters. It's over and done with and we've got all we wanted." "At least for today," Serena said. "A start, a true beginning"* (R. Rash. Serena). Подобным образом леди Макбет убеждает мужа решиться на большее: «Тогда ты мог, и ты был человеком. / Чем раньше вступишь ты на этот путь, / Тем больше будешь им» (У. Шекспир. Макбет; пер. Б. Пастернака).

Наконец, и леди Макбет, и Серена бросают вызов гендерным стереотипам. Широко известен призыв леди Макбет к духам освободить ее от ограничений, связанных с представлениями о фемининности: «В меня вселитесь, бесы, духи тьмы! / Пусть женщина умрет во мне. Пусть буду / Я лютою жестокостью полна». Одежда Серены (брюки и сапоги вместо платьев и шляпок), ее деловая хватка, самоуверенность и хорошее знание лесозаготовительного бизнеса являются чертами, которые традиционно ассоциируются с маскулинностью, что отчасти признает и сам Пембертон, когда говорит работникам лагеря: *She's the equal of any man here, and you'll soon find the truth of it. Her orders are to be followed the same as you'd follow mine* (R. Rash. Serena).

Однако между этими героинями есть и существенные различия. В отличие от Серены, леди Макбет до конца остается преданной своему мужу и в финале определенным образом страдает от содеянного. В то же время Серена самодостаточна и не испытывает уколов совести. Она задумана как абсолютное воплощение зла, крайней степени индивидуализма и стремления к богатству и власти, и критики указывают на многосоставный характер этого образа, в котором можно обнаружить черты разных мифологических и исторических фигур – Медеи (Серена в романе даже цитирует строчку из трагедии Еврипида «Медея» в переводе на английский язык – *Myself will grip the sword yea, though I die*), Фульвии и др. Такая «гибридная» версия Серены присутствует и в художественной ткани романа, когда автор изображает ее идущей рядом с лошадью, с орлом на руке: *From a certain angle, the eagle itself appeared mounted on the saddle. At a distance, horse, eagle and human appeared to blend into one being, as though transmogrified into some winged six-legged creature from the old myths* (R. Rash. Serena). Кроме того, если ход мыслей леди Макбет достаточно полно обрисован Шекспиром, то внутренняя жизнь Серены остается «за кадром», несмотря на то, что в романе происходит смена точек зрения нескольких «фокальных» персонажей, в частности, Рэйчел и Пембертона. Таким образом, в романе Рэша осуществляется реконфигурация образа леди Макбет в направлении его «депсихологизации», мистификации и усиления его знаково-символической функции.

Заимствование рисунка образа и принципа видения мира из шекспировского текста позволило Р. Рэшу в романе «Серена» создать условия для семантических и ассоциативных приращений, которые формируются при актуализации интертекстуальных связей. Помещая фигуру, подобную леди Макбет, в южный региональный контекст, Рон Рэш заостряет внимание на тех деструктивных процессах и явлениях, которые были и в определенном отношении остаются характерными для Аппалачского региона: затяжной экономический кризис, вырубка лесов, загрязнение горных рек, уничтожение природной экосистемы. Рэшу удалось передать природное и культурное своеобразие этой части США, подчеркнув в то же время, что человеческие страсти, пороки и слабости не имеют национальной или региональной «прописки».

М. А. Курыпка

АЛЬТЭРНАТЫЎНАЯ ГІСТОРЫЯ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ Ў АНГЛІЙСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Антыўтопія як спецыфічны літаратурны жанр дасягае росквіту ў сярэдзіне XX стагоддзя, у перыяд буйных сацыяльна-палітычных і культурных катаклізмаў, дзвюх сусветных войнаў і рэвалюцый, інтэнсіўнага развіцця навукі і стварэння таталітарных рэжымаў. У сваю чаргу раман альтэрнатыўнай гісторыі можна вызначыць як разнавіднасць жанру антыўтопіі, у якім асноўнай абавязковай умовай сюжэта з'яўляецца ўвядзенне альтэрнатыўнага гістарычнага вектара – замест добра вядомых гістарычных падзей, якія мелі месца ў рэальнасці, аўтар ўводзіць новы паварот, што змяняе ход гістарычнага развіцця.

Тэма Другой сусветнай вайны ў англійскай літаратуры таксама адзначылася ў другой палове XX стагоддзя з'яўленнем характэрных узораў жанру альтэрнатыўнай гісторыі – узнікненнем элементаў фантастыкі, імкненнем да творчага пошуку і рэпрэзентацыі альтэрнатыўных гістарычных працэсаў ці сферы будучыні. Нягледзячы на сур'ёзнасць тэматыкі, постмадэрнізм, узаемаадносіны якога з папярэдняй культурай і традыцыяй непрадказальныя і супярэчлівыя, дазволіў пашырыць жанравыя перакрыжаванні ваеннай прозы з філасофскім светаадчуваннем і светаўспрыманнем, завострана ўзняў праблему нацыянальных своеасаблівасцяў, навізны ці наватарства формы.

Пад уплывам постмадернізму базавай ідэяй для пісьменнікаў становіцца неспасціжнасць ісціны, што робіць немагчымым напісанне дакладнай біяграфіі, а толькі дае магчымасць паказаць уласную інтэрпрэтацыю падзей. З улікам «оруэлаўскай» традыцыі прагназавання змрочнага і гратэскнага свету ў ваеннай прозе праявілася тэндэнцыя пераасэнсавання традыцыйных ўстановак і рэпрэзентацыі іншай ў мастацкіх адносінах гісторыі. Зразумела, раманы Дж. Оруэла «1984» (1949) і У. Голдынга «Уладар мух» («Lord of the Flies», 1954) не мелі прамога дачынення да прозы, прысвечанай вайне, тым не менш тэма таталітарнага грамадства ўскосна перасякалася з тэмай існавання нацызму. Яшчэ адным фактарам, які паўплываў на развіццё альтэрнатыўнай гістарычнай прозы, стала тое, што Вялікабрытанія не зведала акупацыі і нацысцкіх зверстваў, а значыцца, боль народнай памяці не мог перашкодзіць успамінам пра вайну.

Альтернатыўная ваенная гісторыя Брытаніі прадстаўлена ў рамане Л. Дэйтана «Брытанскія СС» («SS–GB», 1978), у якім брытанскі Скотланд-Ярд вымушаны працаваць пад камандаваннем нацыстаў, акупіраваўшых краіну. У разрэзе класічнай стэрэатыпнай палярызацыі «злога» немца і «прыстойнага» брытанца або выразнага злачынцы і пераможцы Л. Дэйтан ўвасабляе брытанскую паліцыю звычайнымі людзьмі, якія проста з'яўляюцца такой жа ахвярай вайны і прапаганды, як і шматлікія нямецкія салдаты і афіцэры. Пры ўсёй супярэчлівасці характараў твораў канца 1990-х гадоў важна адзначыць галоўную рысу фарміравання мастацкага вобраза, якой

з’яўляецца ў першую чаргу праблема чалавечага сумлення. Гэта не толькі барацьба чалавека з ворагам ці з самім сабою ў выключных абставінах, а сутыкненне чалавека і «антычалавечага». Калі раней асноўным канфліктам у літаратуры традыцыйна з’яўлялася супрацьстаянне брытанскай арміі, якая абараняе сваю радзіму ад фашызму, што выступаў галоўнай разбуральнай сілай, то зараз гэтай сілай стала не толькі канкрэтная дзяржава ці ідэалогія, але і сам чалавек, як ён ёсць.

Пазней жанр антыўтопіі пашырыўся папулярным раманам Р. Харыса «Фатэрланд» («Fatherland», 1993), падзеі якога адбываюцца ў новым свеце, дзе ўладарыць пераможны Трэці Рэйх. Раман поўніцца рэальнымі гістарычнымі фігурамі, што стварае праўдападобнасць мастацкага твора: кіраўнік крымінальный паліцыі Рэйху Артур Нэбе, сакратар Міністэрства навукі Вільгельм Штукарт, дыпламат Марцін Лютар і інш. Пісьменнік арганічна інтэгруе ў раман напрамую ці ўскосна рэальныя гістарычныя факты: узгадваюцца пэўныя аперацыі крымінальнай паліцыі, гучаць прамовы Адольфа Гітлера ці Генрыха Гімлера, адбываецца спасылка на Ванзэйскую канферэнцыю па «габрэйскім пытанні», а апісанне пасляваеннага Берліна напрамую суадносіцца з будаўнічымі планамі галоўнага архітэктара Рэйху Альберта Шпеера. У канцы рамана з’яўляецца адыёзная фігура кіраўніка люблінскай паліцыі Адзілы Глабоцніка.

Падобнае перапляценне рэальнасці і аўтарскай выдумкі стварае ўяўленне гісторыі, максімальна набліжанай да рэальнай. Раман дазваляе прасачыць станаўленне характару героя, следчага паліцыі Ксаўе Марша, які паступова эвалюцыянуе ад недасведчанасці да раскрыцця звярынай сутнасці нацызму, калі Марш выўляе пэўную колькасць дакументаў і фактаў, якія праліваюць святло на Халакост і нацысцкія зверствы на ўсходзе Еўропы. Такім чынам пісьменнік падкрэслівае, што гісторыя развіваецца ў адпаведнасці са сваімі ўнутранымі законамі, і дапушчэнне ў мінулым не можа змяніць агульначалавечай пазіцыі ў дачыненні да абсалютнага злачынства, якому гісторыя будзе заўсёды супрацьстаяць.

Варта звярнуцца да яшчэ аднаго твора, які адлюстроўвае альтэрнатыўную гісторыю, – рамана О. Шырса «Супраціўленне» («Resistance», 2007), дзе апавядаецца пра тое, як немцы ўварваліся ў Англію ў канцы 1944 года пасля няўдалай высадкі саюзнікаў у Нармандыі. Фантазія аўтара разгортвае негатыўны сцэнарый падзей, спасылаючыся на фарміраванне брытанскіх СС і калабарантаў, што робіць альтэрнатыўную рэчаіснасць на дзіва рэальнай, адчувальнай і страшнай. Салдаты Вермахта захопліваюць вёску ва Уэльсе, мужчыны якой уступілі ў падпольную арганізацыю Брытаніі. Пісьменнік звяртае ўвагу не столькі на рух супраціўлення, колькі на нечаканую распаўсюджанасць супрацоўніцтва з акупантамі з боку брытанскага насельніцтва. Менавіта таму неадназначнай канцоўкай рамана служыць сцэна, дзе шэраговы Джонатан Стывенс з толькі што ўтворанай дывізіі СС «Альбіён» разгублена глядзіць на рэшткі маленькай вёскі пасля карніцкага рэйду свайго падраздзялення.

У рамане «Дамініён» К. Дж. Сэнсама падзеі разгортваюцца ў лістападзе і снежні 1952 года. Вялікабрытанія – бедная і разбураная дзяржава-сатэліт Вялікай Германіі. Замест супрацьстаяння ў 1940 годзе, трыўмфу ў 1945 і аднаўлення пасляваеннай дзяржавы «Дамініён» паказвае нам, як магла б выглядаць і адчуваць сябе па-сапраўднаму зломленая Брытанія. Прэм'ер-міністр Бівербрук, міністр унутраных спраў Мозлі, міністр па справах Індыі Паўэл і іншыя прадстаўнікі калабарацыйнага рэжыму, каб захаваць гандлёвыя льготы для сваёй збяднелай калоніі, абяцаюць сабраць габрэяў, якія носяць брытанскую жоўтую зорку, а потым адправіць іх у лагеры. У сваю чаргу Чэрчыль і антынацысцкая апазіцыя сышлі ў падполле, каб падрыхтаваць ўзброены мяцеж. Варта адзначыць, што альтэрнатыўнае мінулае Сэнсама становіцца сродкам адлюстравання з'яў сучаснай рэчаіснасці. Аўтар рамана дае зразумець, што фашысцкі нацыяналізм, які выклікае ў яго агіду, можа аднойчы расквітнець і ў Брытаніі. У якасці прыклада пісьменнік узгадвае сучасную Шатландскую нацыянальную партыю, якую Дж. Сэнсам адлюстраваў у рамане паўфашысцкай калабарацыянісцкай арганізацыяй.

Нягледзячы на фантастычную канву, падзеі альтэрнатыўнай рэальнасці даюцца як праз праз факталогію і аналіз сапраўднай гісторыі, так і праз прызму ўспрымання жывых людзей, часта рэальных вобразаў. Альтэрнатыўная мастацкая трактоўка гісторыі не служыць апазіцыяй да рэалістычнага ці гістарычнага рамана, а, наадварот, дапаўняе рэчаіснасць. Пісьменнікі разглядаюць фашызм як адвечную небяспеку, вылучаюць тэзіс аб магчымасці новай сусветнай вайны, выкліканай адраджэннем аўтарытарызму на фоне супярэчнасцяў цывілізаванага грамадства.

Э. В. Ломако

ОБРАЗ ФРАНЦИИ В ЭССЕИСТИКЕ ДЖ. ФАУЛЗА

Франция и ее культура оказали большое влияние на творчество и мировоззрение Джона Фаулза (John Fowles, 1926–2005). Во многих его произведениях появляются образы Франции или детали, связанные с этой страной: в «Дэниэле Мартине» («Daniel Martin», 1977) служанка одной из главных героинь – француженка, во время путешествия по Нилу Дэниэл и его будущая жена Джейн знакомятся с французами; в романе «Червь» («A Maggot», 1985) секта квакеров изначально появляется во Франции; в «Волхве» («The Magus», 1966) предками героя-рассказчика Николаса Эрфе были выходцы из Франции; в «Коллекционере» («The Collector», 1963) Миранда вспоминает путешествие во Францию; в «Башне из черного дерева» («The Ebony Tower», 1974) действие происходит во Франции; в «Мантиссе» («Mantissa», 1982) можно встретить многочисленные отсылки к произведениям знаменитых французских писателей. Дж. Фаулз утверждает, что у него *три родины*: его *родная Англия* (*не Британия*!), *Франция и Греция*. Он уверен, что Франция

его сформировала. Если бы он не изучил французский язык, не был знаком с культурой этой страны, не знал ее природы и ландшафтов, он был бы лишь наполовину собой, жил бы *полусчастьем, полуопытом, полуправдой.* Дж. Фаулз получил степень бакалавра гуманитарных наук по специальности «французская литература» во время учебы в Оксфорде. Он признался, что знал *французскую литературу несколько лучше, чем английскую.* После завершения обучения Дж. Фаулз некоторое время жил и работал во Франции, в Пуатье. Но Франция оставалась для него по-прежнему притягательной: он почти каждый год посещал ее после возвращения в Англию.

Особое влияние французской литературы и культуры на Дж. Фаулза не исчерпывается только художественным творчеством, но касается и его публицистики. Образ Франции становится одним из значимых и в сборнике эссе «Кротовые норы» (*Wormholes*, 1998). Можно выделить несколько составляющих, на основе которых формируется целостный образ Франции в этой книге.

Во-первых, это «литературная» Франция, любовь к которой зародилась у писателя еще в университетские годы. Дж. Фаулз говорит о том, что *знание французской литературы заставляет* [его] *быть нетерпимым к островной ограниченности столь многих английских писателей.* Дж. Фаулз разделяет английских писателей на «развлекателей» и «проповедников» и не приемлет ни тех, ни других. «Островная ограниченность» многих английских писателей порождает одно из основных различий между английской и французской литературой: произведения английских писателей ориентированы только на своих соотечественников, читательская аудитория французских авторов, уже начиная с XVII века, является наднациональной. Дж. Фаулз как будто бы вычеркивает себя из числа английских писателей, противопоставляя им себя в «пространственном» плане: *Так что я живу далеко от других английских писателей, в стороне от литературного Лондона*. Это можно объяснить как попытку выйти за границы национальной литературы: *Я не хочу быть английским писателем, я хочу быть писателем европейским, то есть я сказал бы – мега-европейским. <…> Какой толк писать для того, чтобы тебя читали только в Англии*? *Я даже и англичанином-то быть не хочу. Мой родной язык – английский, но я – мега-европеец*. Комментарии здесь излишни.

Другой областью расхождения английской и французской литературы, по мнению Дж. Фаулза, является риторика. Если английская литература стремится к буквальности и простоте, то французская литература проникнута метафоричностью, стремлением отобразить жизнь, преломляя ее через призму форм и концепций. В связи с этим Дж. Фаулз вводит понятие *привидение*, которое характеризует восприятие им французских текстов: *Я могу прочесть французский текст и чувствовать, что понял его совершенно и полностью, во всех семантических и грамматических смыслах*; *но поскольку я не рожден французом или хотя бы двуязычным, некое окончательное понимание, то есть понимание конечное, навсегда для меня закрыто. <...> Про себя я об этом думаю как о «привидении», которое присутствует во всех моих контактах с Францией*; *но ведь в каждом*

старом доме есть привидение, и то, чего мы никогда так до конца и не познаем, с точки зрения моей жизненной философии составляет весьма существенную часть того, что нас привлекает и доставляет наслаждение. Степень непонимания в процессе чтения ни в коем случае не умаляет эстетического и интеллектуального достоинства произведений французских авторов. Влияние французской литературы на творчество Дж. Фаулза заметно и на уровне упоминаний и реминисценций. В «Кротовых норах» он часто ссылается на таких авторов, как А. Камю, Ж-П. Сартр, А. Мальро, А. Рембо. Он как будто включает себя в их культурное пространство, акцентируя внимание на том, что является их «наследником». Нельзя не признать, что некоторые произведения Дж. Фаулза написаны под влиянием творчества того или иного французского писателя: «Волхв» – «Большой Мольн» Алена-Фурнье, «Любовница французского лейтенанта» – «Урика» Клэр де Дюра, «Дэниэл Мартин» – «Воспитание чувств» Г. Флобера, «Элидюк» – перевод «Ле» Марии Французской.

Еще одной составляющей образа Франции в сборнике «Кротовые норы» становится концепт «свобода». Свобода воспринимается англичанами и французами по-разному: для англичан понятие свободы связано с негативной характеристикой. В отличие от своих северных соседей, французы воспринимают свободу как свое основное право. Не случайно самый знаменитый символ свободы – Статуя Свободы – была спроектирована французом и изготовлена в Париже. Для французов этот символ означает и свободу духа, мысли, действия, право на жизнь, свободу частной жизни. Для Дж. Фаулза «французская» свобода связана с внутренней раскрепощенностью, она более индивидуализированная, эгоистичная, но главным ее достоинством является способность приносить счастье. В представлении Дж. Фаулза Франция – страна для личности, Англия – для порядочных граждан. «Английская» свобода связана не с внутренним миром, а с поступками, она более официальная, общественная. Писателю ближе французское понятие свободы, так как оно предполагает внутреннюю свободу, которая так необходима писателю.

Не менее значимой составляющей образа Франции в книге «Кротовые норы» является природа. В определенные этапы своей жизни Дж. Фаулз увлекался энтомологией, орнитологией и ботаникой. Как замечает С. А. Гарушьян, отношение к природе – это та шкала, по которой Дж. Фаулз оценивает степень развитости той или иной национальной культуры, национального самосознания, оно становится одной из значимых составляющих категории национальной идентичности. Дж. Фаулз называет Францию *France sauvage* («дикая Франция»). В «Кротовых норах» он противопоставляет городскую и сельскую Францию: *В моей Франции нет городов (и главное там нет Парижа), нет музеев, библиотек, нет знаменитых замков и нет автострад <…>. Моя Франция вся состоит из бесконечных и малоизвестных сельских просторов с их крохотными городками и затерянными в глуши деревнями, чем отдаленнее такая деревня, тем лучше.* Данное восприятие соотносится

с идеей о «священной долине», о которой Дж. Фаулз говорит в романе «Дэниэл Мартин» как о месте, где можно спрятаться от суетного мира, где можно быть самим собой. В «Кротовых норах» писатель метафорически выражает свое восхищение природной красотой Франции: *Я назвал это прелестное существо las sauvage, «дикарка». <...> С тех пор я только и делал, что искал мою «дикарку» повсюду, в каждой стране, где мне доводилось жить или путешествовать, и судил о многих людях и событиях в свете ее красоты*. Франция в представлении писателя подобна прекрасной женщине, таинственной и до конца непостижимой, которая наполняет жизнь страстью и смыслом.

Следующей особенностью образа Франции в «Кротовых норах» является гендерная составляющая. Франция предстает перед читателем в женской ипостаси. Не случайно Дж. Фаулз пишет название страны на французском языке – *France*, которое является существительным женского рода. В отличие от Англии, являющейся воплощением материнского начала, Франция предстает в качестве любовницы: *Франция была для меня чем-то вроде любовницы*. Такая гендерная ипостась связана со свободой, так как любые отношения с любовницей предполагают определенную свободу не только от норм морали, но и страсть, которая возможна только при наличии внутренней свободы.

Так, в «Кротовых норах» образ Франции представлен через отношение Дж. Фаулза к литературе, природе и свободе. Франция – живой источник, дающий ему жизненные и творческие силы.

Е. И. Марутич

THE REPRESENTATION OF FEMALE PROTAGONIST DIVERSITY AS DEPICTED IN THE SHORT STORIES BY MAEVE BINCHY

The magic of the short story genre cannot be underestimated. Novelists have a vast canvas for verbal adornment under their command while short story writers have but a few pages to not only provide a plot outline and etch their individual style but also to drive the central idea home. At that point a protagonist portrayal comes to the fore since the main characters oftentimes serve as an embodiment of the message that authors elaborately wove into a piece of narration.

In terms of a protagonist portrayal one may distinguish between how male and female writers put their own slant on it. There is a quote once stated by a famous male writer that now has become a catchphrase indicating that no one can fathom the depth of a woman's heart as well as a man. Undoubtedly, world literature knows multiple examples of female protagonist representations that now are treated as an instant classic. However, the latter may naturally stem from the fact that the portrayal of women in literature is a field that has largely been controlled by the male voice. With the course of time and fortunately both

for female authors and readers this has changed throughout the centuries. Since then a good deal of female writers have been enjoying their share of the limelight still there is one voice that deserves more attention as she was the one who accumulated the voices of all Irish women and succeeded in putting them through in ‘a man’s world’.

It is therefore only natural to dwell upon Maeve Binchy and her creative versatility in portraying ‘the new look’ of a female protagonist – strong-spirited and humble, courageous and considerate, desperate and sensible and eternally feminine. In a nutshell, a different, comprehensive image of a woman that is depicted without going to extremes – either acquiescent or stoically brave (two highly typed variants of a female character). A woman by Maeve Binchy is universal, the kind that one comes across every day in the street, in a local grocery shop, in the office, etc.; universal meaning versatile. In her creative endeavours Maeve succeeded in capturing the interesting, vivid complexity of womanhood which is unfailingly realistic. By doing so, M. Binchy served as a spokesperson and advocate for a woman in the world (literary as well) dominated by men. More so Maeve Binchy was in many ways a trailblazer depicting her vision of an Irish female character and paving the way for generations of her female successors to come.

Since Maeve Binchy was most successful in capturing a realistic type of a contemporary female, it may be of a certain interest to analyze such a character in its different roles, diverse facets and manifestations. Thus, in the short story ‘Getting It Right’ Irene, a female protagonist, is perceived as empathic at first sight. In that regard, she may be mistakenly type cast as ‘dear’ and ‘little’ servile female (the type common for Charles Dickens’ narration). In fact, Irene makes it her point to put other people’s interests above her own; in the episode when her boyfriend casually throws in ‘Will we get married?’ he asked, as if it was obvious. Her eyes filled with tears. He was so straightforward and honest. If you loved someone that was it – you got married.’ she expects no romance on bended knee, if such a matter-of-fact proposal is good for Jim, it is enough for her. Moreover, Irene is a self-conscious person demonstrating signs of low self-esteem which is aptly reflected in the following line: ‘Irene had loved Jim for seventeen months before he said he loved her’. To make things still worse now the protagonist is to meet her fiance’s parents of whom she knows but a few facts. So far a reader witnesses a seemingly meek, shy, unprepossessing female character who in her inner monologue adds a few touches herself to her own somewhat bleak portrait: ‘They [Jim’s parents] might think her too lowly for their son. They must disapprove of her greatly.’ ‘Jim had been at boarding school, which made him a higher class than Irene.’ However, the protagonist proceeds from emerging challenges as a starting point and steadily builds up a confidence that readers could not possibly expect from her. By the end of the short story Irene is still that sacrificial and most likeable young female and yet a new Irene who rose like a phoenix from the ashes of her fears of not being quite good enough for others. Not only did life’s adversities fail to break the protagonist down but also they tempered her spirit

to the point that Irene now '…had an unerring sense of knowing when there was more to be said and when there was nothing more to be said.' Thus, Maeve Binchy makes a point that women should not be taking themselves too modestly but rather 'ought to behave, dress and think for themselves' to succeed.

Departing from an image of a young woman in love Maeve Binchy takes her reader to another facet of womanhood that is being a wife. Set in the late 1980s the short story 'The Sensible Celebration' presents a forty-year – old mother of two Lorna. At first glance the protagonist seems to exhibit the already well-known and commonly-expected features of a loving, self-conscious, cautious female: '…in the view of their friends they were still […] a very-well-suited couple.' The budding traces of sensibility established in the afore-mentioned character in love Irene have now developed into Lorna's undeniable common sense and practicality. And yet even though the couple '…had weathered the decade very well', there is a peculiar sensation of something being not quite right between the spouses. Indeed, what seemed to make Lorna a good wife in her mind's eye pushes the family to its evident detriment. Finessing the art of being 'a good wife' Lorna turned common sense and practicality into blatant perfectionism and obsessive comparing their family household with their friends' seemingly less perfect families. 'One could only measure one's life by comparing it with everyone else's. Lorna had been very good at the measurement game.' With the course of time the protagonist lost herself in the pursuit of the ideal and is unaware of the impending family drama. Not only does Lorna neglect her husband's dreams and desires, she also neglects her true not idealistic self. However, she enjoys that blissful state as in her opinion her mastery of keeping-it-all-together reached its peak. Maeve Binchy incorporates a third-person objective point of view passing no judgement on either the shortcomings of Lorna's rise to perfection or the failing institution of marriage itself. The carefully planted symbols express it all: instead of a happy spousal chit-chat there are long silences; a cosy living room is divided by two separate sofas; a fancy mantelpiece never witnessed a fire; two successful children choose to be away all the time; the husband's eyes look sadly at his wife. 'One owed it to oneself to keep oneself looking well' – M. Binchy implies that Lorna (and women altogether) had better busy themselves with feeling well rather than 'looking well' and staying happy rather than leading a sensible life which is only a make-believe.

Two female protagonists in the short story 'The Garden Party' exemplify a simple truth that sometimes one has to go full circle to get to where they belong. At this stage Maeve Binchy presents a reader with an image of a divorced woman. The main characters, Debbie and Helen, are two sides of the same coin. Debbie made it through a heartbreaking divorce while Helen finds herself unable to move on and stumbles upon. On the surface it is Helen's image that may present a certain interest in terms of depiction as she is lost and lonesome in search of a way out. On the contrary, the other female protagonist, Debbie, exudes confidence and peaceful harmony. Still, it is considerate Debbie, not anxious Helen who is central to the short story. By carving out Debbie's plot line Maeve Binchy makes it a point

that there is more commonality to humanity than not. Upon her own divorce the protagonist chooses to remain part of her ex-husbands life, a choice that quite a good deal of present-day women would make. Encompassing all 'good' features established in the previously mentioned female characters (Irene's empathic sacrificial nature, Lorna's sensibility and drive to perfection – Debbie is in need of being better than her rival) Debbie's character develops a new aspect of a woman by Maeve Binchy and that is insightfulness and self-complacency. A decade passed and Debbie faced the sad outcome of her choice – 'a surrogate family' as she calls it. The rewarding spin-off of the situation is that she is aware of, not delusional about her present state of affairs and is ready and willing to share her wisdom with a soul in need who her neighbour Helen is. Maeve Binchy herself once stated: 'I don't have ugly ducklings turning into swans in my stories. I have ugly ducklings turning into confident ducks.' And if that's what it takes to caution a woman against wrong choices in life, then let it be so.

The three short stories under analysis by the Irish short story writer and novelist Maeve Binchy supply a reader with a simple yet complex in its simplicity image of a modern woman. Sympathetic, sacrificial and self-conscious in love; sensible, practical and satisfied in marriage; courageous, compassionate and assuming responsibility for her own life upon facing any life adversity. Maeve humbly yet clearly insists that so far as writing funny, interesting, realistic women goes, it is down to her. And her female characters, in turn, promote the idea that it is only by overcoming obstacles and taking charge of their decisions that one can succeed and make their own life.

Е. И. Марутич, А. А. Камейко, П. А. Можджер

МАСТЕРСТВО И ИЗЛЮБЛЕННЫЕ ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ИНТРИГИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАЛОЙ ФОРМЫ Р. ДАЛЯ

Саспенс, напряженное повествование, интрига – все эти контекстуально синонимичные литературные термины практически неразрывно связаны с одним именем, оно относится, скорее, к миру кинематографа, нежели к мировой литературе. Альфред Хичкок по сей день справедливо считается «королем» саспенса; и, если сердца зрителей по всему мира безраздельно отданы А. Хичкоку, то читательские сердца любителей напряженного повествования всецело принадлежат выдающемуся британскому автору романов, новелл и рассказов – Роальду Далю.

В чем секрет писательского успеха Р. Даля? Что заставляет сердца читателей его произведений биться с удвоенной силой, а умы критиков – восторгаться «чистотой» и «остротой» повествования? Ответ, в сущности, лежит на поверхности: в то время, как герои хичкоковских творений – люди, попавшие в ловушку обстоятельств (что уже само по себе «кинематографично» и в определенной степени искусственно), герои Роальда Даля легко, непринужденно и естественно сами живут своей жизнью во всем ее многооб-

разии. Они лгут, недоговаривают, плетут интриги, жульничают, сплетничают и даже убивают. Герои Даля сами себе хозяева, не зависящие от обстоятельств, но искусно их использующие себе во благо, другим на погибель. Не в этом ли правда самой жизни, так умело подхваченная пером мастера и возведенная им в абсолют в своих произведениях малой формы? *The secret of life is to become very good at something that's very hard to do.* – утверждает один из героев рассказа Р. Даля «The Hitchhiker» Рассмотрим мастерство Р. Даля и его излюбленные приемы создания напряженного повествования на примере некоторых рассказов.

В толковом словаре В. И. Даля даются следующие значения слова *саспенс*: 'беспокойное состояние, волнение, тревога'. А. Ю. Ионов, в свою очередь, пишет, что саспенс заключает в себе художественный эффект, который предполагает возникновение продолжительного тревожного состояния некой неопределенности.

Так, в рассказе «Mrs. Bixby and the Colonel's Coat» (1959) первым приемом, который использует Даль, является прием предсказания (foreshadowing), при котором читатель заранее предчувствует: должно произойти что-то плохое. Например, обратим внимание на эпизод, когда любовник Миссис Бигсби неожиданно передал ей дорогой подарок. Из-за того, что он передал подарок через своего помощника, а не лично, читатель сразу предполагает, что это не простой подарок, а прощальный. Использование «предупреждения» (premonition) наблюдается в словах мужа героини: *I never knew that. – There's a lot of things you don't know, my dear*, что свидетельствует о том, что муж героини не так прост, как могло показаться читателю. Внезапный поворот событий (twist) демонстрируется в эпизодах, когда любовник Миссис Бигсби не приходит на встречу с ней, а передает подарок; также, когда муж главной героини начинает настаивать на том, что он сам поедет в ломбард. Неожиданную развязку рассказа (twist in the tale) можно отметить в эпизоде, когда Миссис Бигсби приезжает на работу к мужу и видит, что он забрал не норковую шубку, как она ожидала, а желтую меховую горжетку. И, наконец, используется прием cliff-hanger – сохранение интриги до самого конца, иллюстрируется лишь в последнем предложении, из которого следует, что шуба, которая должна быть у Миссис Бигсби, оказывается у секретарши ее мужа. Секретарши, которая, в свою очередь, является любовницей тихого невзрачного обывателя Бигсби, который вовсе не так глуп и предсказуем, как предполагает его супруга и, собственно, сквозь призму ее мыслей, и сам читатель.

Одним из очевидных приемов, который использует Р. Даль в рассказе «The Hitchhiker» (1977) является «предсказание» (foreshadowing), которое отражается в описании самого попутчика. Исходя из описания, которое дается автором: *His eyes were dark and quick and clever, like rat's eyes, and his ears were slightly pointed at the top. He had a cloth cap on his head and he was wearing a greyish-coloured jacket with enormous pockets. The grey jacket, together with the quick eyes and the pointed ears, made him look more than anything like some sort of a huge human rat*, читатель может сделать вывод, что этот герой является лицемерным, хитрым и ему не следует доверять. С помощью техни-

ки сохранения интриги до самого конца рассказа. Даль дает читателю право находиться в предвкушении развязки рассказа и возможность додумать дальнейший исход событий. Автор помещает героев в обстановку, пробуждающую чувства (мелькающие деревья, скорость движения автомобиля, размытость картинки, дорога, путь, а в пути всякое может случиться), при которой читатель постоянно находится в напряжении и незнании, что будет дальше. Р. Даль использует «предсказания» (premonitions), которые особенно прослеживаются в эпизодах, когда попутчик несколько раз повторяет, что его работа – особая, «a skilled trade», с презрением отзывается обо всех остальных профессиях, что заставляет читателя настороженно относиться к нему и с любопытством думать о том, какая же все-таки у него работа. В рассказе присутствует неожиданный сюжетный поворот (twist) – автор не дает ответов на задаваемые попутчику вопросы, езда наперегонки, штраф от полицейского и т.д. Еще один прием, к которому прибегает Р. Даль в данном рассказе, – время, работающее против положительного героя, которое выражается в том, что водитель вот-вот лишится своей лицензии из-за попутчика. Один из ключевых и сюжетообразующих приемов создания напряженного ожидания в рассказе – это уже упоминаемая выше непредсказуемость положительного/отрицательного исхода развязки (cliff-hanger) и, в сущности, неожиданная развязка (twist in the tale) – ведь только в последних строках рассказа перед читателем открывается истинная и шокирующая профессия попутчика.

Наконец, ставший уже эталонным примером создания тревожной неопределенности, рассказ Р. Даля «Lamb to the Slaughter» (1953). Один из приемов, к которому обращается автор, – погружение героев в обстановку, где задействованы некоторые из пяти чувств (обоняние, осязание, вкус, слух, зрение), к примеру, поздний темный вечер, жена, хлопочущая на кухне, тревожный стук кубиков льда в бокале мужа, когда он собирается сообщить ей какую-то новость. Не менее важным инструментом саспенса в рассказе является предсказание (foreshadowing); так, настоятельный отказ голодного мужа от ужина побуждает внимательного читателя задаться вопросом о его возможных причинах, предвосхищая тем самым неутешительную правду о скором распаде семьи. Вместе с тем эпизод, в котором жена неестественно спокойно восприняла новость о разводе и отправилась готовить ужин, усиливает чувство напряжения и предзнаменует трагический исход. Автор также прибегает к предуведомлению (premonition) читателя о неблагоприятном развитии событий, когда муж Мери прямым текстом говорит ей, придя домой, что у него есть новости. Судя по тону героя, его неразговорчивости и тому, что он медлит с новостью, читатель предчувствует, что информация не сулит ничего хорошего. Неожиданные сюжетные повороты (twists) иллюстрируются в эпизодах, где вместо предполагаемого семейного ужина сообщается новость о разрыве, вместо супружеской беседы происходит убийство, вместо раскаяния тщательно продумывается неопровержимое алиби. Шокирующей развязкой (twist in the tale) может считаться тот факт, что детективы неосознанно избавляются от орудия убийства, тем самым оставляя Мери безнаказанной. На самом деле, исход повествования (cliff-hanger) неизвестен читате-

лю до самого конца рассказа, и только в последнем предложении читатель осознает, что главная героиня Мери избежала наказания за совершенное ею хладнокровное преступление.

Сравнительный анализ выше приведенных произведений малой формы иллюстрирует высокую вариативность в применении приемов создания напряженного повествования и их несомненную эффективность в достижении автором конечной цели. С учетом того, что по законам жанра сохранение интриги исхода повествования и непредсказуемость его поворотов являются сюжетообразующими, ни один из приемов не является «давлеющим» над остальными; благодаря перу мастера Р. Даля они образуют стройное оркестровое звучание, цель которого заинтриговать своего «слушателя», ошеломить и навсегда покорить.

Частотность появления тех или иных техник и приемов в рассказах не задана «извне»; так, выбор «литературного инструментария» не обусловлен хронологически: «Lamb to the Slaughter» (1953), «Mrs. Bixby and the Colonel's Coat» (1959), «The Hitchhiker» (1977) в равной степени обладают все тем же набором приемов создания напряженного повествования: от обстановки, пробуждающей чувства, предзнаменований и предупреждений до интригующей развязки. Как было отмечено ранее, герои рассказов Даля не заложники обстоятельств, в отличие от героев Хичкока, отсюда следует, что не «внешнее» предопределяет повороты сюжета в произведениях Даля, а сами герои, мотивация и последствия их поступков. При этом отмечается относительное доминирование одного из приемов, участвующих в формировании сюжета («Lamb to the Slaughter» – cliff-hanger; «Mrs. Bixby and the Colonel's Coat» – premonition; «The Hitchhiker» – twist in the tale). В чем заключается мастерство Р. Даля? Возможно в том, что его произведения иллюстрируют известное выражение *Хлеба и зрелищ!*, где хлеб – кажущаяся безнаказанность преступных действий героев, а зрелище – мастерски собранное интригующее повествование.

В. Г. Минина

ХРОНОТОП РОМАНА К. АТКИНСОН «ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ»

Роман современной британской писательницы Кейт Аткинсон (р. 1951) «Жизнь после жизни» («Life after life», 2013) можно было бы назвать «Жизни после жизни», т.к. его главная героиня, Урсула Тодд, по воле своего автора-создателя проживает несколько жизней. В каждой новой главе она рождается и умирает, потом снова появляется на свет и опять уходит из жизни. По одной версии она умирает сразу после рождения снежной ночью 1910 года. По другим версиям в детстве она тонет, падает с крыши, заболевает гриппом. Позже она совершает самоубийство, ее до смерти избивает муж, она гибнет во время немецкой бомбардировки Лондона во время Второй мировой войны и заканчивает свою жизнь в руинах Берлина в 1945 году – и это далеко

не полный перечень летописей ее судьбы. Всякий раз, когда умирает Урсула, К. Аткинсон воскрешает ее и направляет на один из многих альтернативных путей, которые могла бы избрать ее судьба.

Таким образом, и хронотоп романа разнообразен. Действие романа начинается в ноябре 1930 года в Мюнхене, когда главная героиня сидит за одним столиком в кафе с Гитлером, а потом достает пистолет, чтобы его застрелить. Это и стало началом размышлений автора о том, как могла бы повернуться судьба героев и целых стран, если бы в какой-то момент все пошло иначе.

Далее события уходят в прошлое, 11 февраля 1910 года, – дата, когда Урсула появляется на свет. Действия происходят в Лисьей Поляне, усадьбе семьи Тоддов, правда, один раз малышка умирает от удушения пуповиной, второй раз выживает.

Следующий отрезок – май-декабрь 1910 года, место действия прежнее. Урсула впервые наблюдала смену времен года: *Зима с рождения была у нее в крови, но потом налетело предвестие весны, на деревьях набухли почки, лето нехотя разлило жару, осень повеяла прелым, грибным духом*.

Свое четвертое лето, июнь 1914 года, Урсула встретила на побережье в Корнуолле, куда семья отправилась на отдых. Там же девочка и умерла, погибнув в пучине волн.

Далее писатель в очередной раз возвращается к 11 февраля 1910 года: Урсула вновь появляется на свет, едва не погибает от удушения пуповиной, но на сей раз выживает. К этой дате автор обращается еще не единожды, добавляя все новые мазки к образам главных героев и их быту.

К. Аткинсон традиционно по нескольку раз возвращается к одним и тем же временным отрезкам, но с разных сторон описывает семейный уклад Тоддов, создавая тем самым полноценную семейную сагу. Такой датой стал июнь 1914 года – на сей раз Урсула не погибает в волнах, но, словно неся генетическую память о прошлой смерти, с ужасом следует за сестрой, увлекающей ее все дальше в море. Из пучины Урсулы вытаскивает незнакомец.

Январь 1915 проходит все там же – в Лисьей Поляне, правда семья уже не в полном составе, ибо отец ушел на фронт. Урсула опять погибает, потянувшись из окна за застрявшей на крыше куклой и свалившись. В следующий раз кукла, равно как и ее хозяйка, были благополучно спасены.

Очередной знаковой датой становится июль 1918 года, день рождения младшего брата Урсулы, Тедди, который семья провела в своем имении. Эта дата перетекает в следующую – 11 ноября того же года, когда Урсула четырежды умирает от инфекции (то одна, то вместе с братом или сестрой), заразившись от служанки, пока не сталкивает ту с лестницы, дабы не пустить ее на празднование перемирия в Лондон, откуда та и привезла летальную болезнь.

Далее действия происходят в феврале 1947 года. Место действий теперь уже иное – квартира в Сохо в Лондоне, где Урсула поселилась еще до войны. В эту дату Урсула тоже умирает – устав от извечного холода дома, скуки и монотонности на работе, неустроенности и бедности послевоенной жизни, она уходит из жизни, отравившись газом. В конце романа, прожив множество

жизней, Урсула по воле автора вновь оказывается в этом времени и месте, но остается жива, и темнота, обычно обволакивающая ее перед смертью (или переходом в другую жизнь), на сей раз отступает.

После этого петляющее повествование переносит читателя в сентябрь 1923 года, примечательный тем, что Урсула встречается в Лондоне со своей тетей Иззи и впервые упоминает, что раньше ездила к психотерапевту, куда ее отправили после инцидента со служанкой, так как в семье ее считали белой вороной. Сама же Урсула не противилась визитам к врачу, ей хотелось разобраться в природе своей памяти: ей казалось, что она помнит все, что когда-то с ней происходило в другой жизни (*У тебя в голове творится что-то странное, все эти картины будущего <…>. Ты прямо ясновидящая*).

11 февраля 1926 года ознаменовалось шестнадцатилетием Урсулы и приездом домой брата, учившегося в Оксфорде, с двумя друзьями. Как уже привык читатель, автор несколько раз возвращается к этой дате: в первый раз один из друзей поцеловал Урсулу против ее воли, в следующий раз он ее изнасиловал, та забеременела и прошла через тайный и неудачный аборт, в следующей жизни она дала ему отпор и ее судьба пошла иным путем. Действия, произошедшие в 1926 году, разворачиваются в Лисьей Поляне, Лондоне (квартире тети Лиззи и в больнице), а также на курсах стенографии, куда поступила Урсула, будучи не в состоянии продолжить обучение в школе (в одной из жизней, в другой – она оканчивает школу).

Затем действие романа переносится в июнь 1932 – Урсула работает в крупной фирме, занимающейся импортом, живет в съемной квартире в Лондоне. На этом этапе жизни героиня приобщилась к спиртному: *Обмакнув палец ноги в воды Леты, Урсула стремительно пошла ко дну и в считаные недели соскользнула от трезвости к пагубной страсти. Это было и позором, и спасением от позора*. В это же время она познакомилась с Дереком Олифантом, за которого через три месяца вышла замуж. Место действия перемещается в Уилдстон на окраине Лондона, так как рядом располагалась школа, в которой работал Дерек. Урсула бросила работу и превратилась в домохозяйку: *Даже монотонность оставшихся позади конторских будней не шла ни в какое сравнение с унылой, нескончаемой работой по дому. Ей все время приходилось что-то мыть, драить, протирать, чистить и подметать, а еще стирать, развешивать, гладить и складывать. Подравнивать. Дерек признавал только прямые углы и четкие линии*. Брак закончился трагедией: муж, оказавшийся настоящим домашним тираном и ничтожеством, избил ее до смерти, когда жена попыталась от него уйти. Возвращаясь к этим событиям в следующий раз, автор оставляет Урсулу в живых.

Очередная дата – это 2 сентября 1939 года, второй день Второй мировой войны, в этот период Урсула работает в Министерстве внутренних дел, живет в съемной квартире в Лондоне, в следующей жизни она съезжается со своим любовником из Адмиралтейства, который на это раз ушел от жены. В другой жизни август 1939 года Урсула встречает в горах в Германии, проводя несколько недель с Евой Браун и бывавшим в Бергхофе наездами Гитлером.

В ноябре 1940 года дом, где живет Урсула, пострадал от бомбежки: несколько раз (три, если быть точным) она погибает под обломками, в следующей жизни выживает.

Далее повествование вновь возвращается в прошлое, август 1933 года, место действия опять переносится в Германию – туда, откуда начался рассказ. Урсула поехала в Мюнхен совершенствовать немецкий язык, живет в семье Бреннеров. Так она становится свидетелем восхождения Гитлера, то находясь среди приветствовавших его девушек из Гитлерюгенда, то на параде военной техники на стадионе, впоследствии в его близком окружении. В это время Урсула встречает своего будущего, на сей раз «немецкого», мужа Юргена Фукса, который при Гитлере сделал неплохую карьеру на юридическом поприще.

Апрель 1945 года застал Урсулу в Берлине, одну с дочерью на руках (муж погиб во время бомбежки в 1944), в голодном и разрушенном городе. От отчаянии и безысходности, голода и невозможности помочь больной дочери Урсула вливает яд сначала в уста обессилевшей дочери, а потом выпивает его сама: *Она покрепче обняла Фриду, и вскоре их обеих укутала своими бархатными крыльями черная летучая мышь, и эта жизнь уже стала ненастоящей и отступила. Никогда еще она не отдавала смерти предпочтения перед жизнью, но теперь, уходя, поняла: что-то хрустнуло и надломилось и ход вещей нарушился. А потом все мысли стерла темнота*.

Далее автор вновь воскрешает Урсулу и бросает ее в пучину разрушенного бомбежками Лондона – в осень 1940 года, а затем весну 1941. В это время днем Урсула работает в Министерстве внутренних дел, а ночью в отряде гражданской обороны, занимающемся расчисткой завалов после авианалетов.

Самая поздняя дата – июнь 1967 года. Это самая долгая жизнь, которая была дарована Урсуле. Она только что вышла на пенсию, всю жизнь прослужив в Министерстве внутренних дел. Заканчивается роман временной петлей – вновь 11 февраля 1910 года. Автор не перестает играть с читателем, который так и не узнает, появилась ли сейчас Урсула на свет. Но эксперименты писательницы все же вторичны по сравнению с тем, как деликатно и тонко она пытается постичь природу человека.

Э. Мобаракабади

СЧАСТЛИВЫЕ И НЕСЧАСТЛИВЫЕ СЕМЬИ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Семья как институт и как репрезентация социальных перемен – это одно из тех понятий, которые в течение долгого времени внимательно наблюдались и изучались художественной литературой. В истории словесности мотивы романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и его знаменитая фраза: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья

несчастлива по-своему» – повторяются снова и снова. Столетие спустя после появления романа Л. Толстого мексиканский писатель Карлос Фуэнтес назвал свою книгу «Todas las familias felices» («Все счастливые семьи», 2006) – произведение, посвященное семье и нравственным вопросам, как и роман «Анна Каренина».

Концепция семьи в романе Толстого не линейная. Это означает, что не все «хорошие» семьи «счастливые». Например, Свияжские не «счастливые» как семья, но их семью можно считать «хорошей». Они бездетны, но хорошо проводят время. Щербацкие постоянно ссорятся из-за будущего Кити. Ее мать хочет устроить свадьбу дочери с Вронским, не понимая, что это плохая партия для нее. Она также не понимает, почему дочь заболела, но ее отец, будучи человеком интуитивным, находит причину. По настоянию отца Кити выходит замуж за Левина. Таким образом, мы видим, что семья Щербацких состоит из «хорошего» отца и слегка тщеславной матери. У Кити и Левина «хорошая» семья, но случаи бытовых конфликтов по пустякам вроде ревности не отражают картину «счастливой» семьи. Единственная семья, которую можно считать счастливой в романе, – это семья Львовых. Одной из причин этого может быть лояльность супругов по отношению друг к другу, которая делает их брак успешным.

Роман представляет собой картину упадка морали и верности, отхода от традиционного представления о браке и семье. Тем не менее, философия Толстого о счастливой семье и браке преимущественно основана на вопросе верности или неверности супругов.

Толстой считает, что родители в значительной степени влияют на ребенка и создают у него особый взгляд на жизнь. Например, Левин был сиротой и вспоминал о своих родителях только через образ матери; следовательно, он хотел, чтобы его жена напоминала ему мать. Кити принадлежала к благородной семье, и Левин считал, что она представляет все ценности, которые поддерживает ее семья. Это одна из причин, по которой он пренебрежительно относится к Вронскому, не имевшему прославленного семейного прошлого. Родители Кити – из зажиточного общества с высокими семейными ценностями и приверженцы семейной жизни. Долли и Натали, две сестры Кити, показаны в романе как образец нравственности, доброты и хорошего характера. У Натали был счастливый брак. Брак Долли несчастлив, в первую очередь, из-за неверности ее мужа Стивы. Здесь нужно понимать, что Толстой четко разграничивает счастливый брак и счастливую семью. Брак связан только с отношениями между мужем и женой, тогда как семья имеет более широкий спектр отношений, состоящий из разных единиц. В случае Долли и Стивы можно заметить, что у них была неудовлетворительная супружеская жизнь, однако их семейная жизнь шла гладко. В доме Долли поддерживаются традиции семьи. Можно сказать, что причина кроется в том, что Долли происходила из «хорошей» семьи. Однако семья Анны была обречена на провал, поскольку ни у Анны, ни у Каренина не было реальной семьи в детстве, на примере которой можно было бы строить свою семейную модель.

Счастливая семейная жизнь не была признаком счастливого брака. Однако несчастья в супружеской жизни выходят за рамки взаимного уважения и верности между парами. Чтобы понять причину краха брака Анны, нужно вернуться к истокам его зарождения. Анну воспитывала тетя – проницательная женщина, которая практически манипулировала Карениным, чтобы он женился на ее племяннице. Другой тетей Анны была принцесса Варвара. Эта женщина всю свою жизнь была бедна и жила под крышей более богатых родственников. Долли, которая показана в романе как олицетворение морального облика женщины, презирает ее. Толстой больше ничего не говорит о подробностях детства и происхождении Анны. Единственное, о чем можно судить, – это то, что она сестра Стивы. О родителях Анны и Стивы в романе ничего не сказано. Из этого можно сделать вывод, что ключом к пониманию характера Анны являются ее отношения со Стивой. Левин же, с другой стороны, не может представить себе жизнь, выходящую за рамки семейных ценностей. Семья занимает самое важное место в его сознании.

Роман также исследует гендерные и супружеские отношения, основанные на традициях и правилах, созданных обществом. Социальные традиции, которые проецируются в романе, лежат в основе гендерных ролей, характерных для персонажей. Например, Стива нарушает супружескую верность, но Долли постоянно прощает его, и у него нет проблем с получением признания в обществе. Однако Анну при тех же условиях общество осуждает, назвав ее безнравственной «падшей женщиной». По этой причине ей даже пришлось тайно встречаться с сыном. Общество наказывает Анну более жестко, нежели мужчину, совершившего тот же моральный проступок. Социальные нормы и общественное мнение оказывают сильное влияние на поведение большинства персонажей романа. Например, Каренин говорит Анне, что для него важно общественное мнение. В конце концов это становится важной частью в формировании судьбы Анны. Вопрос о счастье в семейной жизни укоренен в социальных традициях, которые, в свою очередь, связаны с пониманием обычаев и норм в обществе.

Разрабатывая своих персонажей, Толстой показал важность любви и верности в отношениях, которые определяют счастье. Брак, хотя и обязательно зависит от качества взаимоотношений между людьми, не является достаточным условием для семейного счастья. Показателен пример Стивы и Долли, которые были несчастливой парой, но их семейная жизнь казалась гармоничной. Здесь нужно понимать, что социальные традиции того времени диктовали гендерные роли в семье, и их соблюдение позволяло создать хорошую и гармоничную семью. С другой стороны, браки полностью основывались на взаимном доверии и верности супружеских пар. Анна же выражает своеволие, осуждая свой брак, и отдает предпочтение романтическим внебрачным отношениям, которые разрушают ее социальное положение.

Все счастливые семьи могут быть похожи друг на друга, но, возможно, в первую очередь следует задать вопрос, существуют ли они вообще в человеческом обществе.

Л. В. Первушина

РЕАЛИЗМ КАК МЕТОД СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО БЫТИЯ В ПОЭЗИИ Р. КРЭЙКА

Художественный метод – это общий принцип отношения писателя к познаваемой реальности, совокупность творческих принципов, которыми он руководствуется при изображении явлений действительности и создании художественных образов. Художественный метод проявляет себя в процессе активного освоения действительности, причем изменение идейно-творческих установок и ценностных ориентиров каждой литературной эпохи предполагает изменение и художественного метода. Важным фактором, формирующим художественный метод, является мировоззрение автора, которое определяет способ познания, специфику художественного мышления, выработку определенной концепции мира и особенности эстетического осмысления действительности в контексте времени.

Особую модель художественной действительности создает в своем творчестве Роджер Крэйк (1952) – известный английский поэт, профессор Кентского университета. Р. Крэйк родился в графстве Лестершир. С 1991 года он живет в США. Его перу принадлежат семь опубликованных сборников поэзии. Книги «Those Years» (2007), «The Darkening Green» (2004), «I Simply Stared» (2002) и «Down Stranger Roads» (2017) переведены на многие языки мира, а их автор удостоен престижных литературных премий. Творчество Р. Крэйка характеризуется разнообразием тем и широким охватом проблем современного мира. Его интеллектуальная поэзия сочетает традицию и новаторство, сопрягает прошлое, настоящее и будущее, передает состояние современного человека и отражает атмосферу времени. Сила поэтического слова вызывает эмоциональный отклик читателя, а сочетание реального и вымышленного, фактов и фантазии создает яркие, неповторимые, видимые образы.

Реализм является методом создания художественной действительности в творчестве Роджера Крэйка. Данный метод проявляет себя в специфике познания окружающего мира, в размышлениях о месте человека в универсуме, в «рефлексии над искусством», а также в репрезентации системы высоких личностных и эстетических ценностей, определенных автором для себя. С одной стороны, в литературных поисках Р. Крэйка присутствует классическая модель реализма, предполагающая максимальное приближение и правдивое воспроизведение действительности в ее типичных чертах, а также определенная обусловленность мотивов и поступков героев обстоятельствами, в которых они пребывают. С другой стороны, автор обогащает поэзию приемами современной экспериментальной художественной практики. Его творчество отличается проникновением во внутренний мир человека, индивидуализацией характеров, присутствием нескольких точек зрения

(драматизация поэзии), метафоричностью, ассоциативностью, парадоксальностью, глубокими философскими обобщениями, развитым хронотопом. Оно обогащается элементами психологического и философского реализма.

Произведение Р. Крэйка «Улисс в Новом Свете» («Ulysses in the New World», 2004) является данью уважения к историко-культурному и литературному наследию античности. В нем человек стремился подняться над миром, но он не отрывался от реальности, а выстраивал действительность, представляя одухотворенный и совершенный мир. Во все эпохи известные авторы находили вдохновение в античном искусстве как непревзойденном образце прекрасного. Основными характеристиками древнегреческой эстетики были гармония, красота, мера, порядок. Воспитанный на лучших образцах мировой поэзии, Р. Крэйк обращается к величайшему памятнику древнегреческой культуры – эпической поэме Гомера «Одиссея», которая имеет непреходящую эстетическую и художественную значимость, и помещает в центр произведения архетипическую фигуру Улисса (alter ego самого автора и обобщенный образ человека, стремящегося к высотам творчества). Р. Крэйк представляет своеобразное путешествие лирического героя, которое осуществляется на нескольких уровнях: воссоздание совершенного литературного мира античности; реальное географическое перемещение героя из Англии в Америку (эмиграция внутри единой языковой системы); а также путешествие – проникновение в глубины сознания личности. Можно говорить об авторском эксперименте с сюжетной линией, а основе которой сопоставление нескольких путешествий во времени и пространстве.

В ткань поэтического произведения автор вводит конкретные географические названия (Midland, England, America) и представляет реальные жизненные ситуации лирического героя и самого автора: знакомство с гомеровскими поэмами в десятилетнем возрасте, детские игры, переезд из Старого в Новый Свет, общение со студентами и преподавание в университете, который является универсумом, моделью мира, храмом знаний. Присутствуют и обобщения (here) и (there), а образ Улисса способствует выявлению архетипических основ человеческой культуры и сознания.

Гомеровские поэмы приносят глубочайшее эстетическое потрясение лирическому герою, который постигает Гомера через детские игры: ищет бога реки Скамандера в бьющем источнике у погоста, «наблюдает» за мифологическим существом, одноглазым ревущим Циклопом – сыном бога морей Посейдона, который прячется за холмами. Так возникает сказочная правда, реально-воображаемый мир, передающий первый опыт исследования великой литературы. Позже лирический герой постигает внутренний мир Улисса в переводах Гомера А. Поупом, в произведениях А. Теннисона, подражавшего Гомеру, в творчестве Дж. Джойса. Улисс блуждает в поисках не только своей земли и дома, но и становится своеобразным посредником между миром действительности и миром творчества, миром красоты и миром современной противоречивой реальности. Лирический герой (*This Ulysses*

of mine, / by birth a gentleman / Well-tuned in verse or Oxford English prose / Modulating truth with sophistry) передает студентам знания о красоте мира и литературы через образы античного искусства. Он уверен, что и в сложное, прагматическое время конца XX – начала XXI века Улисс может оставаться гуманным, сопереживающим, прекрасным человеком.

В то же время лирический герой наблюдает ряд негативных явлений и выражает озабоченность в связи с падением уровня знаний современного человека, прагматизмом и рационализмом общества потребления. Индивидуализм и стереотипы культуры разрушают сложившиеся в прежние времена идеалы человеческого поведения и межличностные отношения. Теряется вера в надежность разума, в устойчивость мира, искажается суть человека, а современный Улисс часто предстает рациональным бездушным механизмом. Показывая человека и раскрывая его душу в эпоху исторического «слома» (*…the false / Erodes a man's capacity, without his knowing it, to form / True views…*), автор поднимает проблему смысла жизни, одухотворения и облагораживания индивида, разделения нравственного и безнравственного, прекрасного и безобразного, гармонии в противовес дисгармонии. В архетипическом образе Улисса заключена глубокая трансцендентная тоска современного человека по возвышенному, его потребность выйти за пределы существующей реальности и приблизиться к иному бытию, к вершинным состояниям духа, чтобы быть творцом времени, культуры (*He will wander without end*). В его странствиях по дорогам жизни, маршрутам разных стран, лабиринтам сознания и подсознания подчеркивается необходимость поиска творческого пути, познания себя в культурно-историческом прошлом, в настоящем и будущем, а также важность сохранения целостности личности. Улисс сегодня и странствует, его образ важен, т.к. он вечно прекрасен (*There never was / An Ithaca or home, but just himself, alone, / Shiftless, yet immortal as the stars*/).

Лирический герой и сам автор активно осваивают жизнь, сверяя свои идеи с идеями античности. Классическое наследие прошлого преломляется под углом современного восприятия действительности и отражается через призму авторского мировоззрения. Новаторский реализм Р. Крэйка сохраняет традиционную суть метода (типизацию, моментальность, актуальность, причинно-следственные связи) и в то же время воспринимает новые направления действительности, наполняется специфическими чертами и углубляет свою значимость, сочетая традиционное и экспериментальное в построении поэтического произведения. Р. Крэйк значительно усиливает психологическую составляющую и проникает в суть скрытых чувств и переживаний личности и выявляет коллективное бессознательное. Вместе с этим автор поднимается до философских обобщений о состоянии современного общества, о сущности человека и его предназначении. Таким образом, традиционная модель реализма, которая выявляет ориентацию исследователя на поиски подлинного и сущего, обогащается философско-психологическим реализмом в произведении Р. Крэйка «Улисс в Новом Свете».

М. С. Рогачевская

БРИТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XXI ВЕКА: ПОИСК СМЫСЛОВ

Первые десятилетия XXI века являются новейшим этапом мирового литературного процесса, который еще не имеет обоснованной научно-теоретической базы для его осмысления. При чрезвычайно быстром движении всех цивилизационных механизмов развития человечества, в том числе и художественного творчества, мы наблюдаем интенсивность коммуникации художественной литературы и общества, влияние произведений на сознание человека.

Литература и искусство во все времена занимались именно тем, что искали смысл: в сложившихся условиях жизни, в том выборе, который делает человек в возникающих обстоятельствах, в истории, ее войнах, созиданиях и разрушениях. В каком же направлении двигается британская литература XXI века в сложном современном мире? Совершенно очевидно, что положение новейшей английской литературы совершенно иное, нежели то, что Д. Лодж охарактеризовал в 1971 г. как «романист на распутье». Похоже, три десятилетия постмодернистского «распутья» уже в 1992 г. указали – и снова по мнению Д. Лоджа – на «эстетический супермаркет», где писатель выбирает не между реалистическим методом и (пост)модернистским экспериментом, но среди великого множества стилей, жанров и их бесконечных комбинаций.

Именно термин *комбинаторность* – как в стилевом, так и в содержательном смысле – применим к ряду писателей, творчество которых покрывает несколько десятилетий как прошлого века, так и настоящего. Это Иэн Макьюэн, Дэвид Митчелл, Хилари Мантел, Пэт Баркер, Зэди Смит. Такие жанрово-стилевые обозначения, как «реалистический», «постмодернистский», «исторический», «постколониальный» в разной степени характеризуют творчество этих авторов.

Обращаясь к представленным писателями направлениям, можно утверждать, что традиции реализма самые старые, классические, устоявшиеся и подвергшиеся наибольшей степени преемственности. Реализм проявляется в литературе XXI в. в ряде компонентов, и, прежде всего, это точка зрения и способ изложения. Даже в экспериментальных, постмодернистских по своей кажущейся направленности романах писатели излагают факты жизни современников, апеллируют к реализму детали, к реалистическому психологизму в трактовке сознания, переживаний, к логическим обоснованиям той правды жизни, которую они больше не хотят затмить витиеватой игрой или множественностью истолкований. И. Макьюэн, к примеру, через роман «Искупление» («Atonement», 2001) ведет читателя с осознанной необходимости «творить» правду, искать способы ее установления, даже через эксперимент с повествователем, через игру с читательским ожиданием.

Реализм в XXI в. обретает более ярко выраженную степень обращения к психике, сознанию, процессам памяти. Действия все чаще связаны с хронотопом психиатрической клиники или же исследованием маргинального сознания (М. О’Фаррелл, С. Викерс, Д. Митчелл, М. Хэддон, И. Макьюэн).

Ошеломительные успехи и открытия психиатрии, нейрологии, когнитивистики и других наук о человеческой психике и сознании стимулируют поиск смысла не только в логике внешних событий, но и в правде нашей внутренней жизни. Отображая правду в ее различных воплощениях, современные писатели все чаще обращаются к телесному и к его неприглядной сути. Болезнь, увечье, травма, рана, страдание плоти выходят на поверхность в романах С. Холл, П. Баркер, И. Макьюэна.

Все чаще в творчестве писателей-современников звучит тема старости, старения и сопутствующей проблематики: Д. Лодж в романе «Глухой приговор» («Deaf Sentence», 2008), Дж. Барнс в романе «Предчувствие конца» («The Sense of an Ending», 2017), Э. Хили в романе «Элизабет пропала» («Elizabeth is Missing», 2014) заставляют читателя снова искать поиск смысла в вечных истинах человеческого существованиям как части природного цикла. Тема старения возникла как реакция на все увеличивающуюся продолжительность жизни, поиск «эликсиров молодости», техники продления жизненной активности и другие ухищрения цивилизации с целью борьбы со старческой немощностью. Возникшая в ответ на все вышесказанное проблема оказалась достоянием талантливых английских писателей: долгая жизнь не гарантирует длительного благополучия мозга и психики, и поэтому возникает художественно-философское осмысление деменции и проблем памяти.

Реализм и его основовполагающие принципы тесно связаны с новыми историческими романами (серия произведений П. Баркер о Первой мировой войне, включая трилогию «Возрождение», трилогия Х. Мантел «Вулф Холл» о времени правления короля Генриха VIII и личности его главного советника Томаса Кромвеля, романы С. Уотерс, А. Фоулдса). В этом жанре также очевидны трансформации: история не представлена как нечто монолитное. Она проживается реальными историческими персонажами, к которым писатель заглядывает глубоко в душу. В то же время, похоже, ушла и мода на «альтернативную» историю и историографический метароман. Вместо этого романист снова прибегает к поиску – если не истины в последней инстанции, то к максимальному правдоподобию, правде психологической, основанной на биографиях и документах в большей степени, нежели на официальных версиях истории.

Нельзя обойти и факт того, что постмодернизм также дал свои ростки и приобрел последователей в XXI веке в лице Д. Митчелла, К. Аткинсон, С. Рушди. Митчелл реализует постмодернистскую множественность и ризоматичность через концепцию все более глобализированного мирового пространства. Так, после «Литературного призрака» («Ghostwritten», 1999), где действие происходит в разных уголках света – Японии, Гонконге, Китае, Монголии, России, США, Англии и Ирландии, но выявляет обескураживающее топографическое сходство, Митчелл в новых романах XXI в. продолжает запутывать географию, роль повествователя, играть с симметрией нарратива и апеллировать через интертекстуальность к метанарративам с целью их пародирования.

К современной постмодернистской плеяде критики причисляют и А. Смит, которая отдает предпочтение множественному повествователю, таким образом оставаясь верной этому основополагающему принципу постмодернизма.

К. Исигуро также проявляет в своем творчестве 2000-х гг. ностальгические мотивы постмодернизма, которые раскрываются в вопросах, задаваемых посредством его новых романов «Когда мы были сиротами («When We Were Orphans», 2000), «Не отпускай меня («Never Let Me Go», 2005), «Погребенный великан («The Buried Giant», 2015): В каком мире мы живем? Что в нем нам делать? Которое из моих множественных «я» может сделать что-то для этого мира? Эти вопросы оказываются возможными в связи с тем, что мир представлен нам Исигуро словно сквозь кривое зеркало.

Постколониальная литература нового столетия перешла от обвинительно-травмированной тональности прошлого века к новому созидательному, переосмысливающему оптимизму. Таков пафос романов З. Смит (особенно «Белые зубы» – «White Teeth», 2000).

Пестрая панорама в британской литературе XXI в. сама по себе свидетельствует о поисках смысла в мире, который ошеломляет скоростью, инновациями, противоречиями и переменами. Тем не менее, намечается вполне ощутимая тенденция осознанности художественного творчества и поиска смыслов в простых вопросах бытия: быт и история, жизнь и старение, усложнение процессов внутренней жизни, попытка сделать мир лучшим местом посредством утверждения принципов добра и справедливости, сочувствия и правды, принятия природного и поиска вечного.

Е. Ю. Садовская

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Произведения современной художественной литературы поражают обилием тем, разнообразием и сочетанием жанров, все более широкой представленностью авторов, представляющих ранее малоизвестные национальные литературы и меньшинства. Однако несмотря на появляющиеся новые форматы произведений, поликодовые тексты и оригинальность сюжетов, один аспект человеческих взаимоотношений продолжает постоянно встречаться в большинстве произведений – взаимодействие разных поколений. Как правило, оно приводит либо к конфликтам, либо к кооперации и присвоению опыта предыдущих поколений.

Современные интернет-площадки предоставляют пространство как для уже известных прозаиков и поэтов, создавая возможности для их дальнейшего продвижения, так и для новых авторов, которые пробуют силы в литературе. Интерес вызывают сборники рассказов (сказок) авторов, объединенных на основании общности темы, а также сайты для начинающих писателей. В данной статье в качестве обоснования и иллюстрации использованы цита-

ты из рассказов и сказок с площадки «Класс!» (Всероссийский литературный конкурс для школьников 8–11 классов, в рамках которого можно присылать притчи, рассказы, зарисовки, детективные истории, а также сказки) и из «Сборника педагогических сказок», написанного в рамках программы «Здоровые дети – шанс на семью». В большинстве произведений авторы обращаются именно к меж- и поколенческой проблематике. Направленность на развитие и взаимодействие поколений демонстрируют и сами проекты, в рамках которых были написаны вышеобозначенные рассказы и сказки. Например, «Сборник педагогических сказок» был создан по инициативе Академии родителей и благотворительного фонда «Кто, если не Я?» в сотрудничестве с Московским гуманитарным педагогическим институтом. Он ориентирован на родителей и педагогов, т.е. представителей старших поколений, которым необходимо взаимодействовать с младшими поколениями.

Большое количество примеров передачи опыта и знаний старшими поколениями младшим, иллюстрируя процесс воспитания и объяснения социальных норм, традиционно содержит литература, предназначенная для детской целевой аудитории: *– Миша, а как ты здороваешься с ребятами, когда в детский садик приходишь? Что ты делаешь при этом? – поинтересовался у внука дед. Миша недоуменно пожал плечами: – Да никак. Девочек могу за косичку дернуть, а мальчиков толкнуть в спину… – И что, ты думаешь, что ребята с драчунами играть и дружить будут? Для начала нужно научиться приветствовать друзей, здороваться с ними! И дедушка рассказал, что можно не только «привет» и «здравствуй» говорить, но и по-особому, по-секретному, здороваться. С кем-то правой рукой здороваться, ну а с кем-то – левой. А с самыми лучшими друзьями сразу двумя руками!* (В. Немчик. История о том, как Миша научился дружить).

Рассказы и повести для детей демонстрируют усвоение норм и стереотипов, озвученных старшими поколениями, призывая младших следовать правилам: *«И почему воспитатели говорят всегда таким строгим голосом?» – подумал Дениска. Ему хотелось, чтобы Анастасия Петровна погладила его по голове и сказала: «Не грусти, Дениска. Все будет хорошо. Твоя мама обязательно вернется». А еще ему хотелось плакать. Но он не заплакал, ведь он мужчина. Взрослые всегда так говорят: «Ты мужчина. Мужчины не плачут». «Почему мужчины не плачут? Разве им не бывает грустно?» – думал Дениска* (С. А. Кирсанова. Мамы всегда возвращаются).

Использование примеров из собственной жизни (героев и самих писателей через своих героев), обращение к мнению экспертов, а также уровень авторитета говорящего способствуют перениманию опыта и формированию преемственности между поколениями.

Конфликтность взаимодействия, как один из центральных и наиболее популярных методов создания интригующего сюжета, более заметна в произведениях художественной литературы, ориентированных на более взрослую аудиторию. Учитывая, что любой социум состоит одновременно из представителей нескольких поколений, очевидно, что в той или иной мере

поколения будет задействованы в любом художественном произведении (пусть и без эксплицитного манифестирования поколенческой принадлежности). Метафоричность и поэтичность описания способствуют акцентуации межпоколенческого взаимодействия: *– Я Ченчгук, который ищет небо. Прошу прощения, что прервал столь милую картину. Позвольте узнать, кто вы? – Мы Синие, – ответил мужчина лет сорока, указав на таких же, как он. – Вот там сидят старцы Голубые. Тут молодежь: Красные, Желтые и Оранжевые. Где-то гуляют фиолетовые, а на руках у них – Зеленые. Скоро прибудут Черные, но тогда нас уже не будет, а с рассветом придут новые. – То есть, вы живете один день? – печально спросил Ченчгук. – Да, а что в этом такого? – разозлились Красные и Оранжевые. – Ну все, дети, бегите, проверьте, как там дела у Фиолетовых. – приказали Голубые, и молодежь ушла. – Они вечные дети, многого еще не понимают. – А вы? Вы так и появляетесь, будучи стариками? – Да. Но ты жалей не нас, мы тут дольше всех и вдоволь насладились днем. Больше всех печально участь Зеленых. Их жизнь – считанные минуты, и при этом они даже не понимают, чем и кем являются. У Фиолетовых примерно также, но с той лишь разницей, что они познают прелести материнства и отцовства...* (А. Амбарцумян. Прыжок в высоту). Разделение на поколения описано посредством цвета (вместо использования таких классических номинаций, как «старое» или «зрелое», «молчаливое» или «бесстыжее» поколение).

Игра цветов отражает разные жизненные стадии: начало и зачаток жизни – это зеленый цвет (молодая трава, листики на деревьях ранней весной), а детство и молодость – желтый и оранжевый (сразу представляются цыплята и утята). Красный ассоциируется с взрывной и нетерпеливой подростковой средой, для которой характерна энергия, стремление к независимости и самостоятельности, нежелание считаться с мнением старших. Он же, как правило, и демонстрирует наибольший потенциал к конфликтности.

Понимание и большая степень спокойствия в рассказе – у представителей более холодных фиолетового и синего цветов. Окончание жизненных процессов транспонируется через появление черного цвета. Таким образом, цветовая палитра отражает разные стадии жизненного цикла людей, из которых кто-то взрослеет, а кто-то остается ребенком.

Рассказ иллюстрирует и реакции одного поколения на другое. Молодые поколения, обозначенные как Красные и Оранжевые, злятся, спорят и недовольны. Более старшие поколения (Синие) осознают конечность бытия, важность определенных этапов и готовы прощать молодежь, которая еще не готова понять какие-либо жизненные реалии. Демонстрация мудрости и терпимости, а также мягкость в общении позволяет предотвращать и/или сглаживать потенциальные конфликты.

Выбрав в качестве иллюстрации примеры из произведений художественной литературы нового формата (авторы являются любителями, а их произведения были выбраны в результате реализации определенных образовательных проектов и прошли конкурсный отбор), можно, тем не ме-

нее, заметить, что современная литература, ориентированная на детскую и молодежную аудиторию, уделяет огромное внимание проблемам взаимодействия поколений и направлена на предотвращение и/или снижение степени конфронтации и конфликтности между поколениями. Также она предлагает молодому поколению позитивные примеры поведения в обществе на основе опыта предшествующих поколений, задействуя средства языка и литературные инструменты.

Н. Л. Сержант

ЖАНРОВЫЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА ВОСПИТАНИЯ

Роман воспитания традиционно связывают с литературой Просвещения, в которой создавались классические образцы этого жанра. Основные теоретические формулировки вырабатывались в эстетике немецкого романтизма, когда в практику литературных исследований впервые был введен термин *Bildungsroman*. Этот тип осознавался как роман воспитания и представлял историю «постепенного внутреннего формирования» героя, его изменение под воздействием внешних обстоятельств и окружения, что должно было способствовать воспитанию читателей. С момента своего появления и развития в творчестве писателей не только немецкоязычной, но и англоязычной литературы (Ч. Диккенса, Ш. Бронте, Дж. Мередита) роман воспитания занимал важное место среди других романных разновидностей и насчитывал множество видовых форм: роман испытания, роман странствий, роман формирования характера, роман о детстве, роман карьеры и т. д. Взаимодействие с другими жанровыми формами – сентиментального, юмористического, сатирического, приключенческого романов, – позволило говорить о размытости границ этого жанра, субъективной оценке исследователей, произвольно определявших маркеры жанровых признаков романа воспитания. Чаще всего ключевыми приметами жанра все же выступали композиционные особенности, характеризующиеся цикличностью, тип ищущего, «становящегося» героя, который преодолевает жизненные испытания, взрослеет, обретает личностные качества. Нередко данная модель представлялась поэтической реконструкцией архаического обряда посвящения, инициации и генетически связывалась с эпосом и сказкой. Идейная сущность романа воспитания, как и других жанров, определялась эстетикой времени: «учительной» просветительской, «морально-воспитательной» викторианской, «общественно-поучительной» реалистической.

Исследование поэтики, различных аспектов жанра романа воспитания представляется весьма продуктивным в современном литературоведении, так как развитие данной жанровой модели в литературном процессе XX–XXI вв. не только не прекращается, но и обретает новые черты. Жанр современного романа воспитания трансформируется и обновляется, не теряя основной специфики. Новая форма романа воспитания начинает

возникать с середины XX века. Исследователи усматривают ее в произведениях американцев Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и К. Маккалерс «Сердце – одинокий охотник», англичан У. Голдинга «Повелитель мух» и Э. Бёрджесса «Заводной апельсин», И. Бэнкса «Осиная фабрика». Жанр, как это и было в предшествующие эпохи, непосредственно реагирует на требования времени, что отражается в этических установках авторов и эстетических ориентациях. Социальный и гуманитарный кризис послевоенной эпохи во многом определил и тип ее художественного осмысления: сознание героя становится более хрупким, подверженным различным негативным воздействиям, происходит переоценка ценностей, их полная утрата, как и утрата всяких жизненных ориентиров; универсальность сюжетной схемы романа воспитания перестает быть абсолютной, изображение взросления героя заменяется темой преодоления, социального и психологического дискомфорта; трансформируются и повествовательные техники. Жанровые модификации смещаются в сторону особой исповедальности (от лица бунтующего героя, как у Сэлинджера), антиутопической и философской модальности (как у Голдинга, Бёрджесса, Бэнкса). Тип героя классического романа воспитания, ищущий истину герой, начинает выступать как герой-испытуемый. Для современного романа воспитания не характерны психологизация образа, детальные интроспекции, мышление в парадигме добра и зла. Внутренняя сущность героя проверяется в возможности действовать и изменяться. Традиционным становится герой-изгой, необычный ребенок, «нерадивый, никчемный», с девиантным поведением (Холден Колфилд в романе Сэлинджера, Алекс в романе Бёрджесса) или, наоборот, одаренный человек с необычными, порой пугающими способностями, как Фрэнк Колдхейм, главный герой романа И. Бэнкса «Осиная фабрика», Ральф (в романе У. Голдинга «Повелитель мух»), также сразу выделяется стремлением к действию, ответственностью и решительностью. Романы XXI века дополняют эту типологию совершенно новыми образами: подросток-аутист с реальными психическими, а не психологическими особенностями ведет повествование в романе М. Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки», повзрослевшие тинейджеры в романах Дж. Грина «В поисках Аляски» и «Виноваты звезды» сталкиваются с серьезными недетскими проблемами, смертью в автокатастрофе, онкологическим заболеванием и экзистенциальным осознанием бытия.

Произведения, которые сегодня можно отнести к жанру романа воспитания, обретают иную событийную интенсивность: не этапы жизни, а несколько дней, порой самых обычных, или, напротив, авторский хронотоп позволяет выйти на фантастические пространственно-временные реалии. Современный роман воспитания предполагает иные отношения писателя и читателя. Массовый спрос определяет формат, наличие развлекательного компонента, совмещение с нехарактерными жанровыми моделями, такими как экзистенциальный, детективный, любовно-эротический, криминальный роман. Жанровая гибридность в данном случае обеспечивает социальную значимость текста и позволяет разным читателям, по возрасту и по культурно-образовательному цензу, воспринимать и прочитывать роман воспитания

в ожидаемом ракурсе. Многоликость стилевой поэтики, интертекстуальные связи, новые стратегии нарратива, реконструкции архетипических моделей взаимодействия личности и общества, попытки экзистенциального осмысления человеком своего места в мире наполняют новым содержанием и обогащают художественную форму современного романа воспитания, открывая перспективу его дальнейших жанровых модификаций.

Ю. В. Стулов

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО НЬЮ-ЙОРКА: РОМАН Т. КОУЛА «ОТКРЫТЫЙ ГОРОД»

Город традиционно занимал особое место в истории Америки. Индустриализация, которая усилилась после Гражданской войны, привела к резкому росту городов, что нашло свое выражение и в американской литературе, где город стал ассоциироваться как с перспективами развития страны, так и с рядом отрицательных явлений, связанных с капиталистической эксплуатацией. Это определило значение топоса города для литературы США, который продолжает оставаться важным элементом в структуре произведений многих авторов. Подобно русской литературе с ее московским, петербургским, пермским текстом, можно с полным основанием говорить о нью-йоркском, вашингтонском, чикагском или миннеаполисском тексте в американской литературе, о чем свидетельствуют произведения Т. Драйзера, С. Льюиса, Р. Райта, Дж. Болдуина или Эдварда П. Джонса, где в традициях романтизма созданный человеком город противопоставлен живой природе.

Теджу Коул, современный нигерийско-американский писатель, фотограф и искусствовед (р. 1975), прославился романом «Открытый город» («Open City», 2012), за который автор удостоился множества наград, включая германскую международную литературную премию. В этом произведении Нью-Йорк выступает не просто местом действия, а служит своего рода основой этого романа, продолжающего традиции Джеймса Джойса. Сам писатель в возрасте 17 лет покинул Нигерию, раздираемую гражданскими конфликтами, и переехал в США, где уже обосновался отец. Он закончил Каламазу-колледж, а затем продолжил обучение в Лондоне и Колумбийском университете, где защитил докторскую диссертацию по искусствоведению. В настоящее время занимает должность профессора в Гарвардском университете.

Роман достаточно необычен, поскольку он лишен сюжета в обычном понимании этого слова. Судьба его героя Джулиана в чем-то напоминает жизненные перипетии самого автора. Родом из Нигерии, он после многочисленных испытаний, связанных с гражданской войной в стране, оказывается в Европе, откуда переправляется за океан, где получает медицинское образование и проходит стажировку в качестве психиатра в нью-йоркской клинике. Потеряв дом в родной стране, он пытается обрести его на другом континенте, где можно жить в безопасности и достаточном комфорте. После работы

он обычно гуляет по Нью-Йорку, открывая как привлекательные его стороны, так и отвратительные. Во время одной из таких прогулок Джулиана избивает группа подростков, причем делает это только ради развлечения, чтобы почувствовать свою силу. На пути ему встречаются самые разные люди, с которыми он перебрасывается парой слов или останавливается поговорить. У него нет друзей, есть сослуживцы и соседи, о которых он практически ничего не знает; есть женщина, с которой его что-то когда-то связывало, но все осталось в прошлом. А эти прогулки дарят ему ощущение сопричастности к жизни города, который захватывает, восхищает и пугает одновременно.

Эти прогулки важны не только потому, что для читателя возникает образ огромного мегаполиса с его парками, сверкающими авеню и необыкновенной архитектурой, но и потому, что в это время в голове Джулиана проносятся мысли как о глобальных проблемах (расизм, миграция, дискриминация, политическая корректность, экология, неравноправие, несправедливость, терроризм и т.д.), так и повседневных вещах, которые, собственно, и определяют обычную жизнь человека с его радостями и печалями, и он проживает ее как обычный человек, т.е. ходит на работу, устает, гуляет, отдыхает, обедает, выпивает чашку кофе в кафе, посещает магазины, слушает концерт классической музыки в знаменитом Карнеги-холле и т.д. В силу этого город приобретает человеческое измерение и становится не просто местом действия романа, а его основной рамкой. Это важнейший феномен американской культуры, которую пытается впитать и апроприировать выходец из Африки с европейскими корнями (его мать – немка, с которой он не поддерживает отношений, а бабушка живет в Брюсселе, но ее адреса герой не знает). Читатель видит город с разных углов зрения: горизонтально, когда город простирается перед Джулианом, и вертикально, когда он смотрит на него сверху; то он идет по 5-й авеню, заглядывая в витрины шикарных магазинов, то оказывается где-нибудь на 189-й улице и перекусывает в каком-то убогом кафетерии.

Это город со своей душой, весьма непохожий на все те города, в которых побывал герой, а повидал он многое, несмотря на молодость. Природное начало в виде парков, реки Гудзон с удобной бухтой соседствует с созданными человеческим гением небоскребами, памятниками, первоклассными музеями, замечательными театрами и концертными залами; огромные толпы куда-то спешащих людей – и одинокий человек, бредущий по улице, обдумывающий свою жизнь. Прошлое и настоящее причудливо переплетаются; отдельное внимание уделяется трагедии 11 сентября, которая теперь навсегда вошла в историческую память американцев; вокруг приметы взаимодействия всех тех расовых и этнических элементов, которые составляют сущность Нью-Йорка как американского города. Когда-то огромное кладбище, где хоронили чернокожих, теперь напоминает о себе только незаметным памятником, а вокруг высятся потрясающие небоскребы, в одном из которых находится эмиграционная контора, куда тянется бесконечная очередь вновь прибывших мигрантов, надеющихся узаконить свое пребывание в этой «стране

возможностей». Кому-то из них повезет, и они смогут, наконец, забыть о горестях жизни в родных краях, а кто-то будет вынужден вернуться назад. Он вслушивается во все эти драматические истории, не всегда веря в их правдивость, и понимает, отчего они уезжают за тысячи километров и стремятся попасть в Америку, не всегда осознавая, что на них нередко смотрят свысока: не все американцы готовы принять их как равных. Все, что герой видит вокруг, определяет ход его мыслей, дает некие моральные и идейные установки, которые помогают ему лучше понять эту великую страну, где, с одной стороны, ему удается сделать карьеру, а, с другой, он чувствует себя одиноким, наблюдая за жизнью города как бы со стороны.

Для своей книги Коул избирает форму так называемого интеллектуального романа, где через размышления Джулиана читатель погружается в обсуждение абстрактных концепций, философских теорий, противоречивых проблем сегодняшней жизни. Его мысли естественно перескакивают с темы на тему в зависимости от того, что встречается ему на пути. Герой – не просто обычный африканец, приехавший в Америку, чтобы выжить. Это высокообразованный интеллектуал, сложная многосторонняя личность; он прекрасно разбирается в искусстве, музыке, литературе. При этом травматическая память о своей родине временами дает о себе знать то встречей с сестрой бывшего друга, то воспоминаниями о годах учебы, то каким-то незначительным предметом из прошлого. Америка дает ему возможность оправиться от потрясений юности и восстановить равновесие в душе. Он чувствует, что начинает обретать корни на новой родине, для чего нужно научиться правильно понимать другую культуру и обычаи. Несмотря на широкую географию романа (Нигерия, страны Африки, Португалия, Бельгия, США), романная действительность сосредоточена на внутреннем мире Джулиана, мысленных процессах, протекающих в его мозгу в связи с какими-то явлениями в жизни Нью-Йорка или встречами, вызывающими его реакции. Он постоянно занимается саморефлексией, извлекая уроки из своего жизненного опыта, что, несомненно, углубляет процесс самопознания, столь необходимый при переезде в другую страну с другой культурой.

Писатель выстраивает сложную мозаику мыслей, запоздалых раздумий, наблюдений, мнений, оценок, комментариев, которые позволяют создать глубокий и интересный образ интеллектуала, передавая работу его сознания, благодаря чему роман обретает философское звучание, что выделяет его на фоне многих произведений современной американской литературы с упором на действие, увлекательный сюжет, драматические сюжетные коллизии, ярких героев и т.п. Концентрация на внутреннем мире интеллектуала, его попытках разобраться в проблемах сегодняшнего дня, которые характерны не только для Америки, делают роман Теджу Коула «Открытый город» явлением в современной литературе США. Вопрос «Что такое “открытый город?”» может истолковываться по-разному. «Открытый» для чего? Это может быть и добро, и зло, и в книге есть немало примеров и того, и другого. Нью-Йорк – это по-своему столица мира, где возможно все, и нужно иметь

мощный внутренний стержень, чтобы возможности этого необыкновенного города были использованы во благо человека. Такой стержень и вырабатывает в себе герой романа, который не случайно выбирает профессию психиатра, чья задача – лечить человеческую душу, а в многомиллионном Нью-Йорке с его безумным темпом жизни, перенаселенностью и бесконечными стрессовыми ситуациями, где даже простое общение становится проблемой, это настоятельно необходимо.

О. А. Судленкова

МЕСТО И РОЛЬ ФОТОГРАФИИ В РОМАНЕ И. МАКЬЮЭНА «АМСТЕРДАМ»

Имя английского писателя Иэна Макьюэна, автора полутора десятков романов, нескольких сборников рассказов, пьес и киносценариев, хорошо известно в мире. Его произведения, где углубленный психологизм часто сочетается с экстраординарными ситуациями, в которых оказываются герои, вызывают неизменный интерес как критики, так и широкой читательской аудитории. Не стал исключением и роман «Амстердам» (1998), удостоенный Букеровской премии. Он достаточно подробно рассмотрен исследователями с разных точек зрения, но незамеченной осталась та роль, которую играют в его сюжетной организации вымышленные фотографии.

К сюжету романа «Амстердам» вполне подходит определение интриги, так как он представляет собой сложный и запутанный узел поступков и поведения персонажей, развязывание которого связано с раскрытием тайны. Действия большинства его персонажей определяются стремлением достичь своих целей посредством уловок, сокрытия намерений, предательства и других неблаговидных поступков. Есть в романе и характерное для интриги присутствие сложных, сменяющих друг друга внутренних движений и перепадов в сфере чувств, так как ощущение триумфа одного из героев сменяется негодованием и растерянностью, на смену созидательному энтузиазму другого приходит депрессия и творческое бессилие.

События в романе располагаются в линейной последовательности, с несколькими экскурсами в прошлое, предстающими в воспоминаниях двух основных героев романа – Клайва Линли, композитора, получившего от правительства заказ написать «Симфонию тысячелетия», и Вернона Холидея, редактора ежедневной газеты «Джадж» («Судья»). Сложные перипетии их взаимоотношений – дружба, переходящая в ненависть – и составляют основное содержание романа. Не менее значительную роль в интриге играют еще два персонажа – Джулиан Гармони, министр иностранных дел Британии, претендующий на место премьер-министра, и Джордж Лейн, книгоиздатель, один из акционеров газеты «Джадж». Все четверо появляются в первой сцене романа, так как присутствуют на похоронах Молли, в жизни которой каждый из них сыграл какую-то роль. Джордж – муж покойной, а остальные

трое в разное время были любовниками Молли. Вернон, Клайв и Джордж питают антипатию к Гармони из-за его политических взглядов, высокомерия и амбициозности.

Сцена на кладбище, из которой читатель узнает о сложных взаимосвязях героев, является экспозицией романа. Завязка сюжета происходит тогда, когда Джордж, муж покойной, находит сделанные ею три фотографии Гармони, на которых тот запечатлен в женском платье, что свидетельствует о его тайной склонности к трансвестизму. Джордж предлагает Вернону опубликовать скандальные снимки, так как они могли бы, во-первых, дискредитировать Гармони и положить конец его амбициозным планам, во-вторых, помогли бы поднять тираж газеты, который стал катастрофически падать в последнее время. Вернон с готовностью принимает предложение, тем более что в своей деятельности как редактора газеты он всегда поощряет публикацию скандальных материалов, подогревающих интерес читателей.

Найденные фотографии, особенно первая из них, неоднократно фигурируют на протяжении всего действия. Они подаются автором дискретно, и читатель не сразу получает полное представление о том, что изображено на них; кроме того, суть изображенного подается не объективно, а через восприятие персонажей. Так, описывая первое знакомство Вернона с фотографиями, Макьюэн ограничивается лишь техническими деталями, он указывает только тип снимков: на первом из них Гармони изображен крупным планом, на втором – в полный рост, на третьем – в профиль. Зато довольно подробно описана реакция Вернона и потрясение от увиденного, то, что С. Сонтаг, автор книги «О фотографии», определяет как аффект, как визуальную шоковую терапию, которая, по ее мнению, является залогом принятия достоверности изображения. Его реакция проходит несколько стадий: непонимание, неверие, изумление и, наконец, скрытое радостное веселье, вызвавшее у него у него ощущение парения, так как он немедленно представил власть, которую приобретал над жизнью и карьерой человека, а возможно, над тиражом своей газеты и даже судьбой страны. Макьюэн намеренно делает информационный перевес в пользу эмоционального отклика Вернона на снимки, так как в данной сцене его реакция для автора важнее самих фотографий, ибо она отчетливо рисует характер героя, подчеркивая его расчетливость и профессиональную проницательность. Вместе с дискретной, т.е. растянутой подачей содержания фотографий, это представляет собой авторский маневр, направленный на то, чтобы усилить напряжение, заинтриговать читателя, заставить его строить догадки о том, что же изображено на снимках.

Второй раз фотографии представлены через восприятие Клайва. Как ранее Вернон, Клайв тоже испытывает настоящее эмоциональное потрясение, но, всмотревшись в них, он не только замечает детали одежды и грим Гармони, но и улавливает выражение его лица, а также отмечает про себя профессиональное выполнение фотографий. Именно творческая натура, какой был Клайв, способна на столь детальное и эмоционально обостренное восприятие изображения. Разные реакции Вернона и Клайва на фотографии

объясняются различием их характеров. Вернон – человек дела, он сразу задумывается над тем, какую пользу он может извлечь из них. Клайв же склонен к философствованию; его воображение, наоборот, обращено в прошлое, в отношения между Гармони и покойной Молли, его размышления углубляются во внутреннее содержание, в тайну, которую хранят эти снимки. Таким образом, фотографии становятся эффективным средством характеристики персонажей, они вскрывают тайную страсть и ранимость Гармони, жесткий рационализм и бескомпромиссность Вернона, неосознанное стремление проникнуть в суть вещей и склонность к эмпатии Клайва.

Макьюэн делает фотографии своего рода лакмусовой бумажкой для еще двух персонажей романа – Джорджа Лейна и Фрэнка Дибена, сотрудника Вернона. Оба предали его: первый, являясь, по сути, источником скандальной информации, ушел в тень, когда над редактором сгустились тучи; второй способствовал провалу задуманного Верноном хода с фотографиями и его дискредитации. Хитростью, подхалимажем и лицемерием он сначала втерся в доверие к Вернону, а затем занял его место.

Фотографии также стали инструментом политических манипуляций. О планах Вернона опубликовать скандальный снимок стало известно Гармони, и его окружение сделало все, чтобы нейтрализовать эффект публикации. Была искусно сфабрикована телепередача, в которой перед зрителями появляется счастливая семья Гармони, и его жена, представленная как выдающийся детский хирург, говорит, что она давно знала о наклонностях мужа, но относилась к ним с пониманием и видела в них проявление его индивидуальности, и что это никак не сказывалось на их отношениях, а, наоборот, укрепляло любовь. Эта передача не только стала спойлером, предвосхитившим разоблачающую Гармони публикацию газеты, нейтрализовала общественное мнение и спасла репутацию министра, но и расстроила стратегические планы Вернона. Более того, она полностью дискредитировала Гармони и положила конец его профессиональной карьере.

В романе с фотографиями связана и характерная для творческой манеры Макьюэна деталь – создание некой недосказанности, оставляющей простор для читательских интерпретаций. Так, если в начале романа характер отношений между Молли и Гармони был ясен для читателя, то после обнародования фотографий он становится тайной, порождающей вопросы и ставящей под сомнение прежнюю уверенность.

Итак, фотографии играют в романе важную роль, выполняя в нем несколько функций. Они являются ведущей деталью романа, вокруг которой строится вся интрига, т.е. представляют собой сюжетообразующий элемент. Первое появление снимков определяет завязку сюжета, а последующие – разные этапы его развития, в том числе кульминацию и развязку. Они становятся камнем преткновения для всех персонажей и причиной разрыва между двумя главными героями, кладут конец их многолетней дружбе и, в конечном итоге, косвенно предопределяют трагический финал.

Макьюэн использует прием дискретного экфрасиса, растягивая описание на несколько сцен, что, во-первых, обостряет интригу и усиливает читательское напряжение; во вторых, давая разным персонажам возможность проявить свое отношение к изображенному, он использует оригинальный

прием психологического и социального портретирования. То есть фотографии выполняют характерологическую функцию, выявляя ведущие черты характера всех персонажей.

Фотоэкфрасис в романе также становится эффективным приемом изображения политической борьбы и иллюстрацией манипулятивного использования средств массовой коммуникации для дискредитации или реабилитации ее участников.

Tarek Alshikh Kheder

PLACE AND SPACE IN LITERATURE

In Russian, English and in most languages there is not one, but several words to denote spatial relations, e. g. in English it's "place" and "space," in Russian – "пространство" and "место," in Arabic place means "المكان" and space means "الفضاء" which refers to cosmos. This or that word can be used depending on the context, and when we study literature and the fictional worlds created by authors it's important to differentiate between the categories of space and place. In this article I'm going to demonstrate the main differences between place and space in literature using poetry as an example, specifically Irish poetry.

In his essay *Towards Topopoetics: Space, Place and the Poem* Tim Creswell considers that space is a fundamental fact of the reality of the universe, while place is what humans make out of it. According to Heidegger, being is always placed – existence is thoroughly intertwined with place, or as Creswell puts it, "to be is to be *in place* – to be *here / there*" (T. Cresswell. Towards Topopoetics: Space, Place and the Poem, 2017). If place refers to the area around the humans, space refers more to the cosmos, it means that it is wider than place in terms of the amount. "[S]pace is seen as limitless, empty, divisible and subject to mathematical forms of understanding while place is seen as bounded, full, unique and subject to forms of interpretive understanding" (*Towards Topopoetics*). Space becomes place through experience. This means that there is a deep relationship between place and culture, because through culture place can be identified.

In her book *Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place* (2017) Setha Low gives an overview of theoretical approaches to space and place by philosophers, social theorists, geographers, anthropologists, environmental psychologists and architects. She demonstrates that those who view place as the predominant construct rely on phenomenological theories and epistemologies and those who use space as the all-encompassing construct rely on Marxism, neo-Marxism, mathematics, geometry and historical materialism as their theoretical foundations. For example, Edward Casey who draws on the work of the phenomenologists Edmund Husserl and Maurice Merleau-Ponty argues that space is a modern concept preceded by the premodern notion of place. He suggests that "place is primary and the universal form of all human existence"

(qtd. in *Spatializing Culture*, p. 17). The French theoretician Henry Lefebvre viewed space as a social product and postulated that social space is made up of a conceptual triad of spatial practices, representations of space and representational spaces. Neil Smith focuses on geographical space or, more generally, "the space of human activity, from architectural space at a lower scale up to the scale of the entire surface of the earth" (qtd. in *Spatializing Culture*, p. 21). For environmental psychologists the notion of place includes spatial location, sense of place and a constellation of material things with specific sets of meanings, and for archaeologists the meanings that are attached to places are connected with the past and present experiences of people. Setha Low herself considers space to be the more general and abstract construct; it is preeminently social, produced by bodies and groups of people, as well as historical and political forces. Place for her is "inhabited and appropriated through the attribution of personal and group meanings, feelings, sensory perceptions and understandings" (*Spatializing Culture*, p. 32).

As for poetry, Tim Creswell suggests that poems themselves are "places" in the way that they are not simply about places, rather they are a species of place with a special relationship to what it is to be in (external) place. He argues that the act of building and dwelling which is a poem (according to Heidegger) starts with a blank white space. He says that "by writing poems we gather that space and give it form. <…> The space becomes margins and gaps between words even holes within letters." (*Towards Topopoetics*, p. 323). The process of writing creates a top and a bottom, left and right, beginning and end. This means that space is not only a concept or something to analyze within a poem, but rather, it is the structure of the poem. The very idea of place is bound up with uniqueness and a sense of division from what lies beyond it.

Now I'm going to explain how space and place are reflected in the poems of W. B. Yeats and Seamus Heaney. In his poem *I am of Ireland* (1932) Yeats is speaking about his homeland – Ireland. The poem begins in the following way:

'I am of Ireland,
And the Holy Land of Ireland,
And time runs on,' cried she.
'Come out of charity,
Come dance with me in Ireland.'
<…>

Yeats starts this poem by praising his country with its unique music, instruments and folklore. He feels a deep intimacy for his home, because he considers his country to be a holy land. He goes beyond to assert that Ireland as a people is like one man, which means they share a common love for their homeland, which has had a troubled history. In this poem, we can notice that the concept of space is more strongly present than place, because he talks about Ireland as a homeland in general. Yeats doesn't describe the physical properties of the place that is Ireland, for him Ireland is more like a concept, a space filled with "holiness" and "dancing". It is a land that is very old, and its civilization has deep roots. In fact, the opening lines of the poem come from the medieval Irish lyric poem:

Ich am of Irlonde,
Ant of the holy londe
Of Irlonde.

Goode sire, praye ich thee,
For of sainte charitee,
Com ant daunce wyt me
In Irlonde.

In the poem *The Barn* from Seamus Heaney's first book of poetry *Death of a Naturalist* (1966) Heaney talks about the place where he lived. His family had a farm and they worked on it, so he started describing his place in some poems:

Threshed corn lay piled like grit of ivory
Or solid as cement in two-lugged sacks.
The musky dark hoarded an armoury
Of farmyard implements, harness, plough-socks.

The floor was mouse-grey, smooth, chilly concrete.
There were no windows, just two narrow shafts
Of gilded motes, crossing, from air-holes slit
High in each gable. The one door meant no draughts.
<…>

In this poem Heaney describes the barn on the farm where he and his family lived and worked. His emotional attachment to the place is clear because of the many details that he uses to describe the barn. Here a strong sense of place is created, and Heaney tries to show how a simple place like the farm has its own beauty. At first glance, the barn seems to be a contradictory place with both bad and good qualities. It has no windows, only narrow shafts, but the light of the sun gets through these shafts. According to Tim Cresswell, place is "a gathering of things, practices and meanings in a particular location" (*Towards Topopoetics*), and this is what the poem describes. Also, we see that this place is filled with the speaker's childhood memories, even fears. So place is associated with the existence of memories (events), but space is a vacuum that exists in every place and it is not a condition related to events or memories. Here it is important to consider Seamus Heaney's essay *A Sense of Place* (1977) where he says: "It is this feeling, assenting, equable marriage between the geographical country and the country of the mind, whether that country of the mind takes its tone unconsciously from a shared oral inherited culture, or from a consciously savoured literary culture, or from both, it is this marriage that constitutes the sense of place in its richest possible manifestation" (S. Heaney. A Sense of Place). It is clear that for Heaney place has not only specific geographical but also cultural and psychological characteristics. This corresponds to Setha low's assertion that "subjectivities, inter subjectivities and identities transform space into places – the lived spaces of human and nonhuman importance" (*Spatializing Culture*).

In short, space and place as two concepts have a deep influence on poets and poetry. They play a fundamental role in forming the structure of the poem for the poet, because the poet interacts with his/her environment, and the poems of any poet refer not only to the abstract and universal idea of space but also contain descriptions of particular places associated with subjective, internal experiences. So although differences between space and place in literature seem to be very few, the examples from Yeats and Heaney show that these categories function differently in literature.

М. Н. Шудейко

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МАЛОЙ ПРОЗЫ

Малые повествовательные жанры снова набирают популярность среди современных читателей. Некоторые исследователи (например, Роберт Грэм) считают, что возрождением интереса к малой прозе мы обязаны ускоренному темпу жизни. Современный человек постоянно в спешке, в движении, ему не хватает времени на чтение и осмысление объемных литературных произведений, поэтому инстинктивно он выбирает тексты, имеющие обозримый конец и читаемые, что называется, в один присест. Однако мы ни в коем случае не утверждаем, что это является единственной причиной популярности малых жанров.

Литературоведы уже давно пытаются прийти к единому мнению по вопросу классификации малой прозы, однако пока им это не удается. Одной из главных проблем, с которой сталкиваются исследователи при попытке классифицировать произведения малой формы, является их двойственность. То есть, с одной стороны, существует тенденция к сохранению внутрижанровых признаков, но при этом малые прозаические жанры подвержены изменениям, поскольку не являются статичными – на ход их развития оказывают влияние исторические события, преобладающая в определенный период философия, личность автора, в конце концов.

Цветан Тодоров выделял два возможных аспекта изучения малой прозы. Так, одним из аспектов является теоретическое осмысление особенностей малых прозаических форм, или дедуктивное исследование. В качестве второго аспекта Тодоров предлагал проследить историю становления жанров и их особенностей в конкретные исторические эпохи, что называл индуктивным исследованием. С этим постулатом согласен и Чарльз Мэй, отмечающий, что любой жанр малой прозы диахроничен – он непрерывно развивается, в то же время будучи полностью сформированным в каждую конкретную эпоху. То есть, согласно вышеописанным предположениям, существует, к примеру, жанр готической новеллы конца XVIII – начала XIX века, вполне закрытая категория. Но при этом готическая новелла как разновидность малой прозы на современном этапе имеет свои отличительные черты и продолжает развиваться.

В своем эссе «Философия творчества» Эдгар По впервые сформулировал композиционные принципы малой прозы. Итак, в качестве характерных черт хорошо написанного произведения краткой прозы По выделяет следующие: композиционная и художественная завершенность; новизна и оригинальность замысла; целостность впечатления (которой можно добиться, по мнению создателя теории малых жанров, именно в произведениях небольшого объема). Однако эти характеристики в той или иной мере присущи всем малым повествовательным формам, поэтому стоит подробнее остановиться на различиях, определяющих их.

Какие же жанры малой повествовательной прозы выделяют литературоведы? Однозначного ответа все еще нет, хотя бы по причине вариативности перевода терминов. Итак, в советском и постсоветском литературоведении обычно выделяют такие жанры, как очерк, рассказ, новелла, повесть, по мнению некоторых ученых, имеющие каждый свои поджанры. В свою очередь, зарубежные (в частности, англоязычные) специалисты в области литературы дифференцируют такие жанры малой прозы, как sketch, tale, short story, long story, novella. Среди этих терминов не всегда удается определить полностью синонимичные. Так, например, новелла и novella не соответствуют друг другу. В то время как новелла в русскоязычном литературоведении часто воспринимается практически как синоним рассказа, за рубежом исследователи рассматривают термин novella, скорее, как жанр, соответствующий повести (с точки зрения объема она короче романа, но длиннее рассказа). Некоторые литературоведы (в частности, Поспелов) вообще рассматривают новеллу как частный вид рассказа. Здесь мы попытаемся разобраться с особенностями жанров рассказа (short story) и повести (novella).

Начнем с типичной длины рассказа и novella. Несмотря на то, что многие литературоведы отмечают несостоятельность аргумента об отнесении произведения к тому или иному жанру по количеству страниц/слов/печатных знаков и указывают на гибкость понятия размера в зависимости от исторической эпохи/интенции автора/запроса читателя, такая классификация имеет место. Итак, обычно к рассказам относят произведения, укладывающиеся в диапазон 1 000–4 000, а иногда и до 15 000 слов, при этом выделяя сверхмалую прозу (менее 1 000 слов). В свою очередь, novella традиционно насчитывает от 15 000 до 40 000 слов. Однако встречаются novellas и длиннее, поскольку критики (или сами авторы) относят их именно к этому жанру по иным признакам.

Рассмотрим другие отличительные черты рассказа и novella. С точки зрения видов художественного обобщения, по мнению Т. Саид-Батталовой, для рассказа характерна типизация, то есть демонстрация наиболее характерных черт окружающего мира или персонажей, в то время как в novella можно говорить об идеализации (в особенности касательно новелл эпохи Романтизма), ложном восприятии и отражении действительности, или «объективации субъективного» (по Э. По). И. Кудрявцева отмечает, что «представляется возможным провести типологическое разграничение между ситуациями, которые носят в созданном художественном мире обыденный характер (тем самым автор подчеркивает их типичность), и ситуациями, которые нарушают при-

вычный ход вещей и являются кризисными, “экстраординарными”». В данном разграничении обыденные ситуации, скорее, будут характерны для сюжета рассказа, в то время как «экстраординарные», или необычные ситуации служат катализатором сюжетного действия в novella.

Что касается центрального конфликта рассказа и novella, здесь также в каждом жанре есть свои особенности. В рассказе он зачастую заключен в едином действии и напряженности происходящего, то есть автор берет в качестве сюжета один эпизод из жизни героя и достаточно подробно описывает его, тем самым ограничивая время и место действия и число персонажей, вовлеченных в него. Согласно Е. Благодеровой, «рассказу присуще единство художественного события, важное место занимает авторское повествование, различные описания». Novella же обычно строится вокруг некоего необычного происшествия и менее ограничена в пространственно-временном аспекте. Иными словами, сюжет novella может охватывать более продолжительный промежуток времени, большее количество мест действия и персонажей. С точки зрения И. Виноградова, в novella легко обнаруживается социальное содержание, а также ярко выраженная эмоциональная оценка действительности, из чего следует ее глубокий психологизм. По мнению Р. Грэма, novella может обладать достоинствами, присущими как рассказу, так и роману, при этом не демонстрируя недостатков обоих жанров.

Итак, определив проблемные вопросы классификации малой прозы (среди них двойственная природа малых жанров и неоднозначность терминологии) и рассмотрев некоторые особенности жанров рассказа и novella (объем, виды художественного обобщения и центральный конфликт), мы сделали вывод, что установить разграничения малых прозаических жанров не только возможно, но необходимо для более глубокого изучения краткой прозы в целом.

Яо Юань

КОНЦЕПЦИЯ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ» И «АМЕРИКАНЦЫ БЕЗ ДОКУМЕНТОВ»
(на материале книги К. Вильявисенсио «Американцы без документов»)

Концепция «американской мечты» является ядром духовных ценностей США. Она играет очень важную роль в мышлении американцев и глубоко влияет на все стороны общественной жизни в стране. Она также имеет рекламный эффект для иммигрантов, поскольку призывает их переселяться в США в надежде осуществить эту мечту, включая рабочих из Латинской Америки, прибывающих в США в качестве нелегалов. Для них это мечта о мире, свободе, уважении личности, равенстве между людьми, независимо от их социального положения или происхождения. Главное же – это вера в возможность достижения успеха для всех членов общества. Американская

писательница эквадорского происхождения Карла Корнехо Вильявисенсио (Karla Cornejo Villavicencio) и ее семья, как и многие другие латиноамериканские иммигранты, приехали в США, чтобы найти себя и достичь реализации надежд в этой стране.

Карла родилась в 1989 году в Эквадоре. Ее родители переехали в США на работу в качестве нелегальных иммигрантов, когда ей было только 18 месяцев. Это повлияло на ее психическое здоровье и отношение к родителям. В возрасте 5 лет она последовала за ними и переехала в США, где, наконец, вся семья собралась вместе. Карла усердно работала; с помощью добрых людей она поступила сначала в Гарвардский, потом в Йельский университет и получила степень доктора наук, это очень важно, так как она была одним из первых нелегальных иммигрантов, получивших высшее образование в Гарвардском университете. Можно было бы сказать, что она уже достигла личного успеха и осуществила свою «американскую мечту». Но поскольку Карла начинала с нуля и в процессе осуществления мечты столкнулась с психологическими травмами и страхом из-за нелегального статуса в этой стране, она решила написать о страданиях нелегальных латиноамериканских иммигрантов и их неосуществимой мечте. Ее книга «Американцы без документов» (*The Undocumented Americans*) была опубликована в 2020 году и стала финалистом Национальной книжной премии в номинации нон-фикшн 2020 г.

«Американцы без документов» – невеселая книга. В предисловии Карла пишет, что она не хочет заискивать перед читателями. Она «не ставила перед собой задачи «написать нечто вдохновляющее» [1], поэтому в книге нет рассказов о молодых мечтателях: «они привлекают слишком большое внимание в нашей политике»[2]. Эта книга посвящается всем так называемым «маленьким людям» без документов, то есть негероям.

В своем произведении Карла показывает обычную жизнь и судьбу простых латиноамериканцев, которые приехали в США по разным причинам, например, в надежде на мирную жизнь, саморазвитие, личный успех и т.д. Самая важная причина – светлое будущее своих детей. Эта мысль помогла им перебраться через границу и переехать в чужую землю. Латиноамериканские иммигранты неустанно работают и занимаются тяжелым физическим трудом в качестве курьеров, таксистов, охранников, уборщиков, официантов. После теракта 11 сентября 2001 года многие из них потеряли работу из-за своего нелегального статуса, в том числе и отец автора, который раньше работал таксистом. Иммигранты были вынуждены стоять на углу улицы в надежде найти временную физическую работу. Поскольку безработных было много, а конкуренция среди рабочих существовала острая, им давали очень маленькую зарплату. Родная страна и близкие остались далеко, работа была скучной и неинтересной, и многие из них стали чувствовать себя одинокими, что сделало некоторых алкоголиками.

[1] “I did not set out to write anything inspirational.”

[2] “they occupy outsize attention in our politics.”

Конечно, среди нелегальных иммигрантов есть счастливчики, которые успешно получили легальный статус в США и поднялись по социальной лестнице, но для большинства нелегальных латиноамериканских работяг американская мечта осталась неосуществимой. Они сталкиваются с неравенством, несправедливостью, дискриминацией, расизмом и т.д, что совсем не совпадает с «американской мечтой». У них нет документов, нет и страхования, а это значит, что они не могут получить бесплатную медицинскую помощь даже после того, как храбро помогали ликвидировать последствия отравляющих веществ после теракта 11 сентября 2001 года. Когда нелегальные иммигранты болеют, они вынуждены обращаться за помощью в особую аптеку, где продаются разные лекарственные растения. В заброшенном промышленном городе Флинте они вынуждены пользоваться загрязненной водой. Местные власти их игнорируют и не хотят оказывать им помощь. Из-за того, что у иммигрантов нет документов, они всегда боятся, что их выгонят за пределы страны. Такая угроза действительно существует: работодатели (иногда это латиноамериканцы, т.е. так называемые «соотечественники») часто увольняют иммигрантов или угрожают им. Служба иммиграции США депортирует нелегалов, не учитывая, что у них есть семья в США и они (обычно мужчины) являются кормильцами в семье. Когда же их выгоняют из США, разрушаются семьи, и мечта о светлом будущем разбивается. Особенно страдают дети.

Карла прекрасно знает об этом, потому что сама пострадала от разлуки с родителями, когда была еще младенцем. Именно поэтому Карла с возмущением пишет: «Высший моральный закон здесь заключается в том, что люди имеют право перемещаться, менять место жительства, если они испытывают голод, бедность, насилие или отсутствие возможностей, особенно если такие несчастья в их родных странах создаются именно США, а это происходит в большинстве стран третьего мира, из которых люди мигрируют». Она также прямо называет полицейских «свиньями», а иммиграционную и таможенную полицию США – «нацистами».

Некоторые нелегальные иммигранты не хотят сдаваться. Они скрываются в церквях, чтобы избежать ареста и депортации, но это удается не всем... Эти рабочие без документов приехали в США, чтобы найти свое место в жизни. Они занимались тяжелой физической работой, которую белые американцы не хотят делать, и внесли позитивный вклад в развитие общества. Это добрые и трудолюбивые люди с золотым сердцем. Но по мнению белых работодателей, латиноамериканцы – дешевая рабочая сила и то, только тогда, когда они в среднем возрасте. Когда же иммигранты становятся старыми, они никому не нужны. Некоторые бросают все и возвращаются на родину. Мечта старого поколения оказывается несбыточной. Однако сейчас их сыновья или дочери продолжают бороться за достижение личного материального успеха, чтобы заботиться о родителях. Карла пишет: «...многие дети из семей иммигрантов знают, что в какой-то момент ваши родители становятся вашими детьми, и ваша личная американская мечта становится такой, чтобы они

старели и умирали с достоинством в стране, в которой они никогда не были нужны. Вот как мы ухаживаем за пожилыми людьми, и это отличается от заботы американцев о пожилых людях»[1]. Молодых иммигрантов без документов ждет сходная судьба: они делают такую же работу, как их родители, но подняться по социальной лестнице им практически невозможно.

Как и американские писатели китайского происхождения, Карла написала об истории своей семьи в США: как ее отец кормил семью, как мать нашла себя в этой стране и стала феминисткой, как она с детства стала переводчиком своих родителей и помогала им решать разные вопросы. Но, возможно, по сравнению с писателями китайского происхождения, которые обращают внимание только на себя, самое ценное качество Карлы в том, что она не закрывает глаза на страдания своих соотечественников, а, наоборот, активно защищает их интересы и помогает обычным людям. Она хочет чтобы больше людей узнали о хороших качествах нелегальных иммигрантов, их мечте и реальной жизни.

Писательница не верит в «американскую мечту». Она четко пишет в книге, что эта мечта не осуществима. В США везде дискриминация, расизм, неравенство. «Эта страна забирает их (нелегальных латиноамериканских иммигрантов) молодость, их мечты и труд и не дает им ничего»[2]. Данной теме также посвящена ее статья под названием «Пробуждение от “Американской мечты”» в журнале *The New Yorker*.

[1] “...Many children of immigrants know is that, at some point, your parents become your children, and your own personal American dream becomes making sure they age and die with dignity in a country that has never wanted them. That’s what caring for our elderly different from Americans caring for their elderly.”

[2] ” This country takes their youth, their dreams, their labor, and spits them out with nothing to show for it.”

Т. В. Аникеева

СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Согласно традиционным взглядам, сформировавшимся в русле современной научной парадигмы структурализма, языковые факты и явления должны быть организованы определенным образом, что будет обеспечивать их внутрисистемное включение. Одними из факторов, затрудняющих определение точного места единицы в лексической системе, являются сложность отношений и многообразие критериев, в соответствии с которыми единица может входить в определенные отношения с совокупностью других единиц. В рамках существующих концепций определяющими для системного представления выступают различные признаки и критерии, в соответствии с которыми единица может обеспечивать вхождение в структуры различного типа и объема. Традиционной для семантических исследований является возможность репрезентации единиц лексического уровня в системном аспекте через построение теории семантических полей, выявление синонимических рядов, построение лексико-семантических групп. Однако пространство современного художественного текста репрезентировано множеством единиц различной референциальной и денотативно-сигнификативной специфики, что предполагает необходимость их организации и локализации в рамках языковой системы. Системное представление прецедентных феноменов как самодостаточных семантико-синтаксических референциальных структур должно основываться на иерархическом представлении о каждом уровневом компоненте и отражать отношения и взаимообусловленность элемента с иными компонентами и уровнями структуры.

Возможность рассмотрения средств выражения межтекстовых связей в структурах уровнево-полевого типа обусловлена представлением о прецеденте как о единице, репрезентирующей свое значение в виде иерархично организованной структуры, где сосуществуют, взаимодействуют и реализуются семантические компоненты различных уровней. Многоуровневость репрезентации значения и взаимодействие компонентов позволяют говорить о возможности их репрезентации в виде структур особого типа, которые могут быть определены как прецедентные матрицы. Термин *матрица* представляется удобным для описания феноменов инотекстового присутствия в пространстве художественного текста, поскольку позволяет сфокусировать внимание не только на линейном, плоскостном характере организации схемы, заключающемся в наличии центров или узлов данной схемы, с опорой на которые матрица может существовать и функционировать, но и позволяет говорить о формировании вертикальности в репрезентации матрицы. В особенности, данное положение типично для прецедентного имени или назва-

ния, в структуре которого присутствуют интегрально и дифференциально реализуемые признаковые компоненты, формирующие ядерную и периферийную области значения. В пользу вертикального типа репрезентации значения прецедентного явления также говорит и ставшая на данном этапе традиционной попытка типологизации прецедентных явлений с опорой на сферу-источник, что наиболее общим образом отражает его референциальность. Системность репрезентации прецедентного явления обусловлена линейно-вертикальным способом репрезентации значения, где линейность обусловлена группировкой прецедентных явлений как совокупности текстовых форм репрезентации их когнитивной-кумулятивной стороны, а вертикализация обусловлена опорой на конкретную сферу-источник, служащую источником совокупности значений, реализованных при помощи определенной формы.

Построение матрицы прецедентных феноменов современного художественного текста может осуществляться на функционально-семантическом представлении прецедентной единицы как совокупности лексикографических и функциональных признаков ее репрезентации, что способствует построению связей между единицами, эксплицирующими категорию деятеля, способ освоения окружающей действительности и комментарий к фактам или событиям действительности. Основой матричного представления прецедентных феноменов в рамках языковой системы является репрезентация значения в центральных узлах данной матрицы. Построение матрицы с учетом центральной категории деятеля согласуется с принципом антропоцентризма, традиционно принятым в современной научной парадигме. При этом основным фактором, обуславливающим функциональный потенциал матрицы, служит кумулятивность и эксплицитность выражения категории деятеля. В рамках исследуемых единиц наиболее эксплицитно категорию деятеля представляет прецедентное имя. В случае прямой номинации, то есть называния известного лица, автора или персонажа произведения, матрица фиксирует факт отбора одной из признаковых последовательностей, обеспечивающих процесс интерпретации. Тем не менее прецедентное имя может предполагать возможность подключения к нему определенных признаков или характеристик, которые содержатся в его признаковом составе в свернутом, неэксплицированном виде. В случае намеренного опущения прямой номинации, деятель представлен неэксплицитно, но хорошо знаком адресату и адресанту, и его узнавание основано на ассоциативно закрепленных признаках и пропозициональном языковом способе его представления, что предполагает реконструкцию прецедентного имени: *Он вспомнил, как много лет назад я пошутил, коснувшись своих арамейских корней: народ мой произошел от* ***бедняги, которого собственный отец обрек на жертву*** (Л. Зорин «Выкрест»). Связь прецедентного имени как экспликации категории деятеля и прецедентного наименования как единицы лексико-фразеологического типа в рамках матричного способа представления предстает через категорию партитивности, репрезентируя отношения «часть – целое»: спектр значений прецедентного имени может содержать прямую (рефренциальную) или ассоциативную

отсылку к определенному способу взаимодействия или факту (явлению), выраженному при помощи прецедентного наименования, что может быть отражено в прецедентном наименовании: *Ее великая иллюзия держится на человеческом самообмане. Кто из нас не догадался обо всем по выражению лица собеседников, и не делал* ***шерлокхолмсовских выводов*** *по поводу одежды ближнего своего* (А. Матвеева «Памяти памяти»).

В отличие от прецедентного имени, которое должно иметь устойчивую узнаваемость среди членов определенного лингвокультурного сообщества и обеспечивать референциальную устойчивость, наибольшую среди прецедентных феноменов, структуры комментирующего типа входят в матрицу на правах нежесткой фиксации связей между узлом-именем и его комментирующим компонентом. Наиболее явно это проявляется в ложноатрибутивных конструкциях, когда, в силу растиражированности комментирующе-цитационного компонента, нарушается устойчивость его связи с определенным прецедентным именем, что отражено в позиции адресанта. Однако, несмотря на динамику фонда цитационных компонентов, они не могут восприниматься в отрыве от референциальности источника, поскольку практически узнавание сферы-источника заимствования, или, по крайней мере, общеизвестность фрагмента для определеннного лингвокультурного сообщества, не может быть оспорена: *труба ерихонская, плодитесь и размножайтесь*.

Проанализированные положения позволяют сделать несколько выводов относительно способов системной организации прецедентных феноменов современного художественного текста. В качестве одного из типов системного представления данных феноменов могут выступать прецедентные матрицы – особый тип репрезентации признаково-аксиологического потенциала прецедентного феномена, позволяющий активизировать референциальную связь между когнитивно-кумулятивными феноменами современного художественного текста. Центральными элементами матричного представления являются номинативные единицы и комплексы, обладающие наибольшим кумулятивным потенциалом и способные выстраивать признаково-референциальные связи различной степени плотности в отношении других единиц современного художественного текста. Связь с матрицей языковых средств, обладающих нарицательным и дескриптивно-пропозициональным характером, осуществляется на основе установления их связи с компонентом, актуализирующим их значение для реципиента и функционирующим как текстовый актуализатор. Компоненты, носящие цитационный и комментирующий характер, могут присоединяться к матрице через прямую референциальную отнесенность, формируемую вследствие частотности использования и узнаваемости фрагмента для представителя лингвокультурного сообщества, что может быть облегчено признаковой дескрипцией, также являющейся узнаваемой для адресата и адресанта. Принадлежность цитационных или комментирующих компонентов и их включение в сферу-источник может осуществляться на основе вертикальной апелляции к имени или иному текстовому актуализатору или предполагать включение на основе ситуативного компонента, который формирует субсферальный уровень.

Н. М. Грищенко

МИФ И СИМВОЛ В ТЕКСТЕ ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(на примере архитектуры А. Гауди)

Рубеж XIX – XX веков охарактеризован в Каталонии ярким расцветом культуры и искусств. Этому поспособствовало возникшее во второй половине XIX века культурное и литературное течение, которое получило название национального Возрождения (Renaixença Catalana).

Уже в середине XIX века в Каталонии формируется общественный запрос на возвращение прежнего политического и социального статуса страны, утерянного со времен правления Католических королей, а мощный культурный всплеск позволяет Барселоне правомерно разделять звание «столицы модернизма» наряду с Парижем. Этот период характеризуется появлением в Каталонии разнообразных живописных, архитектурных и литературных течений и школ. Однако генератором идей для людей искусства того времени становится каталанский архитектор Антони Гауди.

Работы А. Гауди служат своеобразным культурным стимулом, вдохновляющим уже более века многих поэтов, скульпторов и художников. Архитектура Гауди – это своеобразная творческая мастерская многих великих мастеров, среди них П. Пикассо, С. Дали и Ж. Миро. Представляются вероятными несколько объяснений такой исключительной популярности и мощного воздействия Гауди на современников и последователей.

Во-первых, творчество Гауди основано на библейской символике. Будучи глубоко верующим человеком, Гауди активно использовал в своих работах аллюзии и отсылки к Священному Писанию.

В искусстве символ представляет собой характеристику художественного образа с точки зрения его осмысленности, выражения им некой художественной идеи. Он способен пройти по коммуникативным сетям любого вида, не встречая препятствий; в большинстве случаев символ понятен, располагает к восприятию, имеет больше шансов закрепиться в долговременной памяти. В силу вступает фактор традиции, консерватизма, который формирует историческую память культуры. Именно этим объясняется тот факт, что религиозность народов Иберийского полуострова находит широкое отражение в искусстве и литературе.

С другой стороны, для нормального функционирования культуры важны и традиции, и новаторство. Революционная архитектура Гауди во многом предвосхитила свое время. Она представляет собой новаторское сочетание причудливости форм, новизны методов и принципов проектирования с устоявшимися, привычными понятиями и концептами. Гауди никогда не был приверженцем чистоты и строгости одного стиля, напротив, он активно экспериментировал со смешением различных стилей и эпох. Его искусство эклектично, оно впитало наследие многих цивилизаций, в свое время населявших территории Иберийского полуострова.

Во взаимосвязи *символ – миф* символ может быть представлен: 1) как тип знака, непосредственно вызываемый мифологическим сознанием, и 2) как тип знака, который только предполагает мифологическую ситуацию. Исходя из этого, символ должен различаться как отсылка к мифу как тексту и как отсылка к мифу как жанру. В последнем случае символ претендует на создание мифологической ситуации и выступает как творческое начало: зачастую символ представляет собой сублимированную программу творческого процесса. Причем процесс развертывания потенций символа имеет необратимый и непредсказуемый характер, поскольку по своей природе творческий процесс лишен симметрии.

От мифа символ унаследовал его социальные и коммуникативные функции. При этом для мифологических образов и символов характерна высокая степень эмоциональной интенсивности, т. е. символическое воображение является необходимым механизмом для осуществления процесса семиозиса.

В частности, в работах Гауди четко прослеживается тесное переплетение библейской и национальной мифологии. Например, дракон выступает в трех ипостасях: как змий-искуситель, охраняющий древо познания в саду дома Гуэль (Güell); дракон как персонаж библейского сюжета о Святом Георгии Победоносце, который является покровителем Каталонии; и дракон как ящер, – символ Каталонии, ее родовой предок. Подобно тому, как ящерица способна отбрасывать свой хвост, на месте которого вырастает новый, также и Каталония, согласно идеям Гауди, должна стремиться к вечному возрождению и обновлению.

Дракон как ящер появляется также на парадной лестнице парка Гуэль (Güell), при этом фигура ящера движется по направлению к морю, что подчеркивает важную роль моря в жизни Каталонии.

Достаточно часто в орнаменте, украшающем здания Гауди, появляются изображения креста (эмблемы христианской веры), символизирующего четыре стороны света и средоточие энергии добра, и солнца (общеизвестный языческий символ), которое на территории иберийского ареала трактуется как источник вечной молодости и созидания.

Кипарис традиционно воспринимается в средиземноморской мифологии как мистический символ смерти и траура, но поскольку он относится к вечнозеленым растениям, то получает в работах Гауди еще одну трактовку и осмысливается уже как символ возрождения к жизни после смерти. Неслучайно на одном из фасадов собора Святого Семейства в Барселоне Гауди помещает кипарис над фигуркой пеликана, что служит отсылкой к воскресению Христа: пеликан в раннехристианской традиции отождествлялся с самопожертвованием, так как долгое время считалось, что пеликан, кормя птенцов, вырывает из груди свое сердце.

В связи с этим возникает возможность проведения исследования в двух направлениях: изучение мифологической концептосферы средиземноморского ареала как субстрата испанской культуры, поставляющего иберийской культуре архетипические мифологические образы, и исследование внедрения

новых активных элементов, создающих особые зоны конвергенции, для которых характерно ускоренное смыслопорождающее взаимодействие. Предполагается, что сведенные в единую систему эти культурологические инновации будут способствовать не только заимствованию старых мифопоэтических архетипов и символики, но и порождению новых.

David Santamaría Mariscal

EL JUDEOESPAÑOL (LADINO): LA LENGUA DE LOS JUDÍOS SEFARDÍES

Durante estos minutos me gustaría hablarles sobre una de las partes más olvidades de la hispanistica, no solo en este país, sino en todo el mundo. En los planes de estudios de la universidades es muy difícil, por no decir prácticamente imposible, encontrar alguna asignatura dedicada a esta materia y los especialistas son pocos y han tenido escaso apoyo institucional. Tenemos motivos para la espereza porque en los últimos años parace que está situción, muy poco a poco se está solucionando. Por eso, me parece importante hablar en foro como este sobre un tema, que desde mi punto de vista, tiene mucho pasado por estudiar y por ello, mucho futuro para los especialistas.

Antes de entrar en materia me gustaría hacer una aclaración sobre el término que voy a usar para referirme a la lengua, que aún en la actualidad, usan algunos judíos sefardíes para comunicarse y que consideran su lengua materna.

En España se usa en la actualidad tanto el término "judeoespañol" como "ladino" para referirse a este mismo idioma, aunque sus hablantes prefieren llamarlo ladino. Para despejar las dudas vayamos al Diccionario de la Real Academia de lengua Española.

Del DRAE nos interesan las acepciones que describen sustantivos masculinos (6, 7, 8 y 9). El número seis hace referencia a una lengua hablada en el norte de Italia que por una casualidad lingüística lleva el mismo nombre que la lengua que atañe a esta presentación, pero que solo tienen en común su origen romance (derivan del latín). El número 7 es el que podría llevarnos a una confusión más profunda, ya que ladino, es el nombre que usaban los judío españoles para traducir las escrituras hebreas a la lengua castellana de manera literal sin tener en cuenta las normas gramaticales del castellano de la época. El número 8 hace referencia al idioma judeoespañol, como variedad del español, es decir, la lengua ladina tal y como durante siglos y hasta la actualidad ha hablado la comunidad judía descendiente de los sefardíes españoles.

El ladino es uno de esos idiomas que tenemos que describir en función de ¿quién? y no de ¿dónde?, como pasa con la mayoría de las lenguas que no son reconocidas como oficiales por algún estamento político-social. Las lenguas reconocidas oficialmente suelen recoger en su definición, en primer término, el lugar en el que son habladas, el noruego en Noruega, el italiano en Italia, y el español en España, México, Argentina, etc. En cambio, cuando hablamos de lenguas que

no tienen ese estatus oficial en ningín territorio en la definición tenemos que hacer refencia al grupo de hablantes que las usa, en este caso, hablamos de los descendientes de los judíos que fueron expulsados de los reinos cristianos de la península ibérica en el año 1492.

El nombre de los serfadíes proviene de *Sefarad* que es el nombre en hebreo de la época para la península ibérica. Aún en la actulidad es la palabra usada para España. Hay teorías que afirman que esta palabra provendría de *sefer* que en hebreo significa libro, ya que durante los años de conviviencia pacífica de las tres culturas en la península ibérica tuvo lugar uno de los momentos dorados la literatura hebrea. Los sefardíes estaban totalmente integrados en la organización social de las ciudades medievales de la península ibérica y nunca se consideraron extranjeros en estas tierras.

El sentimiento de arrigaigo de esta comunidad era tan fuerte que, incluso después de la publicación del edicto de los Reyes Católicos por el cual se ordenaba su expulsión de los territorios, en absoluto deseaban abandonar lo que ellos consideraban que era su país. Comentaré rápidamente tres hechos para ilustrar un poco este sentimiento. Primero: intentaron convencer a los Reyes Católicos y a la Iglesia con el Argumento de la disculpa judía para hacer ver que las motivaciones de su expulsión no era reales. Segundo: tras el fracaso del primer intento, muchos judíos empezaron a entender que la expulsión, finalmente, se produciría, pero no llegaron a pensar que fuera una expulsión durarera y por ello decidieron no vender sus inmubles, a pesar de que tenían derecho para hacerlo y también para poder salir de la península con el producto derivado de dicha venta. Se fueron y se llevaron las llaves de su casa. La llave serfardí se ha convertido desde entonces en el símbolo de la añoranza de los judios por su país y muchas familias aún convervan como si de un tesoro se tratase las llaves de Seferad. Tercero: (relacionado con el tema que nos ateñe hoy) a parte de sus llaves, se llavaron también su idioma, la lengua, o las diferentes variantes de lenguas que se hablaban en la península en ese mismo de la expulsión, ya que en todo momento pensaron que la expulsión no se produciría o sería algo temporal. Este punto es el punto exacto en el que nace esta lengua, ya que de no haber sido por la expulsión la forma de hablar de los judíos españoles habría evolucionado en consonancia con la evolución producida en la península, al salir esta comunidad del "nido" su camino se separa de los procesos que posteriormente tuvo el castellano hasta convertirse en la lengua que hablamos ahora mismo.

Las principales rutas de huída de los judíos españoles tuvieron como destino principal el Imperio Otomano, ya que en aquella época se llevaba a cabo un política religiosa de tolerancia hacia los judíos. Los asentamientos más numeros fueron Salónica, Sarajevo, Belgrado, Estambul y Esmira. Los judíos sefardíes se organizaron en sus nuevas ciudades de residencia y no perdieron ni sus costumbres ni su idioma (el español de finales del siglo XV y principios del siglo XVI). Este idioma vivió en una burbuja, hablado en una comunidad que nunca era la mayoritaria y que tenía que mantenerse con vida a toda costa, ya que era la parte esencial que distingua al grupo judío sefardí del resto. Esta situación de conservadurismo

lingüístico ha tenido como consecuencia que en la actualidad se mantenga viva (su objetivo principal) y también que no se haya modificado prácticamente desde el momento en el que los primeros judios salieron de España. Es por ello, que tanto las estructuras gramaticales o como los tiempo verbales son en ladino, a día de hoy, utilizados como los antiguos habitantes de la península alrededor del año 1492. En cambio, en lo relatico al léxico, a pesar de ser bastante estable desde la fecha de la expulsión y tiendo en cuenta lo cerradas que podían ser estas comunidades es de resaltar la introducción de palabras procedentes de la realidad lingüítica en la que estaban sumergidos los sefardíes, por lo que empezaron a usarse palabras, sobre todo, de origen griego, turco y eslavo.

La escasísima alteración del idioma en su forma hablada contrasta con la gran volatilidad en su forma escrita, es decir, el alfabeto utilizado ha ido variando no solo según la época, sino también la región en la que vivía cada comunidad concreta. A pesar de todo esto, en los últimos años se está llevando a cabo un trabajo de estabilización ortográfica por parte de los activistas sefardíes que se esfuerzan en que la lengua no caiga en desuso. En sus orígenes, los judíos españoles escribían sus texto con el alfabeto rashi, pero el ladino ha sido escrito con el alfabeto árabe, con el alfabeto cirílico y en mayor medida con el alfabeto hebreo y con el alfabeto latino.

En referencia a la cuestión ortográfica es necesario mencionar que este punto no se podría explicar si no atendemos a los procesos históricos sucedidos en Europa durante el siglo pasado. Es imposible no mencionar que la Segunda Guerra Mundial practicamente exterminó la población serfardí de los balcanes. Los pocos que se salvaron son los que pudieron huir hacia un destino más seguro como Turquía o Israel, es por ello, que tanto en Israel como en Turquía se encuentran las comunidades más numerosas en la actualidad. En Turquía los sefradíes continúan conservando el judeoespañol. Durante las últimas décadas del siglo XX es en este país el único lugar donde podemos encontrar prensa escrita en ladino y aunque la población está envejeciendo aún podemos encontrar un suplemento semanal completamente en ladino "Şalom", editado en Estambul. Paradójicamente, Israel, el lugar más seguro para todos los judíos del mundo, es un lugar en el que el judeoespañol muere. Las políticas de integración de los repatriados al país posicionan al hebreo como la lengua en la que todos los habitantes deben hablar. Este hecho, la identificación del hebreo en Israel con el judaismo y la tradición es el que desplaza al ladino, puesto que durante los años que vivieron en los balcanes este papel que ahora juega el hebreo en el Israel era el que desempeñaba el ladino. Sin embargo, ha sido en Israel y gracias al trabajo realizado por una de las revistas más influyentes en ladino de finales del siglo pasado y principios de este, "Aki Yerushalayim", donde se ha establecido el sistema de escritura para la lengua más utilizado en la actualidad por los sefardíes que quedan en Israel y los que viven en el resto del mundo, excepto en Turquía, donde siguen la ortografía marcada por "Şalom" de claro caracter turquizante. El éxito de la propuesta de "Aki Yerushalayim" reside en lo que también se ha convertido en la mayor fuente de crítica. La idea de la redacción de la revista fue hacer la escritura

de la lengua ladina lo más simple posible, ejemplo de ello es la desaparición de las letras C y Q en favor de K, o la distinción de G para los sonidos [g~ɣ] y H para el sonido [x] entre otras normas. Una de los principios irrenunciables para ellos era que no debían usarse diacríticos o símbolos añadidos a las letras latinas, por lo que descartaron las tildes ortográficas, la letra Ñ en favor del diagrafo NY, conservaron CH y añadieron también SH y DJ.

La creación de *La Akademia Nasionala del Ladino – Djuedeo-espanyol* "La Academia Nacional del Ladio – Judeoespañol" en 2018, y su acuerdo con la Real Academia de la Lengua, por la que se convertía en una academia correspondiente de la RAE en Israel parece ser un intento para intentar revertir la situación en aquel país. La ANL reconoció la ortografía de "Aki Yerushalayim" convirtiéndola, de alguna manera, en la ortografía oficial, ya que esta institución es la única con reconocimiento oficial que se dedica exclusivamente al ladino. La asociación con la RAE y con el resto de academias de español del mundo (ASALE) reconoce que el ladino es una variante del español, aunque está exenta de seguir las recomendaciones propuestas por el resto de academias del español.

No puedo terminar sin dedicar unas palabras a los últimos acontecimientos. La ley del 2005 que devuelve la nacionalidad española a los judíos sefardíes y la creación en 2017 por la Universidad de Alcalá de Henares de los Estudios Sefardíes son señales inequívocas de que el ladino tiene mucho futuro para hebreístas e hispanistas.

Я. С. Детскина

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ МЕДИАДИСКУРСА

Исследование языковых особенностей медиадискурса является важным и актуальным направлением в лингвистике в связи со стремительно возрастающей ролью средств массовой информации в современном социуме. СМИ влияют не только на формирование общественного мнения, но и на сознание людей, систему духовных ценностей, национальную культуру, а также речевую практику социума.

Возрастающая значимость средств массовой информации в современной общественной жизни и их роль в качестве фокуса основных процессов эволюции литературного языка также обусловливает актуальность данного исследования. Эволюция языковых норм представляется неизбежным явлением в силу социальной обусловленности языка. Современные средства массовой информации наиболее оперативно реагируют на любые языковые изменения и нередко отступают от норм речеупотребления, что вызвано стремлением адресанта к выразительности с целью развлечения аудитории и желанием в большей степени соответствовать предпочтениям адресата.

Текст как высшая единица коммуникации, рассматриваемая в качестве процесса и результата дискурсивной деятельности, предоставляет широкие возможности для сопоставительного изучения закономерностей функциони-

рования других коммуникативных единиц, составляющих специфику тех или иных текстовых жанров, в том числе и в сопоставительном аспекте в различных языках и культурах.

В настоящем исследовании изучению подвергаются художественно-публицистические жанры медиадискурса. Данные жанры, наряду с новостными и аналитическими текстами, образуют медийный дискурс, роль которого постоянно возрастает в жизни современного общества.

Художественно-публицистические жанры являются наиболее сложными, здесь наряду с содержанием особую эстетическую роль играет форма. Это предполагает повышенную требовательность к языку, художественной образности, эмоциональной насыщенности.

Центральное место среди этих жанров занимает очерк. Он сочетает в себе репортажное, исследовательское и писательское начала. При этом не просто сообщает факты и выводы, но в нем присутствует и художественное обобщение, и осмысление действительности. В отличие от аналитических статей, в очерках вполне уместны метафоры и другие художественные приемы. Существуют следующие виды очерков: *описательные, сюжетные*.

О п и с а т е л ь н ы е очерки описывают события в хронологическом порядке и делятся на: событийные – посвящены какому-либо событию, явлению; путевые – рассказывают о дорожных впечатлениях, включают зарисовки природы, быта людей.

Путевой очерк представляет собой описание событий, встреч с людьми, участником которых во время своего путешествия является журналист. По своей сути очерк нередко напоминает дневниковые записи. Описание событий происходит последовательно. Среди явлений отбирается самое интересное, значимое для аудитории. Очень часто в путевой очерк журналист добавляет вспомогательную, например, статистическую информацию, а также личные наблюдения из прошлого. Может включать в себя элементы других очерков. Например, портретный используется для описания людей и их нравов, которые повстречались автору во время его путешествия. Также элементы проблемного очерка могут использоваться для анализа ситуации в разных городах и селах.

С ю ж е т н ы е очерки отличаются постановкой проблемы, бывают портретные, проблемные и художественные. Портретный очерк содержит внутренний и внешний портрет героя, описание его чувств, мыслей, поступков. В данном виде очерка в центре находится главный герой, его личность. Весь материал посвящен раскрытию внутреннего мира персонажа, его взаимодействию с внешним миром, попыткам разобраться в мотивации своих поступков, жизненных целях и приоритетах. Такой герой, как правило, является определенным «символом эпохи», «героем нашего времени». Чаще всего это краткое изложение биографии, набор классических человеческих качеств. Поэтому портретный очерк больше литературный жанр, чем публицистический.

В центре проблемного очерка не человек, а его отношение к поднятой проблеме. Данный очерк вступает в диалог с читателем, обозначает проблемную ситуацию, а потом соображения по этому поводу, подкрепляя их официальными данными, художественно-изобразительными средствами. Этот жанр популярен больше в журнальной периодике, так как по размеру и глубине превосходит газетные аналитические статьи.

Художественный очерк не имеет адресата, отличается обобщенностью, служит выражением чувств и эмоций автора.

Следущий жанр, который можно выделить, – эссе. Это жанр литературы, в котором посредством логических размышлений автор пытается сформировать у читателя представление о собственном понимании процессов и явлений действительности. В нем присутствует высокий эмоциональный накал. Обязательное условие – присутствие автора. Основу эссе составляют размышления автора, которые подкрепляются важными выводами. Язык эссе является максимально красочным, а темы эссе актуальными. В эссе, как правило, отсутствует сюжет, и он представляет собой свободный поток информации. Выделяют следующие виды эссе по тематике: политические, экономические, литературные, публицистические.

Фельетон является сатирическим жанром. Его цель – обратить внимание на всевозможные пороки, осмеяние или отрицание негативного социального явления с помощью юмора, иронии, сарказма. Фельетон может быть адресным, высмеивающим конкретный факт, и безадресным, обличающим негативное социальное явление.

Пародия представляет собой сатирическое изображение чужой речи. Например, литературного произведения, политического выступления, научного или философского сочинения.

Малым жанром является сатирический комментарий, который отличается от аналитического установкой на использование художественных средств (иронии, гиперболизации). Функциональная цель сатирического комментария – сопровождение события или явления комментарием, построенном на выявлении и высмеивании нелогичности, непоследовательности.

Таким образом, можно сделать вывод, что СМИ влияют не только на формирование общественного мнения, но и на сознание людей, систему духовных ценностей, национальную культуру, речевую практику социума. Художественно-публицистические жанры являются сложными, так как наряду с содержанием особую роль играет форма, что предполагает требовательность к языку, художественной образности, эмоциональной насыщенности. Каждый вид жанра имеет определенные характеристики. Также важно отметить, что художественно-публицистические жанры не ограничены четко прописанной структурой, именно в этих жанрах предоставляется относительная «свобода» выражения авторских умозаключений.

В. Т. Иватович-Бабич

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Языковая концептуализация мира – это процесс духовно-вербального освоения и восприятия окружающей человека действительности, связанный с формированием особой фразеологической картины мира. Под *фразеологической картиной мира* (ФКМ) понимается универсальная, свойственная всем языкам, образная система особых устойчивых единиц, фиксирующих особенности национального мировидения.

Отличительными характеристиками ФКМ являются следующие: универсальность, антропоцентризм, экспрессивность. Безусловно, ФКМ является фрагментом языковой картины мира, кроме того, ФКМ можно рассматривать как языковой феномен национально-культурного наследия, поскольку ее основу составляет образное мировидение, формирующееся в процессе многовекового постижения и преобразования человеком окружающей действительности. ФКМ представляет собой совокупность знаний о мире, прежде всего, на уровне обыденного сознания, в связи с чем она может рассматриваться как компонент наивной картины мира. Следует отметить, что иногда терминологические словосочетания *фразеологическая картина мира* и *наивная картина мира* рассматриваются как синонимичные, однако, на наш взгляд, такое отождествление не совсем корректно, поскольку содержание наивной картины мира, как известно, не ограничивается фразеологией.

В устойчивых оборотах языка закрепляются типичные фрагменты действительности (состояние, действие, качество, количество, ситуация, степень и т.д.), переосмысленные так, что за ними стоят существенные связи. Эти ситуации становятся стереотипом поведения людей, обусловленным культурно-национальным мировидением. Безусловно, антропоцентрический характер фразеологии в определенной степени обусловил ряд универсалий, свойственных любой национально-культурной общности. Прежде всего это касается соматической фразеологии, поскольку анатомически люди имеют схожее строение, и это не зависит от национальной принадлежности, однако в разных языках реальность представлена по-разному, имеет свою специфику даже в такой универсальной сфере, как тело человека.

Важным дополнением антропоцентрического подхода к изучению языковых явлений, связанных с репрезентацией человека в языке, прежде всего в интересующей нас фразеологии, должен стать аксиологический аспект. Он предполагает определение того, что человек считает ценностным для себя и для общества в целом, так как изучение ценностной картины мира в языке на основе базовых ценностей, отраженных во ФКМ носителей в том числе

разносистемных языков, представляется очень перспективным для понимания не только сущности языка, но и самого человека, совершенствования межкультурной коммуникации этносов.

Таким образом, мы можем отметить, что антропоцентрическая фразеология в определенной степени предопределила возникновение аксиологической фразеологии. Семантическая структура большинства фразеологизмов включает в себя эмоционально-экспрессивный компонент, предполагающий наличие во ФЕ оценочных сем, что позволяет говорить о целесообразности рассмотрения аксиологического аспекта фразеологии.

Большинство ФЕ с точки зрения их семантики характеризуется оценочностью, в связи с чем можно говорить о том, что анализ языкового материала, в частности фразеологического, предполагает выделение элементов с аксиологическими характеристиками, которые либо имплицируют оценочные характеристики высказывания, либо отражаюм национально-культурные ценности.

Е. И. Диброва предлагает выделять следующие виды частнооценочных значений, входящих в семантическую структуру фразеологических единиц: эмотивная оценка; этическая оценка; интеллектуальная оценка; нормативная оценка; квалификативная оценка.

Следует отметить, что выявление образной составляюшей фразеологизмов наряду с анализом их семантики позволяет не только установить национальные ценности, но и уточнить их иерархию в том или ином социуме: некоторые универсальные ценности могут быть репрезентированы в большей степени во ФКМ одного лингвокультурного сообщества относительно другого.

По мнению многих исследователей, в том числе Е. В. Бабаевой, изучение фразеологии в аксиологическом аспекте в зеркале базовой системы ценностей открывает доступ к ценностно-нормативной системе социума, позволяет охарактеризовать культуры и отдельные индивидуумы по системе ценностных приоритетов, кроме того, это позволяет в определенной степени объяснить основы мировоззрения, а также мотивы поведения как отдельного человека, так и нации в целом, что является, несомненно, важным в условиях интеграции и межкультурной коммуникации.

Лингвоаксиологический аспект исследования ценностей и антиценностей на фразеологическом уровне предполагает формирование понятия аксиологической фразеологической оппозиции, которая носит универсальный характер и состоит из фразеологизмов, семантика которых соотносится с конвенциональными ценностями и, соответственно, фразеологизмов, семантика которых отражает конвенциональные антиценности, такими оппозициями являются «жизнь – смерть», «здоровье – болезнь», «ум – глупость» и другие, следует отметить, что они тесно связаны с конвенциональной ценностью «счастье» и конвенциональной антиценностью «несчастье».

И. С. Каминская

ПЕЙОРАТИВНЫЕ НОМИНАЦИИ В СОСТАВЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ К АНТРОПОНИМАМ
(на материале «Русского ассоциативного словаря»)

Ассоциативный словарь, являясь репрезентацией картины мира носителя языка, отражает специфику мировосприятия как отдельной личности, так и лингвокультурной общности в целом.

Антропонимы исследуются лингвистами в различных аспектах, в том числе имена собственные включаются в вербальные ассоциативные эксперименты в качестве слов-стимулов, что отражено в ассоциативных тезаурусах, в частности в «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю. Н. Караулова (http://tesaurus.ru).

Репрезентация понятия в ассоциативном словаре может отличаться от других лексикографических источников. Например, имя собственное в энциклопедических словарях определяется через статус его носителя (*Исаак Ньютон – английский физик, математик, механик и астроном, один из создателей классической физики; Леонид Брежнев – 1-й (1964–1966) и генеральный (1966–1982) секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума ВС СССР (1960–1964, 1977–1982), Маршал Советского Союза (1976), Герой Социалистического Труда (1961), Герой Советского Союза (1966, 1976, 1978, 1981)*, в то время как в словаре ассоциаций могут быть представлены иные репрезентационные модели (*Ньютон – яблоко; Брежнев – брови, застой, 5 звездочек*).

Н. В. Васильева в статье «Антропонимы в ассоциативном словаре: к основам когнитивной ономатологии» выделяет следующие типы ассоциаций к антропонимам:

– комплетив: *Ленин – мавзолей, манифест, памятник, партия; Ельцин – танк; Чайковский – Щелкунчик, балет, Лебединое озеро, озеро, опера, симфония, фрак, Ромео и Джульетта;*

– агенс в сочетании с предикатом: *Ленин – жив, умер, прав, учил; Ельцин – лжет, уже показал; Чайковский – старый;*

– комитатив: *Ленин – Маркс, Сталин; Ельцин – Горбачев, Клинтон; Чайковский – Белинский, Жуковский, Мусоргский, Рахманинов;*

– идентификатор: *Ленин – вождь, коммунист, совесть нашей эпохи, дедушка; Ельцин – президент, вождь, демократ; Чайковский – композитор, музыкант;*

– локус: *Ленин – мавзолей, в Горках, Ульяновск; Ельцин – Урал, Россия, в Сочи;*

– время: *Ленин – 17 год;*

– метаслово: *Ленин – человек; Ельцин – человек;*

– развертывание формулы имени: *Ленин – Владимир Ильич, Ильич; Ельцин – Борис, Боря, Б.Н.; Чайковский – Петр, Петр Ильич.*

Среди идентифицирующих ассоциаций к именам собственным отмечаются пейортивные номинации – слова или словосочетания, выражающие отрицательную оценку кого-либо, чего-либо (*подлец, корова, предатель* и т.п.).

Проведенный нами анализ пейоративных номинаций в качестве реакций на стимулы-антропонимы включал только фамилии, значимые для русской / советской культуры. Мы рассматривали имена реально существовавших людей. Среди них:

– имена писателей: *Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Чернышевский, Толстой, Чехов*;

– имена политиков и правителей государств: *Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев, Горбачёв, Ельцин, Наполеон, Петр I*;

– имена известных деятелей культуры, искусства, космонавтов и пр.: *Гагарин, Кобзон, Чайковский, Никулин*;

– имена ученых: *Ломоносов*.

Исследование показало:

1) в выборке, при наличии мелиоративов, практически отсутствуют пейоративные реакции на имена русских писателей, ученых и деятелей культуры, что говорит о восприятии респондентами родной культуры как одной из важнейших ценностей.

Немногочисленные реакции с отрицательной оценкой выявлены среди ассоциаций к именам *Достоевский (г…о)* и *Чернышевский (чушь, тоска)*. Отметим, что в данном случае реакция характеризует не отношение к личности, а отношение к творчеству писателей. Также пейоративы присутствуют в ассоциативном поле к имени *Кобзон – грязный кабак, мафия, фашист*. Здесь отрицательная оценка связана не только с творчеством известного певца, но и с его социальной жизнью (депутатская деятельность, связь с преступными группировками).

2) наибольшее количество реакций-пейоративов было выявлено в ассоциативных полях к именам политиков советской и ранней постсоветской эпохи – *Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев, Горбачёв, Ельцин*, что, по нашему мнению, отражает в целом негативное отношение русского общества к данной сфере деятельности. Интересно, что наиболее частотной ассоциацией к стимулу *политика* в «Русском ассоциативном словаре» стало имя прилагательное *грязная*.

Лексико-семантический анализ исследуемых пейоративов показал, что отрицательная оценка политиков направлена на:

– морально-нравственные качества: *Ленин – ничтожество, злой гений; Сталин – гад, дьявол, маньяк, урод, фашист; Хрущев – свин, свинья, урод; Горбачев – мудак, гад, заср…ц, обманщик, урод; Ельцин – козел, кровопийца, свинья, морда;*

– интеллектуальные способности: *Ленин – дурак; Хрущев – дебил, дурак, дятел; Брежнев – дурак, маразматик; Ельцин – дурак, болван;*

– речевые характеристики: *Ленин – демагог; Ельцин – болтун;*

– образ жизни / манеру поведения: *Ельцин – алкоголик;*

– политический статус: *Ленин – вождяра; Сталин – деспот, диктатор, тиран; Горбачев – дрянной политик; Ельцин – неудачник;*

– внешний облик / физические характеристики: *Брежнев – губошлеп, жаба, калека.*

Из 51 пейоративной реакции 18 единиц (35 %) принадлежит ассоциативному полю к имени *Ельцин,* что можно объяснить влиянием экстралингвистических факторов – временем проведения эксперимента (1988–1997 гг.) и общественно-политическими проблемами, связанными с этой эпохой.

Т. А. Козлова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ – ИСТОЧНИКИ НАИМЕНОВАНИЙ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Одно из направлений взаимодействия наименований моральных качеств с другими лексико-семантическими областями основывается на установлении тех лексико-семантических областей, для которых наименования моральных качеств являются результатом семантического переноса, то есть это те единицы, в семантике которых значение морального качества выступает производным по отношению к главному. В английском языке выявлены 103 такие лексемы (18,86 % от общего количества единиц лексико-семантического поля), в белорусском языке 94 соответствующие лексемы (21,46 % от общего количества единиц лексико-семантического поля), в русском языке – 121 лексема (22,28 % от общего количества единиц лексико-семантического поля). Лексико-семантические области, которые являются источниками наименований моральных качеств, а также их количественное соотношение представлены в таблице.

Лексико-семантические области взаимодействия производных наименований моральных качеств на основе их первичных значений

Лексико-семантическая область	Английский язык		Белорусский язык		Русский язык	
	Кол-во слов, ед.	Доля слов, %	Кол-во слов, ед.	Доля слов, %	Кол-во слов, ед.	Доля слов, %
Человек	54	52,43	45	47,87	65	53,71
Физический мир	36	34,95	37	39,36	35	28,93
Соответствие норме / истине	8	7,77	9	9,58	15	12,40
Живая природа	5	4,85	3	3,19	6	4,96
Итого	103	100	94	100	121	100

Данные таблицы свидетельствуют о совпадении лексико-семантических областей, а также о совпадении их соотношения внутри языка. Выявленные лексико-семантические области неоднородны и представлены различными подгруппами, репрезентативность которых также варьируется. Так, лексико-семантическая область «Человек» представлена 6 подгруппами, общими для сопоставляемых языков: «Перцепция», «Интеллектуальная деятельность», «Поведение», «Философские и политические течения», «Оценка»,

«Физиологические потребности». Отмечается значительное расхождение в представленности лексических единиц, которые по своему основному значению характеризуют человека с точки зрения поведения, способности оценивать, принадлежности тому или иному философскому или политическому направлению: поведение и деятельность человека зафиксированы в прямом номинативном значении 13 единиц в английском языке (например, *naughtiness* ‘непослушание’, *practicalness* ‘практичность’, *prowess* ‘отвага’) при наличии 8 соответствующих единиц в белорусском языке (например, *здрадлівасць, нейтральнасць, самаўладарнасць*) и 20 единиц русского языка (например, *бойкость, повелительность, кляузность*); оценка в прямом номинативном значении зафиксирована в семантике 11 единиц английского языка (например, *badness* ‘безнравственность’, *worthlessness* ‘никчемность’), 5 единиц белорусского языка (например, *важнасць*, *нікчэмнасць*), 12 единиц русского языка (например, *хорошесть*, *безукоризненность*); философские и политические течения представлены в прямом номинативном значении 2 лексем английского языка (*illiberality* ‘нетерпимость / арх. некультурность / арх. прижимистость’, *utilitarianism* ‘утилитаризм’), 7 лексем белорусского языка (например, *стаіцызм, меркантылізм*) и 8 лексем русского языка (например, *иезуитизм, этичность*). Симптоматично совпадение в белорусском и русском языках наличия единиц, указывающих на волеизъявление (например, *прагнасць, хцівасць; пристрастность, упорство*), при отсутствии соответствующей группы в английском языке. В английском и русском языках наблюдаются совпадения в указании прямого номинативного значения на части тела (*double-facedness* ‘двуличие’; *двуликость*). Исключительно характеристикой единиц английского языка является взаимосвязь с областью медицины (*jaundice* ‘желчность’, *malignancy* ‘злобность’), а также указание на совокупность людей (*humanity* ‘человечность’), белорусского языка – взаимосвязь с эмоциями и эмоциональным состоянием человека (*адчайнасць, жаласнасць*).

Лексико-семантическая область «Физический мир» представлена совпадением 4 подгрупп. Именно данная область характеризуется наиболее репрезентативной подгруппой лексем, включающей наименования физических характеристик, свойств, состояний объектов – 25 слов в английском языке (например, *coarseness* ‘грубость’, *firmness* ‘твердость’, *slipperiness* ‘скользкость’), 26 слов в белорусском языке (например, *няўстойлівасць, уедлівасць, тонкасць*) и 24 слова в русском языке (например, *жесткость, несокрушимость, стойкость*). Среди прочих подгрупп выявлены совпадения в номинации пространственных характеристик (например, *directness* ‘прямота’, *прамалінейнасць, прямота*), температуры (например, *coolness* ‘прохладность’, *цеплыня, прохладность*), физических процессов (например, *refinement* ‘утонченность’, *загартоўка*, *тепло*). Совпадение в белорусском и русском языках отмечается в наличии наименований временных характеристик (например, *пільнасць, постоянность*). Отличительной чертой английского языка является связь с финансовой сферой (*bounty* ‘щедрость’, *charity* ‘благожелательность’, *penuriousness* ‘скаредность’).

Лексико-семантическая область «Соответствие норме / истине» представлена двумя подгруппами лексем. Первая подгруппа включает слова, которые называют соответствие или несоответствие норме и репрезентирована во всех сопоставляемых языках (например, *authoritativeness* ‘авторитетность’, *crookedness* ‘криводушие’; *правільнасць, спраўнасць; испорченность, правильность*). Вторая подгруппа – соответствие реальному миру – представлена 2 лексемами в английском языке (*falseness* ‘лживость’, *inveracity* ‘неправдивость’), 6 лексемами в белорусском языке (например, *аб’ектыўнасць, дакладнасць*) и 8 лексемами русского языка (*неточность, фальшивость*).

Лексико-семантическая область «Живая природа» представлена наименованиями характеристик животных (*cold-bloodedness* ‘хладнокровие’, *venomousness* ‘ядовитость’; *драпежнасць, крыважэрнасць, рахманасць*; *кровожадность, нетребовательность, хищность*). В английском и русском языках выявлены лексемы, которые именуют рельеф (*ruggedness* ‘суровость’; *крутость, низменность*), а в английском языке 2 лексемы называют природные условия (*inhospitableness* ‘негостеприимность’, *shadiness* ‘сомнительность’).

Примером совпадения (полного и частичного) образования переносных значений слов могут служить следующие лексемы (14 пар слов: например, *insatiability* ‘ненасытность’ – *ненасытнасць* – *ненасытность*, *slipperiness* ‘скользкость’ – *слізкасць* – *скользкость*). В белорусском и русском языках совпадает 25 пар слов, например: *крыважэрнасць – кровожадность, уедлівасць – въедливость, чэрствасць – черствость, слащавость – саладжавасць.* В английском языке представлена соотносительная лексема *sweetness* букв. ‘сладостность’, однако ее значение по данным толковых словарей отличается от соответствующих вариантов в белорусском и русском языках. В русском и английском языках совпадают следующие пары слов: *responsibility* ‘ответственность’ – *ответственность*, *utilitarianism* ‘утилитаризм’ – утилитаризм, *venomousness* ‘ядовитость’ – ядовитость, а в белорусском и английском языках – пара *ceremoniousness* ‘церемонность’ – *цырымоннасць*.

Контекстный анализ употребления лексем, которые своими вторичными значениями называют моральные качества, позволяет установить, что при функционировании в тексте данные единицы достаточно активны и составляют 20,39 % от количества словоупотреблений единиц всего поля в английском языке, 18,52 % – в белорусском языке, 16,51 % – в русском языке. Отмечается неодинаковая частотность и различная актуализация оценочной направленности соотносительных единиц при их функционировании в художественном тексте. Так, например, лексема *softness* ‘мягкость’ в английском языке не является репрезентативной и актуализирует положительный оценочный потенциал: *And yet* ***softness*** *be a virtue* ‘Мягкость все еще добродетель’ (N. Williams. They Came from SW19). Соотносительная лексема *мяккасць* в белорусском языке является более репрезентативной и проявляет как положительную, так и отрицательную оценочную направленность: *Прадмет свой Апалінарый Феактыставіч ведаў добра, але быў надзвычай мяккім чалавекам, і гэтай* ***мяккасцю*** *яго карысталіся не на карысць вучобе* (І. Навуменка. Настаўнік чарчэння); *Гэты хлопец усё болей падабаўся*

Петрусю за дзівосную ***мяккасць*** *душы, зважлівасць і паслухмянасць* (В. Быкаў. Апошні баец). При функционировании в художественном тексте русской лексемы *мягкость* выявлена тенденция актуализации главным образом положительного оценочного потенциала: *глаза говорят о его душевной* ***мягкости*** *и доброте* (Б. Можаев. В Солдатове у Лозового).

Выявление ряда аспектов взаимодействия наименований моральных качеств с другими лексико-семантическими областями объясняется сложностью соответствующей системы человека. Структура системы и ее автономность находятся в прямой зависимости, поэтому при большей сложности системы происходит ее большее взаимодействие с другими системами.

С. А. Колесник

РОЛЬ ЭЛЛИНИЗМОВ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Греческий язык пользуется огромным авторитетом еще с античных времен. Хотя Рим завоевал Грецию, некоторые историки считают, что, в конце концов, именно Греция завоевала Рим, поскольку оказала серьезное влияние на Римскую Империю своей культурой, искусством, мыслью. Ведь в Древнем Риме нельзя было считать себя образованным и культурным человеком, не владея греческим языком. Латинский язык позаимствовал немалое количество эллинизмов (грецизмов). Позднее эти термины вошли и в лексикон испанского языка (кстати, как и многих других языков) и прочно укоренились в нем. Более того, раньше (до середины XVIII века) в испанском языке слова греческого происхождения сохраняли написание аналогичное оригиналу. Например, *synalepha* (написание 1741 г.) – *sinalefa* (современное написание) ‘синолефа’, *orthographía – ortografía* ‘орфография’, *châracter – carácter* ‘характер’ и т.д.

Сначала в испанский язык из греческого перешли различные медицинские, научные и технические термины, такие как *arteria* ‘артерия’, *átomo* ‘атом’, *perímetro* ‘периметр’ и многие другие. Со временем же слова греческого происхождения стали появляться практически во всех сферах социальной жизни испанцев: в культуре, литературе, политике, спорте, религии. Например, *teatro* ‘театр’, *tragedia* ‘трагедия’, *comedia* ‘комедия’, *política* ‘политика’, *triatlón* ‘троеборье’, *máquina* ‘двигатель, станок; молоток/чудо (о людях)’, *olimpiada* ‘олимпиада’, *iglesia* ‘церковь’, *Cristo* либо *Christós* (*ungido*), что означает ‘помазанник’.

Однако престиж греческого языка не заканчивается Античностью, наоборот, продолжает распространяться и в Средние века. В этот период в обиход испанцев входит множество эллинизмов. Например, *filología* ‘филология’, *geografía* ‘география’, *licántropo* ‘оборотень’ и другие. В XIX–XX веках в испанском языке также появляется ряд терминов, образованных от греческих корней. Например, *psicosis* ‘психоз’, *leucocito* ‘лейкоцит’, *cosmonauta* ‘космонавт’ и другие.

В XXI веке слова греческого происхождения не теряют своей значимости и становятся все более и более заметными в испанском языке. Например, сегодня в Испании довольно часто можно услышать выражения *acudir a la eucaristía* ‘идти на церковную службу’ вместо *ir a misa*, *filántropo* ‘благотворитель, филантроп’ вместо *altruista, oftalmólogo* ‘офтальмолог’ вместо *oculista, ¡eureka!* ‘эврика’ вместо всем привычного *bingo*.

Испанцы предпочитают эллинизмы, поскольку считают до сих пор, что данные выражения звучат более важно, более авторитетно и более солидно, а греческий язык передает свой престиж всему, к чему прикасается. Может быть, поэтому до сих пор в Испании очень распространены имена греческого происхождения. Например, *Melissa*, что означает ‘пчела’. Другой вариант этого имени, *Melina*, в переводе с греческого означает ‘сделанный из меда’. Очень употребительны также такие имена, как *Andrés* ‘мужественный’, *Alejandro* ‘защитник’, *Catalina* ‘непорочная’, *Esteban* ‘венец’ и многие другие.

Престиж и значимость греческого языка в современном мире заметили и владельцы известных фирм, которые называют свои предприятия, используя эллинизмы, как правило, для того, чтобы привлечь внимание покупателя и увеличить количество продаж. Не обошла стороной данная тенденция и Испанию. Например, название испанской энергетической компании *Hidrola* также имеет греческую составляющую (*hydro* ‘вода’).

Таким образом, греческие корни присутствуют во многих словах и названиях, которые испанцы используют в своем родном языке, иногда даже не подозревая об этом, а иногда, наоборот, для того, чтобы подчеркнуть его значимость и величие.

Л. Г. Крот

О ДИНАМИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

Проблема внутренней формы слова относится к числу языковых явлений, содержание которых до сих пор является предметом споров в современной науке о языке. Начиная со времен античности (труды Платона, заложившего основы учения о внутренней форме); работ В. фон Гумбольдта, Г. Г. Шпета, А. А. Потебни до наших современников (В. А. Звегинцева, В. Г. Гака, О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, О. И. Блиновой, В. Г. Вариной и многих других, внесших вклад в развитие данной теории), ученые пытаются дать определение внутренней формы слова, раскрыть ее природу и механизмы, установить связь между внутренней формой, этимологией, лексическим значением и мотивированностью слова, определить ее значимость для лингвистических аспектов номинации.

Но уникальность внутренней формы (а именно уникальностью внутренней формы слов объясняется непрекращающийся интерес лингвистов к этому феномену), возможно, и заключается в том, что она служит посто-

янным напоминанием о прошлом слова, а значит о прошлом народа, связавшего с ним свои мысли и представления о называемых предметах и явлениях.

Подобно тому, как в культуре каждого народа есть универсальное и специфическое, так и в семантике каждого языка есть отражение и общечеловеческого компонента культуры, и своеобразие национальной культуры конкретного народа. Универсальный компонент культуры связан с единством человеческой психики и ее способностью независимо от образа жизни отражать мир в сходных категориях. Так, например, в любых культурах говорящие нуждаются в различении субъекта действия и его объекта, предмета и признака, отношений, связанных с пространством и временем. Сходство разных культур проявляется и в том, что в передаваемую информацию говорящий включает свое отношение, эмоциональную оценку того, о чем идет речь. Межкультурная общность языков мира обеспечивает возможность перевода с одного языка на другой и составляет основу для взаимопонимания.

Тем не менее в любом языке и даже диалекте есть слова, не имеющие точного эквивалента в других языках, не полностью переводимые на другой язык. Такие различия обусловлены особенностями культуры и способом мышления того или иного народа. Доказанным является тот факт, что в зависимости от культуры в языковом сознании народа мир может по-разному члениться с помощью слов. Так, например, известно, что в результате различной «сегментации» действительности фрагменты лексических систем в разных языках не совпадают. Ср. *рука – hand / arm* (англ.), *Hand / Arm* (нем.), *main / bras (фр.)* и т.п.

Во внутренней форме слов в разных языках также проявляется универсальное и специфическое.

Внутренняя форма – это свойство предмета или явления, осознаваемое говорящим как лежащее в основе номинации данного феномена. Она дает объяснение, почему данное содержание облечено в том или ином языке в соответствующее звучание. Язык фиксирует при номинации и объективные признаки явлений действительности, и признаки, которые приписываются предмету фантазией и творческим воображением человека. Так, например, *желток* яйца называется так потому, что он желтый. Гриб *лисичка* получил такое название потому, что он рыжий, т.е. такого же цвета, как лиса. Но в данном случае объективный признак приписан объекту субъективно. Результаты субъективного подхода человека к миру объектов можно увидеть, например, в таких словах, как *нос* (лодки), *подошва* (горы), *копна* (волос), *лес* (рук), *море* (огней), *львиный зев* (название цветка), *лопатки* (на спине) и т.п.

Объективная внутренняя форма нередко полностью или частично совпадает в разных языках: *водопад* (рус.) – *waterfall* (англ.) – *Wasserfall* (нем.) – *chute d'eau* (франц.); *снегопад* (рус.) – *snow-fall* (англ.) – Schneefall (нем.); ср. также: *львиный зев* (название цветка) и (нем.) *Löwenmaul* – букв. 'пасть льва'.

Но подход сознания к миру чаще всего субъективен, поэтому совпадение признаков, положенных в основу номинации, может быть, как правило, лишь частичным: *глазное яблоко* (рус.) и *Augapfel* (нем.), но *eyeball* (англ.) – букв. ‘глазной шар’; *подсолнечник* (рус.) – *sunflower* (англ.) – *Sonnenblume* (нем.) – букв. ‘солнечный цветок’ – *tournesol* (фр.) ‘повернутый к солнцу’; *подснежник* (рус.) – *snowdrop* (англ.) ‘снежная капля’ – *Schneeglöckchen* (нем.) ‘снежный колокольчик’– *perce-neige* (фр.) ‘пробивающийся сквозь снег’.

Поскольку выбор свойства для номинации чаще всего бывает субъективен, одни и те же предметы в разных языках могут называться по их разным свойствам, и, таким образом, выявляется идиоэтнический компонент субъективной внутренней формы: ср. англ. *dog-collar* ‘собачий воротник’ – рус. *ошейник*; англ. *Big Wheel* ‘большое колесо’ или *ferrous wheel* ‘железное колесо’ – рус. *колесо обозрения*; англ. *red breast* ‘красная грудь’ – рус. *малиновка*, англ. *cleaning woman* ‘убирающая женщина’ – рус. *домработница*, англ. *climbing boy* ‘поднимающийся мальчик’ – рус. *трубочист* и др. Эти примеры показывают, как одно и то же понятие осмысляется народами с разных сторон. Активизация понятия связана со многими факторами лингвистического и экстралингвистического порядка – индивидуальным опытом человека, влиянием конкретных условий ситуации, особенностями языковой системы, а также носит в значительной степени случайный характер. Главной же причиной своеобразия языковых картин мира является, однако, специфика номинативной деятельности человека, универсальной в своих процессуальных аспектах и диалектически противоречивой при выборе свойств и признаков, которые могут быть положены в основу наименования.

Каждое слово при своем возникновении нуждается в опоре на другое, уже существующее слово, заключает в себе внутреннюю форму (мотивировку) нового названия. Но если первоначально внутренняя форма, т.е. признак предмета, положенного в основу названия, составляет довольно существенную часть значения, то затем она может заметно расходиться со значением или вовсе утрачиваться, забываться. Например, употребляя слова *рукавица*, *перчатка*, *варежка*, мы совсем не замечаем того, что у первого из них мотивировка прозрачна, у второго – затемнена, скрыта (перчатка от слова *перст*, т.е. палец), у третьего вовсе утрачена. Точно так же человек не замечает внутренней противоречивости выражений *красные чернила* и *голубое белье* (хотя изначально *чернила* были *черными*, а *белье белым*).

В процессе функционирования мотивированность лексических единиц может изменяться, полностью или частично исчезать. Причины потери мотивации, или демотивации лексических единиц, различны: это фонетические изменения, потеря признака, по которому был назван предмет, утрата или изменение значения мотивирующей единицы вплоть до полного выхода ее из употребления и т. д.

Если признак, по которому дано то или иное название не вскрывается, то объяснение значений некоторых наименований может быть затруднено. Так, существуют названия, которые изначально относились к ландшафтным

особенностям, таким как река или холм, но исчезнувшим к нашему времени. Например, в названии города *Whichford* или *Watford* присутствует элемент *ford*, означающий реку, но местоположение реки давно не известно.

Действие внеязыковых и языковых факторов можно проследить на примере трансформаций топонимических структур (фонетической, морфологической, синтаксической и семантической). Трансформация проявляется в таких изменениях, как утрата, добавление, замещение элементов номинаций, либо комбинации этих изменений, например: утрата фонем ***Dene****stone* → ***Den****stone*, утрата морфем *Simpling****ham*** → *Shimpling*, утрата лексем *La Red****e****dich* → *Redditch*, добавление морфем *Dolling* → *Dolling****stone***, добавление лексем *Garvellan* → *Garvellan* ***Rocks***; замена фонем *Dodin****ctan*** → *Diddin****gton***, замена морфем *Graves****ham*** → *Graves****end***, замена лексем ***King's*** → ***Queen****sferry*. В процессе своего исторического развития топоним может также претерпевать как добавление, так и утрату: *Berwarde****ston*** → *Burn****stounnes*** → ***Borrow****stonness* → *B****o'n****ess*.

Как видим, многие формы и значения топонимов были искажены или утеряны по прошествии лет из-за изменений, произошедших в языке и культуре и приведших к исчезновению многих первоначальных названий.

Правомерно предположить, что без первоначальной мотивированности словесные знаки возникнуть не могут – внутренняя форма хотя бы исторически присуща любой лексической единице, но генетически не может сохраняться в слове, и в процессе своей эволюции в силу различных причин тенденция к произвольности языкового знака расшатывает былую мотивированность лексической единицы. С диахронической точки зрения, превращение мотивированного знака в немотивированный представляет собой процесс качественного преобразования языковой единицы. Он может быть представлен в виде некой цепи трансформаций определенных языковых состояний, последовательно сменяющих друг друга на оси непрерывного развития языкового знака.

А. А. Куц

ОСОБЕННОСТИ СОПОСТАВЛЕНИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ ПОНЯТИЕ *ПОБЕДА* В АНГЛИЙСКОМ, БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются особенности сопоставления семантики соответствий лексико-семантических вариантов (ЛСВ) наименований лиц, репрезентирующих понятие *победа* в английском, белорусском и русском языках. *Соответствия ЛСВ* (словарные соответствия) – это идентичные или близкие по составу сем ЛСВ лексем в двух и более языках. Выявленные межъязыковые соответствия ЛСВ репрезентируют общее в объективации победы лексическими средствами трех языков (табл. 1):

Таблица 1

Пример соответствий ЛСВ лексем одноименных ЛСГ

Название ЛСГ	КП ЛСВ в английском и белорусском языках		КП ЛСВ в белорусском и русском языках		
Names of people / Назвы асоб / Наименования лиц	Подгруппа «Номинации лиц согласно достигнутому результату и присуждаемым званиям»				
	hero	→	герой	←	герой
	winner	→	лаўрэат	←	лауреат
	winner + victor + triumpher	→	пераможац пераможца	←	победитель
	prizewinner + prizeman + winner	→	прызёр	←	призер
	champion	→	чэмпіён	←	чемпион
	Подгруппа «Номинации лиц согласно способу действий»				
	champion	→	барацьбіт	←	борец
	champion	→	змагар	←	борец
	Подгруппа «Номинации лиц согласно выполняемым функциям»				
	referee	→	арбітр	←	арбитр
	referee + judge	→	суддзя	←	судья
	referee	→	рэферы	←	рефери

Соответствия ЛСВ могут совпадать своим семантическим составом полностью либо частично. На этом основании А. В. Книга различает следующие типы соответствий: *эквивалентные* (ЛСВ лексем двух языков демонстрируют полное совпадение сем), *близкие* (ЛСВ лексем имеют значительное число общих сем в ядре, ряд общих периферийных сем и совпадающие по функциональным семам), *приблизительные* (ЛСВ лексем различаются функциональными семами) и *допустимые* (ЛСВ лексем совпадают только по архисеме). Отличие по значению от сходных по семантике единиц сравнения представляет собой национальную специфику семантики лексической единицы. Типы соответствий устанавливаются путем сопоставления компонентов значений *контрастивных пар* (КП). Под КП понимаются две лексические единицы сравниваемых языков, выступающие как межъязыковые соответствия. Источником материала дефиниций служат толковые словари. В каждой КП полученные в результате компонентного анализа семы были попарно сопоставлены. Сходные семы в двух языках приравнивались друг к другу, их совокупность представляет собой *межъязыковое лексическое понятие.* Национально-специфическими семами признавались те, которые не имеют эквивалента в сравниваемых ЛСВ. Такие семы структурируют *лексический фон.* Рассмотрим пример семантического описания соответствий ЛСВ *champion – чэмпіён – чемпион*: компоненты ‘лицо’, ‘соревнование’, ‘первенство’ и ‘победитель’ присутствуют в значениях трех лексем. В значениях белорус-

ской и русской лексем присутствуют семы ‘звание’ и ‘команда’, а в английской – такие семы отсутствуют. Сема ‘превосходство’ присутствует только в английской лексической единице. Таким образом, *чемпион* и *чэмпіён* являются эквивалентами, а *чэмпіён* и *champion* – близкими соответствиями. Установив типы сопоставляемых лексем, можно выявить различное в схожем, то есть расхождения в значениях КП, иными словами, лексический фон. Национальная специфика соответствий ЛСВ *champion – змагар – борец* представлена несовпадающими признаками: *борец* действует ‘во имя защиты или осуществления чего-либо’; *змагар* – ‘во имя распространения нового, передового’; *champion* – ‘во имя достижения верховенства, доминирования’. Сходство по понятийным семам позволило отнести эти ЛСВ к близким соответствиям.

Национальную специфику слова можно выявлять вне его употребления (при помощи метода словарных дефиниций) и в условиях функционирования в тексте. Так, при функционировании лексемы *змагар* в современных текстах отмечается смещение оценки с положительного полюса в сторону отрицательного. Данное явление обусловлено способностью языка оперативно фиксировать изменения в состоянии картины мира: те социально-политические обстоятельства, в которых оказываются носители языка. В следующем примере лексема *змагар* обладает отрицательной оценкой: *Пасля выехаць у Варшаву ці ў Брусэль і сказаць, якія мы велізарныя змагары* (Наша Нива, 2021). В текстах двадцатилетней давности эта лексема отмечена положительной оценкой: *Тадэвуш Бароўскі. Мілы хлопец з прасцецкай усмешкай. Змагар з фашызмам і вязень трох канцлагераў* (Янка Брыль. Пра запаветнае, 1999).

ЛСВ *referee – арбітр – арбитр* и *winner – лаўрэат – лауреат* представляют собой *линейные межъязыковые соответствия* типа «слово – слово». Также существуют и были установлены на основании исследуемых одноименных групп *векторные межъязыковые соответствия* ЛСВ. Английско-белорусскими векторными соответствиями являются, например, следующие: *прызёр – prizewinner, prizeman, winner*. То есть одному белорусскому ЛСВ соответствует три английских. Внутренняя форма соответствий *прызёр – prizewinner, prizeman* указывает на такую особенность семантики единиц группы, как ‘получение приза лицом в результате победы’. Некоторые семы русского слова в условиях векторных соответствий словам языка сопоставления могут обладать национальной спецификой лишь на фоне некоторых соответствий языка сопоставления. Так, сема ‘межстилевое’ в русской лексеме *победитель* выявляется как национально-специфическая при сопоставлении с лексемой *triumpher* (так как английский ЛСВ содержит помету «historical» ‘историческое’), но не оказывается таковой при сопоставлении слов *победитель – winner* (их стилистические семы совпадают). Таким образом, функционально-стилистическая сема ‘межстилевое’ является национально-релевантной и подлежит описанию.

Векторных английско-белорусских соответствий больше, чем белорусско-русских, что позволяет применить *индекс множественности соответствий* (ИМС) (Лукина, 2008). Сопоставив элементы ЛСГ наименований лиц, репрезентирующих понятие *победа* в трех языках, мы применили ИМС, под которым понимается количество *элементов поля одного языка* сопоставления, выступающих в качестве соответствий *конкретного элемента поля другого языка*. Согласно результатам подсчетов, индекс количества английских соответствий одному белорусскому элементу выше и составляет 1,5, а индекс количества русских соответствий одному белорусскому элементу меньше и равен 1. То есть среди русско-белорусских соответствий обнаружены только линейные соответствия. Данные результаты дают основание полагать, что в английском языке понятие *победа* может быть репрезентировано бóльшим количеством лексем, способным выразить его различные аспекты, что в свою очередь свидетельствует об особом отношении к феномену победы. Членение смыслового континуума лексическими средствами исследуемых ЛСГ значительнее отличается в английском и белорусском языках и практически совпадает в белорусском и русском языках.

Установив типы соответствий для всех КП в трех языках, для выявления общего и специфического в семантике сравниваемых компонентов мы применили сопоставительно-параметрический метод. Индексы, указывающие на особенности семантики контрастивных пар, выражают количество эквивалентных (ИКЭС), близких (ИКБС), приблизительных (ИКПС) и допустимых соответствий (ИКДС) в английском, русском и белорусском языках (табл. 2).

Таблица 2

Название индекса	Английско-белорусские КП	Белорусско-русские КП
ИКЭС	1 из 15 = 0,07	7 из 10 = 0,7
ИКБС	11 из 15 = 0,73	3 из 10 = 0,3
ИКПС	2 из 15 = 0,13	0 из 10 = 0
ИКДС	0 из 15 = 0	0 из 10 = 0

Сравнив полученные индексы, мы смогли определить, что в белорусско-русских ЛСГ больше эквивалентных КП, а в английско-белорусских – КП, которые являются приблизительными соответствиями.

Исследование и сопоставление семантических пространств языков позволяет выявить новые сведения о системной организации лексики, увидеть общечеловеческие универсалии и выделить специфику национальных языковых систем. Контрастивная методика и использование в ее рамках формализованных параметров предоставляют возможность достоверно выявить и представить национальную специфику семантики лексических единиц в сопоставляемых языках. Использование формализованных параметров придают результатам исследования объективный количественный характер.

Л. М. Надумович, Дамла Сюзьен

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Одной из актуальных проблем современного языкознания является проблема развития языка, предполагающая наряду со многими другими процессами, обогащение словарного состава новыми единицами. Такое обогащение является важнейшим фактором развития и дальнейшего совершенствования словарного состава языка, это свидетельство его динамического характера.

Разговорная лексика занимает одно из центральных мест в современном русском языке, так как выполняет важную функцию в языке – номинативную, то есть функцию общения, обмена информацией между людьми. Сфера устного применения разговорной лексики – это телевидение, радио, выступления деятелей культуры, науки. Сфера письменного применения разговорной лексики – письма, записки, художественная литература. Разговорная лексика в современных условиях распространилась и на публицистические тексты, дневники, интернет-переписку.

Объектом нашего исследования являются лексические единицы, относящиеся к разговорной разновидности языка. Материалом исследования послужили лексические единицы Толкового словаря русского языка Т. Ф. Ефремовой, а также тексты из Национального корпуса русского языка.

Ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей. По этой причине все бóльшую активность приобретает такой семантико-синтаксический способ словообразования, как свертывание наименований – результат активного сегодня. Такие наименования появляются на базе словосочетаний прилагательного и существительного и являются яркой иллюстрацией процесса компрессии: на месте двухсловного сочетания образуется одно слово с тем же значением, при этом используется очень продуктивный в данном случае суффикс *-к-а*. Эта тенденция поддерживается действием закона речевой экономии, например: *обезличка – обезличенная продажа, фронталка – фронтальная проверка, кругосветка – кругосветное турне, синхронка – синхронный перевод, наличка – наличные деньги, мочиловка – мокрое дело* (жарг.) и др. Тематически данная модель имени очень разнообразна: это и названия транспортных средств (*самоходка, электричка*), и названия помещений (*раздевалка, подсобка*), и названия учебных заведений (*мореходка*), и названия одежды (*кожанка, дубленка, тенниска*), и названия напитков, кушаний (*газировка, наливка, запеканка, тушенка)*. Такая форма именований была и ранее в русском языке (*тушенка, овсянка, вишневка* и др.), однако в настоящее время подобный способ словообразования приоб-

рел особую активность. Все эти формы имен существительных в основном и составляют словарь разговорной речи – непринужденной, краткой, экспрессивной и используются в рамках бытового разговорного стиля.

К активным процессам современной раговорной речи можно отнести повышение продуктивности тех или иных словообразовательных моделей. Так, малоупотребительный в прошлом суффикс *-ант* при обозначении лица стал очень активным: *подписант, амнистант*, *реабилитант, эксплуатант, нобелиант*, *отъезжант, выезжант*, *номинант*. Возможно, здесь наблюдается элемент языковой моды.

В разговорной лексике чрезмерно расширяется круг бессуффиксных образований среди отглагольных форм: *отлов, выгул, выпас, прикид, напряг, закуп, подклад, обжиг, подогрев*. Ср. *обжигание – обжиг, промывание – промыв, подогревание – подогрев*. Данная словообразовательная модель встречается чаще в просторечии и общегородском арго: *быть в отпаде; полный отпад; посыл газеты; схлопотать принуд; получить отлуп; иметь хороший прикид*. По аналогии появились и формы от прилагательных: *наив, серьез* (ср.: *на полном серьезе*); *интим, беспросвет, нал, безнал, неформал, инфантил*; *термояд, негабарит, конструктив, криминал* и др.

Растет класс абстрактных существительных с суффиксами *-ость* и *-изм*, а также существительных – названий процессов с финалиями *-фикация*, *-изация*. Эти модели также не выходят за пределы традиционных образований, новыми оказываются лишь сами производящие основы:

1. *Вживаемость, бессобытийность, совковость (советский – совок), газетность, советскость, офисность*. Среди абстрактных имен такого типа много окказиональных: *свободность, рисковость, общажность*.

2. *Легализм, журнализм*.

3. *Фермеризация, криминализация, компьютеризация, ваучеризация, электронизация, регионализация, рублевизация (Белоруссии), американизация (кино), презентация, векселезация (долгов), зарплатизация (доходов), долларизация (сбережений); кинофикация, теплофикация, спидофикация*.

Большую продуктивность обрели приставки *пост-*, *анти-*, *псевдо-* и *супер-*: *постбойкотский (фильм), антиагрессивность, псевдоментальный сеанс, псевдодемократ, псевдорынок, псевдоденьги; суперсвидетель дела, суперэлита, супергруппа, супербогач, суперавтомобиль, суперженщина, суперартист, суперхит*.

Наблюдается также расширение словообразовательных моделей, произведенных от слов в новых значениях. Слово *тусовка* (вариант *тасовка*), ставшее общеразговорным, породило целую семью слов, стилистически еще более сниженную, т.е. слов на уровне арго: *тус, тусман, тусняк, тусовщик, тусовый, туснуться, тусоваться, тусейшен (тусейшн)*.

Таким образом, в разговорной речи как особой коммуникативной сфере вышеназванные новации протекают наиболее активно, чем в кодифицированном литературном языке. Во многом они связаны с коренными изменениям в общественно-политической, экономической и культурной жизни общества.

Л. М. Надумович, Тан Ахмет

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА
(на материале оригинального и переводного текста)

На сегодняшний день Чехов переведен более чем на 92 языка – английский, немецкий, греческий, иврит, казахский, болгарский, испанский, сербско-хорватский, французский, датский, чешский, японский, румынский, китайский, корейский, польский, португальский, венгерский, турецкий, хинди, арабский. Переводы рассказов автора начали появляться уже при его жизни. Многие из них неоднократно переводились разными переводчиками. Однако отношение Чехова к переводам своих произведений на различные языки было неоднозначным. Известно, что Чехов очень не хотел, чтобы его пьесы переводились и ставились за пределами России. Он считал, что иноязычная публика не сможет постичь всех «специфически национальных» кодов, зашифрованных в его драматургии. Возможно, он был и прав, потому что, например, на английский его произведения переводились исключительно сквозь призму английской культуры. Творчество Чехова нередко рассматривалось в контексте западных литературных течений, что искажало его смысл. Первые переводы рассказов Чехова впервые появились во Франции в 1893 году.

А. П. Чехов был особенно холоден к переводам на английский язык. Переводы давали в целом верное представление о сюжете и героях чеховских рассказов, но весьма приблизительное об стилистическом своеобразии и языковой структуре.

Характерно, что многие юмористические рассказы Чехова не были переведены на английский язык. Перевести эти рассказы трудно, потому что в шутках писателя очень выражен местный колорит. Лейтмотивом во всех рассказах была издевка над слабостями и глупостями человеческого рода; даже опытный критик не смог бы разглядеть в них человеческого сочувствия. Известный современный переводчик Чехова Харви Питчер (Harvey Pitcher), пытаясь ответить на вопрос, почему юмористические рассказы Чехова так мало известны англоязычному читателю, называет две причины: неадекватность существующих переводов и нежелание многих издателей разрушать сложившийся на Западе образ Чехова как сугубо «серьезного» писателя. Что касается неадекватности переводов, Питчер объясняет ее, прежде всего, тем, что короткие рассказы вообще трудно поддаются переводу. Чеховские юмористические рассказы к тому же насыщены диалогом, в котором в основном участвуют не слишком образованные персонажи, чья речь далека от литературной нормы и своеобразна. Адекватная передача такого диалога – задача, невероятная трудная для переводчика.

Вопрос о поиске оптимального баланса между «буквальностью» и «вольностью» в переводе очень важен. Известно, что в художественных произведениях часто отображаются реалии культуры оригинала, которые невозможно

прямо передать в тексте перевода. Это относится в частности к лексике, содержащей так называемую фоновую информацию. Как правило, эти слова присутствуют только в рамках определенной культуры. Поэтому нахождение их эквивалентов – непростая задача. Отсюда в практике художественного перевода закрепляется тенденция транскрибирования на переводимый язык. Очевидно, что эти слова эффективно способствуют и решению проблемы передачи национального колорита.

Прежде всего особую трудность для переводчика представляют безэквивалентные явления, относящиеся к истории русской культуры и нашедшие отражение, в частности, в художественном тексте.

Например, в рассказе А. П. Чехова «Дама с собачкой», кратко описывая жену Гурова, писатель обращает внимание на ее «передовые» взгляды и с иронией упоминает о том, что она не писала букву *ер* (ъ) в конце слов, как было принято в орфографии XIX века: «Это была женщина высокая, с темными бровями, прямая, солидная и, как она сама себя называла, мыслящая. Она много читала, не писала в письмах ъ (ер), называла мужа не Дмитрием, а Димитрием, а он втайне считал ее недалекой, узкой, неизящной, боялся ее и не любил бывать дома».

Как было сказано выше, главное при переводе – сохранить смысл и передать содержание языковой единицы средствами языка перевода. Смысл фрагмента предложения *не писала в письмах* ъ (*ер*) в том, что героиня придерживается передовых взглядов. Будучи современным человеком, она следовала модным тенденциям, стремилась быть оригинальной и поэтому отказалась от традиционных норм и правил орфографии. Рассмотрим перевод данного фрагмента на турецкий язык:

Karisi uzun boylu, karakagli, asil, entelektUel biriydi. Bilgili oldugunu dUgUnUrdU, pek gok kitap okumugtu. Konugurken fonetige dikkat ediyor, kocasini Dmitri diye degil Dimitri olarak gagiriyordu. Adam ise karisini aptal, dar kafali ve kaba buluyordu. Ondan korkuyor ve evde durmayi da sevmiyordu.

В турецком переводе читаем: *fonetige dikkat ediyor*, т.е. *произносила звуки четко,* что абсолютно не соответствует оригинальному смыслу. У переводчика недостаточно фоновой культурной информации, поэтому перевод оказывается неточным. Какие возможности существуют в турецком языке для того, чтобы перевести эту безэквивалентную структуру? Конечно, можно дать подробный историко-культурный комментарий, рассказать турецким читателям о правилах орфографем XIX века и затем перевести фрагмент буквально. Есть и вторая возможность: перевести более абстрактно и описательно, например: *она не обращала внимания на условности русской орфографии и писала слова так, как мы их слышим*.

С нашей точки зрения, это предложение вообще невозможно правильно перевести на турецкий язык; видимо, его и не надо переводить. Мы считаем, что данную часть предложения можно опустить при переводе, т.к. содержащуюся в ней информацию можно считать дополнительной, избыточной; она выражена в окружающем контексте, при передаче его содержания в тексте перевода трудности не возникают.

Практически любой текст включает в себя те или иные тропы, фигуры речи или другие средства придания выразительности высказыванию, составляющие особую функцию изобразительных единиц – стилистическую. Перевод различного рода образов, каждый из которых выполняет свою функцию в языке художественного произведения, с языка на язык требует большого мастерства, помогающего сохранить или модифицировать исходную эмоционально-эстетическую информацию или тот особый смысл, который несет конкретный образ. Иными словами, необходимо передавать не только форму, но и содержание со всем многообразием заключенных в нем смыслов, при непременном условии сохранения этих смыслов. По этому поводу Л. Л. Нелюбин отмечает, что поскольку перевод – это «преобразование исходного текста при сохранении смысла», то переводчику необходимо попытаться найти «эквивалентные формы выражения определенного смысла в другом языке».

От того, насколько успешными окажутся попытки переводчика в передаче этого исходного смысла, будет зависеть и сила воздействия переводного произведения на читателя.

Индивидуально-авторские образные метафоры, сравнения и олицетворения формируют индивидуальный образ мира писателя и именно в них отражаются особенности его образного мышления.

Л. М. Надумович, Рахманова Мавлюда

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ, СТРУКТУРНОМ И СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ (на материале словарей)

Во всех исследованиях сленг рассматривается, как правило, в двух аспектах: лингвистическом и социальном. В собственно лингвистическом аспекте молодежный сленг анализируется с точки зрения соотношения языковых средств исследуемой подсистемы с языковыми средствами других пластов ненормативной лексики русского языка.

Сленг часто рассматривается как нарушение норм стандартного языка. Это очень выразительные, ироничные слова, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни. Необходимо отметить, что некоторые ученые жаргонизмы относят к сленгу, таким образом не выделяя их как самостоятельную группу, и сленг определяют как особую лексику, используемую для общения группы людей с общими интересами.

С точки зрения стилистики – жаргон, сленг или социолект – это не вредный паразитический нарост на теле языка, который вульгаризирует устную речь говорящего, а органическая и в какой-то мере необходимая часть этой системы.

Появление молодежного сленга можно объяснить стремлением молодежи уйти от обыденности, от скучного и однообразного мира взрослых. Молодежный сленг стал своеобразным оружием для молодых людей, оружием, с помощью которого они не только смело и уверенно противостояли общественному мнению, но и могли совершить революцию в сложном и наскучившем родном языке.

Рассмотрим наиболее распространенные способы образования сленга:

1. Семантическая деривация является одним из главных способов образования новых лексических единиц в молодежной речи, слово может поворачиваться разными гранями присущей ему семантики, что происходит чаще метафорическим способом. Именно данный прием помогает переосмыслить слова, наделив их новыми значениями, или слегка изменить старые. Это могут быть и собственно метафоры, такие как *киски* ‘узкие треугольные или овальные очки; форма очков похожа на глаз кошки’, и метонимии, такие как *волосатые* ‘хиппи’, *стекло* ‘лекарства в ампулах, употребляемые как наркотики’. Представляет интерес история сленгового выражения *крыша поехала*. Это выражение появилось в одном из жаргонов и перешло в сленг. До 1992 года ни один из нормативных толковых словарей не включал его в свой состав. Впервые это было сделано в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой в 1992 году, – выражение отнесли к разговорному стилю литературного языка. Со временем метафоричность этого выражения тускнела. Однако в сленге она ожила: *крыша течет, отъезжает, улетает*. Метафорические импульсы, исходящие от этого выражения, проникают в его ассоциативное поле, и вот уже психиатр – это *кровельщик*, а психиатрическая практика – *кровельные работы*.

2. Морфологический способ. Как показало проведенное исследование, слова молодежного жаргона создаются преимущественно способом суффиксации. Для пополнения жаргонной лексики используются нейтральные суффиксы *-к(а)*, *-ов-*, *-н-*, *-ск-*, продуктивные в литературном языке. Для производства существительных, обозначающих действие или результат действия, используется суффикс *-к(а)* (*накрутка* – от *накрутить*, *отмазка* – от *отмазать*). В словообразовании прилагательных участвуют суффиксы *-ов-*, *-н-*, *-ск-*: *чумовой* – от *чума*, *жлобский* – от *жлоб*. При образовании молодежных жаргонизмов нередко используются экспрессивно окрашенные морфемы. Суффикс *-ух*(а) имеет значение ‘предмет, производящий действие, названное мотивирующим словом’. Слова на *-ух(а)* создаются как от нейтральных существительных (*кликуха* – от *клик, кличка*; *заказуха* – от *заказать*), так и от сугубо книжных слов (*депрессуха* – от *депрессия*, *текстуха* – от *текст*). Надо отметить, что при этом основа многосложного, обычно иноязычного мотивирующего слова может подвергаться усечению, например: *стипуха* – образовано от существительного *стипендия* суффиксальным способом с усечением конечной части *-енди(я)* производящей основы (ср. также *презентуха, порнуха*). Используются суффиксы *-лк-* (*стрелялка* – от глагола *стрелять*), *-ак-*. В сочетании с усечением производящей основы (*сервак* – от *сервер*; *принтак* – от *принтер*). Для русского компьютерного жаргона характерно усечение основы: *комп* (компьютер), *гиг* (гигабайты) и т. п.

3. Заимствование из другого языка или диалекта: из английского – *шузы, бэг, мэн, хаер*; из немецкого – *квопф*; из французского – *шершерить* (‘искать’); из уголовного языка – *круто, шмон, беспредел*; из диалектов – *берлять, ухайдокать.* В молодежном сленге преобладают заимствования из английского (американского) языка: *ворк* (от англ. *work* ‘работа’), *мэн* (от англ. *men* ‘мужчина’), *фейс* (от англ. *face* ‘лицо’), *хайп* (от англ. *happy* ‘радостный’). Используя в речи английские слова, молодые люди определенным образом приобщаются к американской культуре, стилю жизни, приближаются к современному стереотипу. В некоторых случаях молодежные жаргонизмы изменяют значение по сравнению с языком-источником, например: существительное *бойфренд* (англ. *boyfriend* ‘парень’) приобрело значение ‘молодой человек, с которым девушка находится в близких отношениях’. Заимствования из других языков представлены единично: испанское *фумарить* (*fumar* ‘курить’); немецкие *бундеса, бундесовый* (*Bundesliga* ‘немцы из ФРГ’, ‘западногерманский’), *кинд, киндер* (*das Kind* ‘ребенок’), *шпрехать* (*sprechen* ‘говорить’); финское *юкс* (*yksi* ‘один рубль’); французские *шершить* (*chercher* ‘искать), *фюмекать* (*fumer* – ‘курить’); цыганское *чувак* (от цыг. *чово* + *-ак-* – ‘парень’); из языка дари *бачонок* (от *бача* + *-онок-* – ‘ребенок’); белорусское *надыбать* (от *надбаць* – ‘найти, достать’), татарское *бабай* ‘старик’.

Заимствованный сленгизм активно вступает в систему словоизменения: *girl – герла – герлы, герлов*, отсюда *герленыш, герлушки*, *герловый*, *голдовые мэны, фрилавник, фэйсом об тэйбл; дринк, дринч* (‘спиртные напитки’) *дринкач, дринкер, дринк-команда, дринкать, задринчить, надринчаться*. Учитывая зачастую низкий уровень владения иностранным языком у молодежи, наблюдаем неправильное прочтение оригинального слова и его адаптацию в систему родного языка: *message – мессаге*, *label – лабéль, keyboard – кéйборд – кéборд*.

В системе молодежного сленга достаточно часто фигурируют единицы из англоязычной компьютерной сферы. Это отчасти можно объяснить фактом стремительного развития компьютерных технологий.

Среди механизмов адаптации иноязычной единицы в фонд русскоязычного сленга выделяют: *кальку* (полное заимствование), *адаптацию основ*, *перевод* и др.

К а л ь к а включает в себя заимствования, грамматически не освоенные русским языком: при этом слово заимствуется целиком со своим произношением, написанием и значением: например, *device – девайс; hard drive – хард*. Примечательно, что стилистически нейтральные в английском языке слова, перейдя в русский сленг, приобретают иронически-пренебрежительную окраску.

При а д а п т а ц и и о с н о в ы (полукальке) после перехода термина из английского языка в русский, последний подгоняет принимаемое слово под нормы не только своей фонетики как в предыдущей группе, но и спеллинга с грамматикой. То есть слова, образованные полукалькой, производятся путем прибавления словообразовательных моделей русского языка (суффиксы

существительных *-ик*, *-к*(а), *-ок*, *-юк* и другие) к первоначальной английской основе: *disk drive – дискетник; User's Manual – мануалка, ROM – ромка; CD-ROM – сидиромка; CD – сидюк, PC – писюк*. Вследствие того, что исходный язык является аналитическим, а заимствующий синтетическим, имеет место добавление флексий к глаголам: *to connect – коннектиться; to programm –програмить; to click – кликать*. В виду того, что одной из основных причин необходимости сленга является сокращение длинных профессионализмов, также встречается прием универбизации (сведение словосочетания к одному слову): *strategic game – стратегия; Bulletin board system – BBS – бебеска – бибиэска; IBM – Айбиэмка*.

Таким образом, в своем исследовании мы охарактеризовали понятие сленга, основные способы образования сленга, а также механизмы адаптации англоязычных заимствований в фонде русскоязычного сленга.

Безусловно, молодежный сленг не может стать основой национальной культуры, так как он делает наше общение несколько ограниченным и упрощенным. Однако он привлекает своей выразительностью, озорной и веселой игрой со словом. Взрослая часть населения знакомится с ним, слушая своих детей. Согласно исследованиям, современный молодежный сленг, к сожалению, понимают лишь 40 % людей старше 25 лет.

И. В. Павлоцкая

КОНКУРС «SPELLING BEE» КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В связи с присоединением Республики Беларусь к Болонскому процессу и принятием новых образовательных стандартов мы признаем, что компетентностный подход является важнейшим фактором обеспечения качественного высшего образования и является альтернативой традиционному обучению, основанному на накоплении абстрактно-теоретических знаний.

Компетентностный подход в образовании – это формирование ключевых компетенций, трактуемых как совокупность знаний, умений, навыков, нормативно-ценностных установок, необходимых для эффективного решения личностных и социально-значимых проблем в определенных сферах деятельности и культуры.

Обучение в МГЛУ направлено на формирование у специалиста трех основных групп компетенций: академических, социально-личностных и профессиональных.

Понятие *компетенция* происходит от латинского слова *competo*, что означает 'достигаю, соответствую, подхожу'. Латинское существительное *competentia* – комплексное свойство человека достигать вполне определенного результата: способность понимать свои потребности, осознавать и задавать цели как желаемый результат, владение знаниями как средством преобразования ситуации, умение практически действовать по направлению к результату, отслеживая и корректируя собственные действия.

Компетенция в образовании, можно сказать, это интегральный результат взаимодействия следующих компонентов: мотивационного, целевого, ориентационного, функционального, контрольного и оценочного.

Здесь мы будем говорить, прежде всего, об академической компетенции, которая является совокупностью компетенций студента в сфере самостоятельной познавательной деятельности, включающей элементы логической, методологической, общеучебной деятельности, соотнесенной с различными познавательными процессами. В систему академических компетенций входят такие компетенции, как языковая, коммуникативная, информативная и другие. По праву мы относим сюда и лингвокультурологическую компетенцию, для формирования которой необходимо понимание сходства и различия между культурами родной страны и страны изучаемого языка.

Лингвокультурологическую компетенцию можно определить как совокупность системно организованных знаний о культуре, готовность интерпретировать языковые и экстралингвистические факты, а также аналитические и коммуникативные умения, которые приобретаются в процессе знакомства с культурными ценностями страны изучаемого языка.

Компетенции формируются за счет педагогических и методологических подходов, они не могут генерироваться в процесс традиционного образования на предметно-содержательном уровне. Их формирование происходит за счет систематического интегрирования в целостный образовательный процесс посредством технологий, содержания, стиля жизни учебного заведения, типа взаимоотношений между преподавателями и студентами.

Мы считаем, что конкурс «Spelling Bee» может обладать «эффектом синергизма», который будет способствовать формированию лингвокультурологической компетенции в обучении английскому языку.

Конкурс «Spelling Bee» стал традицией, а значит частью культуры англоязычного мира. Участники конкурса должны произнести слово по буквам, воспроизведя его письменную словарную форму. Историческое значение слова *bee* (‘пчела’) – ‘собрание, где проводится специфическое действие’. Этимология этого слова до конца не ясна, но, скорее всего, оно произошло от древнеанглийского слова *bene* ‘молитва’.

Данный конкурс впервые появился в Соединённых Штатах Америки в 1925 году. В США он проводится ежегодно – начиная с местных конкурсов и заканчивая национальным, в котором победитель награждается денежным призом. Национальный конкурс спонсируется периодическими изданиями и образовательными фондами, транслируется по телевидению.

Национальные конкурсы проводятся в Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Мексике, Индонезии, Пакистане. Играет Африка, Азия, страны СНГ. В конкурсе, который первоначально предназначался для детей 8–15 лет, участвуют взрослые.

По сравнению со многими другими языками мира английский язык обладает трудной для усвоения и зачастую непоследовательной орфографией – относительно небольшое количество фонем передается большим количеством возможных графем, многие написания сложились исторически и не соответствуют произношению.

Мы адаптировали конкурс в соответствии с целями, задачами и компетенциями обучения в МГЛУ. Конкурс предназначен для студентов 1–2 курсов переводческого факультета.

Так как основным акцентом обучения английскому языку в нашем университете выступает *BBC pronunciation*, то используемые словари – это словари Британских издательских домов.

Так как английский язык является неродным языком для студентов МГЛУ, выбор тематически ограничен и включает слова, относящиеся к темам, изучаемым на 1 и 2 курсах переводческого факультета.

Конкурс состоит из трех туров. Первый тур предполагает произнесение слов тематического словаря по буквам. Список включает слова разной сложности, знакомые и незнакомые. Во втором туре участники произносят по буквам неологизмы и дают им определение. Неологизмы, новые слова и выражения, создаются для обозначения новых понятий, появляющихся в той или иной культуре, отражают изменения, произошедшие в обществе, позволяют узнать о культуре англоязычных стран, менталитете и поведенческих нормах (*anti-vaccine, eco-anxiety, kettlebell, to meghan markle*). В третьем туре участники объясняют значение идиом. Идиомы несут в себе кумулятивную функцию, помогают изучать не только язык, но и культурно-исторический опыт народа. Идиомы отражают менталитет народа, а изучение языка невозможно представить без изучения культуры и ментальности его нации. Идиомы – культурное наследие страны и народа (*to have smb in stiches, to sell like hot cakes, to pull down the monuments, to burn the midnight oil).*

Конкурс «Spelling Bee» – это адреналиновое путешествие, наполненное волнением. Это история вдохновения и саморазвития. Врата в мир, основанный на знаниях. Вы становитесь мастером английского языка, языка, отражающего культуру страны, составляющего часть культуры и являющегося инструментом, посредством которого мы усваиваем культуру.

А. В. Рживуцкая, О. А. Полетаева

МЕТАФОРА В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале китайского и русского переводного текста)

В современном коммуникативном пространстве язык СМИ выполняет 2 основные функции: информирующую и воздействующую. В новостном дискурсе преобладает информирующая функция, однако специфика этого дискурса диктует выбор языковых средств, позволяющих доступно и образно донести информацию до массовой аудитории. Одним из таких средств является метафора.

Предметом нашего исследования стали особенности функционирования метафоры в новостном дискурсе на материале китайского и русского переводного текста. Источник материала – новостные статьи на двух языках, размещенные на двуязычном интернет-ресурсе, на котором публикуется разно-

образная информация об отношениях России и Китая на двух языках. Всего было проанализировано 100 статей на разные темы: экономика, политика, совместные конференции, форумы между двумя странами, проекты, выставки, соревнования и другие культурные мероприятия, космос, медицина, наука и техника, общество и т.д. Для анализа были отобраны 114 метафор, которые классифицировались по различным параметрам: сфера-источник, сфера-цель, модель переноса, частеречные характеристики.

Результаты анализа показали, что преобладающим типом метафоры в новостном дискурсе являются субстантивные метафоры (59 %). В этой группе чаще всего используется сфера-источник «инженерные сооружения» (18 %), при этом сфера-цель может быть разной, например: 经贸物流国际**大通道** – *международный торговый и логистический коридор* («экономика»), 联合国探讨 **人工智能惠益的主要平台** – *главная платформа ООН для обсуждения преимуществ и возможностей ИИ* («международные отношения») и т.д.

Наиболее частотной сферой-целью являются «международные отношения» (36 %). При этом сфера-источник также может быть различной: **中俄人文交流机制** – *механизм китайско-российских гуманитарных обменов* («физика: приборы и механизмы»), **双方具有广泛的合作空间** – *стороны имеют широкое пространство для сотрудничества* («география») и т.д.

Среди субстантивных метафор наиболее частотен перенос на основании сходства по функции (52 %), например: **深化合作新平台** – *новая платформа для углубления контактов*, **舞**剧《孔子》被誉为"**中国**传统文化的**名片**" – *танцевальная драма «Конфуций» – это «визитная карточка традиционной китайской культуры»*, **中俄**协作: 变化世界中的"稳定器" *Сотрудничество Китая и России – «стабилизатор» в изменчивом мире* и т.д.

Глагольные метафоры составляют 23 %. Преобладающая сфера-источник в таких метафорах – «человек» (62 %), перенос может происходить в следующие сферы-цели: 为未来减少温室气体排放**打下了基**础 – *заложить основу для сокращения выбросов вредных веществ в атмосферу* («экология»), 为建设国际月球科研站**打下基**础 – *заложить фундамент для открытия исследовательской станции на спутнике Земли* («наука»), **其影响**远远**超**过铁路行业本身 – *позитивный эффект выходит за рамки самого железнодорожного хозяйства* («экономика»). Сфера «международные отношения» – наиболее частотная (35 %) сфера-цель в глагольных метафорах, при этом сферой-источником является лишь одна сфера – «человек»: 在中俄关系进入新时代的背景下 – *в контексте вступающих в новую эпоху китайско-российских отношений*, 为日后两国关系进一步良好发展**打下**坚实的**基**础 – *заложить прочную основу для дальнейшего развития двусторонних отношений* и т.д. Среди глагольных метафор наиболее частотен перенос по сходству процессов деятельности (69 %).

Адъективные метафоры составляют 18 %. Главным образом, сфера-источник в таких метафорах – «характеристика предмета» (52 %), а сфера-цель – «характеристика явления»: например, **俄中两国关系的深远内涵** – *глубокий смысл*

российско-китайских отношений, 中国市场竞争非常激烈 – *конкуренция на китайском рынке весьма остра*. Перенос в адъективных метафорах осуществляется преимущественно на основе ассоциативного сходства.

Следовательно, специфика новостного дискурса отражает тенденцию к субстантивной метафоре как наиболее объективному способу представления информации (по сравнению с глагольной и адъективной метафорами, более экспрессивными по своим характеристикам).

Нами были отмечены следующие тенденции в функционировании метафор в новостном дискурсе:

1. Стандартизация (41 случай), например: 深化务实合作, 扩大经验交流 – *углублять практическое сотрудничество и расширять обмен опытом* и др.

2. Терминологизация (14 случаев), например: 金融泡沫 – *финансовое пузыри,* 水陆两栖飞机 *самолет-амфибия,* 产业链 – *промышленная цепочка,* 项目孵化 – *бизнес-инкубатор* и др.

3. Символизация (4 случая): 中国馆以“中国红”与“科技蓝”为主色 *основными цветовыми оттенками павильона Китая являются «китайский красный» и «технологический синий».* Символическое значение цветономинаций помогает нам понять, что красный – это национальный имидж Китая, державность, самоотверженность и гуманность КНР, синий – особенности аэрокосмической промышленности, технологии, будущее, время и пространство.

4. Неологизация (2 случая), например: 青年要做两国关系未来的推动者 – *молодежь должна выступать драйвером будущего двусторонних отношений,* 自由贸易试验区 – *пилотная зона свободной торговли*. Лексемы *драйвер* и *пилотный* заимствованы из английского языка, однако словарь еще не фиксирует значения, в которых данные слова употреблены в данных контекстах.

5. Фразеологизация (2 случая), например: 我们决不容许篡改历史、重蹈历史覆辙 – *мы намерены исключить как исторические манипуляции, так и повторение исторических ошибок* (досл. Мы намерены исключить исторические манипуляции и не следовать по колее, где опрокинулась идущая впереди повозка).

Следует отметить, что не во всех случаях мы находим полное соответствие метафор в текстах оригинала и перевода. Так, например, зафиксированы случаи, когда в китайском варианте метафоры нет, а в русском переводе появляется образность: 为中小企业提供更多、更好的商机 – *малым и средним предприятиям откроются новые горизонты* (досл. малым и средним предприятиям предоставят больше возможностей). В примерах 管道 – *топливная артерия* (досл. трубопровод) и 运河 *водная артерия* (досл. канал) переводчик использует метафоры, чтобы избежать повторов одного и того же слова.

Также зафиксированы случаи, когда при переводе на русский язык не сохраняется образность китайского текста, например: 进入全面实施阶段 – *начало полномасштабной реализации* (досл. войти в этап полномасштабной реализации), 国际大学生竞赛在俄罗斯国立社会大学拉开帷幕 – *международные студенче-*

ские игры начинались в Российском государственном социальном университете (досл. международные студенческие игры раздвинули занавес в Российском государственном социальном университете) и др.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в новостном дискурсе активно используется метафора и как средство номинации, и как средство создания экспрессивности текста. Преобладающим типом является субстантивная метафора. В данном типе текста зафиксированы следующие тенденции в функционировании метафор: стандартизация, терминологизация, символизация, фразеологизация, неологизация. Функционирование метафор в оригинальном китайском тексте и тексте перевода на русский язык в большинстве случаев коррелирует. Переводческие трансформации, как правило, обусловлены стилистическими целями.

А. А. Романовская

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ АНТИЧНОГО СИМВОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Литературное произведение (текст) и Текст – разнокачественные реальности. Литературное произведение – это архитектоническое целое, единство которого определяется единством его смысловой интенции, имеет линейную структуру, обусловленную языковыми средствами, внутреннюю иерархию, начало и конец, тогда как Текст не имеет плоскостного структурирования посредством языковых средств. Он характеризуется объемностью, которая создается новыми порожденными значениями. Межтекстовые связи свидетельствуют о нецелостности пишущегося текста, позволяют взглянуть на этот текст как на голограмму: в объемном представлении видятся его глубинные структуры.

Текст как интертекстуальное произведение оказывает влияние на читателя, настраивая устанавливать смыслы на основе отпечатков других текстов. Интертекстуальные явления вовлекают читателя в диалог, прочитываются, воспринимаются адресатом в соответствии с уровнем его подготовленности к ведению диалога. Многослойный и семиотически неоднородный текст вступает в сложные отношения с окружающим культурным контекстом.

Характеристикой культуры является знаковый характер, связанность ценностно-смысловых структур с языком. Главные характеристики единиц культуры в целом и символа как элемента кода культуры в частности – константность (постоянное использование их в культуре), а также их вторичный (образный) смысл. Символы – особые единицы культуры, конвенционально установленные и культурно-исторически отработанные и освоенные народной психологией. При определении основных путей создания национальных

символов, выделения видов национальных символов, изучения малоизвестных или устаревших символов актуализируются вопросы об интертекстуальной функции символа как в тексте культуры, так и в литературном произведении.

Античный символ как элемент кода культуры, выраженный языковым знаком, интертекстуален. Интертекстуальная функция символа проявляется в означивании ассоциируемого с древнегреческим мифом смысла, который вплетается в канву Текста (дискурса) как интертекст. Функционирующий в современном произведении символ приобретает вариативный окказиональный смысл на основе образного понятия, репрезентируемого в содержании символа. Мифологическое значение символа представляет собой систему смыслов, исторически обусловленных, узуальных, воспроизводящихся в нашем языковом сознании как готовые значения в содержании воспринимаемого текста.

Символ как образный языковой знак непрямой номинации характеризуется симультанностью, то есть может одновременно использоваться по вертикали как функциональная единица текста (произведения), Текста, дискурса – глубинная структура (генотип) воплощается в горизонтальной структуре (фенотипе). Будучи зафиксированным в горизонтальной плоскости произведения, он может одновременно прочитываться по вертикали – разворачиваться в текст мифа. Присутствие символа в тексте разрушает линейный характер последнего, делает его структуру многослойной, выводит текст за рамки линейной структуры в социально-культурный контекст.

Античные символы в современном художественном тексте выполняют функции смыслопорождения, передают универсальный мифологический смысл, а также архаический смысл, преломленный сквозь лингвокультурологическую призму языкового сознания. Функционируя в современном художественном тексте, античный символ устанавливает с произведением межтекстовые отношения. Эти связи побуждают к парадигматическому (вертикальному) прочтению: по принципу метафоры возникают отношения текста с его названием; метатекстуальные отношения выявляются в случаях, когда в произведении дается ссылка на текст-донор. Ассоциируемые с античностью коннотативные окраски появляются под воздействием нового языкового окружения.

Лингвистическое истолкование через античный символ соотношения литературно-художественной практики и античного основания современной культуры способствует развитию концептуальных оснований символической реальности языка, соотношения языка и речи, языка и культуры, интерпретации текста, установлению ценностно-смысловых ориентиров человеческого бытия. Интертекстуальная функция античного символа в художественном тексте свидетельствует о ремифологизации – процессе воссоздания через символ архаических корней, свойственных мифологическому сознанию. На волне ремифологизации происходит выход за социально-исторические рамки ради выявления вечных начал жизни и мысли, углубления и обогащения представлений об окружающем мире и месте человека в нем.

М. А. Соловьёва

РЕФРЕЙМИНГ КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Необходимость исследования, установления механизмов и закономерностей фунционирования рефрейминга как изменения ракурса интерпретации устоявшихся социокультурных представлений была обоснована в трудах американских когнитологов Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Эти ученые объясняют актуальность данной проблематики задачами успешной коммуникации в области политического дискурса, а понятие рефрейминга вводится в связи с исследованием концептуальных метафор и когнитивных моделей с позиций когнитивной лингвистики. При этом не предлагается конкретная концепция рефрейминга, а указывается на связь между этим явлением и когнитивными механизмами смыслопорождения.

Следует отметить, что детальное рассмотрение рефрейминга с несколько иных позиций наблюдается в теории коммуникации, а также в риторике, где изучаются аргументативные тактики (Р. Дилтс, Т. А. Аскерова, А. Бакиров, О. С. Иссерс). Независимо от этической подоплеки использования манипулятивных речевых практик, нельзя не признать, что в данных направлениях науки рефрейминг представляется наиболее изученным.

Остановимся на результатах анализа рефрейминга с позиций теории коммуникации. Исследователи различают фрейминг как когнитивную установку создания рамок для ситуации и рефрейминг как изменение имеющихся рамок, в которые заключена ситуация (И. В. Одинцова). Языковыми приемами перемещения фокуса внимания на выгодные аспекты рассматриваемых объектов в дискурсе считаются рефрейминг убеждений и предположений в вопрос, рефрейминг содержания (т. е. изменение содержательной стороны ситуации – биографически детерминированный, межкультурный), рефрейминг контекста (содержание остается тем же, но меняется отношение, точка зрения – компенсаторный, оценочный – смена оценки), стилевой рефрейминг (описание ситуации в различных стилях речи), рефрейминг критики (Т. А. Аскерова, И. В. Одинцова). Рефрейминг представляет собой когнитивно-поведенческую корректировку, которая формирует положительное отношение к личности, организации или определенным событиям, поскольку интерпретатор приходит к новым выводам, чувствам и оценкам. Лингвистические средства, усиливающие суггестивный и прагматический эффект высказывания, представлены трюизмами, пресуппозициями, побудительными конструкциями, скрытыми в вопросах и условных предложениях, а также семантическими противоположностями, повторами, вербальными средствами, создающими иллюзию выбора (Т. А. Аскерова).

В исследованиях синтаксиса рефрейминг рассматривается как результат контекстуально обусловленной интерпретации ситуации, которая обеспечивается посредством когнитивного принципа метафигурирования (т. е. проецирования характеристик целого на возможные альтернативные конфигурации элементов, что связано с концепцией гештального восприятия) и когнитивного механизма перспективизации, т. е. точки зрения на ситуацию, обусловленной возможностями ее интерпретации (Л. А. Фурс).

На материале художественных текстов анализ рефрейминга предпринимался в области жанрообразующих характеристик романа (О. И. Уланович), где рефрейминг исследуется как трансформация социальной перцепции и рефлексии современного массового зрителя и читателя за счет исторической и социокультурной изменчивости собственно семантических и эстетических параметров художественности и духовного пространства читателей. В гендерных исследованиях (И. Г. Серова) рефрейминг доминантных концептов (*house* ‘дом’, *marriage* ‘брак’) изучался с позиций когнитивных оснований и возможностей перекатегоризации в области категории рода с учетом типов знаний, репрезентированных в данной категории, в рамках не только лингвистического исследования, но и общего контекста культуры и науки.

Наиболее релевантной для проводимого нами исследования рефрейминга концептов лингвокульутры представляется все же теория, предложенная когнитологами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, основанная отчасти на работах Ч. Филлмора. Эта концепция базируется на предпосылке о том, что человеческое мышление является метафоричным, телесно воплощенным и обусловленным физическим опытом. Согласно такому подходу все человеческое знание представлено в виде метафорических фреймов, создающих концептуальную систему, существующую в когнитивном бессознательном. Фреймы обеспечивают концептуальную структуру, определяющую семантические связи между целыми «полями» взаимозависимых концептов и слов, которые выражают их. Т.е. фреймы характеризуют структурированные фоновые знания, в отношении которых происходит означивание, верификация концептов. Фреймы в когнитивном бессознательном не являются нейтральными: они имеют не только интеллектульное, но и эмоциональное наполнение, обладают ценностной значимостью и формируют мировоззрение. Исходя из этого, можно предположить, что рефрейминг представляет собой эмоционально-оценочную, ценностную трансформацию концептов лингвокультуры, которые эксплицируются, в частности, в художественном дискурсе.

Проводимое нами исследование рефрейминга как механизма трансформации концептов лингвокультуры осуществляется в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. Обращение к изменениям концептов в диахронии

обосновано интересом к тому, как языковые средства, вербализующие ментальный лексикон и языковую картину мира носителей языка, участвуют в формировании новых смыслов посредством экспликации и трансформации в художественном дискурсе. Когнитивно-дискурсивный подход к изучению механизмов изменения фреймов, базирующихся на доминантных концептах, эксплицированных в художественном дискурсе посредством ключевых слов англоязычной и белорусской культур, позволяет установить специфику и общие закономерности, а также выявить типы изменений этих фреймов, определить языковые и прагматические средства рефрейминга различных видов. Изучение семантико-прагматических особенностей ключевых слов в прецедентных текстах анализируемых языков способствует выявлению диахронических закономерностей изменения фреймов посредством модификации лежащих в их основе доминатных концептов.

Анализ концептов лингвокультуры в художественном дискурсе позволяет выделить несколько видов рефрейминга. Во-первых, наблюдается временной рефрейминг, обусловленный собственно системными языковыми изменениями, развитием культуры, социальными и даже политическими трансформациями. Это будет верно как в отношении того, что мы называем вечными ценностями, представленными универсальными концептами (*love, каханьне, любоў*), так и тех слов, которые можно рассматривать как культурно и социально маркированные концепты (*aristocrat*, *шляхціч*, *пан*). При этом изменения могут иметь место как в семантическом, так и в прагматическом поле слова. Художественный дискурс, выявляя семантическое и прагматическое наполнение концептов, играет важную роль в формировании именно прагматического поля значения, модифицируя ценностный, образно-эстетический и ассоциативный компоненты концепта, при помощи собственно лингвистических средств и возможного мира текста.

Во-вторых, рефрейминг может быть целенаправленным, обусловленным намерением автора и выражаться в новом аксиологическом наполнении исследуемого концепта. При этом рефрейминг прагматического значения слова, обозначающего концепт, может иметь место в зависимости от того, становится ли текст автора прецедентным, т. е. обладает ли он необходимой актуальностью, в определении Г. Слышкина. В качестве примера можно привести следующий отрывок из произведения, отмеченного престижной литературной премией, помещающего культурно маркированный концепт «шляхціц» не в положительно окрашенный фрейм «культурно-историческое наследие белорусского народа», а в отрицательно маркированный фрейм «убийца», при этом ценностно «сталкивая» эти понятия с дореволюционным и советским стереотипными представлениями о «настоящем офицере», оставляя за читателем право выведения соответствующих смыслов на основе иллокутивного потенциала высказывания: *сапраўдны афіцэр, шляхціц, забойца* (А. Бахарэвіч «Белая муха, забойца мужчын»).

В заключение можно сказать, что рефрейминг концептов лингвокультуры практически всегда связан с ценностной, эмоционально-оценочной трансформацей концепта и может сопровождаться изменением структуры фрейма. Значимые концепты лингвокультуры, которые рассматриваются как «основа», «канва» концептосферы языка, не являются статальными и подвергаются изменениям под влиянием культурных, социополитических трансформаций. Это демонстрирует динамический характер как самих концептов, так и базирующихся на них фреймов, которые в принципе трактуются как «устоявшиеся» представления, тем не менее модифицируемые, в частности, посредством художественного дискурса.

В. В. Фоменко

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ *ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ* В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Язык является ключевым проявлением национальной идентичности. Он функционирует по законам разума и является инструментом познания и осмысления окружающей действительности. Выявление и понимание смысла – это основная идея развития народа и мира в целом. Смысловые и прагматические аспекты информации, в том числе ее ценность, достоверность и осмысленность, имеют все большую востребованность в обществе.

В настоящей работе производится попытка дать идеографическое описание конституентов, репрезентирующих понятие *здравый смысл* в русском языке и *common sense* в английском языке, исходя из комплексного семного анализа на основе лексикографических данных. В качестве объекта семасиологического исследования выделяется лексико-семантическая группа, которая интерпретируется на основании общего смыслового признака. Таким образом, семасиологическое исследование проводится на основе заданного ономасиологического понятия, которое определяет семантические границы лексико-фразеологического поля «Здравый смысл».

В современном понимании здравого смысла принято выделять два уровня – философский и обыденный. Настоящая работа посвящена исследованию *здравого смысла* в обыденном понимании, то есть набору элементарных несистематизированных знаний об окружающей действительности, основывающийся на опыте повседневной жизни. Обыденные понятия – элемент словаря и наивной картины мира, отражающие «повседневную аксиологию». Они выражают представления о ценностных константах окружающей действительности, их месте и роли в целостной структуре мироотношения и мировоззрения людей.

В русской языковой картине здравый смысл воспринимается как практическая мудрость, умение быстро и правильно оценить ситуацию, оперативно принять верное решение. *Здравый смысл* противостоит бессмысленному, неразумному и нелогичному. Для обозначения данного понятия используются следующие синонимы: здравомыслие, благоразумие, осмысленность, толковость, трезвость, адекватность, разумность, рациональность, здравый ум, рассудительность, здравое суждение, здравый (здоровый) рассудок, трезвый ум (ум, не обремененный эмоциями) и другие. Как видно из самих словосочетаний, в них довольно прозрачно проявляется познавательный оптимизм и вместе с тем указывается на требования к субъекту (И. П. Мамыкин). *Здравый смысл* выступает залогом достижения правильных и полезных результатов при определенном поведении человека.

Рассмотрим понятие *здравый смысл*, которое представлено в «Идеографическом словаре русского языка» О. С. Баранова. Понятие *здравомыслие* включает следующие лексемы*: здравомыслие, здравость, благоразумие, **здравый смысл**, трезвость, холодный ум, рассудительность, мудрость*. Поскольку здравый смысл включен в поле «Здравомыслие», то можно предположить, что лексема *здравомыслие* также входит в дефиницию здравого смысла. В синонимическом ряду выделяются основные семы: ‘разумность’ и ‘здравость’. Совокупность языковых единиц объединены общей семантической идеей способности мыслить, рассуждать и принимать разумные решения.

Представляется целесообразным уточнить соотношение понятий *здравый смысл* и *мудрость*. В контексте данного исследования под мудростью следует понимать высшую степень выражения здравого смысла, проявляющуюся в критическом осмыслении общеизвестных истин, быстрой реакции на происходящее и применении полученных знаний в соответствии с действительностью. Здравый смысл в широком смысле обычно соединяет понятия *здоровье и мышление, мысль, смысл.* Здравый смысл, здравомыслие – чрезвычайно важные понятия, обозначающие мыслительную норму и границы нормального, здорового мышления, здравомыслия. Здравомыслие – ядро осмысленного поведения (Л. Е. Балашов). В общем здоровье характеризует нормальное состояние человеческого организма, а здравомыслие − нормальное состояние человеческого мышления. В русской лингвокультуре понятие *здравый смысл* как фрагмент жизненного опыта человека призван объективировать в языке результаты мыслительной деятельности человека.

Для представителей британской нации среди лексических единиц, выражающих идею разумности и здравомыслия, особое место ввиду смысловой сложности занимает понятие *common sense* ‘здравый смысл’, принадлежащее на протяжении многих столетий базовому национальному коммуникативному блоку и являющееся широко представленным в языковом плане.

В авторитетном идеографическом словаре Роже «Roget's Thesaurus» изучаемое понятие представлено понятием *wisdom* 'мудрость' и входит в синонимический ряд со словами: *sapience* 'разум', *sense* 'разум'; *good sense* 'здравый смысл', common sense 'здравый смысл', horse sense 'здравый смысл', *rationality* 'разум', *reason* 'разум'; *reasonableness* 'разумность', *judgment* 'суждение'. *Sense* нередко выступает как синоним *common sense*, *good sense* и *horse sense* (Merriam Webster's Dictionary of Synonyms). Все четыре понятия подразумевают способность (обычно врожденную) видеть вещи такими, какие они есть, без иллюзий или эмоциональных предубеждений, принимать решения, которые являются разумными, осмотрительными и одобряемыми обществом. *Sense* имеет несколько значений, среди которых 'чувство, ощущение, сознание, разум, значение, смысл'. При этом в английском языке *sense* содержит семы 'чувство' и 'разум', которые в понимании здравого смысла в русской лингвокультуре противопоставляются и взаимоисключаются. Глагол *to sense* объединяет в себе значения 'ощущать', 'чувствовать', 'понимать', что представляет собой чувственное восприятие как источник познания.

Лексикографические источники в английском языке выделяет следующие синонимы *common sense* 'здравый смысл': *practicality* 'практичность', *sound judgment* 'здравое суждение', *sense* 'разум'; *discernment* 'проницательность', *prudence* 'рассудительность', *sound perception* 'здравомыслие'; *native wit or intelligence* 'врожденный ум', *mother wit* 'природный ум, здравый смысл', *intuition* 'интуиция', *horse sense* 'здравый смысл'; *wisdom* 'мудрость', *judiciousness* 'рассудительность', *sound thinking* 'здравое мышление', *balanced judgment* 'взвешенное суждение', *level-headedness* 'уравновешенность', *reasonableness* 'разумность', *shrewdness* 'проницательность', *cleverness* 'сообразительность'.

В синонимическом ряду выделяются основные семы: *sense* 'разумность' и *practicality* 'прагматизм'. Первая группа элементов соотносится с интеллектуальной способностью человека к разумному и рациональному мышлению, вторая группа отражает качества, обусловленные проявлением практической смекалки, прагматизма.

Мы можем рассматривать *practical ability to make decisions* 'практическая способность принимать решения' как идентифицирующую формулу понятия *common sense* 'здравый смысл', которая объединяет слова прямо ей соответствующие, а также слова, имеющие синонимическое отождествление конструктивных компонентов.

На основании категориального дифференциального признака в структуре семемы внутри лексико-фразеологического поля «Здравый смысл» были выделены следующие лексико-семантические группы (микрополя): *wisdom* 'мудрость', *sense* 'разум', *sanity* 'здравомыслие, здоровье', *inborn ability* 'врожденная способность', *practicality* 'прагматизм, практичность', *rationality* 'рациональность', *discernment* 'проницательность'.

В ходе исследования лексикографических источников были установлены изначальные сходства в семантике номинативных единиц понятий *здравый смысл* и *common sense*, характеризующиеся, в частности, антропоцентричностью и взаимообусловленностью всех сфер деятельности сознания. Сочетание когнитивной и поведенческой природы характеристик указывает на то, что понятие *здравый смысл* представляет не отдельное качество, а тип мышления, способ структурирования мировосприятия (Д. Г. Демидова), что подтверждает предположение об онтологической сущности понятия.

Резюмируя изложенные факты, мы можем прийти к заключению, что номинанты, участвующие в репрезентации понятия *здравый смысл* в русской и английской лингвокультурах, демонстрируют сходные наборы признаков, критериев оценки мировосприятия и деятельности человека в обществе в целом, однако имеют некоторые расхождения образного воплощения аналогичной мысли, что может служить инструментом обнаружения культурных особенностей.

Л. В. Чернышова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАИМСТВОВАНИЙ: *ЛОКДАУН*

В 2020 году мы впервые услышали слово *локдаун*, которое стремительно обрело популярность в СМИ. Отсутствие лексемы в лексикографических источниках не помешало ей быстро приобрести концептуальное содержание, аксиологическую составляющую, что мы и собираемся продемонстрировать на русскоязычных материалах текстовых контентов СМИ конца 2020 – начала 2021 года.

Ежегодно лингвисты в разных странах выбирают главные слова года. В подавляющем большинстве случаев в 2020 году победили лексемы, связанные с пандемией коронавируса и ее социальными последствиями. Коронавирус отодвинул на второй план другие важнейшие проблемы планетарного масштаба. Сокращение *до н.э.* стали расшифровывать не традиционно *до нашей эры*, а *до начала эпидемии* (svoboda.org).

Сравнение с предыдущими словами-победителями иллюстрирует полную перемену жизненных приоритетов: согласно Оксфордскому словарю английского языка в 2013 году главным словом было провозглашено *селфи,* в 2019 – устойчивое словосочетание *чрезвычайная климатическая ситуация* (*climate emergency*).

В 2020 году сотрудники указанного словаря не смогли выбрать какое-то одно важное слово. Вместо этого лексикографы обозначили для каждого месяца свою лексему (кстати, в их числе – *белорусский*), но большинство из них связаны с пандемией.

Как свидетельствует американскоий лексикографический источник «Merriam-Webster», на первый план вышло слово *pandemic* ‘пандемия’, по мнению экспертов словаря «Collins English Dictionary», это *локдаун (lockdown*), в Китае назвали два иероглифа года – один имеет значение ‘пандемия’, второй – ‘народ’ – символ солидарности всех жителей страны в борьбе с коронавирусной инфекцией. У японского иероглифа года – значение ’тесный’, связанное с рекомендацией избегать тесных и потому плохо проветриваемых помещений, скопления людей и близких контактов.

Подобные исследования провели и в России в Институте русского языка имени Пушкина. Здесь главным словом года стала *самоизоляция*, второе место заняла лексическая единица *обнуление.*

Ситуация с распространением коронавируса и введением стандартов безопасности мер привела сначала к отдельным карантинным ограничениям, а впоследствии в большинстве стран Евросоюза начали вводить *коронавирусные локдауны.* При этом слово *локдаун* популяризировалось естественным образом, став к концу 2020 года самым упоминаемым термином, благодаря бессчетным заголовкам в СМИ.

Сначала журналисты писали о том, что слово *локдаун* не вызывает заинтересованности у россиян. «Возможно, это связано с тем, что большинство просто не понимает его значения… Гораздо более привлекательные рейтинги у русского аналога *карантин*. Им заинтересовалось около 3 800 000 россиян, то есть около 2 % от населения страны» (wordstat.yandex.ru).

Тем не менее, проанализировав русскоязычные текстовые контенты СМИ интернет-источников второй половины 2020 года – первой половины 2021 года, мы выяснили, что новая лексическая единица *локдаун* закреплялась в средствах массовой информации РФ и РБ постепенно, она стала достаточно частотной, хотя справедливо отметить, что употреблялась (и употребляется) преимущественно при описании ситуаций карантина в зарубежных странах: *У нас новый термин – **локдаун**, не путать с нокдаун* (https://zonakz.net/2020); *В условиях пандемии лексикографы зарегистрировали резкий взлет частотности употребления **локдаун** − 250 000 случаев против 4 000 в 2019 году, передает «Интерфакс»* (https://www.bfm.ru/news). Аналитики поисковика Yandex отмечают, что *локдаун* вошел в список самых популярных слов, согласно запросам пользователей Интернета (https://tengrinews.kz).

Локдаун в русском языке – это не новое слово. В 1993 году в «Новом большом англо-русском словаре» под ред. Ю. Д. Апресяна английская лексема *lockdown* (*локдаун*) была переведена как ‘строгая изоляция (заключенных)’. Русский вариант – это транслитерация английского слова, состоящего из двух корней: *lock* означает ‘запирать’ или ‘закрывать’, *down* − в данном случае усилительная частица – ‘запирать наглухо’. На официальном уровне в США термин начали употреблять в начале семидесятых, когда слово

lockdown вошло в ряд тюремных протоколов для обозначения особого режима, введение которого позволяло жестче контролировать перемещения заключенных в случае чрезвычайных обстоятельств.

В России первые употребления слова *локдаун* были «мирными». В начале XXI века оно вышло за пределы тюремной лексики и стало частью школьного лексикона − блокирование учебных заведений в случае ЧП.

В настоящее время интересующая нас лексема олицетворяет запреты из-за коронавируса. В СМИ находим попытки толкования слова *локдаун.* Они содержат концептуализацию, восходящую к английской, и включают аксиологическую составляющую: в ядерной части значения присутствует оценка: ***Локдаун*** *в переводе с английского языка значит* ‘*блокировка*’, ‘***строгая*** *и* ***принудительная*** *изоляция*’*… И теперь оно больше понимается как* ***полное ограничение*** *передвижения людей, например, в связи с эпидемией или стихийным бедствием* (https://tengrinews.kz). В одном из текстовых контентов встречаем следующие рассуждения: *…первоначальная концепция слова* ***локдаун*** *применялась к заключенным в тюрьмах за плохое поведение. Значит ли это, что все население Земли теперь воспринимается как* ***один большой лагерь заключенных****? Очень неприятно, но возможно, что так и есть, а значит весь мир теперь* ***одна большая тюрьма*** (https://zen.yandex.ru/media). В статье четко просматривается концептуальная метафора, содержащая негативную эмоциональную составляющую: *локдаун – заключение, лагерь для заключенных, тюрьма.* Также *локдаун* постоянно коррелирует в печати с *экономикой: Lockdown – как* ***бизнес****! До тех пор, пока они лупят QE во все стороны, им необходимо подавлять инфляционные процессы…* (https://spydell.livejournal.com).

Концепты описывают действительность, но действительность особого рода – ментальную. Как реакция на языковую единицу *локдаун* возникает *образ*.

Во-первых, это некий *объект: МИД Беларуси напомнил туристам о вероятности* ***возвращения к*** *локдауну других стран* (https://people.onliner.by); *С 8 декабря* ***усиливает*** *локдаун и Чехия; В Германии* ***объявили*** *новый локдаун* (https://news.tut.by) и др. Характеристика образа объекта содержит *темпоральную* метафору: *Локдаун* ***затянется****…, считают специалисты* (https://yandex.by); *В Израиле вступил в действие* ***ночной «локдаун»*** (https://donbasstoday.ru); Немецкий ***бородатый локдаун*** (бородатый – долгий) (https://russian.rt.com/opinion) и др., *локальную метафору*: *Развитые страны вновь* ***погружаются в*** *Lockdown* (https://spydell.livejournal.com); *Страна* ***уходит в*** *жесткий локдаун…* (https://news.tut.by) и др.

Как и всякому концепту, *локдауну* присущи различные свойства: *мягкий, нежесткий, жесткий, строгий, полный, тотальный, общенациональный, повсеместный, осознанный, интеллектуальный, информационный: В Кабмине заговорили об* ***интеллектуальном локдауне****… Он будет учитывать ситуацию с заболеваемостью COVID-19 в каждом регионе* (https://24tv.ua/ru);

Пишут, что в Белоруссии ***интернет-локдаун*** (https://zergulio.livejournal.com); *Мы оказались в полном* ***информационном локдауне****. Как редакции выходят из положения при отсутствии Интернета* (https://mediaiq.by) и др.

Во-вторых, просматривается образ *одушевленного субъекта,* жестокого и беспощадного: *Локдаун* ***разорит*** *большую часть мелкого и среднего бизнеса Украины* (https://www.fondsk.ru/news); *Страну* ***ждет*** *локдаун;* ***Хаос*** *в экономике* ***из-за*** *локдауна* (https://www.rosbalt.ru) и др.

Итак, материалы печати свидетельствуют, что в русском языке стремительно сформировался новый концепт *локдаун.* Расширится ли его структура, покажет время. Пока же мы можем свидетельствовать об активном формировании концепта в дискурсе определенного типа (пандемия).

Что касается самой лексемы, можно наблюдать, что она за короткий срок функционирования в публицистике прошла этапы семантического и формального освоения, особенно наглядна графическая адаптация: первоначальная передача алфавитом языка-источника, использование кавычек, прописная-строчная буква и пр. Слово начинает проявлять деривативную активность: *Всемирный* ***КОВИД-локдаун*** *также привел к обвалу производственных активов…*; ***Интернет-локдаун*** (https://zavtra.ru).

Заимствование пришлось по вкусу журналистам, и, на наш взгляд, в скором времени можно ожидать расширения его употребления в других типах текста, тем более, что некоторое движение в этом направлении в СМИ уже намечено (*экономический, общественный, интеллектуальный, информационный локдаун).*

Е. В. Шестакова

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале английского и русского языков)

Современный этап развития лингвистики характеризуется рассмотрением не только проблем внутренней организации языка, но и особенностей функционирования языка с учетом влияния на него процессов, происходящих в мире. Активно развиваются дисциплины, связанные с проявлением человеческого фактора в языке. Акцентируется внимание на субъективном аспекте в языке, к которому относится и оценочное отношение человека к окружающему миру.

Вопрос изучения явления оценочности как самостоятельной языковой категории, средств ее выражения, а также проблема разграничения смежных понятий эмотивности, модальности, интенсивности получают теоретическое обоснование в научных трудах многих лингвистов, среди которых Н. Д. Ару-

тюнова, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, В. Н. Телия, Г. В. Колшанский, А. А. Романовская, В. И. Шаховский, Л. А. Новиков, А. И. Приходько, Т. В. Романова, Л. А. Сергеева, С. Г. Шейдаева, А. А. Ивин, В. Е. Алексеева и др. Однако несмотря на то, что в языкознании фактически никем не отрицается важность изучения оценочных свойств языка, существуют разные точки зрения на данную проблему. К примеру, некоторые лингвисты рассматривают оценку как атрибут и речи, и языка (Е. М. Вольф, А. А. Романовская и др.), другие же полагают, что оценочные элементы проявляются преимущественно в речи (Н. Д. Арутюнова и др.). Прослеживается тенденция рассматривать оценку не как неустойчивое проявление субъективного фактора. К примеру, в работах А. А. Романовской оценочность рассматривается с точки зрения системности; не как случайное, а как закономерное свойство.

В современной лингвистике внимание ученых сосредоточено не только на вопросах статуса категории оценочности, ее реализации в языке, но и на более частных вопросах (например, способы выражения определенных типов оценочности). Не утрачивает актуальности вопрос взаимосвязи оценки и эмоций: данной проблеме посвящены работы таких ученых, как И. А. Стернин, И. В. Арнольд, О. С. Ахманова и др. В отдельных работах предпринимаются попытки разделить понятия *оценка* и *оценочность* с позиций противопоставления «лингвистического» и «экстралингвистического» ввиду отсутствия строгого толкования и разделения данных терминов.

Категория оценочности имеет огромный спектр средств выражения, и именно с этим фактом интерес лингвистов к изучению данной категории в последнее время возрастает. Значимость оценки как универсальной категории выражается в том, что она находит свое отражение в различных языковых функциях.

Представляется актуальным вопрос исследования оценочности не только как отдельной категории, но и средств ее выражения в рамках дискурса. На современном этапе возрастает интерес к изучению отдельных типов дискурса. Особое внимание ученых обращено на изучение особенностей институционального дискурса (работы В. И. Карасика), а именно отдельных его типов, а также на анализ функционирования в них отдельных языковых единиц. Например, анализируют такие типы институционального дискурса, как деловой дискурс (Л. П. Тарнаева, Т. А. Ширяева, Т. В. Анисимова и др.), медийный дискурс (М. Р. Желтухина), компьютерно-медийный (Л. Г. Ковальская), публицистический (Т. В. Чернышова), научный, массово-информационный, политический, религиозный, педагогический, медицинский, военный, юридический и др.

Акцентирование внимания на языковых средствах выражения категории оценочности непосредственно в институциональном дискурсе и его субдискурсах является особенно **актуальным** в связи с тем, что в общепринятых трактовках институциональный дискурс изначально представляется как стро-

го официальная, закрытая, клишированная и ограниченная в отношении оценочных элементов структура. Среди характеристик институционального дискурса традиционно выделяют стройность, объективность, лаконичность, терминологичность и безоценочность. В институциональном дискурсе личностный компонент, как правило, выражен значительно меньше, чем в персонализированном.

Однако стремительные процессы глобализации; разнообразие сфер жизни, которые формируют субдискурсы институционального дискурса; многообразие событий, происходящих в современном обществе и находящих свое языковое отражение в институциональном дискурсе, на сегодняшний день не позволяют говорить о строгой закрытости и стандартизированности данного типа дискурса и полном отсутствии в нем языковых оценочных элементов.

К примеру, при анализе официальной документации такого института, как Организация Объединенных Наций, на английском и русском языках, представленной на официальном сайте Организации, выявляется тенденция к более частому использованию оценочных элементов, чем это отмечалось в традиционных характеристиках. Прослеживается наличие средств выражения категории оценочности в текстах юридического (конвенциях, декларациях, уставах), дипломатического (выступлениях) и делового (письмах, вербальных нотах) типов институционального дискурса. Оценочные элементы встречаются на уровне аффиксов (*сильнейший, глубочайший, inefficient, disrespect*), слов (*эскалация, травля, почтение, уважение; honour, pleasure, to suffer*), структур и высказываний (*Позвольте мне выразить глубочайшие соболезнования. – I would like to express my deepest condolences*).

При сравнении некоторых примеров можно предположить то, что в текстах, характеризующихся неперсонализированным представлением информации (конвенции, декларации, уставы), количество средств выражения категории оценочности будет ограниченным: *Организация Объединенных Наций* ***неоднократно*** *проявляла свой* ***глубокий*** *интерес к судьбе беженцев (The United Nations has,* ***on various occasions****, manifested its* ***profound*** *concern for refugees)* (выдержка из текста Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года). *Ребенок* ***должен быть защищен*** *от всех форм* ***небрежного*** *отношения,* ***жестокости*** *и эксплуатации (The child* ***shall be protected*** *against all forms of* ***neglect****,* ***cruelty*** *and exploitation)* (выдержка из текста Декларации прав ребенка 1959 года).

Количество средств выражения оценочности увеличивается в текстах, где более ярко проявляется личностный компонент (выступления, письма): *Вооруженные* ***конфликты****,* ***противостояние*** *между* ***сильнейшими*** *государствами мира, информационные* ***войны****,* ***ничем не прикрытая травля неугодных*** *стран, международные* ***провокации****,* ***санкции*** *– все это* ***яркое*** *тому доказательство (Armed* ***conflicts****,* ***confrontations*** *between the world's* ***greatest*** *Powers, information* ***wars****, the* ***undisguised persecution*** *of* ***uncooperative*** *countries, international* ***provocations*** *and* ***sanctions*** *are all* ***vivid*** *proof of that)*

(выступление В. Рыбакова на заседании Совета Безопасности, 2018 год). *Мы **надеемся**, что Вы **благосклонно** отнесетесь к этому предложению и поддержите его (We **hope** that you will give this proposal your **favourable** consideration and support)* (из письма к Генеральной Ассамблее от 19 декабря 2008 года).

Представляется, что в институциональном дискурсе разных языков (а именно в дипломатическом, деловом и юридическом его типах) выражение категории оценочности осуществляется различными и особыми для такого типа дискурса средствами, которые в совокупности могут дать понимание об особенностях выражения и степени выраженности категории оценочности в институциональном типе дискурса.

Выявлению семантико-прагматических особенностей средств выражения категории оценочности в институциональном дискурсе (и отдельных его типах) английского и русского языков могут способствовать идентификация, анализ и систематизация языковых средств выражения категории оценочности в английском и русском языках; установление структуры и типов институционального дискурса на английском и русском языках; выявление особенностей средств выражения категории оценочности в текстах официальной документации на английском и русском языках; установление сходств и различий английских и русских средств выражения категории оценочности в дипломатическом, юридическом и деловом дискурсе в сопоставительном аспекте.

Таким образом, исследование категории оценочности и средств ее выражения в институциональном дискурсе английского и русского языков является актуальным, так как прослеживается четкая тенденция к изменению характеристик институционального дискурса, в особенности относительно закрытости и безоценочности данного типа дискурса, а также наличие особых для указанных языков средств выражения категории оценочности.

Круглый стол
«СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ»

Ю. В. Бекреева

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Глагол является одной из основных частей речи, уникальной по своим семантическим и функциональным характеристикам. В рамках когнитивно-дискурсивного направления глагол рассматривается как обозначение ситуации, события, положения дел. В значении глагола фиксируется временная и пространственная схема ситуации, а также знание об участниках и предметах, вовлеченных в обозначаемую ситуацию. Как отмечает Н. Н. Болдырев, глагол репрезентирует ситуацию в нерасчлененном виде, являясь носителем обобщенных грамматических и семантических смыслов в проекции на пропозицию предложения. В развернутом варианте базовая пропозициональная модель представляет собой последовательность элементов x – f – y, или, в традиционно лингвистических символах, S – P – O, где S – субъект, P – предикат, O – объект. Глагол представляет функциональный элемент f и в основных (видо-временных) грамматических формах выполняет функцию предиката в предложении. Однако, рассматривая глагол вне структуры предложения, возникает вопрос, в какой мере другие элементы пропозиции (S, O) представлены в структуре его значения. Ряд концепций в области исследования глагольной семантики предлагают варианты решения данного вопроса.

Теория валентности, заимствуя понятие из химии, которое описывает способность образовывать определенное число связей с элементами, акцентирует внимание на сочетаемостных возможностях глагола и степени зависимости его семантики от именных лексических единиц. С. Д. Кацнельсон определяет валентность как заключенную в лексическом значении синтаксическую потенцию. Глаголы с нулевой валентностью семантически автономны и могут выражать значение, не вступая в сочетание с именами (например, *Смеркается*). Двухвалентные глаголы актуализируют значение в базовой пропозициональной структуре, сочетаясь с именем субъекта и именем объекта. Таким образом, в семантику глагольного слова включается информация о количестве участников и предметов обозначаемой ситуации, которые на уровне высказывания выражаются именами в сочетании с искомым глаголом-предикатом.

Теория валентности послужила фундаментом для других концепций, исследующих как семантику глагола, так и семантику предложения. В частности, теория глубинных падежей Ч. Филлмора рассматривает глагол как пропозициональное ядро, которое наряду с модальностью формирует семантику предложения. Глагол в своем значении включает фрейм (рамку или конфигурацию глубинных падежей), который представляет семантико-синтаксические роли участников определяемой ситуации. Роль – часть значения глагола, которое соответствует семантическому содержанию актанта при предикате. Следует отметить, что роли или падежи, предложенные Ч. Филлмором, порой не имеют точного определения и достаточно произвольны. Например, Источник (Source) не имеет дефиниции, Объект (Object) определяется как сущность, которая движется или претерпевает изменения, Экспериенцер (Experiencer) рассматривается только как падеж глаголов психической деятельности, выражая субъект, который получает или переживает эффект действия. Тип семантической роли зависит не только от значения глагола, но и от значения имени актанта. Кроме того, каждый падеж может появиться только один раз в определенном фрейме, но один и тот же актант может иметь несколько вариантов роли. Например, в предложении *He teaches English* ‘Он преподает английский язык’ *he* одновременно выступает в роли Агенса (Agent) и Источника (Source).

Указанные противоречия и неточности подверглись критическому анализу самим Ч. Филлмором в поздних работах, его учениками и оппонентами. Например, опираясь на семантику глагола, Д. Даути выводит ряд функционально-семантических признаков, которые формируют категории протоагенса (падеж Agent в теории Ч. Филлмора) и протопациенса (падеж Object и, позднее, Patient). Можно отметить, что и в данной концепции анализ строится на основе модели базовой пропозиции (S – P – O). Протоагенс характеризуется волитивной вовлеченностью в ситуацию, способностью ощущать, сознанием, способностью воздействовать на другого участника ситуации, подвижностью (относительно другого участника), автономным существованием (не обусловленным действием или состоянием, обозначенным глагольным словом). Протопациенс подвержен изменению, воздействию извне, стационарен по отношению к движущемуся участнику и зависим в существовании от происходящего события. Таким образом, встроенные падежи или семантические роли в значении глагола могут быть представлены как набор семантических признаков, ориентированных на определенную субстанциональную сферу. Для роли Агенса, к примеру, такими признаками являются «креативность», «энергетическая активность», «мобильность», «каузативность», «контролируемость», «волитивность», «одушевленность», «дискретность» (А. В. Бондарко, У. Крофт, А. Ф. Дрозд и др.).

Участники ситуации, определяемой глагольным словом, могут быть маркированы не только по ситуативной роли, но и по онтологической категории, например, «человек», «животное», «жидкость», «природное явление». Эти категориальные признаки относятся, скорее, к субстанциональной сфере, и являются частью значения имен существительных. Однако ряд исследователей (Э. В. Кузнецова, Е. В. Падучева, О. А. Михайлова и др.) обращают внимание на то, что онтологические признаки имен ограничивают сочетаемость некоторых глаголов, а также актуализируют определенный вариант глагольного значения при полисемии. Данное наблюдение дает основание для включения в структуру значения глагола семантических признаков, отражающих категории референтов – участников ситуации действия. О. А. Михайлова рассматривает данные признаки как тип лимитирующих сем.

Сопоставление структуры значения глагола по элементам обозначаемой ситуации со структурой предложения, в котором данный глагол выступает в функции предиката, указывает на возможность несимметричного отражения падежной рамки глагола вследствие инкорпорации отдельных актантов в «полном» объеме значения (полный объем значения в данном случае определяет контекстуальное значение именного актанта в сочетании с глаголом-предикатом). Например, в рамках типологического исследования способов лексического выражения ситуации движения Л. Телми языки подразделяются на сателлитно-фреймовые (satellite-framed languages) и глагольно-фреймовые (verb-framed languages). В первом типе языков траектория движения (Путь) выражена актантами (сателлитами, в терминологии Л. Телми) в сочетании с глаголом движения. Во втором типе языков траектория движения не требует обязательного поверхностного выражения, поскольку инкорпорируется в значении глаголов.

Вопрос о включении актантов в глагольное значение сводится к двух вариантам решения: 1) предметные компоненты значения составляют неотъемлемую часть семантической структуры глагольной лексемы (инкорпорированные актанты, лимитирующие семы); 2) предметные актанты активизируются в сознании обозначенным глаголом действием (импликационал, прессупозитивная часть значения, фрейм и под.). Моделирование структуры глагольного значения на основе пропозиции позволяет, с одной стороны, раскрыть связь семантики и синтаксической функции глагола, с другой стороны, определить, в какой степени информация об участниках и предметах ситуации отражена в значении глаголов: от общего числа и иерархии до категории разной степени абстрактности-конкретности.

Н. А. Волковинская

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ
(на материале английского языка)

Лексическая системность, объективно существующая в языке, может исследоваться разными способами. В рамках психолингвистики системность и особенности ее выражения исследуются на модели ассоциативного поля, получаемого в результате проведения ассоциативного эксперимента.

Рассмотрим это на примере семантической области «Хлебобулочные и мучные кондитерские изделия» в английском языке, выбор которой в качестве предмета исследования обусловлен ее высокой коммуникативной релевантностью и культурной ценностью, близостью и понятностью каждому носителю языка. Данная лексика является высокочастотной и используется носителями языка ежедневно, независимо от их социальных, национальных, возрастных и половых характеристик, поскольку пища составляет основу физического существования.

Результатом психолингвистического моделирования семантической области «Хлебобулочные и мучные кондитерские изделия» стало ассоциативное поле «Хлебобулочные и мучные кондитерские изделия», которое было сконструировано на основании свободного ассоциативного эксперимента, проведенного автором с 250 носителями английского языка. Формой проведения выступило письменное анкетирование, групповое и индивидуальное. Возраст испытуемых в эксперименте составил от 9 до 75 лет. Установление гендерных и возрастных отличий респондентов не входило в круг задач исследования, но для репрезентативности полученных данных и для соблюдения усредненной пропорции характеристик различных групп мы фиксировали пол, возраст, а также родной язык. Основополагающим критерием отбора респондентов было признание ими английского языка в качестве родного. Опора на психику испытуемых, без налагания каких-либо ограничений на процесс ассоциирования, позволяет добиться вербализации знаний, связанных с конкретной звуковой оболочкой в сознании респондентов.

Полученная полевая модель включает лексические единицы разных частей речи, связанных определенными семантическими отношениями и ранжированных от центра к периферии по типу знаний о данной реалии. Ярко выраженная иерархичная структура исследуемого поля отражает неоднородность и различную значимость единиц смысла в сознании носителя языка.

В состав исследуемого ассоциативного поля вошли 695 единиц, распределенных по 14 семантическим группам: «Наименования изделий» (*bread* ‘хлеб’, *cake* ‘торт, пирожное’, *tart* ‘торт’, *bun* ‘булка’, *muffin* ‘маффин’, *gateau*

‘пирожное’, *teacake* ‘булочка к чаю’, *dropscone* ‘оладья’, *blini* ‘блины’, *cob* ‘небольшая булка круглой формы’, *flapjack* ‘флэпджек’, *scone* ‘лепешка’, *crepe* ‘тонкий блинчик’ и др.), «Сопутствующие продукты» (*butter* ‘масло’, *jam* ‘варенье’, *tea* ‘чай’, *cream* ‘сливки’, *lemon(s)* ‘лимон’ и *cheese* ‘сыр’) «Компоненты изделий» (*flour* ‘мука’, *dough* ‘тесто’, *yeast* ‘дрожжи’, *jam* ‘варенье’, *currants* ‘коринка’, *milk* ‘молоко’, *batter* ‘взбитое жидкое тесто’, *sugar* ‘сахар’, *eggs* ‘яйца’, *raisins* ‘изюм’, *wheat* ‘пшеница’, *sultana* ‘кишмиш’, *nutmeg* ‘мускатный орех’, *slice* ‘ломтик’, *icing* ‘глазурь’, *loaf* ‘буханка’, *crust* ‘корка’, *frosting* ‘глазурь’, *layer* ‘слой’, *filling* ‘начинка’, *candle(s)* ‘свеча(и)’, *crumbs* ‘крошки’, *base* ‘основа’ и др., «Характеристики» (*crunchy* ‘хрустящий’, *crispy* ‘хрустящий’, *sweet* ‘сладкий’, *savoury* ‘пикантный’, *spiced* ‘пряный’, *sour* ‘кислый’, *plain* ‘простой’, *juicy* ‘сочный’, *rough* ‘горький, грубый’ и др.), «Действия» (*cook* ‘готовить’, *bake* ‘печь’, *fry* ‘жарить’, *knead* ‘замешивать’, *toast* ‘поджаривать’), *eat* ‘есть’, *crunch* ‘хрустеть’, *chew* ‘жевать’, *bite* ‘кусать’, *nibble* ‘грызть’, *roll* ‘сворачивать в трубочку’, *take* ‘брать’, *flip* ‘подбрасывать’, *burn* ‘сжигать’, *ice* ‘покрывать глазурью’, *grab* ‘хватать’, *offer* ‘предлагать’, *drink* ‘пить’, *buy* ‘покупать’, *slice* ‘нарезать’ и др.), «Цитатная» (*pancake race* ‘забег с блинами’, *muffin tops* ‘излишки жира, свисающие в области талии’, *cake and ale* ‘веселье’, *bread and butter* ‘хлеб с маслом’ и др.), «Блюда» (*porridge* ‘каша’, *pizza* ‘пицца’, *fritter* ‘фриттер’, *pasta* ‘паста’, *pork donuts* ‘свиные пончики’, *weetabix* ‘витабикс’, *dish* ‘блюдо’), «Кухонные инструменты» (*oven* ‘духовка’, *toaster* ‘тостер’, *stove* ‘плита’, *pan* ‘сковорода’, *saucepan* ‘кастрюля’, *frying pan* ‘сковорода с ручкой’, *griddle* ‘сковорода с ручкой’, *mug* ‘чашка’), «Составные блюда» (*sandwiches* ‘бутерброды’, *burgers* ‘гамбургеры’, *pudding* ‘пудинг’), «Время» (*breakfast* ‘завтрак’, *lunch* ‘обед’, *dinner* ‘ужин’, *supper* ‘ужин’, *brunch* ‘бранч’, *late night snack* ‘поздняя ночная закуска’, *snack* ‘перекус’, *tea time* ‘время ужина’, *afternoon tea* ‘обеденный чай’ и др.), «Место» (*Scotland* ‘Шотландия’, *France* ‘Франция’, *kitchen* ‘кухня’, *home* ‘дом’), «Лица» (*pancake* ‘блин’ – *dad*, *bun* ‘булка’ – *grandmother* ‘бабушка’), «Диета» (*bread* ‘хлеб’ – *wholemeal* ‘цельнозерновой’, *oatmeal* ‘овсяная крупа’ – *health* ‘здоровье’) и «Психофизиологическое состояние» (*hunger* ‘голод’, *makes me hungry* ‘делает меня голодным’, *excited* ‘взволнованный’).

Спецификой ассоциативного поля номинаций хлебобулочных и мучных изделий в английском языке являются: высокая степень лексического разнообразия (коэффициент 0,8); образность, которая проявляется в том, что 80 % слов-стимулов демонстрируют связь с определенным образом предмета или персонажем прецедентных текстов, и аксиологичность, определяемая наличием эмоционально-оценочных компонентов у 75 % слов-стимулов. Зафиксированные в поле связи формируют структурный каркас поля. Анализ семантических отношений показал, что для носителей языка актуальнее оказались

тематические отношения (40 %), далее следуют синтагматические (26 %), парадигматические (25 %), цитатные (8 %), фонетические (0,5 %) и словообразовательные (0,5 %).

Появление вербальных ассоциаций у испытуемых вызвано актуализацией определенной стратегии идентификации стимульного слова. В исследуемом поле были выделены следующие стратегии: **категоризации** (*bun* 'булка' – *Bath* 'батская'), **метонимическая** (*scone* 'лепешка' – *jam* 'варенье'), **идентификации через атрибутивную характеристику** (*doughnut* 'пончик' – *sweet* 'сладкий'), **выделения части целого** (*bread* 'хлеб' – *flour* 'мука'), **достраивания и дополнения стимула** (*cake and ale* – 'веселье'), **функциональная** (*cake* 'торт, пирожное' – *stand* 'подставка') и **процессуальная** (*biscuit* 'печенье' – *bake* 'печь') **идентификации**, **локации во времени** (*waffle* 'вафля' – *breakfast* 'завтрак') и **пространстве** (*cookie* 'печенье' – *kitchen* 'кухня'), **персонализации** (*bun* 'булка' – *grandmother* 'бабушка'), **идентификации через образ и ситуацию** (*doughnut* 'пончик' – *cops* 'копы'), а также **стратегия идентификации через состояние** (*bread* 'хлеб' – *hunger* 'голод').

Таким образом, психолингвистическое описание исследуемой семантической области заключалось в установлении специфики структуры и содержания ассоциативного поля, представляющего собой совокупность ассоциаций, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента с носителями английского языка, на слова-стимулы, обозначающие хлебобулочные и мучные кондитерские изделия.

О. А. Зинина

КОНЦЕПТ «TEA» КАК КОМПОНЕНТ АНГЛИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Сам процесс чаепития (tea drinking) и соответствующие языковые единицы появились в английском языке в конце XVII–начале XVIII века в значении 'afternoon meal at which tea is served'. С того времени концепт «tea» значительно расширился и постепенно приобрел статус ценностной культурной доминанты, национального символа. Этому способствовало и становление всемирно известных чайных брендов, таких как *Twinings, Lipton*, и расцвет британской империи с ее экспортными возможностями чайного листа из индийских и цейлонских колоний.

В языке данный концепт выражен через значительное количество устойчивых выражений, отражающих языковую картину мира носителей английского языка. Рассмотрим некоторые из них.

Концепт «tea» включает в себя разные виды приема пищи и самого напитка, например *low tea* 'чай с легкой закуской' и *high tea* 'обед с чаем', *white tea* 'чай с молоком', *Russian tea* 'чай с лимоном и сахаром', *husband's tea* 'слабый чай', *builder's tea* 'крепкий чай с молоком'.

Данный концепт включает понятие «хорошее времяпрепровождение, приятное общение», выраженное устойчивыми словосочетаниями *tea party* ‘вечеринка с чаем’ и *tea dance* ‘вечеринка с чаем и танцами’. В английской пословице *Drinking tea with pleasure isn’t working without measure* также подчеркивается приятный характер чаепития в противоположность тяжелой работе.

Невозможно представить английскую лингвокультуру без понятия *a nice cup of tea.* Это символ гостеприимства, заботы о здоровье, средство успокоения в стрессовой ситуации. Не случайно у известного писателя Джорджа Оруэлла имеется эссе под названием «A Nice Cup of Tea», в котором он называет чай одним из оплотов цивилизации Британии (‘*one of the main stays of civilization in this country*’).

Данный концепт включает и обозначения места, где можно выпить чай, например, *tea garden* ‘ресторан на открытом воздухе’, *tea room/tea shop* ‘чайная, кафе’.

Существуют многочисленные фразеологические единицы, содержащие концепт «tea». Одной из самых широко известных является it’s *not my cup of tea* ‘это не по мне, это не в моем вкусе’. Устойчивое выражение *read the tea leaves* соответствует русскому ‘гадать на кофейной гуще’, но в британской лингвокультуре ‘на чайных листьях’. Еще одним фразеологизмом, имеющим русский эквивалент, является *a storm in a teacup* ‘буря в стакане воды’.

Таким образом, *tea drinking* в английской лингвокультуре – традиция, которой дорожат, это возможность дружеского или семейного общения, средство от болезней и неприятностей, которое вызывает чувство душевного равновесия. По словам великого британского писателя Генри Джеймса, «There are few hours in life more agreeable than the hour dedicated to the ceremony known as afternoon tea» (Henry James. The Portrait of a Lady).

Ю. М. Кардубан

СЕМАНТЫЗАЦЫЯ АНГЛІЙСКІХ ФРАЗАВЫХ ДЗЕЯСЛОВАЎ: ЛЕКСІКАГРАФІЧНЫ АСПЕКТ

Актуальнасць вывучэння фразавых дзеясловаў абумоўлена тым, што такія адзінкі з’яўляюцца адным з прадуктыўных і актыўных пластоў лексікі, ў сучаснай англійскай мове і патрабуюць сістэмнага падыходу да вылучэння і апісання. Мы разглядаем гэтыя дзеяслоўныя лексемы як своеасаблівыя ўстойлівыя адзінкі ў слоўнікавым складзе сучаснай англійскай мовы і ставім сваёй мэтай устанавіць спецыфіку семантызацыі фразавых дзеясловаў у перакладных слоўніках агульнага тыпу.

Адзначым, што дагэтуль спрэчным застаецца пытанне аб месцы фразавых дзеяловаў у лексічнай сістэме англійскай мовы. Шэраг даследчыкаў разглядаюць такія адзінкі як тоесныя слову, таксама існуе меркаванне пра вытворны характар фразавых дзеясловаў, пры гэтым пастверб разглядаецца як дэрывацыйны фармант. У сучасных працах па фразеалогіі

абгрунтавана думка аб прыналежнасці фразавых дзеясловаў да аднавяршынных (тэрмін прапанаваны А. І. Смірніцкім) фразеалагічных адзінак. Звяртае на сябе ўвагу таксама той факт, што фразавыя дзеясловы склалі словаспіс першага тома *The Oxford Dictionary of Current Idiomatic English*.

У сучасных слоўніках англійскай мовы фразавыя дзеясловы звычайна падаюцца з паметай *phr v*, аднак можна сустрэць таксама такія ўмоўныя абазначэнні, як *V prep, v adv*, (у дачыненні да двухкампанентных адзінак); *v adv prep* (пра трохкампанентныя адзінкі). Такая разнастайнасць сведчыць пра існаванне розных падыходаў да разумення тэрміна *фразавы дзеяслоў*.

Мы лічым мэтазгодным прытрымлівацца такога падыходу да ўстанаўлення моўнага статусу фразавых дзеясловаў, які разглядае такія лексемы як аднавяршынныя ідыяматычныя адзінкі.

Да аднавяршынных фразеалагічных адзінак, напрыклад, адносяцца такія спалучэнні прыназоўніка з лексемай-назоўнікам, якія суадносяцца з прыслоўямі і характарызуюцца адсутнасцю граматычнага цэнтра ўвогуле, напрыклад, *in sync* ‘сінхронна’. Да структурна-семантычнага тыпу аднавяршынных адзінак ускоснай намінацыі далучаюцца таксама спалучэнні іншых службовых часцін мовы з назоўнікам, напрыклад: *and co* ‘і кампанія’.

У складзе аднавяршынных фразеалагічных адзінак дзеяслоўныя лексемы англійскай мовы ўтвараюць структурна-семантычны цэнтр, вакол якога аб’яднаны адно або некалькі слоў, часцей службовых. Найбольш тыповыя сярод іх – дзеяслоўна-адвербіяльныя фразеалагічныя адзінкі накшталт *pep smb/smth up* ‘падбадзёрыць, падняць настрой*’; gen up on* ‘атрымаць звесткі, дадзеныя (асабліва негалосна)’. Першы кампанент такіх ідыяматычных словазлучэнняў, выражаны дзеялоўнай лексемай, з’яўляецца семантычным і граматычным цэнтрам.

Спынімся больш падрабязна на некаторых аспектах семантызацыі фразавых дзеясловаў у слоўніках. Як адзначаецца ўкладальнікамі слоўнікаў, фразавыя дзеясловы – гэта ідыяматычныя канструкцыі, і іх значэнне не выводзіцца з літаральных значэнняў кампанентаў.

Звычайна семантызацыю ўскладняе здольнасць фразавых дзеясловаў утвараць лексіка-семантычныя варыянты. У выніку адзін і той жа дзеяслоў можа мець як прамое, так і ўскладненае / ідыяматычнае значэнне. У такіх выпадках укладальнікі перакладных слоўнікаў таксама вырашаюць праблему перадачы розных значэнняў.

Патрабуе асаблівага разгляду адзін з метадаў атрымання ўскосных дадзеных пра семны склад значэнняў – метад аналізу слоўнікавых дэфініцый. Гэты метад дае магчымасць атрымаць моўны матэрыял, які патрабуе семнай інтэрпрэтацыі, каб надалей правесці семнае апісанне адпаведных значэнняў.

Адначым, што часам кампаненты слоўнікавых дэфініцый патрабуюць інтэрпрэтацыі як семы, г. зн. яны павінны быць перафармуляваны ў семны выгляд. Даследчыкі адзначаюць, што ў лексікаграфічным значэнні фіксуюцца пераважна ядзерныя семы, а перыферыйныя семы звычайна не фіксуюцца, таксама вельмі непаслядоўна падаюцца канататыўныя і функцыянальныя семы.

Абавязковай умовай выкарыстання аналізу слоўнікавых дэфініцый як крыніцы выяўлення сем з'яўляецца папярэдняе абагульненне слоўнікавых дэфініцый розных тлумачальных слоўнікаў, што дазваляе максімальна пашырыць як спіс значэнняў фразавага дзеяслова, так і спіс семантычных кампанентаў, паколькі ў розных слоўніках магчыма вылучэнне розных значэнняў і семантычных кампанентаў адной і той жа лексемы. Метад абагульнення слоўнікавых дэфініцый заснаваны на прынцыпе дадатковасці слоўнікавых дэфініцый розных слоўнікаў, кожная з якіх адлюстроўвае некаторыя істотныя прыкметы значэння, але найбольш поўнае лексікаграфічнае апісанне ажыццяўляецца толькі сукупнасцю дэфініцый розных слоўнікаў, якія дапаўняюць адзін аднаго.

Разгледзім алгарытм устанаўлення лексікаграфічнага значэння слова на прыкладзе фразавага дзеяслова *lock down*. Метад абагульнення слоўнікавых дэфініцый уключае наступныя паслядоўныя этапы.

1. Выпісваюцца ўсе значэнні гэтай ідыяматычнай адзінкі з усіх даступных даследчыку слоўнікаў, у якіх прыводзіцца дадзены фразавы дзеяслоў.

2. Складаецца адзіны спіс усіх значэнняў фразавага дзеяслова, зафіксаваных у розных слоўніках. Такія значэнні з розных слоўнікаў, якія маюць хаця б мінімальныя адрозненні ў змесце, уключаюцца ў апісанне семантыкі фразавага дзеяслова як асобныя значэнні. Напрыклад:

– **lock down** *phrasal verb* to control people's movements within an area because of a dangerous situation, especially in order to prevent the spread of disease: *Those states which locked down most effectively and almost eliminated the virus have done best economically. England is being locked down for a third time.*

– **lock down** *phrasal verb transitive* 1) to make people stay in a locked indoor space during an emergency in order to keep them safe: *Police have locked down the entire area.* 2) to limit use of a computer network to only the users who have permission to use it: *Make sure the stuff you post to Facebook is locked down tight.* 3) to make an arrangement definite so that it will not change: *We need to lock down the new schedule as soon as possible.*

Заўважым, што часам слоўнікавыя дэфініцыі не будуюцца па семным прынцыпе, укладальнікі могуць выкарыстоўваць сінонімы, у слоўнікавых тлумачэннях могуць сустракацца таўталагічныя выразы:

– **lock down** *phrasal verb* 1. To place (a facility or the people in it) in a lockdown. 2. To arrange or secure (something) so that it does not change or can't be undone.

3. Удакладняецца атрыманы на папярэднім этапе спіс значэнняў фразавага дзеяслова па дэнататыўным прынцыпе: калі адзінка намінуе нейкі дэнатат, адрозны ад іншых дэнататаў, то фіксуецца асобнае значэнне.

4. Калі асобнае значэнне слова выяўляецца толькі з прыкладаў да дэфініцыі і не мае самастойнага тлумачэння ні ў адным слоўніку, яно фармулюецца даследчыкам.

5. Кожнае значэнне ўяўляецца як сукупнасць несупадаючых дэфініцый у розных слоўніках: для кожнага значэння даецца спіс яго розных дэфініцый у наяўных слоўніках. На падставе гэтай сукупнасці ўкладальнікі перакладных слоўнікаў фармулююць перакладныя эквіваленты адзінак: **lock down** *phr.v.* 1) замыкаць, зачыняць; 2) блакіраваць; 3) кантраляваць, ізаляваць.

6. На аснове сукупнасці несупадаючых дэфініцый аднаго і таго ж значэння ў наяўных слоўніках фармулюецца абагульняючая дэфініцыя значэння лексічнай адзінкі ў выглядзе пашыранага набору сем з улікам усіх семантычных кампанентаў і лексікаграфічных памет, выдзеленых у несупадаючых дэфініцыях розных слоўнікаў. Усе семантычныя кампаненты, выдзеленыя рознымі слоўнікамі, уключаюцца ў склад значэння і фармулюецца абагуленая дэфініцыя.

7. Значэнні мнагазначных слоў у апісанні фразавага дзеяслова падаюцца ў парадку ад ядзерных да перыферыйных. Ядзернымі лічацца значэнні, выдзеленыя ўсімі слоўнікамі і пададзеныя ў гэтых слоўніках першымі. Перыферыйнымі значэннямі лічацца састарэлыя, стылістычна абмежаваныя, выдзеленыя толькі асобнымі слоўнікамі значэнні.

Такім чынам, слоўнікавыя дэфініцыі фразавых дзеясловаў з'яўляюцца зыходнай крыніцай матэрыялу для семантызацыі такіх лексем у перакладных слоўніках. Што датычыцца праблемы семантызацыі фразавых дзеясловаў у слоўніках розных тыпаў, то лічым найбольш запатрабаваным вырашэнне пытанняў укладання перакладных англійска-беларускіх слоўнікаў. Тэарэтычная і практычная каштоўнасць такіх лексікаграфічных прац абумоўлена ў першую чаргу патрэбамі перакладчыцкай і лінгвадыдактычнай дзейнасці.

Е. В. Кротюк

ЭВФЕМИЯ И ДИСФЕМИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Исследование функционирования языка в современном политическом дискурсе (ПД) обусловлено общественным предназначением ПД, вытекающим из его функций. Е. И. Шейгал выделяет следующие функции ПД:

– функцию социального контроля (манипуляция общественным сознанием);

– функцию легитимизации власти (объяснение и оправдание решений относительно распределения власти и общественных ресурсов);

– функцию социальной солидарности («интеграция в рамках всего социума или отдельных социальных групп»);

– функцию социальной дифференциации («отчуждение социальных групп»);

– функцию распространения информации (information dissemination);

– функцию «определение повестки дня» (agenda setting);

– функцию проекции в будущее и прошлое (projection to future and past)».

Суммируя вышеперечисленное, мы, вслед за Е. И. Шейгал, считаем, что основной функцией данного вида дискурса является его использование в качестве «инструмента политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение)». Политические режимы не существуют вне коммуникации. Эффективность ПД, таким образом, можно определить через достижение необходимой степени политически правильных / угодных адресанту действий, суждений, реакций со стороны большинства граждан данного сообщества.

Современный ПД традиционно строится на общих принципах политической корректности (ПК), одной из стратегий ее языковой реализации является эвфемия. Ориентируясь на широкую аудиторию, политики вынуждены соблюдать принципы вежливости и такта, придерживаться установленной языковой нормы. Эвфемизм призван снимать коннотацию социальной неприемлемости с денотата, смещать негативную эмоциональную доминанту в сторону нейтральности, таким образом воздействуя на адресата неагрессивным способом. Необходимо отметить тонкую грань между ПК эвфемизмами и политическими эвфемизмами. Первые реализуют основной принцип прагматики – принцип вежливости, в то время как политические эвфемизмы выполняют функцию вуалирования и искажения истины в сферах внутренней и внешней политики и дипломатии. Однако в современном ПД все чаще наблюдается одновременная реализация функций смягчения / вежливости и вуалирования (*families of modest economic means, foreign populations, уязвимые категории* и т. п.).

Параллельно с высоким уровнем эвфемизации ПД прослеживается тенденция отказа от эвфемистических замен. Это связывают как с сокращением искусственных запретов в современном обществе, так и с тенденцией языковой либерализации, намеренного акцентирования и преувеличения существующих проблем с целью привлечения к ним особого внимания. А. Н. Резанова отмечает психологический, социолингвистический и прагматический аспекты в использовании дисфемизмов, характеризуя их как «намеренное использование табуированной языковой формы или слов сниженного стиля, несоответствующих данной речевой ситуации для решения поставленной коммуникативной задачи». Е. В. Шишова называет дисфемию «двигателем» современного ПД. Поскольку коммуникация является, по сути, «единственно легитимным демократическим средством нападения и защиты», участники ПД для достижения эффективности вместо ожидаемого нейтрального либо мелиоративного коммуникативного поведения прибегают к использованию дисфемии как к тактическому языковому средству.

В основе явлений эвфемии и дисфемии заложено преобразование денотата: в случае дисфемии денотату намеренно придается сниженная, негативная коннотация (*сдохнуть* вместо *умереть, нищеброды* вместо *малообеспеченные слои, poor countries* вместо *developing countries, criminal illegal aliens* вместо *undocumented felons*). В случае с эвфемией пейоративный денотат заменяется мелиоративным (*уйти из жизни* вместо *умереть, не очень*

благополучное (материальное) положение, в стесненных условиях вместо *бедный, неимущий, foreign born individuals* вместо *illegal immigrants, the economically disadvantaged вместо poor/impoverished*).

М. Л. Ковшова относит явления эвфемии и дисфемии к эмоционально настраивающим тактикам, констатируя, что эвфемизмы сближают говорящего и слушающего, а дисфемизмы, напротив, разъединяют собеседников, однако обеспечивают необходимое воздействие на массовую аудиторию. Таким образом, процесс дисфемизации и полярный ему процесс эвфемизации являются неотъемлемыми стратегическими компонентами современного ПД.

О. Ф. Курилович

ГЕНДЕРНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Исследование вопросов, связанных с толерантным взаимодействием в социуме, продолжает оставаться активно разрабатываемой проблемой социально-гуманитарных наук, поскольку непонимание и конфликты, возникающие в современном обществе, вызваны различиями в социокультурных нормах и стереотипах поведения. Причем толерантность исследуется в ее различных аспектах, таких как этнический, лингвокультурологический, когнитивно-дискурсивный и коммуникативный. Новые реалии быстро меняющегося современного мира ставят перед исследователями толерантности все новые задачи. К числу наиболее актуальных из них, на наш взгляд, относится рассмотрение специфики семантики слов, которая определяет толерантное отношение в современном обществе к гендерным меньшинствам, изучение проблемы развития значения слова, исследование новых контекстов употребления слов, обеспечивающих бесконфликтное и компромиссное общение в обществе.

Описание семантики одного и того же слова может иметь заметные различия в толковых и других словарях разного типа, так как различные методы описания значения лексических единиц дают несовпадающие результаты. При анализе слова в контексте всегда выявляются семы, которые не входят в дефиницию, представленную в толковом словаре. Это значения слов, которые описывают обыденное языковое сознание, реально сложившееся словоупотребление в современном английском языке.

В английском языке основной проблемой при определении гендера является употребление нужного местоимения. К примеру, каким местоимением следует обозначать людей, определяющих себя как *non-binary / a transgender person / gender queer?* Наиболее распространенная форма обращения к таким людям в современном английском языке – местоимение *they*. Это местоимение, традиционно применяемое для обозначения двух и более людей. Оно также используется в высказываниях подобного типа: ***Every child**, whoever **THEY** are, deserves to have a mum and a dad*, когда мы говорим о ком-либо, кто может быть и женского, и мужского пола. Такое употребление местоиме-

ния не является новым – поговорка *Everybody loves **their** own mother* существует с конца 1300 года. Это применение *they* не вызывает никаких вопросов в современном английском языке. А вот употребление этого же местоимения в единственном числе до сих пор остается не всегда понятным, менее употребимым и не совсем грамматически правильным: *I've never had a **friend** get so mad with me that THEY turn off THEIR phone and don't turn it back on for two days.* Причем не все современные словари пока отражают данное изменение значения и грамматической парадигмы этого местоимения, настаивая на использовании с этим местоимением глагола во множественном числе.

В то время как анализ употребления этого местоимения в социальных сетях и публицистических текстах показывает обратное: "You are going to meet my friend Poppy today, I hope you like *them*", "I may bring a friend, *their* name is Janelle"; "I asked Jessy – who uses *they / them* pronouns – *they* might come". Это свидетельствует о том, что небинарное местоимение *they* уже имеет в языке определенное значение и его использование неуклонно растет на протяжении последних десятилетий. Англоговорящие люди сталкиваются с небинарными именами в профилях социальных сетей, изучая наклейки с местоимениями, прикрепленные к бейджам на конференции. Нет никаких сомнений в том, что *they* стало полноправным «членом» английского языка. В прошлом году Merriam-Webster Dictionary сделал гендерно-нейтральное использование местоимения *they* в единственном числе словом года, основываясь на том факте, что число запросов по поиску значения этого слова увеличилось на 313 %.

Таким образом, наш анализ позволяет сделать вывод, что языковому сознанию носителей английского языка присуще положительное оценочное отношение к гендерным различиям. Изменения значений слов характеризуют внешний мир испытуемых, ценностные ориентации членов общества (языкового общества), которые создаются в их сознании, когда человеческая деятельность приобретает социальную определенность. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что семантика слов отражает в полной мере социальную жизнь носителей языка, их повседневные связи с окружающей действительностью, что обусловливает характер информации, репрезентированной в их значениях.

М. М. Лойша

СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Изучение нарратива является актуальным не только для литературоведения, но и для лингвистики, психологии, культурологи, социологии и антропологии. Все эти дисциплины видят в нарративе чрезвычайно важный для человека способ транслировать опыт, понимать мир и, в конце концов, самих себя.

Согласно Й. Брокмайеру и Р. Харре, «отправной точкой нового интереса к нарративу в гуманитарных науках является, по-видимому, “открытие” в 1980-х гг. того, что повествовательная форма – и устная, и письменная – составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток прийти к соглашению с природой и условиями существования».

Автобиографический нарратив является формой нарративного дискурса, где через повествование реконструируется личный и социокультурный опыт индивида, описывающий последовательность значимых событий, объединенных общим сюжетом. Рассказывая о себе, субъект прибегает к помощи существующих нарративных форм, которые помогают систематизировать и упорядочить собственный опыт.

Под *нарративной формой* можно понимать различные единицы, но в автобиографическом нарративе такой единицей часто выступает сохранившееся в памяти событие, которое можно рассматривать и как когнитивную единицу, т.е. посредника между опытом и языком, и как герменевтический инструмент, который преобразует личный опыт в вербальные структуры.

В рамках нарратологии было предпринято большое количество попыток изучить нарративные формы через их структурно-морфологические особенности. Основателем структурного подхода к изучению нарратива является В. Пропп, который на основе русской сказки выделил набор определенных сюжетов и их элементов. Подобные схемы анализа структуры нарратива с помощью набора элементов повествования были предложены Дж. Брунером, Э. Оксом, Л. Капсом и другими. Дж. Брунер рассматривал нарратив как структуру из пяти элементов, т.е. пентаду: действующее лицо, действие, обстановка, средства, цель. Э. Окс и Л. Капс предлагают еще один список элементов повествования: обстановка, неожиданное событие, психологические или физические реакции, незапланированные действия, попытка и последствия.

Однако классической работой по определению компонентов нарратива стало исследование У. Лабова. Он выделял шесть элементов в полностью сформированном нарративе: тезис (краткое изложение, резюме нарратива), ориентацию (время, место, ситуация, действующие лица), последовательность событий, оценку (значимость и смысл действия, отношение рассказчика к этому действию), резолюцию (что случалось в конце концов) и коду (в которой рассказчик возвращается в настоящее время).

Одним из поводов для критики данной схемы анализа является то, что не все примеры автобиографического или личностного нарратива вписываются в предложенные схемы, некоторые элементы опускаются или могут располагаться в другой последовательности. Тем не менее отклонения от классической схемы У. Лабова можно рассматривать не как недостаток, а как руководство по определению функций структурных функций элементов, представляющих связь автобиографических событий, как некий культурный

сценарий, в контексте которого человек интерпретирует свой опыт. Более того, структурные свойства являются устойчивыми по отношению к событиям, могут быть описаны конечным числом терминов и позволяют получить более точное понимание моделей мира личности.

Н. А. Масленченко

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ

Лексические средства отображения эмоций занимают центральное место в системе эмотивных средств языка и являются наиболее изученным уровнем. Условно, все разнообразие работ, выполненных в рамках лексического подхода к изучению эмоций, можно разделить на четыре основных направления: семасиологическое, психолингвистическое, дискурсивно-функциональное и когнитивное.

Психолингвистическое направление разрабатывает вопросы лексической эмотивности в связи с общими вопросами речевой деятельности (В. П. Белянин, Р. М. Фрумкина), формированием и функционированием индивидуального лексикона (Е. Ю. Мягкова, А. А. Залевская), особенностями коммуникативного поведения представителей различных языковых коллективов (Н. В. Уфимцева, И. А. Стернин). Результаты этих исследований подтверждают значительные социокультурные различия в роли эмоций в жизнедеятельности того или иного сообщества и вариативность вербального выражения эмоциональных состояний.

Когнитивное направление исследует вопросы организации эмоциональных концептов, ядром которых выступает, как правило, слово-название эмоции. Общие принципы и программа исследования эмоциональных концептов сформулированы А. Вежбицкой. Исходя из понимания вербализованного эмоционального концепта как сложного структурно-смыслового образования, лексически и фразеологически оформленного в соответствии с культурными нормами и традициями, это направление аккумулировало огромный материал касательно лексической репрезентации эмоций в различных лингвокультурах (исследование эмоциональных концептов Е. Ю. Балашовой, Н. В. Маркиной, Н. А. Красавского и др.).

Значительный интерес представляют работы семасиологического направления, в которых рассматриваются проблемы категоризации эмоций в языке, коннотативная сфера лексической семантики и ее соотношение с оценочностью и экспрессивностью, метафорические способы представления эмоций в языке (В. И. Шаховский, А. Вежбицкая, Ю. Д. Апресян, В. И. Телия, Н. Д. Арутюнова, Л. Г. Бабенко). Особое место в исследованиях этого направления занимает проблема типологии эмотивных значений.

В лексической системе языка можно выявить две группы слов, отображающих эмоциональную сферу человека. В терминологии Л. Г. Бабенко и В. И. Шаховского они получили название эмотивной лексики и лексики эмоций, что соответствует словам, выражающим эмоции, и словам, сообщающим об эмоциях, в работах В. Г. Гака.

В соответствии с подобным разграничением, В. И. Шаховский предлагает включать в состав эмотивной лексики только те слова, в семантике которых в качестве спецификатора различных эмоциональных состояний присутствуют эмотивные компоненты. В рамках этого подхода выделяются два различных статуса эмотивной семантики слова: 1) эмотивное значение, свойственное для слов-аффективов, выражающих эмоциональное состояние говорящего (бранная лексика, междометья и междометные слова); 2) эмотивная коннотация, сопровождающая логико-предметную номинацию и передающая эмоциональное отношение говорящего к объекту наименованияв целом или его признакам (коннотация может быть сосредоточена в семантике аффиксов или актуализировать переносное значение слова). Лексика эмоций, напротив, включает слова, непосредственно обозначающие различные эмоции, т. е. имеющие эмосему (обозначение, указание на эмоцию) в денотативной части значения.

Исключение лексики эмоций из разряда эмотивной лексики характерно для многих ученых (В. И. Шаховский, З. Е. Фомина, М. Д. Городникова), однако для комплексного анализа вербального выражения эмоций мы считаем необходимым принять точку зрения тех ученых, которые под лексическими эмотивами понимают всю совокупность лексических средств, реализующих явление эмотивности как в его экспрессивном, так в дескриптивном аспекте (О. Е. Филимонова, Л. Г. Бабенко, В. Г. Гак), что позволяет нам рассматривать слова, обозначающие эмоции, в качестве эмотивов.

Исследователь Л. Г. Бабенко предлагает разделять эмотивную лексику в зависимости от типа доминирующей эмотивной семы на категориально-эмотивную (эмотивы-номинативы с исходными эмотивными смыслами), дифферен-циально-эмотивную (лексические единицы, содержащие дифференциальную эмотивную сему, зависимую от категориальной эмотивной семы и уточняющую ее в различных семантических параметрах) и коннотативно-эмотивную (лексические единицы, эмотивные смыслы которых находятся за пределами логико-предметной части значения). Анализируя структуру лексического поля эмотивности в русском языке, автор отмечает, что именно категориально-эмотивная лексика составляет ядро этого поля (81 %), а коннотативно-эмотивная лексика находится на периферии (6 %). Учитывая этот факт, было бы ошибочно исключать эмотивы номинативы из числа эмотивной лексики.

Ученый В. И. Шаховский также указывает на то, что в условиях текста неэмотивные лексические элементы также способны заряжаться эмосемами под влиянием контекста. Ученый выделяет два вида контекстуальной семантики

словарных единиц: 1) экспликация скрытых, глубинных эмосем (к этой группе ученый относит, в частности слова, обозначающие эмоции, что, как мы уже показали, не совсем оправдано, учитывая эмотивно-денотативный компонент в семантической структуре этих слов); 2) наведение эмосем из контекста (когда слова не обладает своей эмосемой, но под воздействием контекста слово становится носителем эмотивного потенциала).

Мы полагаем, что эмотивность может реализовываться в лексических единицах с семами различного ранга: денотативных (категориальных и дифференциальных), коннотативных (дополнительных и конституирующих), потенциальных (ингерентных и адгерентных). Под денотацией в широком смысле мы понимаем сферу значения, ориентированного на отражение объективной действительности, в отличие от коннотации, направленной на говорящее лицо и коммуникативную ситуацию.

В качестве индикаторов эмоций в тексте могут также использоваться другие лексические единицы, которые не называют и не выражают эмоцию непосредственно, а представляют ее косвенно, путем описания. К такой лексике относятся все слова, репрезентирующее различные компоненты эмоциональной ситуации (причину, невербальные проявления, последствия переживаемого эмоционального состояния) (И. С. Баженова, А. В. Стародубцева).

Таким образом, можно обогатить процесс интерпретации эмоциональных переживаний в тексте за счет использования в анализе лингвистических средств выражения экспрессивности, имея, однако, в виду, что использование эмоциональных индикаторов в языке для передачи определенных смыслов всегда контекстуально. В последние время особую популярность получило дискурсивно-функциональное направление в изучении способов лингвистической репрезентации эмоциональных состояний человека. Объективная и представительная картина репрезентации эмоций в языке, учитывающая взаимодействие разнородных эмотивных элементов и отражающая специфику их использования в различных условиях общения и определенных видах дискурса, может быть получена при интеграции разноуровневых подходов к изучению языка эмоций в рамках единой концепции. Чтобы понять, каким образом вербальное выражение эмоций встраивается в коммуникативное событие, необходимо проанализировать это событие с точки зрения его структуры и норм, в соответствии с которыми оно реализуется. Это представляется сделать возможным только посредством дискурс-анализа, который представляет собой совокупность аналитических методов интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности людей, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях.

А. Б. Окаева

ЯЗЫК ВРАЖДЫ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА
(на материале англоязычных СМИ и социальных сетей)

В настоящее время словосочетание *язык вражды* активно используется как аналог английского термина *hate speech*. Имеются в виду выражения, подразумевающие отрицательную оценку всех представителей некоторой социальной группы, объединенной по признаку пола, расы, языка, этнического происхождения, политической, религиозной принадлежности или категории иного рода. Как и у многих современных социальных явлений, у этого понятия нет единого определения, принятого единогласно и разделяемого всеми исследователями.

Наиболее распространенным является подход, при котором высказывания, содержащие *язык вражды*, имеют четко выраженную негативную оценку, продвигаемую как нечто само собой разумеющееся. Как правило, такие определения находят свое отражение только в определенных социальных и политических кругах. Согласно Рекомендациям Комитета министров Совета Европы государствам-участникам по вопросам «разжигания ненависти», *язык вражды* можно охарактеризовать как «понятие, покрывающее все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями».

В документах ОБСЕ под *языком вражды* понимают «различные виды высказываний, которые основаны на враждебности, а также демонстрируют или разжигают враждебность по отношению к группе лиц (или к отдельному лицу по причине его принадлежности к этой группе)».

По мнению известного российского исследователя современного медиапространства И. Дзялошинского, термин *речевая агрессия* может служить аналогом понятия *hate speech*, поскольку под речевой агрессией можно понимать специфическую форму речевого поведения, которая мотивирована враждебным отношением говорящего к предмету беседы или собеседнику. Однако *язык вражды* не всегда можно легко определить, поскольку границу между оскорбительными эпитетами и относительно нейтральной характеристикой того или иного человека либо явления часто провести крайне сложно. Изменяются не только языковые нормы, но и политические и социальные форматы, лексическая единица меняет свою стилистическую окраску и то, что раньше было нейтральным, становится крайне грубым и абсолютно неприемлемым.

Принимая во внимание уровень развития цифровых СМИ и диапазон распространения социальных сетей, под определение *языка вражды* может попасть любое высказывание, фото- или видеоматериал, оскорбляющий, унижающий либо призывающий к насилию или иным другим действиям, направленным на явное ухудшение благосостояния конкретной группы людей, объединенных одним для них общим признаком. К сожалению, часто причиной для такого высказывания может быть бессознательная репрезентация тех мысленных концептов, которые сложились у говорящего, в силу его воспитания в определенной социальной среде в конкретной исторической эпохе.

Большинство развитых западноевропейских стран давно уже внесли в свое законодательство статьи, определяющие понятие *язык вражды* и регулирующие социальные нормы поведения в обществе. Стоит отметить, тем не менее, что США не имеют четкой законодательной позиции по данному вопросу, поскольку вопросы свободы слова и самовыражения, гарантируемые 1-ой поправкой к Конституции США, часто входят в противоречие с новыми законами, касающимися *языка вражды*. Отсутствие поддержки законов о *языке вражды* со стороны Верховного суда США, конечно, не ограничивает возможности обсуждения данного вопроса в американском обществе.

Например, 45-й президент США Д. Трамп многократно шокировал американское общество своими высказываниями. Печально известный Twitter-аккаунт Трампа стал наглядной демонстрацией того, как *не должен* высказываться политический лидер многонациональной страны. Разместив в своих Twitter и Facebook-аккаунтах расистское высказывание *When the looting starts, the shooting starts*, президент явно не ожидал, что придется давать объяснения. Это высказывание, использовавшееся в XX веке теми, кто поддерживал политику сегрегации в США, уходящее своими корнями во времена Движения за гражданские права и свободы чернокожего населения США, получило широкий резонанс в наши дни. Интересно, что шеф полиции Майами Уолтер Хедли использовал эту фразу в декабре 1967 на пресс-конференции, где обсуждались более жесткие меры, которые полиция планировала применить к протестующим темнокожим гражданам. Впоследствии фраза использовалась еще несколько раз, каждый раз вызывая возмущение либеральной общественности. В XXI веке использование данной фразы первым лицом государства привело к тому, что Facebook и Twitter должны были пересмотреть собственные меры противодействия распространению *языка вражды*, хотя само высказывание Д. Трампа не удалили, а аккаунт не был заблокирован. Ограничения по использованию Д. Трампом его Twitter-аккаунта вступили в силу только в начале 2021 года после атаки на Капитолий, которая, как полагали многие представители Демократической партии США, была спровоцирована очередной серией неоднозначных высказываний Д. Трампа в социальных сетях и на публичных выступлениях перед своими сторонниками.

В последнее время в англоязычной прессе *язык вражды* часто фиксируется в материалах, посвященных миграционным проблемам Европы. И хотя определенные термины не имеют четкой негативной коннотации, они могут приобретать ее в соответствующем контексте. Интересно, что в современных медийных текстах понятие *economic migrant* регулярно используется наряду с понятием *refugee*. Появление этой пары лексических единиц, которые не являются синонимами, можно объяснить теми ассоциациями, которые вызывают обе единицы. К сожалению, часто эти ассоциации также носят ярко выраженный негативный характер и влияют на формирование негативного образа носителя подобной характеристики.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что ситуация применения *языка вражды* в современном медийном пространстве зачастую не имеет ни географических, ни расовых, ни религиозных или иных границ, а объектом такой риторики может стать любой человек, оказавшийся в силу обстоятельств во враждебном для себя окружении.

Т. Н. Руденко

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КООПЕРАТИВНОЙ И КОНФРОНТАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

Как известно, в январе 2020 года Всемирная организация здравоохранения сообщила о первом случае смерти от COVID-19, к концу апреля 2021 года от этой болезни скончались более трех миллионов человек. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в своем выступлении перед членами Совета Безопасности ООН отметил, что пандемия стала испытанием эффективности международного сотрудничества, так как вирус вышел из-под контроля, это произошло из-за того, что мир не был готов проявить сотрудничество.

В самом общем смысле сотрудничество – тип взаимоотношений людей между собой в процессе деятельности, характеризующийся согласованностью, слаженностью мнений и действий. Сотрудничество с лингвистической точки зрения – такое коммуникативное взаимодействие, в котором серия вербальных средств используется для достижения определенного результата – стратегии. Стратегия сотрудничества – кооперация, кооперативная или мирная стратегия может быть реализована посредством тактик разъяснения и признания существования проблемы. Неготовность к сотрудничеству – конфронтация, некооперативная или агрессивная стратегия, представлена тактиками критики и комментирования, отражает неприятие оратором высказываний и поступков оппонентов и содержит их негативную оценку.

Демонстрацией как кооперации, так и конфронтации характеризуется текст обращения Дональда Трампа к нации 11 марта 2020 года. Это пример вдохновляющей речи публичной языковой личности, разновидности этико-психологического воздействия, целью которой является формирование необходимого эмоционально-волевого настроя аудитории.

В данной вдохновляющей речи 45-й президент США традиционно реализует такую культурную константу, как семиотическая оппозиция «свои – чужие», в которой место «своих» ассоциируется с верхней границей шкалы, а место «чужих» ассоциируется с нижней границей шкалы, что соответственно воспринимается как «правильно» и «неправильно».

В процессе удачного применения тактики разъяснения эксплицируется переоценка «своего» в результате номинации собственной роли употреблением местоимения первого лица в единственном числе: *After consulting with our top government health professionals I have decided to take several strong but necessary actions to protect the health and well-being of all Americans*.

С опорой на «свое», применяя тактику признания существования проблемы и придавая динамику своей позиции посредством использования именных групп (*frequent contact, full power, the American people*), качественных имен прилагательных (*frequent, full*) и положительно коннотативных глаголов (*marshal, protect*), политик блестяще реализует кооперативную стратегию: *We have been in frequent contact with our allies and we are marshaling the full power of the federal government and the private sector to protect the American people*.

Отождествление британцев со «своими» ввиду того, что американская внешняя политика традиционно определяет отношения с Великобританией как самые важные, вполне логично исключает Соединённое Королевство из беспрецедентного 30-дневного запрета въезда из Европы для всех лиц, не являющихся гражданами США: *These restrictions will … not apply to the United Kingdom.*

Откровенная недооценка «чужих» в лице ЕС и КНР свидетельствует о выборе конфронтационной стратегии в противовес диалогу и позволяет применить тактику критики с целью выставить предмет обсуждения в нужном свете: *The European Union failed to take the same precautions and restrict travel from China and other hotspots. As a result a large number of new clusters in the United States were seeded by travelers from Europe*.

Конфронтация реализуется и в создании образа внешней угрозы в результате использования тактики комментирования и применения таких приемов, как обличение, обвинение и устрашение при использовании отрицательно коннотативной оценочной лексики, в частности негативного эпитета (*horrible infection*), обстоятельства меры и степени (*dramatically*), что нагнетает атмосферу и создает в сознании американской нации предпосылку формирования образа дестабилизирующего и деструктивного «чужого»

Европейского Союза: *We declared a public health emergency and issued the highest level of travel warning on other countries as the virus spread its horrible infection. And taking early, intense action, we've seen dramatically fewer cases of the virus in the United States than are now present in Europe*.

Конфронтационная направленность обращения президента США к нации реализуется в номинации «чужих» путем использования приема обличения оппонента, а использование глаголов (*failed, were seeded*) продиктовано стремлением косвенно обвинить Европейский Союз и Китай в экспорте инфекции и усилить формируемый образ внешней угрозы, что говорит об откровенно конфронтационной направленности выступления и опосредованном манипулировании аудиторией путем апелляции к недостаткам «чужих».

Подводя итог, отметим, что именно семиотическая оппозиция «свои – чужие» выступает основанием для проявления диаметрально противоположных тенденций – кооперативной и конфронтационной составляющих в тексте вдохновляющей речи Дональда Трампа, так как в политической риторике текст призван оптимальным образом реализовать коммуникативную стратегию, а анализ текста открывает значительные возможности для понимания как мышления, так и социально значимых действий политика.

Е. А. Темник

ОРГАНИЗАЦИЯ И АКТИВИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Актуальность рассмотрения методологических аспектов самостоятельной работы студентов обусловлена тем, что в условиях социальноэкономических преобразований, осуществляемых в последние годы в Республике Беларусь, формирование внутренней потребности в самообразовании и саморазвитии становится не только требованием времени, но и условием реализации личностного потенциала. Решение задач современного непрерывного образования человека невозможно без повышения роли самостоятельной работы над учебным материалом в образовательном процессе.

Образование должно обеспечивать не только полноценное личностное, социальное, культурное развитие учащихся, но и готовность к дальнейшему развитию и самообразованию. Поэтому процесс обучения перестраивается так, чтобы обеспечить возможность и готовность осуществлять непрерывное автономное образование.

На современном этапе одним из направлений повышения качества образования в учреждении высшего образования является формирование у студентов навыков самостоятельной работы. Изучение иностранного языка на языковых факультетах невозможно без интенсивной самостоя-

тельной работы студентов, так как эффективное овладение иностранным языком предполагает не только умение самостоятельно поддерживать и пополнять свои знания, но и развивать свою коммуникативную и информационную культуру. Для этого необходимо научить студентов самостоятельно добывать, анализировать, структурировать и эффективно использовать информацию для максимальной самореализации.

Ряд исследователей под *самостоятельной работой* понимают целенаправленную, планируемую учебную, учебно-исследовательскую или научно-исследовательскую деятельность студентов, выполняемую по заданию и при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия. Ее выполнение требует достаточно высокого уровня самосознания, рефлективности, самодисциплины, личной ответственности, доставляет объекту обучения удовлетворение как процесс самосовершенствования и самопознания. Следует помнить, что преподаватель организует познавательную деятельность студентов, а студент сам осуществляет познание.

Структурно самостоятельную работу студента можно разделить на две части: 1) организуемая преподавателем и четко описываемая в учебно-методическом комплексе; 2) самостоятельная работа, которую студент организует без непосредственного контроля со стороны преподавателя.

Основными структурными элементами самостоятельной учебной работы студентов являются: различные виды самостоятельной работы во время практических занятий, внеаудиторная самостоятельная работа студентов, которая проводится ими после занятий по расписанию, контроль самостоятельной работы, который является основой и средством управления, самоконтроль студентов.

Основные уровни самостоятельной работы студентов:

– Репродуктивный уровень: выполнение заданий по образцу (решение ситуаций, выполнение упражнений с помощью известного способа; заполнение таблиц и т.д.). Цель – закрепление знаний, формирование умений, навыков. Познавательная деятельность студента проявляется в узнавании, осмыслении и запоминании. Самостоятельность учебной деятельности студентов на этом уровне минимальна, поскольку она строго регламентирована предъявляемыми ему указаниями и предписаниями.

– Реконструктивный уровень: реконструктивные самостоятельные работы, в ходе которых происходит перестройка решений, составление плана, тезисов, аннотирование. На этом уровне могут выполняться рефераты. Студент применяет известный способ (способы), с некоторой модификацией, в новой ситуации. Деятельность студента регламентируется и управляется преподавателем, однако в меньшей степени, чем на репродуктивном уровне. Следовательно, степень ее самостоятельности возрастает.

– Творческий уровень: творческая самостоятельная работа требует анализа проблемной ситуации и получения новой информации. Студент должен самостоятельно произвести выбор средств и методов решения (учебно-исследовательские задания, курсовые и дипломные проекты).

Планирование – один из важнейших компонентов системы управления самостоятельной работой студентов, обеспечивающий стабильные достижения в процессе обучения. Эффективность планирования зависит от его четкости и конкретности. Задачи планирования: определить полный объем информации по каждой дисциплине, выносимой для самостоятельной работы, установить оптимальный объем информации, подлежащий оперативному и текущему контролю (задание, тема, раздел курса), определить периодичность текущего контроля, разработать план-график самостоятельной работы, призванный обеспечить систематическую работу студентов над учебным и дополнительным материалом в течение всего учебного года.

Основным принципом организации самостоятельной работы студентов, как отмечает Ю. А. Гончарова, должен стать перевод всех студентов на индивидуальную работу с переходом от формального пассивного выполнения определенных заданий к познавательной активности с формированием собственного мнения при решении поставленных проблемных вопросов и задач. Принципами самостоятельной работы студентов являются: принцип интерактивности (определяет необходимость сотрудничества студентов и обмен информацией не только с преподавателем, но и с другими студентами), принцип индивидуализации обучения (проявляется в учете преподавателем индивидуально-психологических особенностей студента), принцип идентификации (обосновывает необходимость контроля самостоятельной работы студента), принцип регламентации обучения (отражает необходимость выбора стратегии и планирования самостоятельной работы), принцип опережающего обучения (обеспечивает направленность самостоятельной работы на активизацию, развитие мыслительной деятельности студентов, а также на формирование способности самостоятельно прогнозировать, выбирать и решать задачи, добывать знания), принцип обратной связи (позволяет своевременно обсуждать и корректировать проблемные вопросы), принцип внешнего контроля и самооценки (включает обмен информацией не только с преподавателем, но и с другими студентами), принцип научности (позволяет решать поставленные задачи на современном уровне научных знаний), принцип наглядности (предусматривает представление информации в доступном виде), принцип связи теории с практикой (дает возможность решать ситуационные задачи), принцип доступности и посильности самостоятельной работы, принцип учета трудоемкости учебных дисциплин и оптимального планирования самостоятельной работы, принцип прочности усвоения знаний.

Активизация самостоятельной работы студентов способствует приобретению новых профессиональных знаний, а также детерминирует становление студентов не только как реальных субъектов своего собственного развития, но и как субъектов образовательного процесса. Методами активизации самостоятельной работы студентов являются: метод индивидуализации домашних заданий и лабораторных работ, метод проектов, предполагающий распределение проектного задания между членами группы, привлечение студентов к чтению фрагментов лекции (15–20 минут) при их предварительной подготовке преподавателем, творческие и проблемные задания, внесение затруднений в типовые задачи, разработка комплексных учебных пособий для самостоятельной работы, сочетающих теоретический материал с решением практико-ориентированных заданий, подготовка презентаций, конспектов занятий, использование в образовательном процессе тестовых заданий для самоконтроля студентов.

Стимулы, способствующие активизации самостоятельной работы студентов: полезность выполняемой работы (важен психологический настрой студентов), участие студентов в творческой деятельности (научно-исследовательской или методической работе), интенсивная педагогика: предполагает введение в образовательный процесс активных методов, использование мотивирующих факторов контроля знаний, которые, при определенных условиях, могут вызвать стремление к состязательности, поощрение студентов за успехи в учебе и творческой деятельности.

Существенным условием эффективной самостоятельной работы является устойчивая мотивация. Наиболее эффективна дальняя мотивация, обусловленная перспективами дальнейшей профессиональной деятельности. При отсутствии мощной дальней мотивации надо искать ближнюю. Она может быть обусловлена: интересной подачей учебного материала, мастерством преподавателя, его личностными качествами, участием студентов в творческой деятельности, игровыми формами занятий, индивидуализацией всех форм занятий и контроля знаний, мотивирующими формами контроля знаний.

В. В. Хомич

ФОРМИРОВАНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Идея ассоциативности всегда была интересной и актуальной. До сих пор не существует единого определения ассоциации. Ассоциация – понятие абстрактное и достаточно субъективное, каждый видит в нем что-то свое, поэтому, давая определение ассоциации, каждый автор вкладывает в него собственное понимание процесса ассоциирования.

В настоящее время ассоциации изучаются в соотнесенности с тремя возможными способами их репрезентации: в системе языка, в структуре личностной языковой способности в качестве особого способа репрезентации языковой системы и в тексте.

«Любое слово всегда может вызвать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться», – писал Ф. де Соссюр. Действительно, множественные ассоциативные эксперименты в психолингвистической практике доказывают правоту этого высказывания. В сознании и даже подсознании каждого носителя языка для каждого слова присутствует определенный набор ассоциаций, активирующийся в момент появления стимула для ассоциативной деятельности.

В языковой системе отношения между словами достаточно свободны: использование каждого из слов может происходить независимо от его связи с другими словами. В тексте же все слова связаны, поскольку они употребляются в конкретном контексте, где появление одного слова может повлиять на раскрытие значения других слов, присутствующих в данном контексте.

В ментальном лексиконе (в нашем сознании) существуют тематические группы, в которых слова ассоциативно связаны друг с другом, так же, как они представлены в словарях и текстах.

При восприятии художественных текстов индивидуально-личностный фактор является очень важным. Несмотря на многие существующие стереотипы, ассоциации весьма индивидуальны, что затрудняет восприятие ассоциативной структуры текста, поскольку невозможно проникнуть в сознание каждого носителя языка и увидеть в нем отражение действительности.

При прочтении текстов в сознании возникает ассоциативная картина, читатель представляет текст в образах, но формирование этих ассоциативных образов зависит от различных факторов. Тексты читаются и воспринимаются разными людьми, они все интерпретируют предлагаемую автором информацию неоднозначно. Однако в тексте есть тема и идея, которые привлекают определенную группу людей, интересующихся именно этой проблемой. Тексты читаются миллионами людей на протяжении многих лет с целью получения информации, а также используются для различных лингвистических исследований. В отличие от научных текстов, чьи данные интерпретируются точно и практически однозначно, художественные тексты, с течением времени могут интерпретироваться по-разному. Так, прочитав один и тот же рассказ с интервалом в 10–20 лет, читатель может все воспринять по-другому. Герои и события могут казаться иными, и при повторном прочтении внимание обращается совсем не на те детали, которые привлекали внимание при первичной встрече с текстом, многое пересматривается, переоценивается.

Автор и читатель редко бывают знакомы лично. Их связывает та ассоциативная нить, которая возникает между ними в процессе порождения и восприятия художественных произведений.

Художественный текст во многом состоит из неожиданных, возникающих в сознании ассоциаций, связываясь между собой в определенные тематические группы, представляющие собой ассоциативные поля.

Благодаря этим ассоциативным полям в структуре текста мы видим развитие сюжета художественного произведения, противопоставление хорошего плохому, реального – нереальному. Это свойство ассоциативных полей особенно важно при создании художественного текста, его прочтении и восприятии.

Основная идея текста задает направление ассоциирования, и каждый исследователь при анализе того или иного текста опирается на те принципы, согласно которым он выделяет ключевые слова и моделирует их ассоциативные поля. Моделируемые поля в свою очередь отражают ассоциативную природу ключевых слов и разнообразие вызываемых ими ассоциаций.

Текстовые ассоциативные поля играют важную роль в лексической структуре текста, поскольку она включает ключевые слова и их ассоциативное окружение и выявляется в ходе анализа текста с точки зрения его ассоциативного наполнения. Текст рассматривается «как сложно организованная сеть ассоциатов, в образовании которой участвуют ассоциативно-смысловые поля ключевых слов, значимые для познавательной деятельности адресата». Отбор слов и их значений в тексте чрезвычайно важен для его лексической структуры, одним из главных компонентов которой являются ассоциативные поля, содержащие тематические группы и тематически организованные цепочки слов, благодаря которым и формируется ассоциативное восприятие всего текста.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИЛИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Булат Е. А., Золотарь А. Роль дискурсивных единиц
в испаноязычном политическом дискурсе 3
Жизневская О. Н. Номинации семейных ролей в медиатекстах Беларуси:
словообразовательный аспект 5
Каспирович Г. А. Слова-стереотипы в немецкоязычной рекламной лексике ... 8
Ключенович С. С. Неполная реализация
принципа линейного компрессирования в современном немецком дискурсе 11
Крохалева Л. С. Стилистические парадигмы исследования текста 13
Кунцевич С. Е., Латыголец Е. Блог как жанр
непрофессионального персонального интернет-дискурса Беларуси 15
Куценко Н. В. Косвенные директивные речевые акты
с семантикой упрека в немецком языке 18
Лавринович Н. В. Функциональный аспект
модализированных перформативных конструкций
с семантикой отказа в деловой корреспонденции
(на материале немецкого языка) 21
Назина Г. А. О разновидностях типичных тем
в ходе экспликации военно-политического конфликта
в англоязычном медиадискурсе 23
Рымкевич О. Е. Прагматическая реализация модальности ирреальности
в текстах СМИ (на материале немецкого языка) 25
Самойлович М. Н. Современное понимание эмотивности 27
Силаева Т. А. Антитеза как средство аргументации в СМИ 29
Тригубова Д. Л. Функционирование ономастических единиц
в текстах киноаннотаций 32
Труш Е. Н. Способы представления целевой аудитории
в немецкоязычных рекламных текстах 35
Шумская О. Н. Особенности речевого выражения
тактики диалогизации в публицистическом эссе
(на материале испанского и русского языков) 37
Якубёнок Л. М. Средства экспрессивности
в реализации тактик оправдания и дискредитации
(на примере немецкоязычных адвокатских речей) 40

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Булгакова М. П. Идентификация центральных
и периферийных элементов лексико-семантического поля 43

Бухаткина Е. А., Роскач В. А. Семантические особенности некоторых фразеологических единиц с компонентом *белый* в английском и итальянском языках 45
Войтович Ю. С. Лексические особенности испанского и португальского языков 48
Денисова И., Надумович Л. М. Неологизмы английского происхождения в русском языке рубежа XX–XXI вв. 50
Зубовский Е. Ю. Семантический потенциал английских компаративных прилагательных, производных от онимов 51
Иванова Т. С. Влияние экстралингвистических факторов на лексический аспект языкового материала 53
Кашевская А. С. Фразеологические единицы английского и немецкого языков с компонентом-наименованием лица по профессии: аксиологический аспект 55
Король Ю. А. Лексикализация как условие лексикографической фиксации новых производных слов 57
Котик Т. С. Об особенностях описания пространственных ситуаций с помощью производных глаголов с дейктическими отнаречными приставками в немецком языке 59
Кузьменко Н. В. Членение артефактов в современном английском языке 61
Курило Н. А. Семантическая деривация как один из основных способов образования названий брендов в английском языке 64
Кыран Айгюн, Урбанович И. Г. Астионимы в составе русских фразеологизмов 65
Михасенко Ф. Т. Итальянский язык социальных сетей 67
Никитенкова К. Г. Полисемия вторых именных переходных компонентов (на материале немецкого языка) 69
Пушкина О. А. Негативная оценка лиц мужского пола (на материале испанского языка) 71
Туровец В. С. Субстантивные составные номинативные единицы и подходы к их определению 73
Урбанович И. Г., Салаева Г. Колоративы в произведении Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» 76
Урбанович И. Г., Хафифташ Р. Фразеологизмы с компонентом *именем собственным* в турецком языке 78
Харитончик З. А. Коррелятивные атрибутивные конструкции в русском и английском языках 80
Христо А. А. Оценочные компоненты в семантике наименований лиц по признаку ‘возраст’ в современном английском языке 82
Цеханович И. Г. О влиянии лексико-семантических характеристик имен существительных на выбор стратегий их обыденной семантизации 84

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Богданова Н. А. Сильные позиции текста
как показатель жанровой текстовой синонимии:
опыт логико-семантического моделирования 87
Василевская В. А., Василевская В. М. Преимущества лонгрида
как современного средства обучения 90
Василенко Е. С., Марковская Е. В., Шалимо Н. В. Самостоятельная работа
студентов в системе лингвистического образования 91
Детскина Р. В., Антоник К. П. Подходы к фильтрации
содержания документов в Интернете 94
Жданович А. Е. Использование корпуса параллельных текстов
для автоматического перевода устойчивых словосочетаний 97
Жданович М. А. Принципы создания
компьютерных терминологических словарей 99
Зыгмантович Н. В. Автоматическое извлечение терминов
из научно-технических текстов 101
Ильина Е. И. Особенности языковой игры в телевизионной рекламе 103
Крапивин Ю. Б., Степанова Д. В. Особенности гибридной модели
машинного перевода 106
Макарыч М. В. Лексікаграфічныя асаблівасці стварэння
тэрміналагічнага англійска-беларуска-рускага слоўніка 109
Марковская Е. В., Василенко Е. С., Шалимо Н. В. Дистанционная система Moodle:
основные достоинства и недостатки 111
Филимонова Т. А. Технологии создания электронных учебников 114
Филипчик В. М. Место прилагательного в сочетании с существительным
в польском языке 116
Челик Дж. К вопросу об отличиях традиционного
и электронного типов словарей 119
Шалимо Н. В., Василенко Е. С., Марковская Е. В. Сотрудничество между
преподавателем и студентами 121
Швец Н. Г. Специфика восприятия
невербальных составляющих рекламного сообщения 123

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Авраменко В. И. Роман «Алина и Валькур»
в контексте творчества маркиза де Сада 127
Барычэўская Т. Г. Біяграфічны кантэкст твораў Х. Цузанека 130
Букаев Д. А. Культура отмены и ее влияние на литературный процесс 133
Вильчинская А. В. Образы героев в романе о власти Р. П. Уоррена
«Вся королевская рать» 135
Жданова Н. Ю. Место комического в литературе Великобритании 138

Жлобо Н. Э. Поэтика магического реализма в творчестве Г. Нейлор 141
Жук А. С. Особенности психологии подростков в романах «Странный случай с собакой в ночное время» М. Хэддона и «Лужок черного лебедя» Д. Митчелла 144
Климович Е. А. Поэтика абсурда в драматургии Ж. Жене 148
Копытко Н. В. Традиции классического реализма в романах современных американских писательниц 150
Кудрявцева И. К. Интертекстуальные аспекты романа Р. Рэша «Серена» ... 153
Курыпка М. А. Альтэрнатыўная гісторыя Другой сусветнай вайны ў англійскай літаратуры 156
Ломако Э. В. Образ Франции в эссеистике Дж. Фаулза 158
Марутич Е. И. The Representation of Female Protagonist Diversity as Depicted in the Short Stories by Maeve Binchy 161
Марутич Е. И., Камейко А. А., Мозджер П. А. Мастерство и излюбленные приемы создания интриги в произведениях малой формы Р. Даля 164
Минина В. Г. Хронотоп романа К. Аткинсон «Жизнь после жизни» 167
Мобаракабади Э. Счастливые и несчастливые семьи в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» 170
Первушина Л. В. Реализм как метод создания художественного бытия в поэзии Р. Крэйка 173
Рогачевская М. С. Британская литература XXI века: поиск смыслов 176
Садовская Е. Ю. Преемственность и противостояние поколений в современной художественной литературе 178
Сержант Н. Л. Жанровые модели современного романа воспитания 181
Стулов Ю. В. Вглядываясь в городское пространство Нью-Йорка: роман Т. Коула «Открытый город» 183
Судленкова О. А. Место и роль фотографии в романе И. Макьюэна «Амстердам» 186
Tarek Alshikh Kheder. Place and Space in Literature 189
Шудейко М. Н. К вопросу о классификации малой прозы 192
Яо Юань. Концепция «американской мечты» и «Американцы без документов» (на материале книги К. Вильявисенсио «Американцы без документов») 194

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Аникеева Т. В. Системная организация прецедентных феноменов современного художественного текста 198
Грищенко Н. М. Миф и символ в тексте испанской культуры (на примере архитектуры А. Гауди) 201

David Santamaría Mariscal. El judeoespañol (ladino):
la lengua de los judíos sefardíes 203
Детскина Я. С. Художественно-публицистические жанры медиадискурса 206
Иватович-Бабич В. Т. Универсальные и национальные аксиологические
установки во фразеологической картине мира 209
Каминская И. С. Пейоративные номинации
в составе ассоциативного поля к антропонимам
(на материале «Русского ассоциативного словаря») 211
Козлова Т. А. Лексико-семантические области –
источники наименований моральных качеств:
сопоставительный аспект 213
Колесник С. А. Роль эллинизмов в испанском языке 216
Крот Л. Г. О динамическом характере внутренней формы слова 217
Куц А. А. Особенности сопоставления семантики слов,
объективирующих понятие *победа*
в английском, белорусском и русском языках 220
Надумович Л. М., Дамла Сюзьен. Активные процессы
в разговорной лексике современного русского языка 224
Надумович Л. М., Тан Ахмет. Способы перевода
художественно-изобразительных средств в произведениях А. П. Чехова
(на материале оригинального и переводного текста) 226
Надумович Л. М., Рахманова Мавлюда. Молодежный сленг
как динамическая система в функционально-стилистическом,
структурном и семантическом аспектах (на материале словарей) 228
Павлоцкая И. В. Конкурс «Spelling Bee» как способ формирования
лингвокультурологической компетенции 231
Рживуцкая А. В., Полетаева О. А. Метафора в новостном дискурсе
(на материале китайского и русского переводного текста) 233
Романовская А. А. Интертекстуальная функция античного символа
в художественном тексте 236
Соловьёва М. А. Рефрейминг как трансформация
концептов лингвокультуры 238
Фоменко В. В. Репрезентация понятия *здравый смысл*
в английской и русской лингвокультурах 241
Чернышова Л. В. Аксиологический потенциал заимствований: *локдаун* 244
Шестакова Е. В. К вопросу об изучении категории оценочности
в институциональном дискурсе
(на материале английского и русского языков) 247

Круглый стол
«СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ»

Бекреева Ю. В. Пропозициональная модель
как способ описания глагольного значения 251
Волковинская Н. А. Психолингвистическое описание
семантической области (на материале английского языка) 254
Зинина О. А. Концепт «tea» как компонент
английской национальной культуры..... 256
Кардубан Ю. М. Семантызацыя англійскіх фразавых дзеясловаў:
лексікаграфічны аспект 257
Кротюк Е. В. Эвфемия и дисфемия
в современном политическом дискурсе..... 260
Курилович О. Ф. Гендерная толерантность и значение слова 262
Лойша М. М. Структурно-морфологические характеристики
личностно-смысловой организации автобиографического нарратива..... 263
Масленченко Н. А. Лексические подходы
к изучению категории эмотивности.....265
Окаева А. Б. Язык вражды в современных медиа
(на материале англоязычных СМИ и социальных сетей)..... 268
Руденко Т. Н. Лингвопрагматические средства актуализации кооперативной
и конфронтационной составляющих политической риторики 270
Темник Е. А. Организация и активизация
самостоятельной работы студентов 272
Хомич В. В. Формирование ассоциативного восприятия
художественного текста 275

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

15–16 апреля 2021 года

В пяти частях

Часть четвертая

Ответственный за выпуск *Е. И. Будникова*

Редактор *Е. И. Ковалёва*
Компьютерная верстка *Е. А. Запеко*

Подписано в печать 28.12.2021. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 16,51. Уч.-изд. л. 19,01. Тираж 100 экз. Заказ 60.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.